

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
НАУК ИНСТИТУТ ВОСТОК

**В.Я. Белокреницкий, В.Н.
Москаленко, Т.Л. Шаумян**

Б43 Южная Азия в мировой политике. — М.: Междунар.
отношения, 2003. — 368 с.

Южная Азия находится в центре мировой политики из-за продолжающегося уже более полувека конфликта интересов между Индией, второй по величине населения страной мира, и Пакистаном. Вместе с тем в Южной Азии созданы основы регионального сотрудничества. Авторы монографии прослеживают этапы формирования региональной подсистемы международных отношений, анализируют ее современное состояние и перспективы. Подробно рассмотрены истоки коллизии в индийско-пакистанских отношениях, связанные со спором о принадлежности Кашмира, а также проблема ядерного оружия, политика Индии и Пакистана в афганском вопросе и их отношения с Россией.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1. Этапы формирования южноазиатской системы государств и ее современное состояние	15
ГЛАВА 2. Геополитические устремления и региональная внешняя политика Индии	43
ГЛАВА 3. Геополитическое положение Пакистана и его региональная внешняя политика в период холодной войны	71
ГЛАВА 4. Перспективы и проблемы сотрудничества в Южной Азии	141
ГЛАВА 5. Спор о принадлежности Кашмира: у истоков проблемы	155
ГЛАВА 6. Ситуация внутри и вокруг Кашмира в постбиполярную эпоху	177
ГЛАВА 7. Ядерное оружие в Южной Азии	211
ГЛАВА 8. Глобализация и страны Южной Азии	257
ГЛАВА 9. Политика Пакистана и Индии в афганском вопросе	279
ГЛАВА 10. Проблемы Южной Азии и национальные интересы России	323
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	347
SUMMARY	353
Библиография	357

ВВЕДЕНИЕ

В соответствии с установившейся терминологией под Южной Азией имеется в виду геополитический регион, состоящий из семи государств — Индии, Пакистана, Бангладеш, Непала, Шри-Ланки, Бутана и Мальдивов. В географическом отношении он состоит из южной полуостровной части Азиатского или Евразийского континента с прилегающими к нему материком и островами Индийского океана. Центральное место на южноазиатском политическом пространстве занимает Индия, одна из двух (вместе с Китаем) крупнейших по численности населения стран мира (свыше 1 млрд. человек). С демографической точки зрения регион относится к числу самых «насыщенных». Плотность населения в Бангладеш близка к 1 тыс. человек на 1 кв. км, что является абсолютным рекордом для больших и средних по численности жителей государств мира. По общей величине населения Южная Азия, рубежи которой в основном совпадают с границами единого до 1947 г. имперского образования (Британской Индии), превосходит Китай (1,4 против 1,3 млрд. человек).

Республика Индия, как с демографической, так и с географической точек зрения, составляет эпицентр региона. Она единственная из всех региональных государств граничит по суше или морю со всеми остальными странами, в то время как ни одна другая пара государств не имеет общей сухопутной границы.

Южная Азия — весьма компактный в географическом отношении регион, имеющий явно выраженные «естественные» границы. Ими являются просторы Индийского океана на юге и высочайшие горные цепи мира — Гималаи и Гиндукуш — на севере. Определенная изолированность южной оконечности Евразии отразилась на ее исторической судьбе. В течение длительного времени там развивалась самобытная, до известной степени оторванная от других очагов цивилизации индоарийская культура. Ее обособленность периодически нарушалась вторжениями людских масс с запада и северо-запада. Именно оттуда, в основном в начале нынешнего тысячелетия, проникло на субконтинент влияние сложившейся в пустынях Ара-

вии иной религиозно-культурной системы — ислама. Нарушенная в результате этого гомогенность отразилась на политических судьбах региона в XX веке. Она оказалась подоплекой его геополитического раскола на две части — главную, индусскую (индуистскую) в своей основе, и периферийную, мусульманскую.

Более чем полувековое существование субконтинента в политически разобленном виде было отмечено значительной напряженностью в отношениях между двумя наиболее крупными государствами — Индией и Пакистаном. Четыре или даже пять раз — в 1947–1948 гг., 1965 г. (дважды), 1971 г. и 1999 г. — между ними происходили вооруженные конфликты различных масштабов и интенсивности. Наиболее крупная война 1971 г. завершилась новым разделом на субконтиненте — образованием на месте восточной провинции Пакистана независимого государства Бангладеш.

Межвоенные периоды отличались в целом неровными отношениями, взаимными обвинениями в поддержке и поощрении экстремистских и сепаратистских сил и контробвинениями в нарушении прав человека и подавлении движений за национальное самоопределение. Кроме того, имели место пограничные столкновения и кризисные ситуации, когда стороны, казалось, стояли на грани полномасштабной войны. Наряду с этим обе страны проявляли значительную дипломатическую активность, направленную на разрешение сложных проблем в двусторонних отношениях и создание системы многостороннего сотрудничества в рамках Южноазиатского региона.

Текущий период отличается сохранением элементов конфликтности в индийско-пакистанских связях. Камнем преткновения остается проблема Кашмира. С 1989 г. в индийском штате Джамму и Кашмир не прекращается поддерживаемая Пакистаном вооруженная борьба исламских экстремистов и кашмирских националистов под лозунгами самоопределения. Несмотря на присоединение Индии и Пакистана после сентября 2001 г. к контртеррористической операции, обстановка в Кашмире не изменилась и отношения между двумя соседними государствами остаются весьма напряженными, а временами — открыто враждебными.

Положение осложняется тем обстоятельством, что в мае 1998 г. сначала Индия, а за ней Пакистан провели серию подземных ядерных испытаний и превратились в ядерные державы, хотя и не признанные мировым сообществом. Успешно проведенные в последующие годы работы по строительству ракет различной дальности привели к формированию стратегических ракетно-ядерных сил в обеих странах.

Наблюдатели и аналитики по-разному оценивают будущее региона и угрозу, которую несет развитие ситуации в нем для местной и глобальной безопасности. Есть мнение, что Южная Азия относится

к самым взрывоопасным ареалам, где в перспективе реально может произойти вооруженный конфликт с применением ядерного оружия. При этом он не приведет к тотальной катастрофе, так как накопленного оружия для этого явно недостаточно. Другой взгляд состоит в том, что атомная бомба сыграет роль эффективного сдерживающего фактора, какую она сыграла в эпоху холодной войны на глобальном уровне. Считается, что в результате последних подвижек между Индией и Пакистаном достигнуто определенное военно-стратегическое и политико-психологическое равновесие и это уменьшает риск возникновения острых конфликтных ситуаций, создает условия для улучшения перспектив сотрудничества и конструктивного взаимодействия.

Как та, так и другая точки зрения находят отражение в российской специальной аналитической литературе и массовой информации. Для России, разумеется, безразлично, в каком направлении будут развиваться события в Южной Азии. Она, как известно, является крупным поставщиком различного рода тяжелого вооружения Индии, оказывает ей содействие в совершенствовании военной промышленности, прежде всего авиационной, а в последнее время и ракетной. При этом нельзя исключить возможное влияние такой политики на состояние не только региональной, но и внерегиональной, глобальной безопасности.

Даже если не принимать во внимание крайние варианты, вопрос о развитии геополитической ситуации в Южной Азии имеет для Москвы немалое практическое значение, вытекающее из заинтересованности в укреплении разнообразных связей с ведущими государствами региона, усилении в них своего влияния и экономических позиций. Важно поэтому знать, до какой степени непротиворечивыми являются цели развития отношений с ними, можно ли строить планы взаимодействия на многосторонней основе, существует ли перспектива оказания Москвой помощи в урегулировании региональных споров и создании в регионе прочной системы безопасности и сотрудничества.

В предлагаемой читателю книге рассматривается широкий круг вопросов и проблем, связанных с ролью и местом Южноазиатского региона в современной мировой политике. При этом авторы старались оценить значение этого комплекса тем и сюжетов для России. Авторы вместе с тем не ставили перед собой цели проанализировать в систематизированном и последовательном виде проблематику отношений СССР/России со странами региона. Нужно также отметить, что в книге представлена одна из существующих в российской академической науке неофициальных точек зрения на проблемы Индии, Пакистана, всего региона Южной Азии.

Монография состоит из десяти глав, введения и заключения. В первой главе рассмотрены основные этапы формирования, а так

же современное состояние южноазиатской подсистемы международных отношений. Основное внимание уделяется политике главных «игроков», Индии и Пакистана, прослеживается складывание военного, экономического и политического потенциалов, характеризуются основные направления их региональной и глобальной внешней политики. Авторы выделяют три главных периода в геополитическом развитии региона: первый — с 1947 по 1971 г., второй — до 1989 г. и третий — современный. Внутри первого из них, закончившегося отделением Бангладеш от Пакистана, просматриваются подпериоды, водоразделом которых служит индийско-китайский пограничный конфликт осени 1962 г. Второй период менее острых отношений между Индией и Пакистаном подразделяется на этап до начала войны в Афганистане на рубеже 70–80-х годов и после него. В нынешнем периоде авторы выделяют главным образом две вехи — ядерные испытания Индии и Пакистана в 1998 г. и международную операцию по борьбе с терроризмом после трагических событий 11 сентября 2001 г.

Во второй главе анализируется внешняя политика Индии, главным образом на этапе холодной войны и преимущественно в ее региональном преломлении. Представлена точка зрения на особенности внешнеполитического курса Дели, связанные с именами М. Ганди и Дж. Неру. Прослежена трансформация этой линии из по большей части морально-идеалистической в реалистическую, базирующуюся на окрепшем военно-экономическом основании. Здесь же представлены контуры главных проблем, существующих в системе связей Индии с Пакистаном и другими соседями по региону — Бангладеш, Шри-Ланкой, Непалом, Бутаном и Мальдивами. Отдельное место занимает анализ связей Индии с Китаем, а также США и СССР.

Третья глава посвящена подробному рассмотрению внешней региональной политики Пакистана в эпоху холодной войны. Авторы останавливаются на специфике геополитического положения Пакистана, роли и значении для него военно-стратегического союза с США, его отношениях с СССР через призму главных для него соображений государственной независимости и территориальной целостности. Авторы исходят из того, что Пакистан изначально пытался конкурировать с Индией по всем направлениям и тем в значительной степени осложнил свое положение, потерпев от Индии ряд чувствительных поражений. В 40–70-х годах он к тому же подвергался давлению со стороны королевского Афганистана. В дальнейшем после превращения Афганистана в арену глобального конфликта Пакистан получил возможность проводить наступательную внешнюю политику. В главе детально прослежены ее индийское и афганское направления, отношения Пакистана с Китаем, а также Ираном и Бирмой.

В четвертой главе оцениваются перспективы и ограничители конструктивного взаимодействия в рамках Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК). Выявлены истоки и этапы формирования и эволюции этого регионального объединения, отмечены многочисленные проблемы и объективные препятствия, стоящие на пути его превращения в действенную организацию, успешно решающую задачи взаимовыгодной кооперации.

Пятая глава посвящена истокам кашмирской проблемы, то есть возникшему в 1947 г. спору вокруг государственной принадлежности тогдашнего княжества Джамму и Кашмир. При трактовке этого вопроса авторы учитывают новые точки зрения, выдвинутые в научной литературе за последние 10–15 лет. Главное внимание уделяется первому периоду противостояния между Индией и Пакистаном по поводу судьбы Кашмира, который завершился подписанием в 1972 г. соглашения в Симле. В главе излагается позиция СССР по Кашмиру и дается оценка роли, которую сыграла Москва в ходе обсуждений кашмирского вопроса в ООН.

В главе шестой проанализирована ситуация в Кашмире и вокруг него на современном этапе, по окончании глобальной конфронтации. В истории спора вокруг Кашмира это — второй период, начавшийся с обострения внутривнутриполитической обстановки в индийском штате Джамму и Кашмир в 1989 г. В главе отмечается острый кризис в индо-пакистанских отношениях в 1990 г., характеризуются усилия индийских властей по нормализации ситуации в штате, что сделало возможным ослабление напряженности между Индией и Пакистаном в середине 90-х годов. Авторы подробно описывают последний вооруженный конфликт между двумя странами, имевший место в Кашмире в 1999 г. Рассматриваются различные версии его причин, а также влияние на внутривнутриполитическую жизнь в обеих странах.

Седьмая глава посвящена проблеме нуклеаризации Южной Азии. В ней прослежены этапы формирования ядерных потенциалов Индии и Пакистана, анализируются причины их стремления выйти на уровень обладания ядерным оружием и эффективными средствами его доставки. В главе охарактеризованы программы обоих государств в области атомной науки и энергетики, их военно-ядерные доктрины, оценены возможности по производству высокообогащенного урана и оружейного плутония, строительству и приобретению ракет и самолетов, необходимых для применения атомного оружия. Проанализирована позиция Индии по вопросу о подписании международных договоров о нераспространении ядерного оружия и всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Оценена официальная точка зрения Пакистана по тем же вопросам. Рассмотрены последствия перехода Индией и Пакистаном «ядерного рубикона», проведения ими подземных испытаний ядерных устройств, накопления боезарядов и усовершенствования средств

нападения. Сделан акцент на сдерживающем значении ядерного оружия.

В восьмой главе авторы дают характеристику месту стран Южной Азии в современном мире. На базе позднейших статистических данных показано относительное положение региональных стран по основным социально-демографическим, экономическим и военнотехническим параметрам. Главное внимание уделено Индии как доминирующей региональной и крупнейшей азиатской, мировой державе. Темпы и особенности ее развития в последнее десятилетие сопоставляются с соответствующими показателями по Китаю.

Анализ места стран Южной Азии в главе производится под углом зрения их втянутости в современные процессы глобализации и поиска ими национальной идентичности.

Девятая глава посвящается афганскому вопросу как одному из важнейших аспектов региональной внешней политики Пакистана и Индии. Дан анализ особенностей афганской политики как того, так и другого государства преимущественно в 80–90-х годах XX века, когда военные действия в Афганистане не прекращались и привлекали пристальное внимание всего мирового сообщества. Подробно рассмотрена политика двух стран в период пребывания у власти в Кабуле режима «Талибан», отмечены разность и даже противоположность подходов Исламабада и Дели к афганским делам. После разгрома талибов в 2001 г. в политике Пакистана произошли радикальные перемены, но, как показано в главе, противоречия между ним и Индией по проблемам, связанным с Афганистаном, сохраняются.

В десятой главе авторы обращаются к кардинальным проблемам Южноазиатского региона, делая попытку рассмотреть их с позиции национальных интересов России. Наибольшее место отведено проблеме безопасности в связи с превращением региона в ядерный. Авторы не склонны ни преувеличивать, ни преуменьшать возникшие из-за нуклеаризации Южной Азии угрозы для стран и народов самого этого региона и ряда соседних с ним ареалов включая Центральноазиатские республики СНГ и южные районы Российской Федерации. Проблема гонки вооружений и ракетно-ядерных потенциалов Индии и Пакистана приобретает серьезные размеры из-за наличия трудноразрешимого спора по поводу Кашмира. Авторы характеризуют также некоторые гуманитарные проблемы региона, такие как распространение наркотиков, рост терроризма и контрабанды оружия, усиление бесправия масс и нищеты как внушающие опасения российских официальных кругов и общественности. В заключительном разделе подводятся основные итоги исследования, представлена сводная оценка динамики развития геополитической ситуации в Южной Азии, отмечены некоторые внутренние факторы, которые будут, скорее всего, воздействовать на внешнюю

политику Индии и Пакистана в будущем. Общий вывод сводится к тому, что в перспективе сохранится напряженность в отношениях между двумя странами-антагонистами при меняющейся под воздействием разнообразных факторов ее степени. Трудно ожидать также значительного прогресса на пути развития регионального сотрудничества — скорее Южная Азия будет постепенно втягиваться во взаимодействие на более широком региональном уровне, в рамках кооперации государств Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего Востока и Евразии.

Этапы формирования южноазиатской системы государств и ее современное состояние

Образование системы новых независимых государств в Южной Азии датируется августом 1947 г., когда правительство Великобритании передало функции управления самой известной, обширной и стратегически важной из своих колоний в руки местной элиты. В ходе массовых политических кампаний 20–40-х годов произошло расслоение движения за достижение независимости на два основных потока — общеиндийский, с опорой на индусское большинство, и мусульманский.

С учетом этого раскола и по ряду других обстоятельств ведущие британские политики и высшие чиновники заняли различные позиции по вопросу о независимости Индии. Консервативная школа (и одноименная партия) исходила из тезиса о неподготовленности условий для передачи власти. Она придавала большое значение противоречиям между интересами религиозных общин, ориентировалась на сохранение решающего влияния Лондона с помощью игры на культурно-политической разобщенности Индии. Либеральная школа (и представлявшая ее в то время на политическом Олимпе рабочая, лейбористская партия) опиралась на представления о готовности индийской общенациональной элиты взять на себя функции непосредственного управления страной, рассматривала Индию в качестве по преимуществу единого политического целого, которое образовалось на определенной исторической основе благодаря прогрессивной колониалистской деятельности Англии. Придя к власти летом 1945 г., лейбористское правительство К. Эттли приняло решение о возможно более скором уходе из Индии. Его желание расстаться с бременем забот по управлению колонией сочеталось со стремлением сохранить прочные связи и симпатии в среде местных политиков и тесную межгосударственную ассоциацию. Формой связи с метрополией была к тому времени уже опробованная модель преобразования колонии в доминион¹.

Действия английских администраторов в Индии в 1946–1947 гг. определялись этим стремлением лейбористского кабинета минист-

ров осуществить передачу властных полномочий с наименьшими потерями для своего престижа с учетом сложившейся в колонии политической реальности. Итогом этих усилий было сохранение относительного государственно-политического единства Индии, то есть недопущение ее раздробления на множество политических образований, но с разделом на два доминиона.

Их образование создало новую геополитическую конструкцию на южной оконечности Азии (Евразийского континента). В 1948 г. с предоставлением Англией независимости Цейлону система приобрела свое «морское» продолжение, а еще одним ее государственно-политическим расширением в зону Индийского океана стала с 1965 г. Мальдивская Республика. Расположенные в Гималаях Королевства Непал и Бутан образовали своего рода «горное» обрамление системы. В ее внешние буферные звенья превратились Бирма на юго-востоке, находившаяся в составе Британской Индии до 1935 г., и Афганистан на северо-западе, освободившийся от полуколонияльной зависимости от Англии в 1919 г.

Весь период геополитической эволюции бывшего британского полукоонтинента Индостан во второй половине XX века можно разделить на два этапа, протяженностью каждый примерно в четверть века. Основным содержанием первого из них (1947–1971 гг.) нужно считать стремление Индии к консолидации своего доминирующего положения в регионе и попытки Пакистана сохранить государственную идентичность и целостность, поддерживая с Индией относительный паритет. Первый период завершился успехом усилий Индии по укреплению позиций в регионе и неудачей Пакистана, потерявшего свою восточную провинцию, которая превратилась в независимое государство Бангладеш. Пойдя на оказание решающей поддержки силам, выступавшим за государственное обособление провинции Восточный Пакистан, Дели добился безоговорочной победы, которая была закреплена индийско-пакистанским соглашением, подписанным в Симле в 1972 г.

Первый период распадается на три подэтапа — начальный, с момента образования региональной системы государств в 1947–1948 гг. до 1954–1955 гг.; средний, завершающийся индийско-китайской пограничной войной 1962 г.; и заключительный, отмеченный двумя индо-пакистанскими войнами.

Характерно, что первая наиболее драматическая четверть века в истории региона пришлось на эпоху наиболее острого противостояния в мире между двумя политико-идеологическими системами, возглавляемыми США и СССР.

Выделенные нами подпериоды в значительной степени совпадают также с вехами глобальной холодной войны². Вместе с тем южноазиатский регион никогда в течение 25 лет не попадал в геополитический эпицентр противоборства сверхдержав. Более того,

его проблемы нередко не столько разводили их позиции и интересы, сколько позволяли им взаимодействовать, демонстрируя возможности получения обеими сторонами определенных частных выгод при сохранении разных внешнеполитических ориентаций и различия в позициях по другим вопросам мировой политики.

В конце 40 — начале 50-х годов главными аренами глобального противостояния выступали Европа и Дальний Восток, то есть западная и восточная оконечности сердцевинного в мирополитическом отношении Евразийского материка. Его южный полуостров располагался между двумя этими ключевыми ареалами.

Его геополитическое значение определялось прежде всего соседством с северным и восточным континентальными странами, СССР и КНР. Вплоть до середины 50-х годов они воспринимались как во многом совокупное геополитическое пространство, объединенное приверженностью общей идеологии. Тесное взаимодействие двух держав было продемонстрировано в ходе войны в Корее 1950–1953 гг. Наблюдавшаяся в тот период выраженная сухопутная ориентация силовых геополитических полей делала второстепенной морскую роль субконтинента. Геоэкономическое его значение было крайне невелико из-за отсутствия крупных запасов полезных ископаемых. В этом отношении регион явно уступал примыкавшему к нему с запада Ближнему и Среднему Востоку, где в зоне Персидского залива добывалась значительная часть поступающей на мировой рынок сырой нефти. К тому же главные пути ее транспортировки еще не пролегли в 40–50-е годы близ берегов Индостанского полуострова по направлению к Японии и Тихому океану.

Менее периферийным было положение региона с точки зрения обострившейся в конце 40 — начале 50-х годов идеологической борьбы в мире. План Маршалла и создание НАТО помогли стабилизировать ситуацию в Европе. В то же время успех в борьбе за власть в Китае Компартии во главе с Мао Цзэдуном продемонстрировал потенциал коммунистической идеологии за ее пределами. Крупнейшей после Китая азиатской страной по праву считалась Индия. Ее освобождение от колониальной зависимости путем превращения в два Британских доминиона рассматривалось в СССР в соответствии с леворадикальной геоидеологической парадигмой как победа реакционных классовых сил. По этой причине отношения между Москвой и Дели на первом этапе холодной войны (особенно в 1947–1951 гг.) складывались вяло, несмотря на явное стремление индийского правительства, возглавляемого Дж. Неру, к установлению дружественных контактов. Отрицательно сказывалась на двусторонних связях развернувшаяся в ряде районов Индии вооруженная борьба леворадикальных группировок с правительством и ответные его преследования коммунистов, пользовавшихся моральной поддержкой Москвы.

Еще более прохладным с самого начала было отношение руководства СССР к «отколовшемуся» от Индии доминиону Пакистан. Можно предположить, что в основе такого восприятия лежало несколько причин. Во-первых, идейные, связанные с представлением о еще большей, чем в Индии, социально-экономической незрелости Пакистана, отсутствии там сколько-нибудь крупных и организованных отрядов рабочего класса и слабости левых политических сил. Непонимание и неприятие вызывали, очевидно, и принципы образования страны по религиозному признаку. Во-вторых, геополитические соображения, вытекающие из расположения новой страны в непосредственной близости от южного края советского геополитического пространства, включавшего в то время Афганистан как отчасти контролируемый Москвой буфер (пограничное поле влияния).

Сочетание геополитических и идеологических факторов вместе с ограниченными тогда экономическими возможностями СССР способствовали нейтрально отстраненному отношению Москвы к субконтиненту, несмотря даже на то, что складывание там новых национально-государственных образований привело к интернационализации проблемы взаимоотношений между ними в связи с военными действиями в самом северном (и стратегически наиболее существенном для СССР) высокогорном Кашмире.

Придание спору вокруг Кашмира международного статуса произошло в немалой степени вследствие стремления королевского правительства Великобритании избежать «единоличной» за него ответственности. Оно постаралось «втянуть» в дела субконтинента США и признающую их лидерство часть мирового сообщества.

Английская дипломатия также приложила усилия, чтобы не допустить отклонения курса внешней политики Пакистана от безоговорочной ориентации на западное сообщество, нейтрализовав, в частности, эффект от приглашения посетить Москву, переданного в июне 1949 г. советским руководством премьер-министру страны Liaquat Ali Khan³. В советском предложении просматривались желание ослабить международное положение Индии, «наказав» ее руководство за стремление к тесному партнерству с Западом. Оно было сделано после того, как стало известно о намеченном на осень того года визите в США Дж. Неру. Отстраненность от Дели позволяла также обеспечить лучшие условия для деятельности в Индии «промосковских» политических сил и движений. Подавление властями Индии оппозиционных выступлений левых сил и сдержанная реакция индийского премьера на американские предложения о сотрудничестве на мировой арене наряду с возникшими неувязками в советско-пакистанских контактах (естественными, если учитывать, что, несмотря на взаимное признание, государства к тому времени еще не обменялись послами) привели к срыву переговоров о визите

Лиакат Али-хана в СССР и сохранении к началу 50-х годов преимущественной геополитической ориентации на Запад как у Дели, так и у Карачи (столицы Пакистана до 1960 г.).

Постепенно втягивавшиеся в политическую игру на субконтиненте США поначалу стремились к установлению наиболее тесных и дружественных отношений с Индией. К этому их располагало общественное мнение и взгляды элиты, близкой в основном к правившей в течение долгого времени демократической партии. Известно, что демократы во главе с Ф.Д. Рузвельтом с пониманием относились к деятельности Индийского национального конгресса. В годы военного союзнчества они подталкивали английское правительство У. Черчилля к решению вопроса о предоставлении Индии независимости, видя в ней будущую единую, светскую демократию. Эти настроения умело поддерживала деятельность небольшой, но активной и достаточно влиятельной группы индийских эмигрантов в США. Сторонников раздела Индии по коммуналистскому признаку (да и просто мусульман) среди эмиграции было немного, и они не могли заметно повлиять на сложившиеся представления. К тому же собственный исторический опыт США играл на руку «проиндийским» взглядам. Американцам с их традициями успешного объединения разнородных штатов психологически было трудно понять глубину противоречий, раздиравших колониальное индийское общество на коммуналистской основе⁴.

Несмотря на симпатии к Индии и трагедию раздела, США постарались занять беспристрастно-доброжелательную позицию в отношении Пакистана. Но на Индию в Вашингтоне возлагали главные надежды в борьбе против «наступления коммунизма» в Азии особенно после того, как стало очевидно поражение сил Гоминьдана в Китае. Состоявшаяся в октябре—ноябре 1949 г. поездка Неру в США вызвала у американских стратегов сильное разочарование. В то время как для них главным врагом являлся «коммунизм», для Неру — это был «колониализм»; если США готовились к силовому отпору, Индия считала, что нужно разоружаться, чтобы уменьшить опасность новой мировой войны. Расхождения в установках сказались в период Корейской войны. Дипломатические инициативы Дели, как правило, не находили поддержки в Вашингтоне; особенно он был раздосадован отказом Индии принять участие в мирной конференции по Японии в Сан-Франциско в сентябре 1951 г.

Пакистан поспешил воспользоваться тем обстоятельством, что первая «избранница» Вашингтона «отвергла» его. Весной 1950 г. Лиакат Али-хан отправился в поездку в США и, хотя его визит не вызвал такого общественного интереса, как за полгода до того приезд Неру, он позволил заложить основы взаимопонимания на уровне администраций. США с 1951 г. начали предоставлять экономическую и военную помощь Пакистану (как то, так и другое они в тот

период оказывали и Индии). С конца 1953 г. обозначились контуры военно-политического союза между Вашингтоном и Карачи, а в мае 1954 г. был подписан договор о совместной обороне.

К концу первой трети 50-х годов «центр тяжести» геополитического противостояния в мире стал смещаться с Дальнего Востока (Кореи) и Индокитая на юго-западную оконечность Евразийского континента. Антимонархический переворот в Египте в 1952 г. оказался звонком, возвестившим о начале этапа радикальных преобразований в странах Арабского Востока. Он обозначил намерение новых лидеров приобрести контроль над доходами от эксплуатации построенных на их территории международных транспортных путей (Суэцкого канала) и природных богатств (нефти). Острое противостояние вокруг вопроса о правах на нефтяные доходы развернулось в 1952–1953 гг. в Иране. Угрожавшие интересам западного сообщества действия правительства М. Мосаддыка были остановлены лишь в результате прямого вмешательства американских спецслужб⁵.

Смещение силовых полей мирового противостояния в район Персидского залива приблизило их к южному полуострову Азии (Евразии). Непосредственное значение оно имело для переоценки в США стратегической роли Пакистана как соседа Ирана и страны, чья западная (и основная для государства) территория расположена близ входа в Оманский и Персидский заливы. К переоценке значения Пакистана как военно-политического партнера толкала Вашингтон и неудача попыток привлечь Индию к политике «сдерживания коммунизма» путем создания военно-политических блоков по периметру границ СССР и КНР.

Во второй трети 50-х годов определилось новое геополитическое положение государств региона. Попытки Индии играть самостоятельную роль в мировых делах в значительной степени увенчались успехом. Ей удалось существенно улучшить отношения с Москвой и Пекином, свидетельством чего было заключение в Пекине в 1954 г. индийско-китайского договора, закрепившего снятие напряженности вокруг проблемы Тибета (в его преамбуле излагались «знаковые» для Индии принципы «панчашила», провозглашавшие разграничение сфер влияния в поле их перекрестных интересов), и обмен визитами руководителей Индии и КНР, а также Индии и СССР в 1954 и 1955 гг. Стремясь дистанцироваться от политики США в Азии, Индия пошла навстречу Китаю, согласившись на конференции в Бандунге в 1955 г. на совместное с ним лидерство в Азиатско-Африканском регионе. Обеспечив тем самым свои позиции на восточном фланге Азии, Дели смог активнее проявить себя на Ближнем Востоке в ходе Суэцкого кризиса 1956 г. Авторитет и влияние Неру в нарождавшемся арабо (афро-) азиатском мире были в середине 50-х годов небывало сильны⁶.

Морально-политическим успехам Индии Пакистан противопоставил политику усиления военного потенциала. Присоединившись в 1954 г. к периферийной для себя структуре СЕАТО (Организации договора Юго-Восточной Азии), Карачи уделил главное внимание развитию связей с западными соседями — Турцией, Ираном и Ираком, которые опосредовались союзом с США и Великобританией. Участие Пакистана в Багдадском пакте (сентябрь 1955 г.) знаменовало его превращение в одно из государств «северного яруса» обороны Ближнего и Среднего Востока от предполагаемого натиска СССР. За 1955–1961 гг. Пакистан получил от США прямой военной и поддерживающей ее экономической помощи на сумму более

1 млрд. долл. В целом за десятилетие с середины 50-х до середины 60-х годов американское военно-экономическое содействие составило, по разным оценкам, от 1,2 до 1,5 и даже до 2,5 млрд. долл.⁷ Оно позволило Пакистану создать армию, сопоставимую с индийской. Если в первые годы после образования Индии и Пакистана неоспоримое военное преимущество было на индийской стороне (соотношение численности вооруженных сил примерно 3:1), то к 1962 г. в индийских вооруженных силах (ВС) было 600 тыс., а в пакистанских — 250 тыс. человек. Сложилось примерное тактико-техническое равенство, причем, так как в количественном отношении преимущество оставалось за Индией, оно компенсировалось наличием у Пакистана более эффективного оружия, прежде всего американских самолетов (F-104S) и танков (Паттон).

В конце 50-х годов под влиянием сближения Индии с США имело место кратковременное усиление позитивных элементов в ее отношениях с Пакистаном. Приход к власти военных в Карачи в конце 1958 г. был без энтузиазма воспринят в Дели, но там вынуждены были считаться с реальной обстановкой и проявили готовность к сотрудничеству по ряду двусторонних вопросов, наиболее значимым из которых было решение проблемы раздела вод притоков реки Инд путем заключения в 1960 г. международного договора о развитии бассейна этой реки. Военное руководство Пакистана, ориентируясь на поддержку США, предложило Индии стратегическое партнерство перед лицом гипотетической китайской угрозы (совместную защиту субконтинента). Дели отверг эту инициативу, видя в ней посягательство на свой статус нейтрального в военно-стратегическом отношении государства.

На рубеже 50–60-х годов начался пересмотр политики США в отношении субконтинента в условиях обострившейся в Вашингтоне борьбы между сторонниками двух подходов к существу курса сдерживания коммунистического влияния. Блоковой, силовой политике, проводившейся республиканской администрацией Д. Эйзенхауэра — Д.Ф. Даллеса, противостояла концепция менее выраженного упования на военную силу и акцента на поддержку внутренних

демократических преобразований в молодых, освободившихся от колониальной зависимости странах Азии и Африки. Индия с ее традициями ненасильственной борьбы, рано усвоенного парламентаризма, отлаженным внутригосударственным устройством представляла перед общественным мнением в США в значительно более выгодном свете, чем Пакистан. В последнем демократия, по общему мнению, не укоренилась, а сложился бюрократический, а с 1958 г. — военно-бюрократический режим.

Значительная динамика характеризовала на этом этапе и отношения другой сверхдержавы, СССР, к делам Южноазиатского региона, да и всей зоны освободительной борьбы. Стремясь укрепить там свои позиции, Москва вела сложную игру по поддержке как близких ей политических сил внутри стран (следуя тем самым геоидеологической парадигме своей внешней политики), так и геополитических партнеров. После резкого обострения отношений с Пакистаном, вызванного инцидентом с американским разведывательным самолетом У-2, стартовавшим с аэродрома близ Пешавара и сбитым в мае 1960 г. над территорией СССР, наступило быстрое восстановление и даже развитие связей Москвы с Равалпинди. В те же сроки началось сотрудничество с Индией в военной области. Отношения Москвы с Пекином из-за идеологических разногласий продолжали ухудшаться.

Снижение уровня глобального геоидеологического противостояния и расширение спектра геополитического сотрудничества СССР и США особенно четко обозначилось после разрешения двух кризисов — в Европе (в августе 1961 г. по поводу Западного Берлина) и в Карибском бассейне (в октябре—ноябре 1962 г. в связи с поставками советских ракет на Кубу).

Одновременно с Карибским кризисом развернулись военные действия между Индией и Китаем на двух участках границы. Продвинувшись в районе Северо-восточного пограничного агентства Индии на значительную глубину, китайцы в одностороннем порядке прекратили военные действия и отвели свои войска в основном на исходные позиции. Дели остро отреагировал на свои военные неудачи (индийские регулярные части потеряли 3 тыс. убитыми, и еще 4 тыс. военнослужащих оказались в плену). Неру обратился к руководителям США и Великобритании с просьбой о военном содействии. Последнее было оперативно предоставлено, что поставило под удар репутацию Индии как неприсоединившегося государства. Стремясь избежать подрыва устоявшихся принципов внешней политики, Дели постарался сбалансировать военно-политические связи с Западом развитием военно-технического сотрудничества с СССР⁸.

Поражением Индии в военных действиях против КНР в конце 1962 г. завершился второй подпериод в эволюции региональной системы государств южной части Азии. Индо-китайской войне пред-

шествовало постепенное нарастание напряженности в отношениях между Дели и Пекином, в основе чего лежали главным образом геополитические причины.

Отказавшись в начале 50-х годов от особых привилегий в Тибете, на которые Индия имела определенные права в качестве наследника Британской империи, она рассчитывала на понимание со стороны Китая. Однако урегулировать обстановку вдоль растянувшихся более чем на 5 тыс. км высокогорных границ между индийской и китайской цивилизационно-геополитическими «платформами» надолго не удалось. После подписания в Пекине китайско-индийского договора 1954 г. власти КНР продолжили усилия по укреплению политического контроля и внешних рубежей на обширном и малонаселенном северо-западе и западе страны (в Синьцзяне и Тибете). Освоение этого пространства включало специфические для КНР формы политического «присегивания» окраинных регионов, населенных тюркскими и тибетскими народами, мусульманами и буддистами. С 1955 г. началось строительство Китая шоссейной дороги по территории области Аксай-чин, которую у него оспаривала Индия. К досаде Дели, с опозданием обнаружившего уже сооруженную дорогу, прибавилось раздражение в связи с участвовавшими в 1957–1959 гг. столкновениями пограничных частей двух государств. Недовольство тибетцев политикой центральных властей привело в 1959 г. к волнениям, их подавлению и бегству духовного вождя буддистов Тибета Далай-ламы в Индию. Дели постарался уменьшить недовольство Пекина, ограничив политическую деятельность буддийского лидера, но не сумел в полной мере избежать осложнений, связанных с этими событиями.

Попытки урегулировать спорные пограничные вопросы, принятые сторонами в 1960–1961 гг., не принесли успеха. Геополитические осложнения регионального характера наложились на геоидеологические, связанные с конкуренцией двух великих азиатских стран за лидирующее положение в «серой», ничейной зоне биполярного мира. Индия в 1961 г. стала одним из основателей Движения неприсоединившихся государств, блокируясь с резко критикуемой в КНР Югославией. Это событие оттенило неудачу попыток продолжить начатое в Бандунге многостороннее сотрудничество на базе единства азиатско-африканских стран.

Война 1962 г. надолго отравила отношения между двумя азиатскими соседями. Оказавшись между Китаем на востоке и Пакистаном на западе, Индия нашла выход в поддержке внерегиональных держав. Разрядка в советско-американских отношениях, наступившая после разрешения Карибского кризиса, позволила ей опереться на военнотехническое содействие как Запада, так и Востока. На первых порах наиболее обещающей представлялась помощь США и в целом Запада, но после гибели Д. Кеннеди в ноябре 1963 г. отноше-

ния с Америкой вступили в менее эмоционально окрашенную фазу. Ослабление внимания Вашингтона к Дели и его стремление не брать на себя дополнительных обязательств в Южной Азии объяснялось обострением ситуации во Вьетнаме, где союзникам США противостояли силы, опиравшиеся на прямую и косвенную помощь Пекина и Москвы.

Расстановка сил в Южной Азии после поражения Индии от Китая и ее сближения с Западом давала шанс на улучшение климата в отношениях между главными игроками — Дели и Равалпинди (временной столицей Пакистана в 1960–1969 гг.). Однако проходившие между ними в 1962–1963 гг. переговоры по ключевой кашмирской проблеме окончились неудачей, возвратив региональную ситуацию на прежние рубежи.

Американская военно-экономическая помощь Пакистану после 1962 г. продолжалась в основном «по инерции» (вследствие реализации заключенных контрактов). Индия, разуверившись в перспективах широкомасштабного военного сотрудничества с Западом, переориентировалась на СССР. Принятый в 1964 г. с опорой на помощь последнего индийский «план обороны» явился по существу первой доктриной превращения страны в крупную военную державу⁹. Его принятию предшествовало резкое увеличение уровня военных расходов в 1962–1964 гг. Они увеличились с 15 до 25% в текущих ассигнованиях центрального правительства, и их доля в ВВП выросла с 2,1 до 4,5%. Возросшие военные расходы позволили увеличить численность вооруженных сил на 250 тыс., более чем на 40%. Доведя численность ВС до 854 тыс. человек, Индия, как и в начальные годы существования двух государств на субконтиненте, добилась более чем трехкратного превосходства над Пакистаном (257 тыс. человек)¹⁰.

Пакистан в 1962–1964 гг., напротив, снизил уровень своих военных расходов — с 56 до 50% в ассигнованиях федерального центра, что привело к падению их доли в ВВП с 3,3 до 2,9%. Заметное дистанцирование США от гонки вооружений на южноазиатском субконтиненте и усиление военной мощи Индии заставили руководство Пакистана обратить свой взор на Москву. Однако улучшение отношений с ней, ознаменовавшееся визитом туда президента М. Айюб-хана весной 1965 г., не привело к каким-либо договоренностям о советских военных поставках, так как СССР предпочел не рисковать осуществлением крупных программ военно-технического сотрудничества с Индией.

Следуя логике регионально-политического противостояния и потерпев неудачу в попытках сближения с Индией на условиях решения проблемы Кашмира, Пакистан в начале 60-х годов проявил интерес к урегулированию спорных вопросов в районе фактической границы с Китаем, а затем развернул фронт внешнеполи-

тических связей таким образом, что включил в него КНР, стараясь не терять полностью союзническо-партнерских отношений с США.

Для КНР конец 50 — начало 60-х годов был периодом крупной переоценки внешнеполитических приоритетов. Пекин отказался от нетрадиционной для китайской дипломатии опоры на тесный союз с одним из внешних для него центров силы — СССР. Возвращаясь к позициям самодостаточности (во внутренней политике этому соответствовала кампания «большого скачка»), он стал уделять особое внимание обеспечению прочных позиций в широком регионе, прилегающем к его границам. Пакистан занял особое место в этом регионе после того, как обострились отношения между Пекином и Дели. В начале 60-х годов китайское правительство приняло меры, направленные на укрепление отношений с Пакистаном, поспешив урегулировать с ним спорные пограничные вопросы¹¹.

В свою очередь для Равалпинди продолжением курса на выравнивание сложившихся на предшествующем этапе дисбалансов в системе внешнеполитических связей можно считать попытки укрепить позиции среди азиатско-африканских государств. Именно в этот период Пакистану удастся установить дружественные отношения с Индонезией, поддержав ее в споре с Малайзией. Отстраняясь геоидеологически от Вашингтона, Равалпинди благодаря энергичному министру иностранных дел З.А. Бхутто начинает «играть» на том же поле антиколониализма и солидарности афро-азиатских государств, что и Дели, но в отличие от него ориентируется также на позицию и предпочтения Пекина, особенно в делах Юго-Восточной Азии.

Между тем ЮВА с начала 60-х годов превращается в один из двух, наряду с Ближним Востоком, ключевых регионов мировой политики. Завершившийся в по большей части в то десятилетие «уход» Англии и Франции из этих ареалов сопровождался «приходом» туда США, хотя и в несколько ином качестве — не «хозяина», а «могущественного друга». К середине 60-х годов усилилась вовлеченность Вашингтона в дела Вьетнама, а также их поддержка Израиля, что отодвинуло для него на второй план проблемы находившейся между ЮВА и Ближним Востоком Южной Азии.

В то же время для СССР значение Индии и всего Южноазиатского региона возрастало в связи с охлаждением в отношениях с КНР. Военный конфликт между Пакистаном и Индией в 1965 г. позволил Москве выступить в роли посредника между двумя региональными державами. Заключенное при активном советском участии Ташкентское соглашение между ними (январь 1966 г.) в общем соответствовало интересам Запада, не желавшего появления третьего очага мировой нестабильности (плюс к Вьетнаму и Ближнему Востоку) и усиления позиций Китая в регионе, географически близком к Юго-Восточной Азии.

Объявив о прекращении военной помощи как Пакистану, так и Индии в период войны между ними, Вашингтон пошел навстречу просьбам Дели об оказании ему крупной экстренной помощи (на сумму примерно 1 млрд. долл.) в связи с тяжелой экономической ситуацией, вызванной засухой и неурожаем 1966–1967 гг. Индия, между тем, оправившись от последствий стихийных бедствий, не изменила принятому ранее курсу усиления военного потенциала и к рубежу 60–70-х годов оказалась в военном отношении много сильнее, чем в середине, не говоря уже о начале десятилетия.

Решение Вашингтона ввести эмбарго на военные поставки в регион и снижение уровня его содействия экономическому развитию Пакистана поставили режим Айюб-хана перед трудными проблемами. С 1966 г. начались первые поставки вооружений из КНР — танков и самолетов советского образца (или прототипа). Тогда же руководство Пакистана обратилось за военной помощью к Москве. Несмотря на дипломатическое сопротивление Индии, соглашение о военных поставках было заключено и Равалпинди получил 12 вертолетов и 3 радарные установки. По данным СИПРИ, в Пакистане в 1969–1970 гг. оказалось также значительное количество советских танков (170) и орудий (150), полученных, скорее всего, из Китая¹². В ходе взаимных визитов высших руководителей двух государств (Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин посетил Пакистан в апреле 1968 г. и в мае 1969 г.) было также принято решение о советской помощи в строительстве металлургического комбината в Пакистане, что несомненно также имело отношение к укреплению его обороноспособности. В целом все же дипломатические усилия Дели были ненапрасны. Советская военная помощь Пакистану носила скорее символический характер, будучи нацелена главным образом на то, чтобы не допустить усиления привязки Равалпинди к Пекину.

Увеличение военных расходов без роста поддерживающих этот процесс экономических вливаний послужило фактором ухудшения хозяйственной конъюнктуры в Пакистане. Начался рост цен, обнаружилась нехватка импортных промышленных товаров и продуктов питания. Из-за отсутствия массовой социально-политической опоры военно-бюрократическая власть была «захлестнута» поднявшейся осенью 1968 г. волной стихийных оппозиционных выступлений. Начавшись в Западной провинции, она перекинулась на Восточный Пакистан. Размах движения заставил Айюб-хана уйти в отставку, но он предпочел передать власть военным, а не политическому руководству. Действия его преемника генерала А.М. Яхья-хана отличались стремлением затянуть процесс демократизации форм управления, несмотря на то, что необходимость преобразований и демонтажа сложившейся системы явно ощущалась политической элитой.

В отличие от Пакистана Индия в 1969–1970 гг. смогла преодолеть острый внутривнутриполитический кризис. Консолидация политического руководства вокруг дочери Неру Индиры Ганди позволила стране подготовиться к реваншу за военную неудачу в столкновении с Китаем в 1962 г. и обидное отсутствие успехов в конфликтах с Пакистаном в 1965 г. Во второй половине 60-х годов усилилась ее военная мощь. Благодаря приобретению советских самолетов, оснащенных ракетами класса «воздух—воздух», ракетных установок «земля—воздух», а также английских истребителей, ей удалось добиться заметного преобладания над Пакистаном в воздушном пространстве. Закупка тяжелых и легких советских танков и артиллерийских орудий, а также танков и БТР советского образца из Чехословакии, приобретение почти 4 тыс. французских противотанковых ракет создало перевес и на земле¹³. Улучшилась также и тактико-техническая подготовленность индийской армии. Ее политическая элита и офицерский состав в целом освободились от «комплекса неполноценности», унаследованного от колониальных времен, когда основную часть индусского населения принято было относить к «невоинственной расе»¹⁴.

Переломные события 1971 г. начались в марте с провала переговоров в Дакке (столице восточной провинции) по политическому устройству Пакистана после первых всеобщих выборов, которые состоялись в конце предшествующего года и принесли победу восточнопакистанской партии Авами лиг (Народная лига). За неудачей переговоров последовали кровавая расправа армии с восточнобенгальскими националистами и провозглашение независимого государства Бангладеш. А завершился годовой круговорот событий в декабре полным поражением пакистанских вооруженных сил от индийской армии (действовавшей совместно с восточнобенгальскими «силами освобождения») и разделом Пакистана на два государства. Эти изменения подводят черту под первым периодом геополитической эволюции Южной Азии.

Еще раз обращаясь к его особенностям, отметим, что на протяжении четверти века после ухода англичан субконтинент был поделен на два неравных, но сопоставимых по многим параметрам государства. Хотя Индия по численности населения превосходила Пакистан в четыре раза, ее слабостью были более низкий душевой доход и периодически возникавшая острая нехватка продовольствия. Приблизительное равенство военных потенциалов, сложившееся к началу—середине 60-х годов, позволило Пакистану претендовать на не менее значительную роль в региональных делах, питать иллюзии о возможности оказать давление на Индию и силой разрешить спор о Кашмире в свою пользу. Амбициозность пакистанских руководителей и пренебрежительное отношение к «невоинственным индусам» сыграли с ними плохую шутку. Вместо приобретения

Кашмира Пакистан потерял Восточную Бенгалию и возможность территориального «обхвата» Индии.

Победа Индии привела к подъему национально-патриотических чувств. Не имея «достойных соперников» в непосредственной близости, она могла приступить к повышению державного статуса на более широком пространстве. Если в первые 10–12 лет своего независимого существования политические силы в Индии уповали главным образом на морально-этическое превосходство, активно обыгрывая наследие принципов ненасилия М. Ганди и идеологию неприсоединения, то в дальнейшем они стали опираться на обретенный статус крупной военно-промышленной державы, призванной быть лидером не только в своем «узком» Южноазиатском регионе, но и в более широких географических рамках, а также и в «метарегиональном» сообществе неприсоединившихся и развивающихся стран («третьем мире»).

Добившись освобождения Восточной Бенгалии от оков «внутреннего колониализма», правящие круги Индии направили на восстановление разбалансированной экономики Бангладеш значительные для себя ресурсы. Характерно, что кроме СССР, возможности которого были ограничены (в числе прочего и расстоянием), ни одна другая страна, помимо Индии, не была на первых порах готова к активному содействию в развитии Бангладеш, занявшего место одного из самых бедных государств мира. Необходимость сбросить с себя груз ответственности за Бангладеш в числе других факторов подтолкнула Индию на урегулирование связей с Пакистаном путем заключения соглашения в Симле летом 1972 г. и одобрения курса на нормализацию бангладешско-пакистанских отношений. Однако индийскому руководству все же пришлось уплатить высокую цену за геополитические успехи. Вызванный, в частности перераспределением средств в пользу армии и на поддержку Бангладеш, экономический кризис привел к массовым антиправительственным выступлениям и ответным жестким мерам правительства И. Ганди — введению летом 1975 г. чрезвычайного положения, аресту видных политических деятелей. Попытка административно-принудительными способами (на китайский манер) решить проблему чрезмерного роста населения и другие меры форсированного превращения в передовую промышленную державу окончились неудачей, последствия которой были ослаблены лишь благодаря возросшему сопротивлению авторитарному стилю правления. Отмена чрезвычайного положения и объявленные И. Ганди досрочные выборы в 1977 г. впервые привели к поражению Индийского национального конгресса и приходу к власти Джаната парти, представлявшей собой по сути коалицию разнородных политических сил и организаций¹⁵.

К регионально-политическим издержкам Индии следует также отнести и перемены, внезапно произошедшие в Бангладеш в августе

1975 г. Военный переворот, сопровождавшийся кровавой расправой над «отцом нации» шейхом Муджибур Рахманом и членами его семьи, открыл длинную главу в истории политической нестабильности в Бангладеш и ее дистанцирования от Индии¹⁶. Вместе с тем Индия в 70-е годы по существу не сталкивалась с угрозами национальной безопасности извне — ни Китай, ни Пакистан не могли, поглощенные внутренними проблемами, оказывать на нее реальное давление. Основные мотивы внешней политики вытекали из логики внутривнутриполитической борьбы и стремления укрепить национальное единство.

Вторая половина 70-х годов отличалась столь же сильной поглощенностью основных региональных игроков внутренними проблемами. Политический кризис в Индии совпал с аналогичным в Пакистане. Элементы авторитаризма в политике при ее активной «модернизационно-централистской» направленности (с опорой на расширение госсектора) проявились в обеих странах по существу одновременно — в 1975–1977 гг. Политическое фиаско, постигшее З.А. Бхутто, обернулось для него гибелью в 1979 г. (по решению судебных инстанций, одобренному военным диктатором М. Зия-уль-Хаком, он был подвергнут казни через повешение). Неудача И. Ганди сменилась в 1980 г. ее возвращением во власть после убедительной победы ИНК на вторых внеочередных выборах. Различие в судьбах двух политиков сгладилось после убийства И. Ганди в 1984 г., прямую связанного с борьбой против развернувшегося среди представителей религиозной общины сикхов движения за создание своего государства.

Помимо Индии и Пакистана в зоне политической нестабильности в конце 70 — начале 80-х годов оказалась и третья южно-азиатская страна — Бангладеш (в 1981 г. там произошел очередной военный переворот, в ходе которого был убит президент генерал Зияур Рахман). Наиболее существенным по последствиям было то, что нестабильность распространилась на Афганистан, геополитически исключительно важное для региона пограничное, буферное государство. Произошедший там в апреле 1978 г. политический переворот, убийство президента М. Дауда и создание ориентирующейся на поддержку Москвы Народно-демократической республики изменили геостратегическое положение Пакистана в условиях нового раунда холодной войны.

Касаясь обострения соперничества двух сверхдержав — США и СССР, — напомним, что с начала 60-х по конец 70-х годов между ними сохранялось определенное равновесие сил. В начале 70-х оно привело к политике «разрядки напряженности», скрывавшей переход к позиционной фазе борьбы при совместимости некоторых тактических намерений у держав-антагонистов. Последнее было подготовлено, с одной стороны, поражением США во Вьет-

наме, свертыванием их обязательств по защите «свободного мира» на азиатско-тихоокеанском пространстве, а с другой — распадом единства двух континентальных коммунистических гигантов (СССР и КНР) и отказом Москвы от планов широкого идеологического наступления, ее переходом к стратегии постепенного наращивания геополитических преимуществ с использованием «слабых звеньев» в противостоящей «империалистической» цепи. Отказ Пекина от союза с Москвой (он стал необратимым в первой половине 60-х годов) был воспринят советским руководством как серьезное осложнение в геополитическом и геоидеологическом плане. Политика СССР в Азии и на Дальнем Востоке мотивировалась с тех пор во многом желанием противостоять действиям КНР. С такими намерениями, в частности, связаны выдвинутый Москвой план коллективной безопасности в Азии и курс на сближение с Индией. В свою очередь, Китай, опасаясь геополитического окружения со стороны СССР, который представлялся ему в 60–70-х годах исключительно мощной и быстро прогрессирующей державой, пошел на улучшение отношений с США, а также продолжил «культивирование» связей с Пакистаном.

К концу 70-х годов США стали оправляться от последствий вьетнамской катастрофы. Они усилили свои позиции на Ближнем Востоке, потеснив СССР в центральной стране региона — Египте. В благоприятном для них плане эволюционировала внутренняя и внешняя политика Китая после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. Ответные действия СССР диктовались, как правило, соображениями предоставившихся возможностей (выгодной конъюнктуры), включали в себя операции в Африке и Латинской Америке и в целом «растягивали» линию внешнеполитического контроля, не укрепляя ее сердцевинной (континентально-евразийской) составляющей. Одновременно уменьшался контроль Москвы и над своим внутривосточным пространством. При этом ослабление коснулось в первую очередь удаленных от европейского центра среднеазиатских районов, попавших с конца 70-х годов под «облучение» исламских идей.

Роковое решение советского руководства ввести в Афганистан войска, принятое в декабре 1979 г., и неготовность вывести их на гребне относительных успехов кабульского правительства в 1980–1982 гг. существенным образом изменили ситуацию в мире (дав сигнал новому туру глобального противостояния) и в Южной Азии. Последствием этих шагов было укрепление позиций военного режима в Пакистане. США пришлось поддержать власть генерала Зия-уль-Хака, проводившего внутри страны антидемократический и исламистский курс. Резко усилилась после открытой вовлеченности СССР в дела Афганистана и поддержка Пакистана со стороны исламских государств, в первую очередь Саудовской Аравии. В антисоветский фронт с готовностью вступил и Китай, который на этом

историческом этапе попытался применить стратегию «контрокружения» СССР¹⁷.

Из крупных азиатских держав только Индия проявила сдержанность в отношении советских действий в Афганистане, но и она советовала Москве не втягиваться в конфронтацию на «чужом» для нее геополитическом поле. Взвешенная реакция Дели, помимо зависимости от технической и военной помощи СССР, объяснялась известным совпадением геополитических позиций двух государств в отношении Пакистана, территориально оказавшегося после событий декабря 1979 г. в буквальном смысле между ними. Благоприятные возможности, открывавшиеся для Индии в связи с этим, перекрывались риском усиления военного потенциала Пакистана вследствие поддержки США, Китая и Саудовской Аравии. К тому же гипотетическая перспектива выхода к ее границам могущественного «северного соседа» могла обеспокоить политические круги Индии.

Опасения Индии относительно ближайших последствий советского «вклинивания» в Афганистан оправдались. С приходом к власти в США в 1981 г. республиканской администрации Р. Рейгана Пакистан стал получать значительную военно-экономическую помощь (за 1982–1990 гг. — более 4 млрд. долл.). К тому же в Пакистане оседала часть военной и материально-финансовой поддержки США и Западом в целом афганских «муджахидов» (борцов за веру). Она поступала в основном по каналам пакистанской общевойсковой разведки (ISI) и специально созданной службы военного снабжения (Logistic Cell) и за 1980–1991 гг. составила, по оценкам, 3,5 млрд. долл.¹⁸ Среди американского оружия, приобретенного в 80-е годы Пакистаном, оказалась новейшая авиационная техника, прежде всего 40 истребителей F-16. Поставки современного, в том числе наступательного, оружия Пакистану угрожали нарушить сложившийся в 70-е годы с перевесом Индии расклад военно-политических сил на субконтиненте.

Итак, весь выделенный нами второй крупный период в геополитической истории Южной Азии довольно четко распадается на два приблизительно равных временных отрезка — с 1971 по 1979 г. и с 1980 по 1989 г. Первый из них характеризовался известным равновесием сил при преобладании Индии, в общем и целом соответствующим ее размерам, экономическому потенциалу и геополитическому местоположению. Низкий уровень региональной конфронтационности совпал по времени с невысокой степенью глобального противостояния. К тому же в 70-х годах эпицентры последнего находились, как правило, достаточно далеко от Южной Азии — на Ближнем Востоке (в зоне острого арабо-израильского конфликта), в ЮВА (где заканчивалась вьетнамская война), в Африке (Анголе, Эфиопии и Сомали).

Впрочем, с середины десятилетия геополитические «точки воспламенения» приблизились к региону. Они протянулись вдоль восточного побережья Африки к Южному Йемену, Оману, захватив и Пакистан, где в 1973–1977 гг. проводились военные операции регулярных войск против ополчений белуджских племен. Усиление субнациональных движений в Пакистане после его раскола в 1971 г. объяснялось, до известной степени, инерцией сохранявшихся в течение некоторого времени представлений о его внутренней слабости и дальнейшей «делимости». Однако эффективная на первых порах внутренняя и внешняя политика администрации З.А. Бхутто наряду с ослаблением с 1974 г. позиций правительства И. Ганди в Индии и режима М. Дауда в Афганистане уменьшили остроту действий пакистанской оппозиции под лозунгами этнонационального самоопределения. Сказалась также поддержка, в том числе и прямая военная, оказанная Исламабаду Тегераном, который опасался дестабилизации положения в пакистанском Белуджистане, так как это могло неблагоприятно отразиться на обстановке в пограничной с Пакистаном иранской провинции (остане) Систан и Белуджистане.

Равновесие сил, сложившееся в регионе в 70-х годах, было в конце концов подорвано изменениями в глобальной ситуации, обусловленными, в частности, многократным ростом цен на нефть и энергоносители после арабо-израильской войны осенью 1973 г. Увеличение экономической мощи и влияния государств-нефтеэкспортеров, в первую очередь арабских государств Персидского залива, а также Ливии и Ирана, вызвал подъем национализма на Ближнем и Среднем Востоке. К концу десятилетия он приобрел преимущественно исламские оттенки. «Наступление» политического ислама непосредственно отразилось на Южноазиатском регионе, укрепив там позиции приверженцев мусульманской религии и построенной на ней идеологии. Военные власти Пакистана после переворота 1977 г. повели кампанию исламизации (действуя особенно активно с 1979–1980 гг.). Исламская революция в Иране 1978–1979 гг. и пакистанская исламизация эхом отразились в Индии, где обострились отношения между индусской и мусульманской общинами. Волна исламизации достигла и Бангладеш.

Первоначальная реакция Дели на меняющуюся обстановку состояла в отказе от линии на форсированную индустриализацию и политическую централизацию. Дели во второй половине 70-х годов, особенно в 1977–1979 гг., пытался сдерживать нарастание внутривнутриполитической и региональной напряженности, следуя сбалансированному курсу в двусторонних связях с соседями, в первую очередь с Пакистаном. Правительство Джаната парти, возглавляемое М. Десаи, приняло решение не продолжать испытаний ядерного оружия. Стремление улучшить отношения с Китаем в этот период не дали

значительных результатов вследствие незавершенности процесса борьбы за власть в КНР и неготовности китайского руководства отказаться от постулатов внешней политики времен Мао Цзэдуна¹⁹.

Обстановка, сложившаяся в регионе в 80-х годах, носила относительно спокойный характер. Пакистан выступил в роли военно-политического союзника США в афганской войне, и его внимание было сосредоточено на западном направлении. Индия постаралась нейтрализовать неблагоприятный для себя эффект приближения сверхдержав к границам ее региона, сохраняя определенный баланс в отношениях с Москвой и Вашингтоном. Более того, воспользовавшись перенесением центра тяжести глобально-политического противостояния в глубь континента, она в этот период приступила к выполнению программы усиления военно-морского потенциала. Появление у Индии современного флота превратило ее в ведущую державу бассейна Индийского океана, где она в определенной мере замещала место, освобождавшееся Москвой. В 1983 и 1987 гг. в Дели принимали политические решения о размещении крупных заказов на приобретение современного вооружения. Хотя главным поставщиком, как и два предыдущих десятилетия, оставался СССР, индийские власти стремились диверсифицировать источники получения оружия²⁰.

Реагируя на вызовы меняющейся внутренней и внешней обстановки, Дели при правительствах И. Ганди и Р. Ганди предпринял также энергичные меры по упрочению контроля за внутренним пространством (в Пенджабе, Кашмире и Ассаме) и в примыкающем к нему внешнем поясе. Что касается последнего, то есть политики в регионе, то Дели здесь в какой-то мере копировал действия Москвы, охотно идя на приглашение «навести порядок в соседнем доме». Впрочем, развернувшийся с 1983 г. межэтнический конфликт в Республике Шри-Ланка (между сингальским большинством и тамильским меньшинством) непосредственно затрагивал внутривнутриполитическую обстановку на юге Индии, в штате Тамилнад. К тому же решение Р. Ганди принять план президента Шри-Ланки Дж. Джаявардене о размещении на острове индийских войск с целью умиротворения одной из воюющих сторон (тамильской) не вызывало возражений с международно-правовой точки зрения, однако же не устраняло впечатления от «нависания» сильной Индии над слабым соседом. Такое восприятие усилилось после успешного вооруженного вмешательства Дели в 1988 г. (в целом также одобренного мировым сообществом) в дела соседней с Шри-Ланкой островной Мальдивской Республики. Однако эффективно использовать «проекции силы» в Шри-Ланке не удалось. Индийские войска, потерявшие более тысячи убитыми, к 1990 г. полностью покинули остров, а Р. Ганди через год поплатился жизнью за активную позицию в «ланкийско-тамильском вопросе»²¹.

Жертвой заговора стал и другой политик наступательного стиля — президент Пакистана М. Зия-уль-Хак. Опираясь на поддержку США, Саудовской Аравии и Китая, Пакистан в 1980–1988 гг. проводил активную политику на афганском направлении. Он предоставлял свою территорию для баз бежавших из Афганистана сил оппозиции, которые вступили на путь «священной борьбы» (джихада) с «коммунистическими» властями Кабула. Тайные операции Исламабада по содействию афганским муджахидам достигли наибольшего размаха в 1982–1987 гг. и увенчались определенным успехом, не столько, впрочем, военным, сколько политическим. Он выразился в том, что руководство СССР стало искать выход из тупика на путях компромисса. Готовность Москвы вывести войска из Афганистана выявила расхождение в стратегических планах Исламабада и Вашингтона. США добивались «реванша за Вьетнам» и геополитического отступления СССР. Их в то же время не устраивала перспектива усиления исламского вектора мировой политики. В правящих кругах Пакистана в 1987–1988 гг. намечился раскол на сторонников умеренных решений по вопросу урегулирования в Афганистане (в согласии с линией дипломатического ведомства США) и приверженцев жесткого исламистского курса, стремившихся к полному вытеснению Москвы из Афганистана, а в перспективе — и подрыву ее позиций в республиках Средней Азии²². Лидер последних, президент Зия-уль-Хак, под американским нажимом согласился на подписание Женевских соглашений в апреле 1988 г., создававших условия для вывода советских войск с одновременным полупризнанием правительства в Кабуле. Однако вскоре после этого он разогнал правительство, возглавляемое главой «умеренных» М.Х. Джунеджо, чем поставил под вопрос выполнение достигнутых между сверхдержавами договоренностей.

Гибель Зия-уль-Хака в загадочной авиакатастрофе 17 августа 1988 г. открыла путь для либерализации политического режима и прихода к власти после выборов осенью 1988 г. правительства во главе с Беназир Бхутто — дочерью казненного Зулфикара Али Бхутто. Все это способствовало доведению до конца намеченного плана вывода советских войск из Афганистана. Репутация Москвы в результате пострадала в минимальной степени, и не произошло (вследствие сохранения у власти и после вывода советских частей прежнего афганского правительства) немедленного укрепления позиций исламистских сил в Юго-Западной Азии.

На рубеже 80–90-х годов начинается текущий, в целом более острый период в развитии региональной геополитической ситуации. Напряженность в отношениях между Индией и Пакистаном пошла было на спад в середине 90-х годов, но к концу десятилетия сменилась новым вооруженным конфликтом и усилившимся отчуждением. Причем произошло это на фоне кардинальных перемен междунаро-

но-политического порядка вследствие окончания холодной войны и усиления тенденций к демократизации политических и либерализации экономических систем. Все страны Южной Азии оказались в той или иной мере захвачены подобного рода процессами. Однако это не помогло справиться с грузом накопленных межгосударственных проблем и противоречий.

В конце 80 — начале 90-х годов резко обострилась ситуация в индийском штате Джамму и Кашмир. Политическое недовольство накапливалось там с 1984 г., усилившись из-за прошедших с большими нарушениями выборов 1987 г. в законодательное собрание штата (подробнее см. ниже, гл. 5). Завершение активной фазы противостояния советским войскам в Афганистане косвенно отразилось на ситуации в индийском Кашмире вследствие того, что туда переправились тысячи кашмирцев-муджахидов, прошедших военную подготовку в Пакистане и получивших боевое крещение в Афганистане (а также профессиональных «воинов ислама»). Взрыв недовольства в Кашмире, прежде всего в «пороховой бочке» штата — Кашмирской долине, — был жестко подавлен индийской армией и специальными военно-полицейскими частями. Происходившие в штате события не могли не отравлять индийско-пакистанские отношения. Многие наблюдатели полагали, что в мае 1990 г. два государства стояли на грани новой войны из-за Кашмира, обладая к тому времени, гипотетически, возможностями для производства и использования ядерного оружия²³.

Пока во главе Пакистана находилось правительство Б. Бхутто, в Вашингтоне надеялись на отсутствие у него воинственных планов и намерений. В августе 1990 г., почти одновременно с нападением Ирака на Кувейт, президент Пакистана Г. Исхак-хан отправил правительство в отставку и распустил парламент, назначив на осень новые выборы. Проявившаяся при этом ключевая роль военных вместе с критическими настроениями, которые обнаружились в их среде по отношению к действиям США на Ближнем Востоке, а также потеря Пакистаном статуса «прифронтового государства», по всей видимости, отразились на решении Вашингтона ввести эмбарго на поставки американского вооружения в Пакистан. Замороженным оказалось выполнение заключенной в 1989 г. сделки на приобретение 60 истребителей F-16 и некоторых других договоренностей. В период войны в Заливе исполнительная власть Пакистана, в отличие от преобладающего общественного мнения, поддерживала действия США и их союзников и, надеясь на скорую отмену запрета, продолжала вносить деньги в качестве предоплаты за самолеты. Однако полное эмбарго действовало вплоть до 1995 г., а сделанные затем исключения из него не распространялись на истребители. Вашингтон разрешил Исламабаду использовать часть выплаченных за них денег (380 из 658 млн. долл.) на покупку другой военной

техники, и поставки вооружения в Пакистан начались только в 1996 г.²⁴

Решение США усилило позиции тех кругов в Пакистане, которые полагали, что в условиях значительного военного превосходства Индии в сфере обычных вооружений стране необходимо сделать упор на укрепление ракетно-ядерного потенциала. Оно осуществлялось скрытно, по всей видимости при техническом содействии КНР и КНДР, и увенчалось созданием ракет меньшей и средней дальности. По некоторым сведениям, Пакистан также закупил у Китая в 1991 г. более 50 баллистических ракет М-11²⁵.

Ввиду того что вопрос о ядерном оружии подробно рассмотрен ниже в главе 7, ограничимся здесь указанием на то, что Пакистан приступил к опытным разработкам в этой области с начала 70-х годов. Уже в конце того десятилетия его успехи заставили США принять контрмеры в виде приостановки военно-экономической помощи и срыва планов сооружения АЭС с помощью Франции. События, связанные с Афганистаном, позволили Пакистану продолжить разработки в ядерной области. К началу 1987 г. относятся публичные заявления руководителя ядерной программы и президента страны о достижении Пакистаном высокого уровня технической и технологической готовности к производству атомного оружия. Отсутствие политического решения на этот счет оставляло страну в категории «пороговых», околоядерных вплоть до мая 1998 г., когда Пакистан произвел, вслед за Индией, взрывы шести ядерных устройств.

В положении «пороговой» державы долгое время находился и главный региональный антагонист Пакистана — Индия. После подземного взрыва ядерного устройства «в мирных целях» (в 1974 г.) она, как отмечалось, отказалась от проведения новых испытаний, но продолжала развивать атомную энергетику, используя в том числе объекты, не поставленные под международный контроль.

Опираясь на свой достаточно мощный научный и технический потенциал, Индия смогла к началу 2000-х годов расширить и усовершенствовать базу военно-промышленного производства, осуществить в основном независимо от внешних сил опытно-экспериментальные работы, позволившие ей построить и успешно испытать в 1999–2003 гг. ракеты среднего и меньшего радиуса действия («Агни» и «Притхви» различных модификаций), а также накопить массы оружейного плутония и урана, достаточные для производства 50–90, по другим сведениям — 100–150 ядерных боезарядов. Возможности Пакистана, исходя из запасов расщепляющихся материалов, оцениваются скромнее, на уровне 25–50 боевых устройств²⁶.

Соотнося свои потребности в безопасности с угрозами со стороны не только Пакистана, но и ядерного Китая, Индия отказалась в свое время присоединиться к Договору 1968 г. о нераспространении ядерного оружия, а в 1996 г. была единственной крупной стра-

ной, принципиально выступившей против подписания Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. (Пакистан воздержался от этого шага вслед за ней.)

Трудность принятия политического решения об испытаниях ядерного оружия для правительства ИНК, находившегося у власти до 1996 г., а также коалиционных правительств, опиравшихся на поддержку ИНК в 1996–1997 гг., отодвинула сроки их проведения. Лишь после прихода к власти по итогам парламентских выборов в марте 1998 г. коалиции партий во главе с националистической Бхаратия джаната парти Дели решился на осуществление взрывов. 11–13 мая 1998 г. Индия взорвала пять ядерных устройств разной мощности.

Надо также подчеркнуть, что Индия в 90-е годы продолжала совершать крупные сделки по приобретению обычных видов вооружения за рубежом. В 1991–1995 гг. она находилась на седьмом, а в 1992–1996 гг. — на девятом месте в мире по стоимости импорта оружия (4,9 млрд. долл.). Для сравнения: Пакистан импортировал оружие в 1992–1996 гг. на сумму около 3 млрд., а КНР — на 5,9 млрд. долл.²⁷

Основное внимание при этом Индия обратила на усиление потенциала своих военно-воздушных и военно-морских сил, которые на 70–80% комплектовались за счет вооружений советского/российского производства (самолеты МИГ-27 и МИГ-29, ракеты класса «воздух—воздух»), дизельные подлодки, радарные и ракетные системы для кораблей).

Еще более значительными представляются сделки, заключенные в 1996–2002 гг. Объем военно-технического сотрудничества к концу этого периода вырос до 1,5 млрд. долл. в год. К наиболее значительным относятся договоренности о закупке и производстве по российской лицензии 180 тяжелых истребителей СУ-30, а также поставках и лицензионной сборке 300 новейших танков Т-90. Помимо зенитно-ракетных комплексов С-300 Россия поставила Индии большое число ракет, а также самолетов и вертолетов морского базирования. В соответствии с текущими и перспективными (до 2010 г.) планами двустороннего сотрудничества военно-морские силы Индии должны также пополниться тремя построенными на российских верфях суперсовременными фрегатами, дизельными и атомными подлодками, а также мощным авианесущим крейсером «Адмирал Горшков».

К российским надо добавить возросшие закупки Индией современного оружия в других странах, прежде всего Европы (Англии, Франции и др.). Некоторое развитие получили с начала 90-х годов военные связи с США, хотя из-за индийской ядерной программы Вашингтон сохраняет наложенные на них ограничения.

Помимо поставок из-за рубежа индийские вооруженные силы в последний период активно укреплялись за счет продукции своего ВПК. Его потенциал существенно выше, чем мощность пакистан-

ского. Заметно усилилась также кооперация индийского военнo-научного комплекса с иностранными, в частности израильским. Совместно с Россией Индия разработала и успешно испытала в 2002 г. самонаводящуюся крылатую ракету «Брамос» (по названию рек Брахмапутра и Москва), предназначенную для обороны морских объектов.

Проведением серии ответных ядерных испытаний Пакистан обнаружил военно-технические возможности противостоять Индии. Испытание ядерных устройств свидетельствует о наличии готовых к применению боезарядов, по числу которых он, впрочем, уступает Индии, по разным оценкам, в два или три раза. Решаемым оказался и вопрос со средствами доставки. Это показали проведенные в 1998–2002 гг. успешные испытания ракет «Хатф», «Шахин» и «Гхори» (дальностью соответственно до 300, 700 и 2000 км). В распоряжение ВС уже поступили сначала тактические ракеты «Хатф» двух модификаций, а затем, в начале 2003 г., стратегические «Гхори».

Таким образом, эскалация вооружений в Южноазиатском регионе сопровождалась их качественным изменением. В распоряжении сторон оказались не только совершенные виды обычного (конвенционального), но и первые образцы неконвенционального оружия. Теоретически обладание ядерным оружием должно играть сдерживающую роль, так как грозит разрушительными последствиями и для превосходящей стороны. Однако нельзя не учитывать вероятность возникновения, особенно на первом этапе обладания этим мощным и сложным оружием, чрезвычайных (нештатных) ситуаций, технических ошибок и цепочки решений, ведущих к никем не предусмотренному результату. Между тем ядерное оружие увеличивает на несколько порядков масштабы и трагические последствия войны²⁸. Думается, оно не способно также уменьшить риск конвенционального ограниченного конфликта, так как лишь расширяет спектр силовой политики, увеличивая искушение испробовать ее допустимые пределы.

При этом вызвать войну может и заведомо более слабая сторона, хотя кажется маловероятным, чтобы Пакистан целенаправленно стремился к фатальному осложнению обстановки и увеличению угрозы вооруженного столкновения с более сильным соседом. В то же время «поступиться принципами» в кашмирском вопросе и в самой проблеме взаимоотношений с Индией Исламабаду нелегко.

То же можно сказать о Дели. Логика внешнеполитического противостояния диктует свои законы. Конфронтация с Пакистаном к тому же тесно связана с внутривнутриполитической ситуацией, со стабильностью в одном из штатов, страдающих от действий сепаратистов. Возросшая совокупная мощь Индии (экономическая и военная) может при определенных условиях подвинуть ее на решительные

действия с целью вынудить Исламабад к уступкам по проблеме Кашмира и связанной с ней деятельности экстремистских и террористических групп.

Переходя от значения индийско-пакистанских противоречий для будущего развития ситуации в Южной Азии к общим перспективам внешней политики главных держав региона, надо отметить, что Индия, вероятнее всего, повысит активность на многих направлениях. Ее внимание будет в наибольшей степени приковано к расширенному (макро) региону, включающему северную часть акватории Индийского океана, которая стыкуется на востоке с Тихим океаном, а на западе — с Персидским заливом, Аравийским и Красным морями. В меньшей степени, очевидно, ее взор будет обращен на континентальные районы — бассейн Каспийского моря и Центральную Азию.

Особую для Индии роль по-прежнему будет играть китайское направление ее региональной внешней политики. Интересы Индии объективно сталкиваются с китайскими и в континентальном, и в морском преломлении. Нерешенность территориальных споров и вопросов контроля за границей, проходящей по главному Гималайскому хребту, сглаживается, впрочем, обоюдной заинтересованностью не допустить религиозно-националистической «радикализации» обстановки в подходящем к границам обоих государств и частично их захватывающем мусульманском поясе (Афганистан, Таджикистан, Узбекистан, Кашмир, Синьцзян). Позитивное значение имеют и сходные подходы к некоторым острым вопросам мировой политики, а именно критическое отношение к однополярности в международных делах, опасения оказаться при их решении стороной, третируемой Западом. Принимается во внимание как правительственными, так и общественными кругами двух стран и недвусмысленно выраженное стремление Москвы углублять стратегическое партнерство с Пекином и Дели и способствовать улучшению индийско-китайских взаимоотношений.

Наиболее серьезным представляется соперничество Индии и Китая в регионе Тихого и Индийского океанов. Тесные отношения с Мьянмой (Бирмой) позволяют Китаю угрожать монополии военного-морского присутствия Индии в районе Бенгальского залива и к востоку от него. Опасения Индии вызывает стремление Китая обойти ее и с западного фланга, дополнив построенное в 60–70-х годах Каракорумское шоссе сооружением на пакистанском побережье Аравийского моря порта Гвадар.

Что касается Пакистана, то при более ограниченных возможностях проведения региональной внешней политики ее характеризует и, по-видимому, будет и далее отличать крен в сторону Афганистана. С ним Пакистан связывают исторические, географические и этнические корни. Культурно-исторические факторы во многом объяс-

няют и выраженное тяготение Пакистана к Ближнему и Среднему Востоку и Центральной Азии.

Характерно, что тенденции эволюции региональной политики Индии и Пакистана оказываются в большой степени разновекторными. Будет ли это подоплекой для примирительного отчуждения или углубления враждебности — покажет будущее.

В целом, южноазиатский «комплекс безопасности» или «небезопасности» (термины известного английского политолога Б. Бузана) оказывается в начале XXI века в существенной степени размытым²⁹. Такое состояние, по всей видимости, является следствием генеральных сдвигов в общей глобально-политической ситуации в период после окончания холодной войны. Господствовавшая на том этапе модель геополитической регионализации претерпевает изменения, последствия которых в полной мере пока не ясны.

Ниже, в главе 4, рассматриваются перспективы регионального, в пределах Южной Азии, сотрудничества, характеризуются его возможности и ограничители. Этому предшествует (гл. 2 и 3) анализ геополитических установок и региональной внешней политики Индии и Пакистана в 40–80-х годах XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

¹ О различии в подходах консерваторов и лейбористов упоминается в большом количестве книг и исследований. См., напр.: **Moore R.J.** *Escape from Empire. The Attlee Government and the Indian Problem.* — Oxford: Clarendon Press, 1983. — P. 320, 344–345. Что касается вопроса о доминионах, то хотя первый из них, Канада, появился в составе Британской империи еще в 1867 г., а позднее, в начале XX века, образовались другие «белые доминионы» (Австралия, Южно-Африканский Союз, Новая Зеландия), вопрос об их полной внешнеполитической самостоятельности разрешился лишь с принятием Британским парламентом так называемого Вестминстерского статута (устава) в 1931 г. См.: **Low D.A.** *Britain and Indian Nationalism. The Iprint of Ambiguity 1929–1942.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. — P. 21–23.

² См. об этом: **Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталеv М.А.** *Очерки теории и политического анализа международных отношений.* — М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. — С. 120–128.

³ **Malik H.** *Soviet-Pakistan Relations and Post-Soviet Dynamics, 1947–1992.* — L.: Macmillan, 1994. — P. 42–44; **Khan T.A.** *An aborted Moscow interlude // The News.* — Islamabad, 1994. — June 6.

⁴ Подробнее см.: **Malik I.** *US-South Asian Relations, 1940–1947.* — Oxford: St. Anthony's College, 1991.

⁵ **Malik H.** Op. cit. — P. 107.

⁶ **Brecher M.** Nehru. A Political Biography. — Boston: Beacon Press, 1959. — P. 112–115.

⁷ **Лунев С.И.** Дипломатия в Южной Азии. — М.: Наука, 1993. — С. 151; **Cohen S.P., Park R.C.** India: Emergent Power. — N.Y.: National Strategy Inform. Center, 1978. — P. 55–56; **Sayyed K.B.** Politics in Pakistan. The Nature and Direction of Change. — N.Y.: Praeger, 1980. — P. 150; Dynamics of Regional Politics. Four Systems on the Indian Ocean Rim. — N.Y.: Columbia, 1992. — P. 103; по данным П.И. Чима, специально исследовавшего этот вопрос, реальная военная помощь в 1954–1959 гг. составила 348 млн. долл., а экономическая — 620 млн. **Cheema P.I.** Pakistan's Defence Policy, 1947–1958. — L.: Macmillan, 1990. — P. 150, 152.

⁸ Впрочем, начало этого сотрудничества относят к 1960 г. См., напр.: **Куценков А.** Полвека сотрудничества и дружбы // Азия и Африка сегодня. — 1997. — № 7. — С. 6.

⁹ **Smith C.** India's Ad Hoc Arcenal. Direction or Drift in Defence Policy. — Stockholm (SIPRI): Oxford University Press, 1994. — P. 80–82.

¹⁰ Dynamics of Regional Politics. — Op. cit. — P. 103.

¹¹ О позиции КНР подробнее см.: **Verzberger Y.** China's Southwestern Strategy. Encirclement and Counterencirclement. — N.Y.: Praeger, 1985.

¹² **Smith C.** Op. cit. — P. 245.

¹³ Ibid. — P. 231–238.

¹⁴ О стереотипах колониального времени и последствиях британской военной политики для индийской и пакистанской армии см.: **Cohen S.P.** The Indian Army. — Berkeley: University of California Press, 1971; **Cohen S.P.** The Pakistan Army. — Berkeley, University of California Press, 1984; **Wilcox W.A.** India, Pakistan, and the Rise of China. — N.Y.: Walker and Co., 1964.

¹⁵ **Rudolph L.I., Rudolph S.H.** In Pursuit of Lakshmi. The Political Economy of the Indian State. — L.: University of Chicago Press, 1987. — P. 144–147, 163–168.

¹⁶ Весьма тесные тогда отношения между Индией и Бангладеш ярко характеризует такое замечание известного индийского дипломата: «После убийства Муджибур Рахмана, — пишет он, — Индия могла бы ввести в Бангладеш свои войска и передать власть проиндийскому правительству. Однако несмотря на просьбы некоторых кругов Бангладеш, Индия проявила мудрость и воздержалась от такого шага». **Кауль Т.Н.** Индия и Азия. — М.: Прогресс, 1989. — С. 61.

- 17 **Verzberger Y.** Op. cit. — P. 2. — Ch. IV.
- 18 **Harrison S.S.** South Asia and the US: A Chance for a Fresh Start // Current History. — March 1992. — P. 97.
- 19 В феврале 1979 г. состоялся первый после долгого перерыва (с 1960 г.) визит высокопоставленного представителя одной страны в другую. Однако пребывание министра иностранных дел Индии А.Б. Ваджапай в Китае совпало с началом его наступательных действий против Вьетнама. Этот шаг Пекина не позволил извлечь из визита крупных позитивных результатов для двусторонних отношений. Подробнее см.: **Шаумян Т.Л.** Индийско-китайские отношения к середине 80-х годов // Индия 1987. Ежегодник. — М.: Наука, 1988. — С. 224–226.
- 20 **Smith C.** Op. cit. — P. 112–113.
- 21 Во время предвыборной кампании в мае 1991 г. Р. Ганди погиб в результате взрыва, совершенного тамильской террористкой.
- 22 **Yousaf M. and Adkin M.** Afghanistan. The Bear Trap. The Defeat of a Superpower. — Barnsley: Leo Cooper, 2001 (First published in UK in 1992). — P. 210–219.
- 23 **Евсенкин Н.** За 5 минут до ядерного конфликта // Армия. — 1994. — № 4. — С. 46–50; **Иродов С.** Канун войны? // Новое время. — 1990. — № 18. — С. 23.
- 24 SIPRI Yearbook 1997. Stockholm: Oxford University Press, 1997. — P. 322–323.
- 25 **Smith C.** Op. cit. — P. 240.
- 26 **Kemp G. and Harkavy R.F.** Strategic Geography and the Changing Middle East. — Wash.: Carnegie, 1997. — P. 385–386; **Cirincione J.** Deadly Arsenals. Tracking Weapons of Mass Destruction. — Wash.: Carnegie Endowment for International Peace, 2002. — P. 191, 207; New York Times. — 2003. — Jan. 5.
- 27 SIPRI Yearbook 1997. — P. 272.
- 28 По расчетам группы американских экспертов, ядерная война между Индией и Пакистаном уже на первом этапе, без учета воздействия радиации, приведет к гибели от 40 тыс. до 12 млн. человек, в зависимости от ее масштабов. **Phillips J., Spencer J., Ingram D., Dillon D.R.** Responding to the Indo-Pakistan Crisis // Journal of South Asian and Middle Eastern Studies. — Villanova. Fall 2002. — P. 52–53.
- 29 **Buzan B., Rizvi G.** South Asian Insecurity and the Great Powers. — L.: Macmillan, 1986. — P. 11–36.

ГЛАВА 2

Геополитические устремления и региональная внешняя политика Индии

По известному выражению «отца истории» Фукидида, внешнюю политику государств определяют три фактора — устремления, интерес и страх. В случае с Индией преобладающим с самого начала был, как представляется, первый элемент. Еще до получения независимости Индию принимают в круг субъектов международного права, полноправных членов мирового сообщества. В 1945 г. ее делегация участвовала в конференции в Сан-Франциско, на которой было принято решение о создании ООН. Весной 1946 г. в Дели местный Совет по международным делам организовал Азиатскую конференцию, в которой участвовали представители нескольких десятков уже добившихся независимости или находившихся на ее пороге стран Азии, а также делегации из азиатских республик СССР¹.

Душой и инициатором этого мероприятия был будущий премьер-министр Индии Дж. Неру. Характерно, что после обретения независимости он одновременно с портфелем премьер-министра оставил за собой пост министра иностранных дел. В области внешних сношений роль личности и взглядов Неру на первом этапе независимого существования Индии трудно переоценить. Как писал его наиболее известный западный биограф М. Бречер в конце 50-х годов, «нигде один человек так не определяет внешнюю политику, как Неру в Индии». По словам канадского профессора, он был философом и архитектором внешнеполитического курса, превратив его по существу в свою «частную монополию»².

Взгляды Дж. Неру, действительно, отразились на позиции Индии по всем главным вопросам международной политики. Тот же Бречер отмечает, что основными принципами, которыми руководствовался Неру при проведении иностранной политики, были антиколониализм, то есть поддержка права на самоопределение народов Азии и Африки; антирасизм, или требование полного равенства рас и народов; неприсоединение к военно-политическим блокам, что не означало пассивный нейтрализм (изоляциялизм), но предполагало активное утверждение независимых суждений по всем международ-

ным вопросам; признание Азии в качестве новой нарождающейся силы в мире и права азиатских государств решать самим касающиеся их проблемы; посредническая роль в противостоянии блоков, отказ от участия в гонке вооружений как следствие философии ненасилия и как способ уменьшить риск новой мировой войны³.

В проповеди ненасилия прямо отразилось влияние М. Ганди на взгляды Неру. В течение первых десяти лет его руководства внешними делами отпечаток гандистского идеализма ощущался наиболее сильно, особенно в поддержке движения за мир и разоружение, агитации за запрет на применение и угрозу использования атомного оружия. Вместе с другими внешнеполитическими принципами он сказался на стремлении Дели занять равноудаленную позицию в вопросах, связанных с Корейской войной и международным урегулированием кризисов в Корее и Индокитае в 1952–1954 гг.

Весьма отчетливо идеализм проявился в отношениях с Китаем, хотя он был связан не столько с представлениями Ганди, сколько со взглядами самого Неру, которые он усвоил еще в 20–30-х годах⁴. В основе их лежал постулат о «естественной» близости двух великих цивилизаций Азии, объединенных общей судьбой долгой зависимости от европейских колониальных держав. Идеологически близким Дели был гоминьдановский режим Чан Кайши. Победа коммунистов Мао Цзэдуна в 1949 г. заставила Неру считаться с появлением сильного централизованного Китая как соседа вдоль протяженной, хотя и высокогорной границы с северо-востока. На формирование подхода Дели к новому повороту событий в Китае значительное влияние оказал посол Индии при двух режимах в Пекине, видный член руководства Конгресса и автор ряда книг по геополитическому предназначению и внешней политике Индии К.М. Паниккар⁵. На него произвели глубокое впечатление сила КПК, военно-политические возможности нового коммунистического Китая и убежденность в своей правоте его лидеров. Он советовал Дели заключить с Пекином стратегический союз, отказавшись от тех особых прав, которые имела Британская Индия в Тибете, пограничном с Индией западном регионе Китая.

После некоторых колебаний в Дели предпочли не заметить силовые методы, какими Китай в 1950 г. установил полный контроль над длительное время сохранявшим полузависимый статус буддийским Тибетом. В 1954 г. политика Индии по «умиротворению» Китая завершилась подписанием в Пекине упоминавшегося выше соглашения о торговле и связях между Тибетским районом Китая и Индией сроком на восемь лет, в преамбуле которого перечислялись пять принципов мирного сосуществования.

Середину 50-х годов, как уже также подчеркивалось, нужно считать временем наибольших успехов нейтралистской внешней политики Индии. Дели не допустил втягивания большинства соседей по

региону в военно-политические блоки, которые создавались США. В период Суэцкого кризиса осенью 1956 г. Неру оказал существенную моральную поддержку египетскому лидеру Г.А. Насеру. Обнаружившаяся в связи с военными действиями Англии, Франции и Израиля трещина в отношениях между Дели и Лондоном была компенсирована, в плане связей с Западом, более позитивным, чем ранее, в 1949–1955 гг., видением действий Вашингтона.

К тому же периоду относится прорыв в контактах Индии с Советским Союзом. Хотя Неру по своим политическим взглядам никогда не был марксистом, он с пониманием относился к усилиям революционной России добиться социального прогресса на путях индустриализации. В опыте Советской России его привлекали массовый энтузиазм и опора на собственные силы. Критически относясь к жестким методам большевиков и выявлявшимся злоупотреблениям, он все же позитивно оценивал значение советского эксперимента и считал его полезным для бывших колониальных стран и народов.

Национальный конгресс разошелся в вопросах политической тактики с индийскими коммунистами в 1942 г., а в конце 40-х годов возглавляемое Неру правительство столкнулось с необходимостью подавления руководимых Компартией Индии антиправительственных выступлений крестьян (прежде всего в области Теленгана на юге страны). Эти действия молодого индийского правительства, как уже отмечалось, в значительной степени объясняют прохладное отношение Москвы к Дели в 1947–1951 гг. Однако благоприятная для СССР и КНР позиция Индии по Корейскому вопросу, ее демонстративное неучастие в конференции 1951 г. в Сан-Франциско по мирному договору с Японией и ряд других шагов подготовили сдвиг в позиции Москвы в сторону улучшения связей с Дели, инициированный еще Сталиным⁶. Состоявшийся в 1955 г. обмен визитами между высшими руководителями Индии (Дж. Неру) и СССР (Н.С. Хрущев и Н.А. Булганин) символизировал подъем двусторонних связей на уровень «дружбы и братства», сопоставимый с характером тогдашних индийско-китайских отношений.

Курс Индии на развитие контактов с СССР и другими социалистическими государствами связан с еще одной особенностью политического мировоззрения ее безусловного лидера Неру. В отличие, с одной стороны, от Ганди, который отрицал и порицал идущий с Запада материальный прогресс, а с другой — от конгрессистов либерально-консервативного плана, он принадлежал к категории «азиатских социал-демократов», либерал-прогрессистов, веривших в неизбежность и благотворность технического прогресса, политику планирования экономического роста с опорой на сильный государственный сектор как основу самостоятельной национальной экономики. Неру привлекала перспектива технико-экономического

сотрудничества с СССР в создании базовых элементов индустриально развитой Индии.

Политика индустриализации, как и действия Неру на мировой арене, свидетельствовали об идеалах и амбициях. Однако идеализм в проведении внешней политики смешивался с реализмом, особенно явно в региональных вопросах. Сам Неру в 1954 г. отмечал: «Политика... должна быть идеалистической и реалистической... Если она лишена идеализма, то становится похожа на чистый оппортунизм; если же она не реалистична, то может превратиться в авантюристическую и совершенно неэффективную»⁷.

Главной проблемой внешней региональной политики для Дели вплоть до последней трети 50-х годов оставался комплекс взаимосвязей с Пакистаном. В Индии с самого начала рассматривали его как «отколовшееся государство». То, что оба независимых доминиона возникли одновременно в полночь с 14 на 15 августа 1947 г., ничего не меняло, по мнению индийского руководства и общественных кругов, в факте раскола и «сепаратизма», в предательстве дела независимости и единства Индии лидерами Мусульманской лиги. Согласившись на раздел в качестве временной меры в надежде на то, что Пакистан окажется экономически нежизнеспособен и через несколько лет «попросится обратно», Дели стремился не облегчить, а затруднить становление соседнего государства и его экономики. Только голодовка, объявленная М. Ганди в декабре 1947 г., заставила Дели выплатить часть причитающейся Пакистану по условиям раздела доли финансов. К беспорядкам, бесчинствам и кровавым расправам, сопровождавшим создание двух государств и раздел «по живому» провинций Пенджаб и Бенгалия, почти немедленно добавились споры по поводу судьбы ряда княжеств, а через два с половиной месяца начались бои в Кашмире. Конфликт между двумя государствами по поводу судьбы бывшего княжества — один из самых затяжных в новейшей истории (подробнее см. ниже, гл. 5 и 6).

Особая заинтересованность Индии в сохранении контроля за Кашмиром объясняется, как представляется, тремя главными обстоятельствами — эмоциональными мотивами, геополитическими и идеологическими соображениями.

Сам Неру, а также некоторые другие видные деятели Конгресса и индийского государства (например, Т. Сапру, представители семейств Каулей, Хаксаров, Дхаров и др.) принадлежали к подкасте кашмирских брахманов (пандитов). Живописная долина Кашмира с главным городом Сринагаром была для них олицетворением исторических и духовных корней, а также любимым местом летнего отдыха.

Геополитика вторгается в идеалистическую внешнюю политику независимой Индии исподволь. Ее не афишируют, но четко понимают основные законы. Уход Англии должен означать приход Индии

в стратегически важные районы Восточного Гиндукуша и Гималаев. Индия не может потерять доступа к «сердцу» гигантского континента, контроль над территориями, граничащими с китайским Синьцзяном, восточным Афганистаном, а севернее Ваханского коридора с советским Памиром. Уступая Кашмир, Индия теряет в статусе и геополитическом значении.

Идеологическое значение присоединения Кашмира к Индии было велико, так как наносило серьезный удар по теории двух наций, подчеркивало светский характер индийского государства, равноправие всех его граждан независимо от конфессии. Пребывание в составе Индии штата с преимущественно мусульманским населением послужило в дальнейшем обоснованием для призывов Дели к созданию единого государственного образования, пусть даже и конфедеративного, в составе Индии, Пакистана и Кашмира.

Фактическое разделение княжества Джамму и Кашмир, сложившееся в основных чертах уже к концу 1947 г., удовлетворяло минимуму требований Дели. Индия сохраняла контроль над тремя четвертями жителей, наиболее населенной долиной Кашмира и всей восточной половиной княжества с выходом на границы с Синьцзяном в районе Каракорумского перевала. Несомненно, обладание всем княжеством открывало еще лучшие геостратегические перспективы, но и достигнуто было немало, учитывая, что, если бы Кашмир обладал статусом провинции Британской Индии, шансы его присоединения к Пакистану, ввиду того, что три четверти населения там составляли мусульмане, были бы исключительно высоки.

Раздел имущества между Индией и Пакистаном и решение других проблем, возникавших на первом этапе после раздела колонии на два доминиона, протекал под аккомпанемент периодически обострявшегося конфликта в Кашмире и рецидивов индуско-мусульманских погромов. Если осенью 1947 г. их эпицентром был Пенджаб, то на рубеже 1949–1950 гг. — Бенгалия.

Индия, унаследовав в готовом виде как гражданскую, так и военную бюрократические машины, имела возможность диктовать свои условия Пакистану. В 1949 г. Дели предложил руководству «отколовшейся страны» со столицей в Карачи заключить пакт о ненападении. Пакистан расценил предложение как связывающее его свободу и отказался. Весной 1950 г. отношения между двумя странами обострились из-за событий в Бенгалии до такой степени, что грозили вылиться в новую войну, и премьер-министр Пакистана Лиакат Али-хан поспешил приехать в Дели для урегулирования ситуации на переговорах с Неру. Летом 1951 г. Индия организовала очередную нажим на Пакистан, сосредоточив у его границ значительное количество войск с целью проведения маневров. Выше подчеркивалось, что вооруженные силы Индии в то время по численности и оснащенности превосходили пакистанские более чем втрое.

Наступательной тактики придерживался Дели в своих отношениях с Карачи и в 1952 г., пользуясь, в частности, тем, что Пакистан потерял второго признанного лидера — Лиакат Али-хана (тот был убит осенью 1951 г. спустя три года после смерти М.А. Джинны). Именно тогда правительственная делегация Джамму и Кашмира во главе с премьер-министром Шейхом Абдуллой подписала документ о принципах присоединения к Индии с сохранением за штатом особого статуса (Делийское соглашение). Попытка Шейха, бесспорного лидера кашмирских мусульман, ослабить зависимость от Дели привела в августе 1953 г. к его отстранению от власти и аресту. Пакистан предпочел закрыть глаза на расправу с ним, и на состоявшихся в том же месяце переговорах в Дели с Дж. Неру пакистанский премьер М. Али Ботра пошел навстречу Индии в вопросе о решении кашмирской проблемы. Стороны договорились об организации плебисцита комиссией ООН, возглавляемой представителем не США (как это было на тот момент), а «какой-либо небольшой нейтральной страны». Однако вскоре стало ясно, что решение проблемы усилиями главным образом двух сторон (без уравнивающего влияния внешних сил) заведомо выгодно более сильной Индии. В феврале 1954 г. законодательное собрание штата Джамму и Кашмир подтвердило факт присоединения к ней несмотря на то, что по договоренностям августа 1953 г. как раз в это время должен был решаться вопрос об организации плебисцита.

Сильное давление на Пакистан Дели оказал в 1954–1955 гг. после заключения последним договора о взаимной обороне с США и присоединения к СЕАТО и Багдадскому пакту. В 1956 г. после проведения нового административно-территориального устройства и принятия исправленного текста Конституции правительство Индии объявило об окончательном решении кашмирского вопроса, публично призвав Пакистан (это сделал выступая в парламенте сам Неру) к признанию линии прекращения огня в Кашмире на 1 января 1949 г. международно признанной границей между двумя государствами. Вместе с тем Дели продолжал держать Ш. Абдуллу в тюрьме и нервно реагировал на обращение Пакистана в Совет Безопасности ООН с целью рассмотрения кашмирского вопроса. От одобрения в 1957 г. неблагоприятной для нее резолюции СБ по этому вопросу Индию спасло лишь вето СССР.

Элементом региональной внешней политики Дели нужно считать проводившуюся им активную пропагандистскую войну против Пакистана. Поводом для нее, помимо вышеотмеченных обстоятельств, служили и тяжело складывавшиеся отношения между Карачи и Кабулом, столицей королевского Афганистана. Последний, не имея выхода к морю, пробивался к нему, используя проблему Пуштунистана, то есть поддерживая и «подогревая» требования самоопределения для родственных афганцам пакистанских пуштунов —

жителей северо-западных районов Западного Пакистана. Обострение в пакистано-афганских отношениях в 1955 г. в полной мере устраивало Дели и использовалось для пропагандистского наступления на Карачи.

Во второй половине 50-х годов элементы реализма в индийской внешней политике начинают явно брать верх над идеалистическими постулатами. Толчком к этому послужила выявившаяся к тому времени неудача курса Дели на сближение и сохранение тесных связей с Пекином. Бандунгскую конференцию стран Азии и Африки (апрель 1955 г.) многие в Индии стали рассматривать как «осечку». Пекин, приглашенный для участия в Бандунге по ее предложению, помог «притушить» инициативы Дели по созданию блока неприсоединившихся стран. Более того, международная поддержка Индии никак не сказалась на действиях Пекина по решению своих внутренних проблем, связанных, в частности, с укреплением контроля над Тибетом и Синьцзяном. К 1957 г. в Дели пришли к выводу, что инциденты на границе с КНР, отмечавшиеся с 1955 г., не являются чем-то случайным и спорадическим.

В развитие сказанного об этом периоде в индийско-китайских отношениях в предыдущей главе добавим, что в Дели с удивлением обнаружили, что китайцы втайне построили стратегически важное шоссе между Синьцзяном и Тибетом. Оно частично пролегало по территории высокогорной области Аксай-чин, которую Дели в соответствии с картами Британской Индии считал своей, исторически принадлежащей Ладакху, входившему в княжество Джамму и Кашмир⁸. Действия Пекина по укреплению своего контроля над Тибетом привели в 1959 г. к восстанию там и бегству главы тибетских буддистов Далай-ламы в Индию. Несмотря на стремление Дели уменьшить неблагоприятные последствия этого события для его отношений с Пекином, достичь желаемого не удалось. Осенью того года произошли крупные столкновения на границе между двумя государствами. Неудача попытки разрядить обстановку в ходе визита китайского премьера Чжоу Эньлая в Дели в апреле 1960 г. послужила сигналом для перемещения центра тяжести региональной внешней политики Индии в направлении Китая.

С конца 50-х годов под воздействием ряда факторов, таких как уже упомянутое осуществление Пакистаном программы перевооружения с помощью США и ухудшение отношений с Китаем, Индия начинает программу укрепления собственных вооруженных сил. Символичным в этом смысле было назначение друга Неру и красноречивого защитника идеалистических принципов индийской внешней политики Кришны Менона на пост министра обороны. Однако ограниченные финансовые возможности и слабость промышленной базы не позволили тогда Индии продвинуться в этом отношении далеко. Не имея в то время иного выбора, кроме как

надежды на сотрудничество с США, Дели ослабляет под воздействием Вашингтона давление на Пакистан. В 1959–1960 гг., несмотря на явное неодобрение внутренних подвижек в этой стране, а именно прихода там к власти военных во главе с Айюб-ханом, Неру идет на решение некоторых оставшихся со времен раздела застарелых проблем. Наиболее значимым было заключение под эгидой Мирового банка договора о разделе вод р. Инд. Вместе с тем предложение Карачи заключить договор о совместной обороне субконтинента было категорически отвергнуто Дели. Столь же отрицательно были встречены в Пакистане попытки Индии навязать ему свой вариант окончательного решения кашмирской проблемы.

В 1961 г. после прихода к власти в США демократической администрации Д.Ф. Кеннеди наблюдается дальнейшее улучшение индийско-американских отношений. Не отказываясь от политики «несвязанных рук» на мировой арене, более того, выступив в качестве одного из трех главных инициаторов проведения в Белграде первой конференции неприсоединившихся стран, Дели одновременно стремится укрепить контроль над своим региональным пространством. Долгое время Неру отказывался от планов силового решения проблемы расположенных на западном побережье полуострова португальских колоний Гоа, Дамана и Диу. В конце 1961 г. индийские войска без боя заняли их, что знаменовало отказ Дели от тактики выжидания благоприятных условий для их передачи под индийскую юрисдикцию путем дипломатического давления и переговоров. Несмотря на оправданность антиколониальных шагов, знаменательной, особенно для соседей, была решительность, с которой действовала Индия. Судя по всему, такую же настойчивость Дели решил проявить и в вопросе о спорной границе с Китаем. По мнению некоторых наблюдателей, Дели проводил «наступательную политику» на северо-восточной границе, что главным образом и привело осенью 1962 г. к крайне неудачной для нее, как выше упоминалось, пограничной войне с Китаем⁹.

Действия Дели по усилению военного потенциала после конфликта с Китаем охарактеризованы в предшествующей главе. Здесь подчеркнем лишь, что, проводя в 1962–1964 гг. сбалансированную политику по отношению к Вашингтону и Москве, Дели не поступался принципами своего глобального курса, тем более что период после Карибского кризиса вплоть до начала эскалации войны во Вьетнаме был для него весьма благоприятен — наблюдалось смягчение противоречий между СССР и США, и ни одна из великих держав не была втянута непосредственно в локальные конфликты. Воспользовавшись тем, что экономические мотивы стимулировали Москву на поиск рынка сбыта для технологий тяжелой индустрии и военно-промышленного производства, Индия примерно с 1964 г. заметно усилила кооперацию с СССР по линии создания своего ВПК.

Напряжение, связанное с чрезвычайными мерами по индустриализации, отчасти объясняет экономический кризис в Индии 1966–1967 гг. Оказанная США помощь в его преодолении способствовала проведению некоторых преобразований в сельском хозяйстве, улучшению технологических условий и повышению эффективности аграрного производства. «Пауза в планировании» второй половины 60-х годов помогла сбалансировать соотношение между основными производственными секторами, ослабив неблагоприятный эффект «форсированной индустриализации»¹⁰.

Одним из главных последствий поражения Индии для ее политики в регионе было смещение акцента с китайского на пакистанское направление. Ничейное состояние дел на ее северо-востоке обострило ситуацию на северо-западе. Неудача переговоров с Пакистаном и приобретение последним важного союзника в лице Китая поставили Индию перед фактом давления на нее с двух сторон. Впервые Индия оказалась в состоянии «окружения», зажатой между двумя соседями. Восприняв заключение в марте 1963 г. китайско-пакистанского договора о временном и условном (с учетом спорного статуса бывшего княжества Джамму и Кашмир) разграничении зон пограничного контроля как символ этой угрозы, Индия стремилась найти адекватный ответ. Частично он состоял в усилении военного потенциала, отчасти же — в поиске надежного союзника. Надежда на США оправдалась лишь до определенной степени. Их вовлеченность в войну во Вьетнаме с 1964 г. отвлекала ресурсы от других направлений и была непопулярной среди большинства государств Азии и Африки. СССР оказался многообещающим партнером, особенно после того как вслед за китайским испытанием атомной бомбы осенью 1964 г. он еще более основательно разошелся с КНР. Вместе с тем отношения с Москвой у Дели не во всем складывались легко. Отстранение от власти Н.С. Хрущева, лично сделавшего немало для развития многообразных связей с Индией, на время несколько омрачило перспективы советского направления. Более прагматичная политика его преемников в 1964–1968 гг. привела на южноазиатском направлении к уменьшению значительного дисбаланса в пользу Индии.

Как глобальные (метарегиональные), так и региональные позиции Дели в середине 60-х годов были серьезно ослаблены. На международном авторитете Индии к тому же отрицательно сказалась смерть Дж. Неру в мае 1964 г. Не удивительно поэтому, что она проводила в тот период осторожную политику, направленную на снижение риска дальнейших потерь. Несмотря на успех проведения второй конференции неприсоединившихся стран в Каире в 1964 г., Индия приняла участие и в предварительной встрече в Джакарте по подготовке к созыву второй после Бандунга конференции государств Азии и Африки. Здесь Индии приходилось считаться с актив-

ной позицией Китая и Пакистана и сдерживать по мере возможности неблагоприятные последствия их действий. К счастью для Дели созвать афро-азиатскую конференцию в Алжире в последний момент не удалось из-за произошедшего в этой стране переворота. После этой неудачи усилия по оживлению идеи проведения регулярных азиатско-африканских форумов более не предпринимались. Китай снизил внешнеполитическую активность и идеологически «заострил» ее содержание из-за начавшейся там «культурной революции» и поражения прокитайских сил в Индонезии. Аморфное и внутренне неоднородное азиатско-африканское сообщество окончательно распалось, чтобы уступить место более органичным региональным (типа АСЕАН — Ассоциации государств Юго-Восточной Азии) и надрегиональным объединениям, таким как Организация Исламская конференция (ОИК).

В кризисное для себя время Индия нашла внутренние силы для отражения угрозы своей целостности в военных столкновениях с Пакистаном в 1965 г. Ей удалось не допустить массовой поддержки действий пропакистанских элементов в Кашмире в августе того года. Индийское руководство проявило решимость, переведя вяло текущий процесс боевых стычек в этом спорном с точки зрения международного права районе в полномасштабную военную акцию. 6 сентября она атаковала пакистанские части, перейдя признанную границу между двумя государствами на ряде направлений. Хотя попытка продвинуться в глубь территории противника в сторону Лахора, главного города пакистанского Пенджаба и тогдашней столицы провинции Западный Пакистан, не удалась, она свидетельствовала о серьезности намерений индийского руководства. Следует также отметить, что решение об атаке Пакистана было с ликованием встречено в стране, а неудача повергла ее в уныние¹¹.

Трехнедельное вооруженное противостояние не выявило преимущества какой-либо из сторон, и под давлением мирового общественного мнения Индия и Пакистан согласились на прекращение огня. Индия в морально-политическом отношении скорее все же выиграла, чем проиграла. Ее армия в значительной степени реабилитировала себя в глазах общественности страны и внешних наблюдателей за беспомощные действия против Китая в 1962 г. Правительство, несмотря на миролюбивый образ премьера Л.Б. Шастри, показало, что способно принимать ответственные решения. При этом оно смогло верно оценить вероятную реакцию в мире на свои действия по решительному расширению зоны боевых действий.

Хотя мусульманские страны в общем и целом поддерживали Пакистан, но полного единодушия проявлено ими не было. Отношение многих арабских государств, таких как Египет (тогда Объединенная Арабская Республика) и Ирак, было подчеркнуто нейтральным.

А намерения соседей-мусульман, правительства Афганистана даже внушали опасения пакистанскому руководству¹².

Еще важнее для Дели была реакция Вашингтона. Несмотря на официально союзнические отношения между США и Пакистаном и сделанные ранее обещания прийти на помощь в случае нападения на Пакистан, администрация Л.Б. Джонсона заняла вполне нейтральную позицию, не без основания посчитав Равалпинди ответственным за развязывание конфликта. На американской позиции отразилось, разумеется, и сближение Пакистана с КНР.

Что касается Пекина, то он вел сложную игру, с одной стороны, подталкивая Равалпинди к решительным действиям и делая вид, что готов идти далеко в оказании ему помощи и поддержки, а с другой — избегая втягиваться в двусторонний конфликт. КНР ограничилась словесной войной с Индией, пытаясь внушить Пакистану мысль, что ищет предлога для выступления против общего врага. Фактор Китая, безусловно, сдерживал возможности Дели на другом фланге противостояния с Равалпинди вдоль границ Индии с Восточным Пакистаном.

Определенный успех Индии в ходе противостояния с Пакистаном в 1965 г. был закреплён дальнейшими дипломатическими шагами. Согласившись сначала на прекращение огня, а затем и предложенные Москвой посреднические услуги, индийское правительство проявило сдержанность и добрую волю. Учитывая установившиеся к тому времени более близкие, чем у Пакистана, отношения с Советским Союзом, выдвижение его на роль организатора двусторонней встречи руководителей двух южноазиатских государств нельзя было не признать выгодным для Индии. Подписание в Ташкенте мирной декларации в январе 1966 г. следует считать дипломатической победой Дели, так как она означала отказ Равалпинди от попыток вновь обострить ситуацию в Кашмире.

«Отбив атаку» Пакистана на кашмирском направлении, Индия вскоре получила возможность ослабить противника, оказывая моральную, а, вероятно, тайно и иную, более действенную поддержку тем силам в Восточном Пакистане (Восточной Бенгалии), которые вознамерились добиться изменения баланса сил в государстве в пользу своей провинции. Во главе этих политических сил встала наиболее популярная в восточной провинции партия Народная лига (Авами лиг). Ее лидер Муджибур Рахман в феврале 1966 г. обнародовал программу требований из шести пунктов, выполнение которой означало бы превращение государства в конфедерацию с оставлением в ведении центра лишь вопросов обороны и внешних сношений. Пакистанские власти ответили репрессиями, обвинив Рахмана в 1967 г. в заговоре, заключенном в индийском городе Агартала. Масовые волнения, начавшиеся, как уже отмечалось, в западной части Пакистана в конце 1968 г., перекинулись на восточную и в конце

концов вынудили Айюб-хана подать в отставку. Новое военное правительство пошло на уступки оппозиционным и этнонациональным движениям. Однако проведенные в конце 1970 г. всеобщие выборы в парламент дали абсолютный перевес Авами лиг и сделали крайне острым вопрос о распределении реальной власти. Охвативший в марте 1971 г. Пакистан политический кризис, репрессии армейских частей и провозглашение независимости Восточного Пакистана, получившего название Бангладеш («страна бенгальцев»), скорее всего протекали не без косвенного влияния Индии, территория которой со всех сторон окружала восточное «крыло» соседа-соперника.

В то время как внутренняя ситуация в Пакистане в 1968–1971 гг. неуклонно осложнялась, в Индии в те же годы наблюдались позитивные перемены. Дочь Неру И. Ганди, возглавлявшая правительство с 1966 г. (после смерти Шастри), добилась в 1969 г. убедительной победы над конкурентами в руководстве Национального конгресса и, проведя серию популярных у населения реформ, привела свою партию к впечатляющей победе на выборах в марте 1971 г. В благоприятную сторону менялась в эти годы и международная обстановка для Индии. Вооруженные конфликты на советско-китайской границе в 1969 г. и сопровождавший их кризис в двусторонних отношениях СССР и КНР сделали Индию в глазах Москвы ключевой фигурой в борьбе с «китайским шовинизмом». Дели, надо сказать, не поддержал план коллективной безопасности в Азии, занявший приоритетное место во внешнеполитических акциях Москвы, но и не отказался от обсуждения возможностей своего участия в реализации декларируемых в нем целей. Равалпинди поступил более прямолинейно, не поддержав идею азиатской безопасности как направленную против Пекина.

Не связав себя обязательствами ни с США, ни с СССР, Индия могла возобновить активную деятельность по укреплению сообщества неприсоединившихся государств. Третья конференция, значительно более представительная, чем первые две, прошла в Лусаке (Замбия) в 1970 г. Временной разрыв (шесть лет) до сих пор остается самым большим в истории проведения саммитов Движения неприсоединения и свидетельствует, в частности, о трудностях, которые переживала во второй половине 60-х годов дипломатия Индии.

Укрепление внутриполитического и международного положения Индии создали условия для крупного успеха в области региональной внешней политики. Ее действия в период с марта по декабрь 1971 г. были продуманы и решительны. Индия одержала пропагандистскую победу над Пакистаном, содействовав созданию в мире атмосферы осуждения грубых и неоправданных акций пакистанского военного режима, кровавого подавления им гражданских свобод, вызвавшего потоки беженцев из Восточного Пакистана на свою территорию. Летом и осенью 1971 г. индийскому правительству удалось восполь-

зоваться тяжелыми просчетами пакистанской администрации в области внутренней и внешней политики и подготовить общественное мнение в своей стране и за рубежом к возможности и даже неизбежности решительных действий. Действуя настойчиво и осторожно, правительство И. Ганди сумело убедить значительную часть общественного мнения в США и других странах Запада в законности опасений в отношении действий пакистанских военных, стоящих у руля власти¹³. Это во многом связало руки администрации президента Р. Никсона, исходившей из целесообразности сохранения статус-кво в регионе. Пойдя на заключение в августе 1971 г. Договора о мире, дружбе и сотрудничестве с СССР, Дели обеспечил себе недвусмысленную поддержку одной из двух супердержав. Но и после этого дипломатическая подготовка к столь неординарной в мировой практике акции, как вторжение на чужую территорию и раскол страны-противника, не закончилась. В первых числах ноября И. Ганди совершила поездку в США, убеждая в стремлении Индии найти приемлемое мирное разрешение кризисной ситуации. О необходимости того же индийские представители на всех уровнях вплоть до начала декабря говорили с официальными представителями Москвы. Нет сомнения, что Дели хорошо подготовился к военным действиям против Пакистана. Постепенное, с конца ноября, втягивание в конфликт сменилось полномасштабными наступательными действиями индийских войск на востоке и западе субконтинента в период с 3 по 17 декабря.

Индийский блицкриг, удивив многих, увенчался не только военной, но и дипломатической победой. Главным виновником событий была почти повсеместно признана пакистанская военщина. Свидетельством тому стала, кстати, и отставка президента генерала А.М. Яхья-хана, последовавшая за капитуляцией пакистанских войск на востоке. Индия предстала перед миром в роли защитника демократии против военной диктатуры, идеалов национального освобождения и борьбы против жестоких репрессий властей.

Большинство государств, впрочем, встало на сторону Пакистана, голосуя в ООН за резолюции, призывавшие к скорейшему прекращению военных действий. Помимо чувства солидарности стран мусульманского пояса с Пакистаном это объяснялось опасениями, которые вызывал у представителей многих молодых государств пример успешного разделения страны, регионального сепаратизма (свежа тогда была память о неудачной попытке раскола Нигерии и образования Биафры).

Двойственная реакция в мире на события в Южной Азии безусловно сказалась на решении индийского руководства отказаться от предложения «горячих голов» в Дели развернуть активные военные действия против Западного Пакистана с целью разгрома противника с последующим раздроблением государства-соперника на этнотер-

риториальные образования. Действенную роль сыграла при этом четко выраженная позиция администрации США, стремившейся не допустить дальнейших изменений в регионально-политической системе, и согласованные с ней предупреждения Индии советским руководством против расширения военных действий¹⁴.

Закулисные дипломатические усилия США сопровождались и демонстрацией силы — направлением флагмана 7-го американского флота атомного авианосца «Энтерпрайз» в район Бенгальского залива. Сдерживающим фактором для Индии была, разумеется, и угроза нападения со стороны Китая, который «нависал» над восточным флангом боевых действий.

Следует, очевидно, признать маловероятным, чтобы Индира Ганди и близкий круг ее советников всерьез рассматривали вопрос о широком вторжении на территорию Западного Пакистана — слишком значительными представляются связанные с таким решением риск и неопределенность. Может быть, существеннее во всей истории закулисных и явных усилий по предотвращению предполагаемого вторжения был след, оставленный ими в психологии индийских политиков. Великие державы оказали давление, словно не доверяя их способности к анализу и трезвой оценке ситуации. Использование военно-морской силы США подчеркнуло значение, которое имеет обладание сильным флотом.

Согласованность действий руководства двух сверхдержав в критический момент индо-пакистанской войны 1971 г., вполне вероятно, обеспокоили руководителей Дели. Этим можно объяснить прохладно-негативную реакцию И. Ганди на разрядку напряженности в отношениях между Москвой и Вашингтоном, которую символизировал обмен визитами между Л.И. Брежневым и Р. Никсоном в 1972–1973 гг.¹⁵

При этом особую озабоченность Дели вызывала позиция Москвы, которая пошла на улучшение отношений с Пакистаном, приняв у себя в марте 1972 г. нового президента З.А. Бхутто. Визит Л.И. Брежнева в Индию в ноябре 1973 г. во многом устранил эти опасения. Расхождения между Москвой и Вашингтоном в отношении к арабо-израильской войне 1973 г. и произошедшему в том же году военному перевороту в Чили выявили узкие пределы политики глобальной разрядки и позволили Индии продолжить игру на противоречиях между сверхдержавами. Она при этом добивалась укрепления своих позиций в метарегиональном пространстве неприсоединившихся и экономически менее развитых (развивающихся) стран и на региональном поле, где ей по-прежнему, хотя и более мягко, оппонировал Пакистан в тесном партнерстве с КНР и набиравшими силу мусульманскими государствами Западной Азии.

В контексте последнего противостояния нужно, без сомнения, рассматривать проведение Индией в мае 1974 г. первого в истории

региона испытания ядерного устройства. Заявление Дели о том, что оно было проведено в «мирных целях», прозвучало неубедительно. Эффект от испытания был значительным и долговременным. Он позволил Пакистану добиться возобновления военной помощи США и одновременно вступить на путь поиска активных контрмер в ядерной области.

Озабоченность Дели возможностью дестабилизации обстановки в пригималайских районах и уязвимостью своих военно-стратегических позиций в случае нападения Китая побудили его в 1974 г. принять решение о присоединении к Индии полузависимого княжества Сикким на правах штата (процедура была завершена в апреле 1975 г.). Наступательная тактика делийского руководства привела к некоторому ухудшению отношений с расположенным по соседству от Сиккима Непалом. Король Бирендра в 1975 г. выступил с предложением объявить Непал «зоной мира», что было воспринято в Дели как желание противопоставить ему Пекин. Индийско-непальский кризис, впрочем, продолжался недолго и не привел к изменениям во внешних связях гималайского королевства, географические и политические более тесно «обрученного» с Индией, чем с Китаем.

В период «чрезвычайного положения» в 1975–1977 гг. правительство И. Ганди, столкнувшись с острыми внутривнутриполитическими проблемами, предпочло занять по большинству внешнеполитических вопросов осторожную, выжидательно-оборонительную позицию. Имело место, в частности, определенное выравнивание «фронта» отношений Индии с великими державами. Связи с Москвой оставались важнейшим приоритетом, однако Дели не мог позволить себе замыкаться на них и придавал также большое значение контактам с США. В 1976 г. по инициативе Дели были восстановлены нормальные дипломатические отношения между Индией и КНР и стороны обменялись послами.

В тот же период несколько улучшились отношения между Индией и Пакистаном. Вслед за полной нормализацией дипломатических отношений в 1974 г. и разрешением возникших в результате военных действий 1971 г. спорных проблем стороны предприняли шаги по налаживанию сотрудничества в политической, культурной и экономической областях. Надо подчеркнуть, что ослаблению напряжения способствовала нормализация обстановки в индийском штате Джамму и Кашмир, где с 1975 по 1982 г. у власти находилось правительство, возглавляемое безусловным лидером индийской части Кашмира Шейхом Абдуллой. В этой обстановке определенное развитие получили торговые отношения. В частности, индийские товары массового потребления в 1976 г. получили доступ на пакистанский рынок. Однако подъем в двусторонней торговле был непродолжительным. Более высокая конкурентоспособность индийских товаров вызвала недовольство торговцев и промышленников в Пакистане, и его пра-

вительство поспешило отменить решение о «приоткрытии» дверей для импорта.

На фоне развернувшегося в Пакистане в 1977 г. внутривнутриполитического кризиса, а он сопровождался, кстати, антиамериканскими выпадами и принятием ряда мер по усилению роли ислама в жизни государства, выполненная с соблюдением демократических традиций передача власти в Индии от потерпевшей поражение на шестых всеобщих выборах партии ИНК(И) к правительству Джаната парти во главе с Морарджи Десаи произвела на Западе благоприятное впечатление. Совершивший в январе 1978 г. поездку в Южную Азию президент США Дж. Картер вопреки традиции сделал остановку только в Дели, проигнорировав Исламабад. Такому предпочтению Индия была обязана как утвердившимися в США настроениями в пользу «демократической Индии», где положение с правами человека (идеологическом «коньке» тогдашнего президента) обстояло несравненно лучше, чем во многих других странах Азии, в частности в Пакистане, так и надеждами на благоприятную для Запада внешнеполитическую ориентацию нового правительства.

Хотя глава нового правительства М. Десаи пользовался репутацией прозападного политика, ожидания поворота индийской дипломатии в сторону Запада оправдались далеко не в полной мере. Преследуя по существу те же, что и предыдущее правительство, цели утверждения Индии в качестве сильной независимой державы, новое правительство поспешило успокоить Москву, заверив ее в неизменности курса на сохранение стабильных индийско-советских отношений. Не случайно за короткий срок пребывания у власти М. Десаи дважды, в октябре 1977 г. и в июне 1979 г., посетил СССР. В 1978 г. стороны заключили протокол, регулирующий принципы расчетов во взаимной торговле, а в марте 1979 г. приняли долгосрочную программу экономического, торгового и научно-технического сотрудничества на 10–15 лет.

Камнем преткновения в отношениях с США стала в конце 70-х годов проблема поставки американского обогащенного урана для построенной еще в 1963 г. с их помощью атомной электростанции в Тарапуре (близ Бомбея). Она, в конце концов, была разрешена благодаря согласию Вашингтона на ввоз необходимого для работы АЭС обогащенного урана из Франции¹⁶.

Советское направление в индийской внешней политике уравнивали не только контакты с США, но и с Китаем. Правительство Джаната парти, как указывалось в главе 1, стремилось продолжать курс на повышение уровня связей с Пекином. В феврале 1979 г. туда с визитом отправился министр иностранных дел А.Б. Ваджапай. Однако во время его пребывания в КНР Пекин начал агрессивные действия против Вьетнама и тем перечеркнул возможности плавного развития двустороннего диалога.

Более ровной и примирительной была также региональная внешняя политика Дели в период временного (менее чем на три года) отхода И. Ганди от руководства страной. Приход к власти в Пакистане военных во главе с генералом Зия-уль-Хаком сопровождался отстранением от нее З.А. Бхутто — политика, известного своим жестким, критическим отношением к Индии. Отчасти благодаря этому, а также слабости на первых порах позиций военного режима контакты между последним и правительством в Дели укрепились. Хотя А.Б. Ваджапайи и принадлежал к лагерю индусских националистов, которые не скрывали неприязненного отношения к Пакистану, он в качестве руководителя внешнеполитического ведомства Индии отправился для переговоров в Исламабад в 1978 г. Каких-либо реальных сдвигов в комплексе индийско-пакистанских связей добиться не удалось, но умеренная позиция Дели способствовала стабилизации региональной ситуации.

Определенное равновесие установилось на всем поле южноазиатской политики. Дели пошел на диалог с правящим в Бангладеш режимом, возглавляемым генералом З. Рахманом. Переговоры касались ряда спорных проблем, прежде всего распределения вод р. Ганг, возникшей после сооружения на ней Индией в середине 70-х годов плотины Фаракка, и увенчались заключением временного соглашения.

С возвращением к власти в январе 1980 г. правительства Индийского национального конгресса во главе с И. Ганди внешняя политика вновь вышла на передний план. Этому способствовали и изменения в регионе, непосредственно прилегающем к Индии или даже принадлежащем ему. Речь идет о перерастании гражданской войны в Афганистане в острую международную проблему. Реакция Дели на ввод советских войск в Кабул и другие афганские города была весьма сдержанной и тем самым значительно отличалась от резко негативного отношения большинства развитых, западных государств и развивающихся, в первую очередь мусульманских, стран. Объяснялось это как субъективными, так и объективными факторами. К числу первых надо отнести традиционные симпатии И. Ганди и ее окружения к Москве, определенную идеолого-пропагандистскую связанность Дели, а ко вторым — его заинтересованность в продолжении торгово-экономического и особенно военно-технического сотрудничества с ней. К объективным принадлежали и геополитические, точнее регионально-политические, обстоятельства — Афганистан представлял для Индии особый интерес вследствие его пограничного с Пакистаном местоположения. Обострение обстановки в Афганистане как бы «оттягивало» внимание на него Исламабада. В то же время в Дели опасались, что военно-экономическая помощь Запада Пакистану способна изменить баланс сил в Южно-азиатском регионе.

Активизация внешней политики Дели в 1980 г. сопровождалась укреплением его контактов с Москвой. В мае того года была достигнута договоренность, а в декабре состоялся визит в Индию советской делегации во главе с Л.И. Брежневым, в ходе которого было подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве. В результате товарооборот между Индией и СССР в начале 80-х годов вырос по сравнению с концом 70-х почти вдвое. Вместе с тем опасения Дели относительно последствий непосредственного участия Москвы во внутриафганских делах стали постепенно оправдываться.

Характерно изменение позиции Индии по этому поводу. Первые заявления индийского правительства после ввода «ограниченного контингента советских войск» в декабре 1979 г. сводились к тому, что Москва имела право воспользоваться зафиксированным в Уставе ООН (ст. 51) положением об оказании помощи правительству другой страны по получении просьбы об этом¹⁷. Оказавшись перед лицом активного неприятия советской акции со стороны большинства членов мирового сообщества, Индия внесла коррективы в свою точку зрения, публично призывая покончить с любым вмешательством внешних сил в Афганистане. И. Ганди в ходе переговоров в Москве в сентябре 1982 г. призывала советское руководство вывести войска из Афганистана, хотя этот момент и не нашел прямого отражения в официальных сообщениях о визите¹⁸. Косвенным свидетельством тому было полное отсутствие упоминания об Афганистане в подписанной сторонами совместной декларации¹⁹.

В первой половине 80-х годов Индия предприняла усилия для улучшения отношений с США. В июле—августе 1982 г. И. Ганди нанесла туда официальный визит. Результатом этого и других контактов на высоком уровне было увеличение вдвое торгового оборота между двумя странами и существенное увеличение американских инвестиций в экономику Индии²⁰.

В те же годы Индия продолжила курс на снижение напряженности в отношениях с Китаем. В 1981 г. в Дели с ответным визитом прибыл министр иностранных дел КНР Хуан Хуа. Там была достигнута договоренность о возобновлении после 20-летнего перерыва переговоров по двусторонним вопросам, прежде всего пограничному. В 1981–1983 гг. состоялись три раунда встреч на уровне заместителей министров иностранных дел, которые, однако, закончились безрезультатно.

Значительную активность проявила Индия и на пакистанском направлении. Первая встреча И. Ганди с М. Зия-уль-Хаком состоялась в апреле 1980 г. В конце 1982 и начале 1983 г. они встречались еще дважды на международных форумах. Индия пыталась нейтрализовать эффект от усиления геополитической роли своего соседа под воздействием афганского кризиса и наращивания его военного

потенциала. Активная дипломатия Дели явилась в немалой степени следствием инициатив Исламабада, предложившего Индии в 1981 г. заключить пакт о ненападении. Достаточно стандартная ответная реакция Дели заключалась в выдвигании трудно осуществимого контрпредложения — заключить договор о мире, дружбе и сотрудничестве двух стран²¹.

Несмотря на заведомую нереальность существенного повышения уровня индийско-пакистанских отношений, они в 1980–1983 гг. находились в достаточно благоприятной фазе, о чем свидетельствовало, между прочим, участие Пакистана в ряде мероприятий по линии Движения неприсоединения, где главную роль играла Индия, а также по развитию Южноазиатского регионального сотрудничества (подробнее см. гл. 4).

Активизация внешней политики Индии при правительстве И. Ганди заключалась также в стремлении громко заявить о себе при решении ряда глобальных проблем и международных конфликтов. Так, Индия выступала в этот период как лидер Движения неприсоединения. Она провела у себя сначала встречу министров иностранных дел ДН, а после переноса саммита из Багдада (в связи с ирако-иранской войной), и очередную, 7-ю представительную конференцию стран — членов этого объединения. Весьма разносторонним было участие индийской делегации в работе ООН и различных ее специализированных организаций. Выступив в поддержку требований установления нового международного экономического порядка, Дели стал одним из лидеров и идеологов развивающихся стран, объединившихся в «группу 77». Весьма настойчиво Индия выступала за прекращение войны между Ираком и Ираном. На стыке ее глобальных и региональных интересов находилась проблема Индийского океана, его превращения в «зону мира», свободную от иностранных военных баз и военно-морского присутствия великих держав. Основной огонь критики Дели при этом направлял против Вашингтона, имевшего в ареале значительное число военных баз с крупнейшей из них на о. Диего-Гарсиа.

Проводившаяся Индией энергичная политика диктовалась стремлением противодействовать присутствию США в районе Персидского залива и Индийского океана, а также усилению влияния государств исламского пояса, возглавляемых в первую очередь Саудовской Аравией, и представленных набиравшей силу Организацией Исламская конференция (ОИК). Внешнеполитические амбиции Индии, однако, далеко не в полной мере соответствовали ее военно-экономической мощи и степени внутренней социально-политической стабильности. Стремясь укрепить экономическую и военнотехническую базу, Индия, как отмечалось выше, с 1983 г. пошла на закупки на весьма льготных условиях больших партий современного оружия у СССР, развернув одновременно поиск иных источников

усиления военно-оборонного потенциала. Решительные меры были приняты Дели для борьбы с сепаратистскими движениями на северо-востоке страны (прежде всего в Ассаме) и в Пенджабе. Подъем этих движений, имевших внутренние корни, скорее всего, не обошелся без участия внешних сил.

В середине 80-х годов, после убийства И. Ганди и при сохранении напряженного положения в Пенджабе, Дели был вынужден отказать от чрезмерных претензий во внешнеполитической сфере. Несколько снизилось его внимание к проблемам неприсоединения, нового экономического порядка, разоружения в зоне Индийского океана и др. Все это произошло отчасти из-за изменений глобального контекста, а именно наступления этапа новой разрядки напряженности в отношениях между сверхдержавами, их инициатив по сокращению наступательных видов вооружений и т.п. Частично же это было следствием улучшения отношений с США, которое стало для индийского правительства идеологически возможным в немалой степени по причине все тех же перемен в мировом политическом климате.

Особенностью внешнеполитической деятельности правительства Индии с середины 80-х годов был акцент на региональные проблемы. Главной из них оставались отношения с Пакистаном. В 1983–1984 гг. они обострились из-за ухудшения внутренней ситуации в индийском штате Джамму и Кашмир после смерти Шейха Абдуллы в 1982 г., политического кризиса, связанного с расколом в рядах правящей в штате партии Национальная конференция и введением там прямого президентского правления²². К этим внутренним событиям в Индии, а также к конфронтации между центром и сикхскими оппозиционерами в Пенджабе (штате, пограничном с Пакистаном) добавились столкновения между регулярными частями двух государств на недемаркированном участке линии контроля в Кашмире, в районе ледника Сиачин. Происходившие там периодически стычки пограничников и артиллерийские дуэли осложнили двусторонние связи. Лишь в декабре 1985 г. после короткого визита Зия-уль-Хака в Дели и его успешной встречи с Р. Ганди между двумя странами возобновились регулярные контакты, и с 1986 г. начались переговоры по решению Сиачинской проблемы²³.

В конце того года ситуация вновь обострилась в связи с проведением Индией крупномасштабных военных учений в пограничном с Пакистаном штате Раджастан. Концентрация пакистанских войск вдоль индийской границы создала опасность неконтролируемой эскалации напряженности. Усилиями высшего руководства двух государств в начале 1987 г. она была устранена.

Политику Дели в отношении Исламабада во второй половине 80-х годов характеризовало стремление избежать прямой конфронтации, ослабив в то же время негативное влияние Пакистана на

положение внутри страны, в Пенджабе и Кашмире. Этим, видимо, можно объяснить происходившие исключительно часто переговоры Р. Ганди с пакистанскими лидерами. За период с 1984 по 1989 г. он встречался с президентом Зия-уль-Хаком и премьерами М.К. Джундхо и Беназир Бхутто в общей сложности 13 раз²⁴.

Частоте встреч на высшем уровне безусловно способствовало создание Организации регионального сотрудничества стран Южной Азии. Но оно не устранило сложностей и противоречий в отношениях Индии со странами региона. Генерал Х.М. Эршад, пришедший к власти в Бангладеш в начале 1982 г., спустя несколько месяцев после убийства в ходе военного путча З. Рахмана, совершил в конце того года визит в Дели, но спорные вопросы между двумя государствами остались нерешенными. С 1983 г. обострилась внутривнутриполитическая обстановка в Республике Шри-Ланка и правительству в Дели пришлось обращать все больше внимания на положение там, а также на юге страны, в штате Тамилнад.

Уже упоминалось, что ланкийский конфликт носил межэтнический (этноконфессиональный) характер. В его основе лежали противоречия, накопившиеся в отношениях между сингальским буддийским большинством и тамильским индусским меньшинством, сконцентрированным на севере и северо-востоке острова. Внутренний конфликт имел и внешний аспект. С середины XIX века на Цейлон завозили партии тамилы для работы на плантациях чая и каучука. После обретения Цейлоном независимости плантационные рабочие не получили местного гражданства. Коломбо поставил перед Дели вопрос о репатриации рабочих-тамилы. Индия в принципе соглашалась с такой постановкой вопроса, оговаривая в то же время в заключенных двусторонних соглашениях условия, по которым «укоренившимся» на острове тамилам должно быть предоставлено цейлонское (ланкийское с 1972 г.) гражданство. Вплоть до 80-х годов власти Коломбо так и не предоставили полных прав гражданства какой-либо части плантационных рабочих, что усиливало недовольство местной тамильской общины. На фоне нерешенных проблем репатриации и гражданства весьма тесными оставались связи между тамильским севером острова и индийским штатом Тамилнад. Непростые отношения Дели с Коломбо усложнились после начала вооруженной борьбы молодых тамильских экстремистов с правительственными войсками в 1983 г. Возглавившая повстанческое движение организация «Тигры освобождения Тамил Илама» опиралась на помощь извне и в течение первых лет борьбы получала ее от Индии. По свидетельствам, приводившимся в индийской и мировой прессе, разведывательная служба Индии создала в штате Тамилнад лагерь для подготовки тамильских партизан²⁵. Слабая на первых порах ланкийская армия постепенно набиралась опыта и организованности в борьбе с повстанцами. Характерно, что помощь

в усилении потенциала регулярных частей Шри-Ланки оказывал Пакистан. Несмотря на поддержку последнего, а также благосклонную реакцию мирового общественного мнения, правительство Дж. Джаявардене не смогло решить проблему тамильского сепаратизма и в 1987 г. обратилось к Дели с необычным предложением ввести свои войска на остров с целью оказать на тамильских экстремистов сдерживающее влияние, заставить их пойти на переговоры с правительством и таким образом найти политическое решение. Правительство Конгресса, возглавляемое Р. Ганди, оказалось в двойственном положении. Внутри страны оно боролось с сепаратизмом сикхов, ассамцев, кашмирцев и т.п. и поэтому не могло поддержать требований тамильских экстремистов о разделе Шри-Ланки и создании независимого тамильского государства. В то же время центральное правительство было крайне заинтересовано в удержании контроля над Тамилнадом в условиях, когда на происходивших в тот период выборах законодательные собрания штатов Конгресс и его союзники терпели одно поражение за другим.

Императивы внутренней политики оказали решающее воздействие на линию Дели во внешних региональных вопросах. Решение разместить на острове первоначально всего 3 тыс. войск втянуло Индию в безуспешную операцию. Пойдя на соглашение с Коломбо, Дели оттолкнул воинственно настроенную часть тамилы как на острове, так и в Тамилнаде. Его регулярным частям, численность которых выросла до 60 тыс., пришлось вести подлинную войну с повстанцами на чужой территории. В результате индийцы потеряли около тысячи человек и не добились поставленных целей. Отношения Дели и Коломбо оказались отравленными неудачей совместной акции. Задержки с выводом индийских войск в 1989 г. послужили причиной ряда антииндийских демаршей со стороны властей Коломбо. Окончательный вывод войск, завершившийся в 1990 г., оставил межэтническую проблему в Шри-Ланке неразрешенной, но позволил улучшить климат на индийско-ланкийском направлении.

Более успешными для Индии в конце 80-х годов были действия по подавлению мятежа высадившейся на Мальдивских островах группы тамильских сепаратистов. Откликнувшись на призыв правительства Мальдивской Республики, возглавляемого А. Гайюмом, Дели перебросил туда свои регулярные части, а по завершении операции быстро вывел их оттуда. В целом также достаточно благоприятно закончилось обострение индийско-непальских отношений в 1989 г. Непал, зажатый между Индией и Китаем, в очередной раз попытался избежать односторонней зависимости от Дели. Правительство Р. Ганди действовало весьма жестко, установив фактически режим торгово-экономической блокады гималайского королевства. Резкое ухудшение экономического положения вызвало массовые оппозиционные выступления. Король Бирендра пошел на уступки

во внутри- и внешнеполитических областях, после чего отношения с Дели нормализовались на выгодных для него условиях.

Продолжая политику балансирования между двумя сверхдержавами, правительство Р. Ганди уделило немало внимания отношениям с Москвой. Во второй половине десятилетия состоялись три индийско-советские встречи на высшем уровне. Отмеченные печатью личной симпатии переговоры между Р. Ганди и М.С. Горбачевым были торжественно обставлены и призваны продемонстрировать незыблемость взаимной дружбы и крепнущего сотрудничества. Однако подспудно назревали проблемы в связях с Москвой. Главной их причиной становились узость и несбалансированность торгово-экономических отношений, которые все более замыкались на военной области²⁶.

На рубеже 80–90-х годов Индия попала в полосу острого внутривнутриполитического и экономического кризиса. Падение популярности правящей партии ИНК, вызванное, в частности, громкими скандалами и обвинениями в коррупции ряда крупных ее деятелей и правительственных чиновников, привело к поражению Конгресса на выборах осенью 1989 г. и приходу к власти коалиционного правительства В.П. Сингха. На полуторалетний период пребывания у власти этого правительства и сменившего его кабинета Чандра Шекхара пришлось выше отмечавшиеся обострение отношений с Пакистаном и пик внутривнутриполитического противостояния в индийском Кашмире. Эти обстоятельства во многом парализовали внешнеполитические инициативы Дели. К тому же именно тогда происходили знаменательные события в Восточной Европе и СССР, приведшие к распаду последнего, ликвидации Организации Варшавского договора и исчезновению так называемого «второго мира», состоящего из государств социалистического содружества. Проведенная в Белграде в 1989 г. 9-я конференция неприсоединившихся государств была последним крупным международным форумом, состоявшимся в столице единой Югославии. Кризис, охвативший в результате распада биполярной системы Движение неприсоединения, наложился на критическое состояние в Ассоциации южно-азиатского регионального сотрудничества. Намечавшийся на 1989 г. очередной ее саммит не состоялся.

Возвращение к власти правительства Национального конгресса летом 1991 г. ознаменовалось небезуспешными попытками вернуться к испытанным методам и целям как внутренней, так и внешней политики. Вместе с тем новое индийское руководство, возглавляемое П.В. Нарасимха Рао, оперативно приступило к серии либеральных реформ в области экономики и социальной политики. Они помогли преодолеть острый кризис валютного баланса и привлечь в страну частный иностранный капитал. Действуя постепенно, с оглядкой на общественное мнение и интересы влиятельных социальных

групп, правительство Конгресса в 1991–1996 гг. добились немалых успехов²⁷.

Существенными достижениями в области внешней политики нужно считать «спасение» Движения неприсоединения от забвения и распада. В сентябре 1992 г. Индия приняла участие в очередной конференции Движения в Джакарте, а в следующем году провела совещание 15 ведущих государств-участников для выработки подходов к политике неприсоединения в новых международных условиях. По словам секретаря министерства иностранных дел Дж.Н. Дикшита, неприсоединение стало означать «свободу для Индии принимать решение в соответствии с собственными интересами» вне идеологических рамок времен холодной войны²⁸.

В начале 1993 г. к визиту президента России Б.Н. Ельцина в Индию были созданы условия для преодоления тяжелого кризиса в двусторонних отношениях. Отдаление Москвы от Дели отчетливо проявилось в 1991-м и первой половине 1992 г., после того как сделалась очевидной неспособность примирить взаимные претензии в области торговли и обслуживания долга Индии Советскому Союзу и России как его главному правопреемнику. Одновременно Москва в этот период заняла позицию, близкую к равноудаленности по кашмирскому вопросу, и попыталась решить на выгодных для себя условиях афганскую проблему путем улучшения отношений с Пакистаном. Провал этих попыток расчистил дорогу к возрождению традиционной дружбы с Индией. В том же направлении действовала и взаимная заинтересованность военных и торгующих оружием ведомств двух государств. Стремление Вашингтона не допустить поставку Россией Индии криогенных двигателей как способных нарушить региональный баланс сил хоть и увенчалось в 1993 г. успехом, но не помешало в дальнейшем расширению объемов закупаемого Индией в России оружия (подробнее см. выше).

Сохранив дистанцию в отношениях с США и развитыми странами Запада, а также Японией, Индия в значительной степени переориентировала на них свои внешнеторговые и внешнеэкономические связи. Из-за особенностей модели экономического развития, носящей по преимуществу эндогенную направленность (на внутренний рынок), ей не удалось привлечь такое внимание транснационального капитала, какое привлек, например, Китай. За первую половину 90-х годов прямые валовые частные инвестиции в экономику Индии составили всего 5 млрд. долл. США, в то время как в национальное хозяйство КНР было вложено 84 млрд. долл.²⁹

Значение Индии для главных мировых кредиторов оставалось в целом незначительным, в то время как роль последних для ее внешних кредитных потоков существенно возросла. Однако достаточно стабильные темпы экономического роста и высокая степень хозяйственной самодостаточности (особое значение имела при этом до-

стигнутая страной самообеспеченность зерном) позволили Дели проводить курс укрепления своих позиций на глобальном уровне.

С 1992 г. Индия стала настойчиво заявлять о претензиях на место постоянного члена в Совете Безопасности ООН. Продолжая придерживаться традиционной для нее линии на отказ от подписания Договора о нераспространении ядерного оружия, она в 1996 г. не поставила свою подпись под получившим по существу единодушное одобрение членов мирового сообщества Договором о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Поставив себя тем самым в положение полуизоляции, Дели потерпел неудачу в ООН на выборах кандидата на место представителя от Азии в непостоянные члены СБ.

Позиция Дели по нераспространению ядерного оружия с момента включения этого вопроса в международную повестку дня (т.е. со второй половины 60-х годов) отличалась непреклонностью и наличием особой логики. Заявляя о необходимости всеобщего ядерного разоружения и уничтожения всех запасов накопленных ядерных средств, а также другого оружия массового поражения, Индия отказывается признать полезными какие-либо частные решения по этой проблеме. Сложившееся ограничение числа ядерных держав пятью государствами представляется ей дискриминацией, тем более что среди них находится Китай, способный угрожать ее национальной безопасности.

Дели последовательно отвергал попытки решить проблему ядерной безопасности на региональной основе. В 1990 г. он отверг инициативу Исламабада провести переговоры о безопасности, в том числе ядерной, между пятью государствами — США, СССР, КНР, Индией и Пакистаном. Видя для себя угрозу со стороны как «малого регионального соперника (Пакистана), так и «большого» (Китая), Индия высказывала опасения относительно их взаимодействия в ракетно-ядерной области. Подробное рассмотрение вопроса о ядерном соперничестве представлено ниже (см. гл. 7). Здесь же отметим, что решающую роль в индийской позиции, по всей видимости, играет состояние общественного мнения в стране, а именно сложившийся «национальный консенсус» по поводу места Индии в мировых делах. Этим объясняется неизменность позиции сменявших друг друга правительств, представлявших различные партии и партийные коалиции. Вместе с тем общественные настроения выступают как результат не только стихийных, но и направляемых процессов. Последние формируются правящей элитой и отражают преобладающие мнения в ее среде.

Поэтому в заключение данного раздела следует подчеркнуть, что в элитарном и массовом сознании в Индии на протяжении более полувека ее существования происходили, судя по всему, существенные перемены. На смену распространенным в 40–50-х годах

настроениям пацифизма и ненасилия как сугубо индийским, связанным с воззрениями и деятельностью Махатмы Ганди, политическим принципам, способным помочь в достижении реального результата, с 60-х годов пришли иные воззрения. От веры в «слабое-сильное» государство, где слабость военных и экономических «мускулов» компенсируется силой моральных убеждений и нравственных позиций, индийское общественное мнение эволюционировало в сторону упований на военную силу и экономическую самодостаточность как основополагающих принципов «реальной политики», которые только и могут обеспечить Индии достойное место в международном сообществе и гарантировать ее безопасность, целостность и незыблемость границ.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

¹ **Нихамин В.П.** Очерки внешней политики Индии 1947–1957 гг. — М.: Восточная литература, 1959. — С. 40.

² **Brecher M.** Nehru. A Political Biography. — Boston: Beacon Press, 1959. — P. 116.

³ Ibid. — P. 215–216.

⁴ **Горошко Г.В.** История национально-освободительного движения Индии. Внешнеполитические воззрения и позиция по международным вопросам. — М.: МГИМО, 1991. — С. 57–63, 82–83.

⁵ **Panikkar K.M.** India and the Indian Ocean. — L.: Allen & Unwin, 1945;

Panikkar K.M. Geographical Factors in Indian History. — Bombay, 1955.

⁶ О переменах в отношении руководства СССР к Индии свидетельствует то, что И.В. Сталин, долгое время отказывавшийся от встреч с индийскими послами в Москве, в марте 1952 г. принял посла С. Радхакришнана, а в феврале 1953 г., за две недели до смерти, беседовал с новым индийским послом К.П.Ш. Меноном // Индия и СССР. — М., 1987. — С. 140–141.

⁷ **Brecher M.** Op. cit. — P. 217.

⁸ Вопрос о границе в районе Аксай чина привлекал внимание многих исследователей, в том числе, конечно, из Индии и Китая. Не претендуя здесь на полноту изложения спора вокруг западного сектора индийско-китайской границы, отметим, что его история связана с отношениями между Британской Индией и Цинским Китаем в середине—конце XIX века. Тогда образовались две картографические традиции: по одной из них (линия Ар-дага—Джонсона), впоследствии ставшей господствующей в Британской и независимой Индии, граница в районе Ладакха доходит до хребта Куньлунь, то есть пролегает к востоку от главного Гималайского хребта; согласно дру-

гой (линия Макдональда—Маккартни), граница проходит по Гималайскому хребту, оставляя Аксай Чин на китайской стороне. См., например: Китай и соседи в новое и новейшее время. — М.: Наука, 1982. — С. 232–301; **van Eekelen W.F.** Indian Foreign Policy and the Border Dispute with China. — The Hague: Martins Nijhoff, 1964; The Sino-Indian Border Question. A Historical Review. — Calcutta: Institute of Historical Studies, 1971; **Hoffman S.A.** India and the China Crisis. — Berkeley: University of California Press, 1990.

⁹ **Sandhu B.** Unresolved Conflict. China and India. — New Delhi: Radiant Publ., 1988. — P. 123–126.

¹⁰ О концепции форсированной индустриализации см.: **Грановский А.Е.**

Экономический рост в странах Южной Азии. — М.: Наука, 1988.

¹¹ **Sherwani L.A.** India, China and Pakistan. — Karachi, 1967. — P. 70–72.

¹² На враждебную позицию Афганистана указывал президент М. Айюб-хан, оправдывая решение пойти на перемирие с Индией. **Feldman H.** From Crisis to Crisis. Pakistan 1962–1969. — Karachi: Oxford University Press, 1972. — P. 149.

¹³ О дипломатической активности Индии в период подготовки к военным действиям 1971 г. см. подробнее: **Jackson R.** South Asian Crisis. India—Pakistan—Bangladesh. — L., 1975; **Sisson R. and Rose L.** War and Secession: Pakistan, India, and the Creation of Bangladesh. — Berkeley: University of California Press, 1990.

¹⁴ **Добрынин А.** Индийские записки // Международная жизнь. — 1998. —

№ 1. — С. 92–94.

¹⁵ **Журавлева Е.С. и Кочетов В.П.** Внешняя политика Индии, 1964–1989 гг. — М.: МГИМО, 1991. — С. 15.

¹⁶ Подробнее см.: **Лунев С.И.** Индия и США. Межгосударственные отношения. — М.: Наука, 1987. — С. 110–111, 113, 123, 125.

¹⁷ Заявление представителя МИД Индии // Правда. — 1979. — 30 дек.

¹⁸ **Vertzberger Y.** Op. cit. — P. 84.

¹⁹ СССР — Индия. — М.: ГРВЛ «Наука», 1987. — С. 242–245.

²⁰ **Лунев С.И.** Указ. соч. — С. 159.

²¹ **Величкин С.В.** Внешняя политика Индии — Индия 1983. Ежегодник. — М.: ГРВЛ «Наука», 1985. — С. 257–259.

²² **Lamb A.** Kashmir Legacy 1846–1990. — Hertingfortbury: Roxford Books, 1991. — P. 328–330.

²³ **Wirsing R.G.** India, Pakistan, and the Kashmir Dispute. — L.: Macmillan,

1994. — P. 75–84.

²⁴ South Asia After the Cold War. International Perspectives. —

- Boulder: Westview Press, 1993. — P. 212.
- ²⁵ Dynamics of Regional Politics. Op. cit. — P. 125.
- ²⁶ **Ивашенцев Г.** Индийский гигант // Международная жизнь. — 1990. — № 7. — С. 61–68.
- ²⁷ **Брагина Е.** Экономические реформы в Индии // МЭиМО. — 1998. — № 8. — С. 148–151.
- ²⁸ India Briefing. 1993. — Boulder: Westview Press, 1993. — P. 53.
- ²⁹ Asian Development Outlook 1996 and 1997. — Wash.: World Bank. — P. 20, 128.

ГЛАВА 3

Геополитическое положение Пакистана и его региональная внешняя политика в период холодной войны

Обозначившееся вскоре после окончания Второй мировой войны глобально-политическое соперничество, а затем и жесткое противостояние двух сверхдержав, США и СССР, и возглавляемых ими военно-политических блоков оказало непосредственное и весьма существенное влияние на всю внешнюю политику Пакистана и на те ее стороны, которые были связаны с межгосударственными отношениями в геополитическом регионе, к которому эта страна принадлежала вследствие сочетания географических, исторических и культурно-цивилизационных факторов. Особенно сильным это воздействие было на первом этапе холодной войны, с 1947 по 1962 г.¹

Геополитическое положение страны в глобальном контексте определялось на этом этапе ее местоположением на южной окраине Евро-Азиатского (Евразийского) материка, к северу от СССР, крупнейшей континентальной державы, являвшейся одновременно одним из двух главных центров общемировой политики. Хотя Пакистан (в 1947–1971 гг. — Западный Пакистан) не имел общей границы с Советским Союзом (его отделял от пакистанских северных территорий узкий Ваханский коридор, принадлежавший Афганистану), он находился весьма близко от Средней Азии, образуя с ней (и Афганистаном) единый меридианный пояс, пролегающий между 60 и 75 градусами в. д. К северо-востоку от Пакистана находилась другая регионально-мировая (евразийско-восточноазиатская) страна — Китай. Вплоть до последней трети 50-х годов Китайская Народная Республика выступала на мировой арене в качестве младшего партнера СССР, образуя с ним двуединый коммунистический лагерь². Западный Пакистан имел общую границу с Китаем на крайнем севере, хотя она и не была международно признанной вследствие нерешенности статуса бывшего княжества Джамму и Кашмир. Однако ареал соприкосновения с Китаем был невелик и охватывал труднодоступные и малозаселенные высокогорно-пустынные территории, административно принадлежавшие Синьцзян-Уйгурскому автономному

району. На первом этапе существования Пакистана (до отделения Бангладеш) имела и восточная точка географической близости к Китаю из-за наличия общей границы между Восточной Бенгалией и Бирмой.

Соседство с двумя материковыми гигантами придавало немалое геополитическое значение Пакистану. Существенным также было географическое расположение Пакистана (с одной стороны — западного, а с другой — восточного «крыла») примерно посередине между Ближним Востоком и Индокитаем как между двумя зонами раскола и кризиса («осколочными поясами») мирового геополитического пространства послевоенного времени³.

Значимое положение страны на общей политической карте мира сочеталось со сложной спецификой ее образования и места в регионе. Пакистан возник, что называется, «на голом месте», в отсутствие четких исторических традиций государственного выделения сформировавших его территорий. Развернувшееся в Британской Индии движение за создание государства, где большинство составляли бы мусульмане, базировалось на «теории двух наций», то есть концепции существования в пределах Индостана двух национальных групп — мусульман и индусов. При этом главные отличия между ними «отец Пакистана» М.А. Джинна (и близкий к нему круг людей) видел не в религии как таковой, а в вырастающих из нее особенностях культуры и быта, социальной организации и психологии, мировоззрения и исторической памяти, литературы и языка⁴.

Границы будущего государства определились в последний момент перед уходом англичан из Индии и далеко не удовлетворяли ожиданиям Джинны и других лидеров партии Мусульманская лига, служившей основной организационной силой движения за образование Пакистана⁵.

В результате своего рода двойного раздела, с одной стороны, всей Индии, состоявшей к концу колониального периода из 11 губернаторских провинций с законодательными и исполнительными органами, ряда провинций во главе с главными комиссарами, не имевших представительных органов власти, и почти 600 (565 в заявлении Маунтбеттена в Совете князей от 25 июля 1947 г.)⁶ полунезависимых княжеств, разных по величине и степени самостоятельности, а с другой — двух больших провинций — Пенджаба (или Панджаба) на северо-западе и Бенгалии на востоке, образовалось два «крыла» доминиона Пакистан — западное, площадью округленно в 800 тыс. кв. км, и восточное — в 140 тыс. кв. км. В состав первого помимо западной части провинций Пенджаб (Западного Пенджаба) вошли также провинции Синд, Северо-Западная пограничная, Британский Белуджистан и княжества этой исторической области, ряд династийных владений вдоль границ с Афганистаном, пенджабское княжество Бахавалпур и синдское Хайрпур. Восточное «крыло» со-

ставили населенные по преимуществу мусульманами бенгальские районы и большая часть округа Силхет провинции Ассам⁷.

Поспешность, с которой британские власти произвели раздел страны и передачу полномочий руководству двух доминионов, отрицательно сказалась на взаимоотношениях между Пакистаном и Индией. Торопливые действия англичан способствовали не затуханию пожара межобщинных столкновений, а его усилению. Раздел страны и отдельных ее провинций, прежде всего Пенджаба, сопровождался невиданным прежде перемещением людей. Образовались потоки беженцев, число которых превысило 12 млн. человек. Некоторые из них спасались бегством из-за угрозы расправы. Цифра погибших в 1946–1950 гг. от погромов, разбоя и тягот переезда колеблется, по разным подсчетам, от четверти до половины, доходя, по отдельным сведениям, до 1 млн. человек⁸.

Образованное в августе 1947 г. государство (вплоть до марта 1956 г. оно формально оставалось доминионом в составе Британского Содружества Наций, а затем стало республикой) отличалось двумя особенностями — основанием, на котором оно было создано (религиозный национализм), и удаленностью друг от друга составлявших его двух территориальных кусков. Кратчайшее расстояние между ними по прямой равнялось свыше 1,5 тыс. км, а вокруг Индии — около 5 тыс. км⁹.

Еще одна специфическая черта образования нового государства состояла в исключительной сложности ее начального этапа, который определил и преобладание региональной политики в общих рамках внешнеполитической деятельности. При этом отношения с Индией были главным направлением внимания и усилий Пакистана в 1947–1953 гг.

Среди проблем, связанных с созданием двух доминионов, в посвященной этому литературе обычно выделяются такие:

- раздел государственного достояния, финансовых прав и обязательств;

- судьба движимого и недвижимого имущества, оставленного беженцами, поиск пропавших без вести и похищенных в ходе беспорядков и массового перемещения;

- распределение направляемых на цели орошения вод бассейна Инда;

- окончательное определение границ двух доминионов, принадлежности отдельных княжеств и территорий к одному из них¹⁰.

Наиболее существенной оказалась последняя проблема, а один из ее аспектов оказал долгосрочное воздействие на содержание и развитие отношений Пакистана с Индией. К моменту предоставления Индии независимости объединенная под британской юрисдикцией территория на $\frac{2}{5}$ состояла из «династийных государств» (туземных княжеств). Наследственные правители наиболее крупных из них

обладали всей полнотой власти в делах, касающихся внутренних сторон их жизни, а в делах внешних непосредственно «выходили» на вице-короля (генерал-губернатора) Индии. Ликвидация закреплённой Актом об управлении Индией 1935 г. системы сюзеренитета (paramountcy) Британской короны превратила князей в период после принятия английским парламентом 3 июня 1947 г. Закона о передаче власти формально юридически в полноправных владельцев. Им была предоставлена свобода решить, к какому из двух доминионов — Индии или Пакистану — они согласны присоединиться. Юридические тонкости и недомолвки объявленного плана предоставления независимости позволяли некоторым правителям и их советникам рассчитывать на сохранение своих прав и привилегий и закрепление самостоятельного или близкого к таковому статуса. Теоретически они, казалось, могли настаивать на самостоятельности, но правительство Великобритании стремилось дать ясно понять, что выступает против раздробления Индии и не готово установить отношения доминиального типа более чем с двумя государственными образованиями — Индией (Индийским союзом) и Пакистаном. В соответствии с положениями Заявления миссии британского кабинета от 16 мая 1946 г., которые были подтверждены решением от 3 июня 1947 г., князьям предоставлялась возможность временно отложить решение вопроса о присоединении¹¹.

Отчасти из-за последнего обстоятельства потребовалось более года для завершения процесса политико-юридической консолидации двух доминионов. Серьёзные осложнения среди княжеств, отошедших к Пакистану, вызвал статус белуджистанского Калата, но они не отразились на связях с Индией¹².

Из примыкавших к ней «туземных владений» на момент провозглашения независимости неопределённым оставался статус княжеств Траванкур, Хайдерабад, Джунагадх и Кашмир. Вопрос о судьбе трех последних вызвал осложнения в отношениях с Пакистаном. Попытки низама, мусульманского правителя Хайдерабада, утвердить самостоятельность своего владения, находящегося в самом центре Индии, в Декане, пользовались моральной поддержкой определенных кругов в Пакистане, а решение проблемы с помощью ввода туда индийских войск в сентябре 1948 г. вызвало в Пакистане осуждение¹³.

Правитель-мусульманин расположенного на полуострове Катхи-авар княжества Джунагадх (так же как и глава соседнего небольшого владения Манавадар) объявил о присоединении к Пакистану (с ним его соединяло бы лишь морское пространство). Хотя подавляющее большинство жителей княжества были индусями, генерал-губернатор Пакистана М.А. Джинна согласился с его просьбой о присоединении, чем дал повод Индии в сходном ключе трактовать желание индуяского правителя мусульманского Кашмира¹⁴.

В отличие от Джунагадха и Хайдерабада княжество Джамму и Кашмир оказалось граничащим с обоими доминионами¹⁵. Примерно $\frac{3}{4}$ населения княжества составляли мусульмане, но наследственным правителем был индус из касты раджпутов-догра. По распространенному мнению, первоначально ожидалось, что княжество отойдет к Пакистану в соответствии с территориальным и религиозным признаками¹⁶. Но правитель махараджа Хари Сингх, рассчитывая, очевидно, в конце концов добиться независимости, медлил с решением, а в августе 1947 г. заключил с молодой администрацией Пакистана Договор о статус-кво (Standstill Agreement) сроком на один год. Правительство Индии в принципе также не возражало против того, чтобы решение было отложено, но никаких документов не подписало. В конце октября на территорию княжества вторглись вооруженные отряды пуштунских племен из пограничной зоны в горах между Пакистаном и Афганистаном. За несколько дней они продвинулись вплотную к столице княжества г. Сринагару. Взять город они не успели, так как 27 октября в его аэропорту высадились части индийской регулярной армии, которым удалось быстро оттеснить пуштунские ополчения к западу, за реку Ури. Воздушный мост стал возможен после подписания накануне Хари Сингхом документа о присоединении к Индийскому союзу¹⁷ (подробнее см. гл. 5).

В ответ на протесты Пакистана первый генерал-губернатор Индии лорд Маунтбеттен и премьер-министр Дж. Неру признали предвзятость присоединения и согласились с необходимостью установить «волю народа» и следовать его решению. В последние дни 1947 г. эта формула была конкретизирована обращением к ООН с просьбой о вмешательстве в индийско-пакистанские отношения в Кашмире и посредничестве в организации плебисцита¹⁸. Кашмирский вопрос рассматривался Советом Безопасности ООН в апреле 1948 г., когда между пакистанскими и индийскими регулярными частями шли интенсивные бои¹⁹. Обе стороны тогда же в принципе согласились на прекращение боевых действий и решение вопроса с помощью организуемого ООН плебисцита²⁰. Однако ввиду невыполнения Пакистаном и Индией предварительных условий (вывода пакистанских подразделений из княжества и сокращения до минимума индийских войск) столкновения на линии прекращения огня продолжались до осени, а к проведению плебисцита так и не приступили. Индия и Пакистан согласились с резолюциями СБ ООН от 1 и 5 января 1949 г. о временном разделе Джамму и Кашмир по линии прекращения огня, установленной в общих чертах еще в апреле 1948 г. К Индии отошло примерно $\frac{3}{5}$ территории и $\frac{3}{4}$ жителей, в том числе вся населенная в основном мусульманами долина Кашмира, а также находящаяся к югу от нее индусская по большей части территория Джамму и тибето-буддистская восточная область Ладакх. Под контролем Пакистана оказались находящиеся к юго-

западу от Кашмирской долины районы Музаффарабада, Мирпура и Пунча, образовавшие территорию Азад (свободного) Кашмира, а также обширное, но малонаселенное горное агентство Гилгит с тяготеющими к нему княжествами Хунза и Нагар, районами Астор, Ишкуман, Чилас, Ясин и область Балтистан, которые составили «северные территории», находящиеся под непосредственной юрисдикцией Пакистана, но не в его составе²¹.

Военные столкновения с Индией в Кашмире в 1947–1948 гг. явились безусловно доминирующим фактором в региональной политике Пакистана первых лет независимости. Кашмирский конфликт с самого начала приобрел для обеих конфликтующих сторон огромное символическое значение. Руководство Индии, исходившее из того, что ее согласие на создание Пакистана не означает признания справедливости тезиса о существовании двух наций на одной земле Индии, считало, что добровольное вхождение в состав Индийского союза, населенного в основном мусульманами Кашмира, служит доказательством несостоятельности вышеотмеченного тезиса. Пакистанское руководство, оспаривая законность и добровольность этого акта, стремилось утвердить правоту своей идеологии. Помимо символического, эмоционально-престижного фактора играло роль и немаловажное военно-стратегическое местоположение Кашмира на высокогорном стыке с СССР и Китаем (с 1949 г. — КНР)²².

Характерно, что для сторон, вовлеченных в судьбу княжества, это обстоятельство имело разное содержание. Дели не прочь был унаследовать от Лондона стратегически ключевую позицию в самом центре Азии, в непосредственной близости от Памира, Синьцзяня и Тибета. Пакистану важно было не допустить территориальной «смычки» Индии с Афганистаном, учитывая остроту, которую имели для него тогдашние отношения с Кабулом²³. Для внешних с точки зрения региона сил — Великобритании и США — Кашмир представлял интерес вследствие соседства с Советским Союзом и Китаем. В представлениях, распространенных тогда среди британских и американских геополитиков и военных стратегов, Кашмир был средоточием, осью обширного пояса естественных горных границ, рассекавших центр Азии²⁴.

Совмещение в кашмирском вопросе интересов разного уровня и степени сложности придало ему не только остроту, но и выявившуюся позднее долговременность. Очевидно, что в начальный период существования Пакистана он играл роль главного раздражителя в отношениях с Индией. Вторжение в октябре 1947 г. на территорию княжества Дхамму и Кашмир отрядов пуштунских племен дало руководству в Дели повод приостановить осуществление соглашения с Пакистаном по поводу раздела доставшегося доминионам от англичан имущества, в том числе военного снаряжения, финансовых и валютных средств, то есть стерлинговых авуаров. Понадоби-

лось вмешательство харизматического лидера Индии великого идеалиста Махатмы Ганди, объявление им бессрочной голодовки, чтобы заставить индийское правительство выполнять взятые обязательства в отношении Пакистана²⁵.

В то же время Кашмир первоначально вовсе не являлся для руководства Пакистана картой, которую оно разыгрывало в одностороннем порядке и с пропагандистской выгодой для себя. Характерно, что в речах «отца Пакистана» М.А. Джинны, произнесенных в период его генерал-губернаторства в августе 1947 — сентябре 1948 г., Кашмир не упоминается ни разу²⁶.

На первых порах весьма острой в отношениях с Индией оказалась также проблема контроля за водой, поступающей для орошения посевов в западной части Пакистана. Весной 1948 г. власти индийского Восточного Пенджаба перекрыли доступ воды в Западный Пенджаб, используя свой контроль над головными сооружениями систем ирригационных каналов, использующих воды восточных притоков Инда рек Рави, Беас и Сатледж. Переговоры между центральными правительствами двух стран восстановили водоснабжение, но временное соглашение о разделе вод выполнялось с нарушениями. Ситуация стала выправляться только с 1952 г., когда обе страны договорились принять посредническую помощь Международного банка реконструкции и развития (впоследствии — Всемирного банка) в деле подготовки постоянного соглашения о разделе вод бассейна р. Инд²⁷.

Уже упоминавшиеся потоки беженцев вызвали к жизни несколько сложных гуманитарных проблем, которые стороны решали на протяжении более десяти лет. Дипломатические представители Индии и Пакистана приложили немало усилий, чтобы добиться возвращения владельцам движимого имущества и способствовать воссоединению семей²⁸.

Раздел Пенджаба, хотя и сопровождался наибольшими потрясениями и кровопролитием, пришелся на период непосредственно после образования двух доминионов и не мог сказаться существенно на двусторонних отношениях из-за того зачаточного состояния, в котором они тогда находились. Коммуналистские противоречия на востоке, в Бенгалии и Бихаре, обострились еще раз в конце 1949 г. и привели к кровавым столкновениям и новым потокам беженцев. Этот взрыв пришелся уже на более зрелый период в истории двух государств (Индия с января 1950 г. из доминиона стала независимой республикой, а в Пакистане в 1949 г. был принят основополагающий конституционный документ — так называемая Резолюция о целях). Волна межобщинных распрей серьезно осложнила двусторонние отношения, поставив их на грань войны²⁹.

После серии предварительных шагов премьер-министры двух стран — Дж. Неру и Лиакат Али-хан — заключили в апреле 1950 г.

соглашение о положении меньшинств («пакт Неру—Лиакат»). К лету того года положение вновь обострилось и Пакистану пришлось опасаться за свою безопасность. В военном плане он оказался незащищенным, не способным противостоять вооруженным силам Индии. Хотя последняя не пошла на применение силы, Карачи принял меры к усилению военного потенциала. В сентябре было принято решение о назначении на должность главнокомандующего вооруженными силами первого пакистанца (после двух англичан) — генерала Мухаммада Айюб-хана (в будущем — глава военной администрации и президент)³⁰. Работа по укреплению вооруженных сил ускорила с начала 1951 г., а летом обе страны вновь оказались на грани вооруженного конфликта, вызванного концентрацией индийских войск на границах с Западным Пенджабом³¹. Лиакат Али-хан, по словам М. Айюб-хана, интересовался у него возможностями противостояния с Индией и получил ответ о неготовности пакистанской армии к войне³².

В 1952–1953 гг. отношения между Пакистаном и Индией улучшились. Продолжая укреплять свои вооруженные силы, Пакистан стремился к нормализации связей с Индией. В августе 1952 г. было заключено торговое соглашение, позволившее выйти из тупика, в котором двусторонняя торговля находилась с осени 1949 г., когда Пакистан отказался девальвировать свою рупию вслед за снижением курса английского фунта стерлинга и индийской рупии³³. Своего апогея двусторонние контакты достигли летом 1953 г. — в июле состоялись переговоры премьеров Неру и Мухаммада Али (Богра) в Карачи, а в августе в Дели было принято совместное коммюнике, предусматривавшее решение кашмирского вопроса путем проведения плебисцита³⁴.

Соглашению в Дели предшествовали важные события в индийском Кашмире. Как упоминалось в главе 2, Шейх Абдулла, возглавлявший местное правительство с 1947 г., был смещен с поста и арестован по обвинению в нарушениях закона и коррупции. Протесты Пакистана Индии удалось отвести во время Делийской встречи премьер-министров. Более того, индийское руководство заручилось согласием Пакистана отказаться от участия в разрешении спора вокруг Кашмира третьих сил, США и Великобритании. Вместо американского адмирала Ч. Нимица пост администратора ООН по плебисциту должен был занять выбранный Индией и Пакистаном к апрелю 1954 г. представитель небольшой нейтральной страны³⁵.

Перспективы проведения плебисцита в Кашмире очень скоро потускнели. Уже через месяц после встречи в Дели пакистанское правительство заявило об отказе от договоренностей и передаче кашмирского вопроса вновь на рассмотрение Совета Безопасности ООН. Одновременно усилились расхождения между двумя странами по целому ряду вопросов глобальной политики, центральное место

среди которых занимала проблема отношения к проектам получения военной и связанной с ней экономической помощи США и участия в создаваемых под эгидой Америки региональных военно-политических блоках. Под предлогом нарушения Пакистаном договоренностей о нейтралитете и недопущении втягивания региона в «игру» внешних сил Индия отказалась от плана проведения плебисцита. Дели удалось таким образом предотвратить неблагоприятное для него развитие ситуации внутри штата Джамму и Кашмир, продолжив линию на его интеграцию в состав федерации³⁶. Пакистан же в итоге проиграл первый раунд борьбы за Кашмир, несмотря на значительную поддержку, которой он пользовался со стороны ведущих держав Запада.

Хотя отношения с Индией оставались главным направлением региональной политики Пакистана на протяжении всего первого этапа его независимого существования (в 1947–1953 гг.), весьма чувствительный характер имели также его связи с другим непосредственным соседом — Королевством Афганистан. Пакистан, если иметь в виду его главное с точки зрения расклада внутривнутриполитических сил западное «крыло», с самого начала был «зажат» между Индией на востоке и Афганистаном на западе, оказался геополитически в положении «закуски сандвича».

Давление на Пакистан со стороны Кабула началось сразу после его образования. Афганская делегация в ООН была единственной, которая голосовала (30 сентября 1947 г.) против принятия Пакистана в члены этой Организации. Основанием для такого шага служило убеждение, что в состав Пакистана без соблюдения необходимых процедур включили населенные пуштунами (афганцами) районы северо-запада бывшей Британской Индии (Северо-Западной пограничной провинции и полосу свободных племен). Афганское правительство, которое, надо отметить, заранее, по меньшей мере с 1944 г., готовило почву для этих претензий, в июне 1947 г. заявило протест Англии в связи с намерением последней провести референдум в СЗПП Индии, вынеся на него вопрос о присоединении к одному из двух образуемых по плану от 3 июня того года доминионов. Утверждая, что пуштуны СЗПП оказались «искусственно» присоединенными к народам Индии, и ссылаясь на пример Бирмы, отделенной от Индии в 1937 г., королевское правительство в Кабуле настаивало на предоставлении пуштунам возможности высказаться и по поводу третьей альтернативы — создания собственного государства Пуштунистан³⁷. Этот дипломатический демарш не произвел впечатление на правительство Великобритании. Проведенный в июле 1947 г. референдум дал небольшой перевес сторонникам присоединения к Пакистану — за это проголосовали 50,4% имевших право голоса. За включение в Индию подали голоса 0,5%, а 49% не приняли участие в голосовании³⁸.

Неучастие в референдуме почти половины из числа тех примерно 15% населения, которые имели право голоса по Закону 1935 г., объяснялось, по-видимому, призывом к его бойкоту, с которым обратилось к населению тогдашнее правительство провинции во главе с представителями местной организации Индийского национального конгресса и ориентировавшегося на него движения «Худай хидматгаран» («защитники божьи»), известные по цвету униформы как краснорубашечники). Враждебные отношения между лидером последних Абдул Гаффар-ханом и М.А. Джинной, а после смерти последнего — с его преемниками давали повод афганскому руководству поднимать на щит идею Пуштунистана. Тому же содействовала антипакистанская деятельность вождя горных пуштунов-вазирова Факира из Ипи, который в январе 1950 г. провозгласил себя «президентом Пуштунистана»³⁹. Отношения между Пакистаном и Афганистаном в 1949–1950 гг. периодически обострялись из-за инцидентов, возникавших на пакистано-афганской границе в зоне расселения горных пуштунских племен. Особо острый характер пограничные столкновения приняли в октябре 1950 г., когда племена из Афганистана, по утверждениям пакистанской стороны, совершили рейд через границу⁴⁰.

Политика Пакистана в отношении западного соседа заключалась в сочетании твердости в отстаивании законных, по его мнению, прав на всю территорию бывшей колонии, населенную преимущественно пуштунами, и подчеркивании братских чувств к родственному мусульманскому государству. Характерно, что с аргументацией последнего типа обращался к Афганистану и наиболее секуляристски настроенный лидер Пакистана М.А. Джинна⁴¹.

В соответствии с Британским законом о независимости Индии (от 18 июля 1947 г.) отменялись все договоры, которые королевское правительство заключало в полосе племен, и все обязательства, связанные с ними. Правительству доминиона Пакистан необходимо было, таким образом, заключать новые соглашения с представителями полосы пуштунских племен на крайнем северо-западе, вдоль границ с Афганистаном. К началу 1948 г. этот процесс был завершен и на джирге представителей племен в Пешаваре, главном городе Северо-Западной пограничной провинции, генерал-губернатор М.А. Джинна приветствовал решение вождей племен о выражении ими лояльности Пакистану как стране единой мусульманской нации и желании сохранить «прежний порядок взаимоотношений» с властями за административной границей полосы независимых племен⁴².

Правительство Пакистана исходило при этом из установленного международным правовым опытом положения о неизменности границ, их наследовании государством-правопреемником⁴³. Полагая себя таковым по отношению к Британской Индии, власти в Карачи

ссылались на многочисленные договоры, заключенные англо-индийской администрацией и афганскими правителями. Основопологающим в этом ряду был договор, подписанный в Кабуле осенью 1893 г. эмиром Афганистана Абдуррахман-ханом и полномочным представителем британских властей в Индии М. Дюрандом. Делимитированная в соответствии с этим соглашением граница (впоследствии известная как линия Дюранда) закрепляла за англичанами контроль над большей частью полосы, населенной «неуправляемыми» горными пуштунскими племенами. Афганистан в дальнейшем признавал ее каждый раз после смены правителя (договорами 1905, 1919 и 1930 гг.). Именно на это обстоятельство обращалось внимание в официальных пакистанских нотах правительству Афганистана⁴⁴.

Надо отметить, что, несмотря на несогласие Афганистана с пакистанской аргументацией и процедурой организации референдума, Кабул был вынужден уже через месяц после голосования против принятия Пакистана в ООН отказаться от возражений по этому поводу и установить с Карачи дипломатические отношения⁴⁵. Хотя в дальнейшем периодически имели место осложнения в связи с обстановкой вдоль границы, Пакистан выполнял унаследованные от англичан обязательства по транзиту товаров через свою территорию. Взаимная торговля, игравшая существенную роль для местных рынков, дополнялась свободным пересечением границы кочевыми афганскими племенами, известными под названием «повинда»⁴⁶.

В 1952–1953 гг. нормализация обстановки привела к положению, когда внерегиональные силы, прежде всего США, следуя стратегии строительства цепи военно-политических блоков, направленных против СССР, попытались выяснить, насколько реально осуществить план создания конфедерации (тесного союза) Пакистана и Афганистана и предприняли определенные шаги в этом направлении, окончившиеся, однако, безрезультатно⁴⁷.

Отношения с другими соседями у Пакистана с самого начала складывались более благоприятно, чем с Индией и Афганистаном. К числу соседних (юридически или фактически) относились Иран, Бирма и Китай. Проблема границы с Ираном протяженностью около 1 тыс. км вызывала поначалу некоторые сложности. Она пролегла по территории, населенной белуджскими племенами, и была определена по большей части лишь картографически. Англичане во время Первой, и Второй мировых войн раздвигали рамки своего фактического контроля на запад за пределы намеченных границ. После их ухода и образования Пакистана возникли споры вокруг принадлежности одного участка территории и контроля за Кила сафед (Белым фортом) в северной части границы. В 1949 г. правительства двух стран образовали совместную комиссию по разрешению спора и четкого определения (демаркации) границы. К концу 50-х годов соглашение о границе было достигнуто и в 1960 г. под-

писано (по другим сведениям — в 1958 г.). Пакистан уступил Ирану небольшую площадь, а Иран отказался от каких-либо претензий на остальную часть бывшего Британского Белуджистана⁴⁸.

Восточная провинция Пакистана, окруженная со всех сторон индийской территорией, на крайнем юго-востоке имела небольшой протяженности (менее 200 км) общую границу с Бирмой. Она проходила по естественному рубежу, горам Читтагонг и приобрела статус границы между двумя колониальными владениями Великобритании в 1937 г. после отделения Бирмы от Индии. Вслед за образованием Пакистана линия разграничения юрисдикций превратилась в международную границу, не демаркированную на местности. Сложность демаркации силами двух молодых государств усугублялась проблемой проживания по обе стороны рубежей родственных горных племен (чакма и др.)⁴⁹ и меняющимся руслом пограничной реки Нэф. В 1950 г. и позднее имел место обмен населением между двумя странами (мусульмане переходили в Пакистан, буддисты — в Бирму), а со стороны бирманских мусульман раздавались призывы к присоединению пограничной области Аракан к Пакистану. Возникавшие трения окончательно сошли на нет лишь к середине 60-х годов. В 1964 г. Пакистан и Бирма подписали соглашение о границе, проходящей на спорном участке посередине отходящего от реки главного навигационного канала⁵⁰.

С точки зрения международного права, у Пакистана с Китаем не было и нет общей границы. От Китая «западное крыло» созданного в 1947 г. Пакистана отделяет территория бывшего индийского княжества Джамму и Кашмир, статус которого остается спорным. Фактически же пакистано-китайская граница образовалась к концу октября 1947 г., после того как территории княжеств вдоль границ с Китаем попали под фактический контроль Пакистана. Это, как уже отмечалось выше, произошло после того, как поднятый в агентстве Гилгит мятеж местных «скаутов» (армейско-полицейских подразделений) против представителя махараджи Кашмира увенчался успехом. К тому времени власти примыкавших к Гилгитскому агентству с востока княжества Хунза и области Балтистан с центром в Скарду уже заявили о желании присоединиться к Пакистану. Переход значительной по площади (около 100 тыс. кв. км) северо-западной части территории Кашмира под юрисдикцию Пакистана, несмотря на временный и условный ее характер (до определения статуса всего Джамму и Кашмира), привел таким образом к фактическому соприкосновению районов, контролируемых Пакистаном и Китаем⁵¹.

Пакистан был одним из немногих государств, которые признали Китайскую Народную Республику в течение первых трех месяцев после ее провозглашения 1 октября 1949 г. Его позиция в начале корейской войны (летом 1950 г.) была нейтральной, но в дальнейшем эволюционировала в сторону поддержки США и умеренной

критики действий Китая. Между тем как в позициях двух государств наблюдались заметные различия в подходах к мировым проблемам, поле их регионального взаимодействия в 50-е годы оставалось исключительно узким вследствие ограниченности потенциала и отсутствия заинтересованности у обеих сторон⁵².

Рубежными с точки зрения внешней, в том числе региональной, политики Пакистана можно считать 1954–1955 гг.⁵³ Геополитическое положение страны к этому периоду претерпело существенные перемены. С конца 40-х по середину 50-х годов основным узлом противоречий в мире оставался Дальневосточный, или Тихоокеанский, регион (макрорегион). После окончания корейской войны (1953 г.) и войны в Индокитае (1954 г.) центр тяжести в глобальной геополитической ситуации стал перемещаться на Ближний и Средний Восток. Создание военно-политических блоков, к которому активно приступили США в годы президентства Д. Эйзенхауэра и руководства внешнеполитическим ведомством госсекретаря Д.Ф. Даллеса, столкнулось с наибольшими трудностями именно на этом направлении. Тщетными оказались попытки американской дипломатии втянуть в Средневосточный блок Индию и Египет — два наиболее крупных региональных государства. США пришлось в конце концов удовлетвориться решением более скромной задачи стяжения геополитического пространства между ними посредством двусторонних и многосторонних договоров, оформившихся к концу 1955 г. в Багдадский пакт.

Пакистан в ходе этих изменений занял важное место в геостратегии США и всего западного, североатлантического сообщества. Ему удалось воспользоваться благоприятными внешними обстоятельствами для решения неотложных экономических задач и укрепления базы вооруженных сил. В соответствии с заключенным в мае 1954 г. договором с США о взаимопомощи в области обороны Пакистан стал получать американскую военную технику и содействие в обучении и подготовке кадров военнослужащих. Несмотря на большие сложности в урегулировании деталей осуществления программы американского содействия и почти неизбежные для бюрократического процесса затяжки в ее предоставлении, Пакистану удалось в 1954–1959 гг. получить реальную военную помощь на сумму по меньшей мере 350 млн. долл., а по некоторым оценкам, 520 млн.

За тот же период экономическая помощь США Пакистану возросла в десять раз и составила около 850 млн. долл.⁵⁴

Характерной особенностью экономической помощи была ее нацеленность на компенсацию затрат, направленных Пакистаном через бюджет на военные цели, посредством предоставляемых средств в основном для импорта товаров⁵⁵.

Усиление военного потенциала Пакистана во второй половине 50-х годов происходило на фоне сложной внутривосточной си-

туации — частых смен правительств, роспуска функционировавшего с 1947 г. Учредительного собрания, косвенных выборов в новое собрание и принятия им первой Конституции (в марте 1956 г.), в соответствии с которой домининон был преобразован в Исламскую Республику. Одновременно наблюдалось усиление позиций военно-бюрократических кругов с базой власти в западном «крыле» Пакистана, сокращение влияния политических деятелей, прежде всего тех, кто входил в руководство партии Мусульманская лига и был родом из Восточной Бенгалии (с 1951 г. — провинции Восточный Пакистан). Рост оппозиционных настроений в последнем в этот период сдерживался привлечением отдельных политиков оттуда к выполнению руководящих функций в центральном правительстве и не сказался в тот период, в силу этой и ряда других причин, на комплексе пакистано-индийских связей⁵⁶.

Иначе обстояло дело с воздействием внутривнутриполитических мер, осуществленных в западном «крыле» страны, на отношения с Афганистаном. Достигнутая к началу 50-х годов их нормализация оказалась под угрозой уже в период обсуждения в Пакистане планов создания единой провинции Западный Пакистан, означавших ликвидацию в числе других и Северо-Западной пограничной провинции. После того как, несмотря на афганские протесты, в апреле 1955 г. это решение было принято Учредительным собранием Пакистана, в Кабуле и некоторых других городах Афганистана прошли, скорее всего поощряемые властями, демонстрации протеста — здания посольства и консульств Пакистана подверглись нападению и разграблению, десятки людей получили ранения, со зданий дипломатических представительств Пакистана были сорваны национальные флаги⁵⁷. Обострилась ситуация на границе между двумя государствами, в полосе проживания «свободных» племен. Стороны обвиняли друг друга в подстрекательстве племен к нарушению границы⁵⁸. Афганистан в мае объявил о введении чрезвычайного положения и мобилизации в армию⁵⁹. Дипломатические отношения между двумя государствами были прерваны, Пакистан закрыл границу и транзитный «коридор» для афганских товаров, словом, два соседних мусульманских государства оказались на грани войны⁶⁰.

Столкновения, однако, удалось избежать, так как в нем серьезно не была заинтересована ни одна из сторон. В посреднических усилиях участвовали представитель короля Саудовской Аравии и министр египетского кабинета. Последним был, кстати, будущий президент, тогда полковник, Анвар Садат, который, высказываясь по поводу причин конфликта, без обиняков, по-военному назвал только одну: Афганистану нужен выход к морю⁶¹. К осени 1955 г. обстановка разрядилась. Кабулу пришлось смириться с фактом образования единой провинции Западный Пакистан (принятый весной указ вступил в силу в октябре). В 1956–1957 гг. происходил интенсивный

обмен визитами между руководителями обоих государств, в ходе которых стороны договорились о расширении каналов транзитной торговли Афганистана через пакистанскую территорию и подписали соглашение об авиасообщении⁶².

Поездка короля Афганистана М. Захир-шаха в феврале 1958 г. оказалась последней в серии визитов. Вместе с тем вслед за ней в мае того же года было заключено первое межправительственное соглашение о транзитной торговле, заменившее действовавшие ранее и унаследованные с колониальных времен договоренности, а в июне был установлен более льготный порядок перевозки грузов между Пешаваром и Кабулом (по северному транзитному пути) и между Чаманом и Кандагаром (по южному)⁶³.

К концу 50-х годов отношения с Афганистаном вновь осложнились. Произошло это во многом вследствие событий в Пакистане.

В октябре 1958 г., накануне военного переворота, роспуска парламента и отмены конституции 1956 г., бывший хан княжества Калат (центра историко-географической области Белуджистан) поднял восстание, выступив с требованием предоставления независимости княжеству. В ходе развернувшихся боев антиправительственные выступления были подавлены, но окончательно справиться с движением удалось лишь летом 1959 г.⁶⁴ Неспоконная обстановка распространилась на пуштунские районы Белуджистана, полосу племен, а также сохранявшие самостоятельность (и после создания единой провинции Западный Пакистан) пуштунские княжества. В пограничную с Афганистаном область Баджаур и в княжество Дир в сентябре 1960 г. были введены пакистанские войска. Их карательная экспедиция, осуществленная в феврале—марте 1961 г., привела к обострению пакистано-афганских отношений. Ободренные моральной поддержкой извне, со стороны СССР⁶⁵ и Индии, афганские власти предприняли ряд дипломатических демаршей по защите интересов пуштунов. Такая позиция Кабула натолкнулась на жесткую реакцию правительства Пакистана во главе с президентом генералом М. Айюб Ханом. Неуступчивость обеих сторон привела к разрыву дипломатических отношений в сентябре 1961 г., закрытию границы между странами и прекращению транзитных перевозок афганских товаров через территорию Западного Пакистана⁶⁶.

Разрыв отношений между двумя странами вызвал озабоченность глобальных и региональных держав. США, едва оправившиеся после скандала, вызванного неудачным полетом разведывательного самолета У-2 в мае 1960 г. (он поднялся в воздух с военного аэродрома близ Пешавара и был сбит над территорией СССР), поторопились предложить посреднические услуги. Однако миссия американского посредника Л. Мерчента осенью 1961 г. натолкнулась на жесткую позицию, занятую в отношении Пакистана премьер-министром Афганистана М. Даудом⁶⁷.

Пакистану в начале 60-х годов удалось урегулировать ситуацию в Белуджистане и пуштунских районах. Закрытие границы с Афганистаном не наносило ущерба его экономике, хотя и создавало некоторые осложнения, связанные с контролем за сезонными традиционными перемещениями через границу кочевых афганских племен⁶⁸. Афганистан, напротив, испытывал немалые трудности в связи с прекращением транзита через пакистанскую территорию и искал пути получения товаров через Иран и Советский Союз. С лета 1962 г. посредническую миссию в деле восстановления нормальных отношений между Пакистаном и Афганистаном взял на себя шах Ирана Мухаммад Реза-шах Пехлеви. Деятельность иранских посредников в конце концов принесла плоды: пакистано-афганские дипломатические отношения были восстановлены, хотя лишь после того как в Кабуле в марте 1963 г. произошла смена кабинета министров и закончилось десятилетнее правление правительства М. Дауда⁶⁹.

В целом можно отметить, что в региональной внешней политике Пакистана в 1954–1962 гг. наиболее видное место занимало афганское направление. Это было напрямую связано с беспокойным положением внутри страны вдоль границ с Афганистаном и косвенно — с геополитическим положением Пакистана в разгар холодной войны, когда США совместно с Великобританией создали «северный ярус обороны» по периметру юго-западных границ СССР⁷⁰.

Хотя индийское направление региональной политики в этот период отошло на второй план, оно продолжало оставаться жизненно более важным для Пакистана. Главной подоплекой внутривнутриполитических противоречий, которые во многом определяли пакистанскую политику по отношению к соседям в регионе, была разорванность страны территориально и культурно на две части — западную и восточную. С весны 1954 г. после выборов в Законодательное собрание Восточного Пакистана, в результате которых сторонники «пакистанской» по идеологии Мусульманской лиги потерпели сокрушительное поражение, проблема восточнопакистанской автономии переходит из разряда потенциально взрывоопасных в категорию политически актуальных. Правящие круги Пакистана стремились решить проблему национальной безопасности с помощью тесной привязки к сильному старшему партнеру-союзнику (США) и усилиями по уменьшению дисбаланса, сложившегося между западным и восточным «крыльями» страны. Парадокс такой политики состоял в том, что военная и экономическая помощь США в 1954–1959 гг. усиливала диспаритет между провинциями, ввиду того что она реально могла быть использована и использовалась по преимуществу только в Западном Пакистане⁷¹.

Острые политические кризисы, сотрясавшие Пакистан в 50-е годы, контрастировали с достаточно успешным внутривнутриполитическим

развитием Индии в этот период и ее заметными успехами на арене мировой политики. Существенно важное значение для пакистано-индийских отношений имела ситуация в отошедшей к Индии после конфликта 1947–1948 гг. части княжества Джамму и Кашмир. Отстранение от власти Шейха Абдуллы и его заключение под стражу в августе 1953 г. не было использовано Пакистаном как предлог для широких антииндийских акций. Внутренняя ситуация в индийском Джамму и Кашмире оставалась спокойной, и пакистанское правительство предпочло, как отмечалось выше, договориться с Дели «полюбовно», заключив 20 августа соглашение, открывавшее путь к разрешению конфликтной ситуации вокруг Кашмира преимущественно усилиями двух заинтересованных сторон. Неудача на этом пути очень скоро (с 1954 г.) привела в действие механизм включения Джамму и Кашмира на постоянной и безусловной основе в состав индийской федерации в качестве одного из штатов, чей статус лишь немногим отличался от положения других⁷².

После некоторой паузы отношения Пакистана с Индией по поводу Кашмира в 1956 и 1957 гг. вновь обострились. Получив существенную международную поддержку своей позиции по Кашмиру со стороны СССР (в ходе визита Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева в ноябре—декабре 1955 г.), Индия весной 1956 г. объявила, что считает вопрос о нем закрытым. Дж. Неру обвинил Пакистан в нарушении условий, необходимых для проведения плебисцита, а именно в отказе от вывода войск с территории бывшего княжества. Вслед за тем Дели впервые публично предложил решить кашмирский вопрос путем признания линии прекращения огня от 1 января 1949 г. в качестве государственной границы между Индией и Пакистаном⁷³.

Пакистан, не соглашаясь с этим предложением, несколько раз выносил вопрос о Кашмире на рассмотрение Совета Безопасности ООН, пользуясь поддержкой США и Англии, которые одновременно безуспешно пытались воздействовать на Индию. В 1957 г. только вето СССР позволило избежать принятия Советом Безопасности ООН неблагоприятной для нее резолюции⁷⁴.

Ситуация в штате Джамму и Кашмир, между тем, вновь обострилась. Несмотря на введение в действие в начале 1957 г. конституции штата, закреплявшей его вхождение в Индийский союз, там имелись политические силы, выступавшие за плебисцит. В 1958 г. индийские власти освобождают из-под ареста Ш. Абдуллу, но через несколько месяцев вынуждены вновь взять его под стражу⁷⁵.

Приход к власти военных в Пакистане в конце 1958 г. вызвал негативную реакцию в Индии. Глава военной администрации президент М. Айюб Хан (чьи президентские полномочия были подтверждены на косвенных безальтернативных выборах в феврале 1960 г.) в первый период пребывания у власти не скрывал односторонней ориентации на Запад. В марте 1959 г. США и Пакистан подписали

исполнительное соглашение об оборонной взаимопомощи⁷⁶. Вызывания Айюб Хана этого периода по внешнеполитическим вопросам в полной мере соответствуют канонам британской геополитической школы, находясь в то же время в русле региональной стратегии США⁷⁷. Под воздействием американцев, и принимая во внимание необходимость укрепления государственной власти, ослабленной годами политической нестабильности и правительственной чехарды, правительство Айюб Хана сделало несколько шагов навстречу Индии. Оно, в частности, предложило заключить пакт о совместной обороне субконтинента, но это предложение было с порога отвергнуто Дели. В то же время Индия с весны 1959 г. оказалась перед угрозой ухудшения отношений с Китаем, крупнейшим соседом на востоке, из-за восстания в Тибете и бегства главы тибетских буддистов Далай-ламы в Индию. Не изменяя общему курсу на неприсоединение к западному блоку, Дж. Неру в новых условиях пошел на заметное повышение уровня отношений с США. Все это привело к улучшению климата пакистано-индийских связей и ознаменовалось подписанием ряда двусторонних соглашений, в основном закрывавших спорные вопросы, возникшие в связи с разделом (по уточнению границ между Восточным и Западным Пакистаном и Индией, финансовым вопросам, использованию водных ресурсов)⁷⁸.

В сентябре 1959 г. состоялась первая встреча между президентом М. Айюб Ханом и Дж. Неру в Дели в аэропорту Палам. А своего апогея пакистано-индийское согласие достигло в 1960 г. — в марте в Дели было заключено торговое соглашение, а в сентябре в Карачи — договор о водах р. Инд. Для подписания последнего в Пакистан прибыл премьер-министр Неру. Помимо него и Айюб Хана договор подписал вице-президент МБРР ввиду того, что тот предусматривал проведение с помощью фонда, образуемого под управлением этой международной банковской структуры, большого комплекса работ по использованию водных ресурсов р. Инд и двух ее западных притоков — рек Чинаба и Джелама. Общая стоимость работ оценивалась примерно в 1 млрд. долл. Помимо США, Англии, ФРГ, Канады, Австралии и Новой Зеландии, а также МБРР взнос в фонд в качестве дара сделала Индия⁷⁹.

Наряду с улучшением отношений с Дели наблюдалось кратковременное размежевание позиций Карачи с Пекином. Пакистан оказался в числе тех государств, которые весьма критически восприняли известия о «подавлении свободы» в Тибете. На первых порах, после политического кризиса и бегства Далай-ламы вместе со сторонниками в Индию, Пакистан недвусмысленно осудил действия китайских властей и поддерживал призывы к интернационализации вопроса путем обсуждения его в ООН. Именно к этому времени, начальному периоду после прихода к власти военного правительства Айюб Хана и его открыто прозападной, антикоммунистической

ориентации, относится предложение президента Айюб Хана к Индии о достижении договоренностей по совместной обороне Индостанского субконтинента. Индия отвергла это предложение, не считая возможным и необходимым обороняться от кого-либо и отвергая идею совместных с Пакистаном планов обороны на том основании, что они нацелены на втягивание ее в систему военных блоков⁸⁰.

Руководство Китая, между тем, предпочло не замечать критической позиции Пакистана в связи с Тибетом. В условиях растущих противоречий с Дели оно придавало определенное значение Пакистану как соседу Индии, имеющему с ней спор, и не желало портить с ним отношений. В Пекине старались не придавать большого значения участию Карачи в антикоммунистических блоках, исходя из того, что они объясняются стремлением Пакистана обезопасить себя перед лицом предполагаемой индийской угрозы. В силу географической удаленности Пекин мало волновало участие Пакистана в Багдадском пакте (СЕНТО). Что касается СЕАТО, то в КНР понимали существенно меньшую роль, которую придавали пакистанские правящие круги безопасности своей восточной провинции и рассматривали участие Карачи в этом блоке как дань определенным его обязательствам в качестве младшего партнера в игре глобальных сил⁸¹. Все это позволяет говорить, что Китай активно «обхаживал» Пакистан, ожидая своего часа и не обращая внимания на его достаточно холодное к себе отношение.

По мере усиления напряженности в китайско-индийских отношениях, которое наблюдалось несмотря на встречи высших должностных лиц двух государств (беседы Чжоу Эньлая в Дели в апреле 1960 г.), создавались объективные предпосылки для складывания особых отношений между Пакистаном и Китаем⁸². Дополнительным стимулом для них послужил урок, полученный Пакистаном в мае 1960 г., когда над территорией СССР был сбит американский разведывательный самолет У-2, стартовавший с пакистанского военного аэродрома Бадабер близ Пешавара. Хотя угрозы Москвы «наказать» Пакистан за пособничество в антисоветской акции, очевидно, не воспринимались руководством страны всерьез (Пакистан чувствовал себя под защитой США), все же ощущение того, что его «подставили», было неприятно. Быстрое восстановление, а затем и подъем уровня пакистано-советских отношений, ознаменовавшийся визитом в Москву в декабре того же года одного из немногих гражданских министров в кабинете Айюб Хана молодого Зулфикара Али Бхутто, показали, что «коммунистические» державы идут на контакты и обещают помочь экономически⁸³.

Заметное повышение «акций» Индии в США ясно обнаружилось после смены администрации в Вашингтоне в начале 1961 г. Президент-демократ Д.Ф. Кеннеди еще в свою бытность сенатором входил в образовавшуюся на Капитолии группу сторонников про-

грамм предоставления Индии значительной экономической помощи, а после прихода к власти сделал ставку на Индию в политике «сдерживания» Китая⁸⁴.

Проиндийский крен в политике США вызвал тревогу правящей элиты Пакистана. Поездка Айюб Хана в США в июле 1961 г. была попыткой уяснить суть и пределы происходящих перемен. Несмотря на внешне теплую и весьма торжественную встречу, Айюб Хан не мог не почувствовать определенной ревизии принципов американской политики в Азии, ставших особенно очевидными осенью 1962 г. во время и сразу после окончания пограничной войны между Индией и Китаем. Столкновение на северо-востоке Индии закончилось ее поражением и нанесением чувствительного удара по самолюбию Дели односторонним решением Пекина прекратить огонь и отвести свои войска на позиции, которые те занимали до начала конфликта⁸⁵. Эмоциональное обращение Неру к Западу с просьбой об оказании экстренной военной помощи нашло немедленный отклик в Вашингтоне и Лондоне. Попытки Пакистана убедить своих западных союзников в том, что Индия преувеличивает китайскую угрозу и поставленное ей оружие в конце концов будет использовано против Пакистана, оказались безуспешными⁸⁶.

Пакистан в новой ситуации, складывавшейся в прилегающем к нему регионе, не мог не отреагировать на сигналы, поступавшие из КНР. Еще на рубеже 50–60-х годов он начал переговоры с Китаем по поводу урегулирования вопроса о границе, разделяющей контролируемые им «северные территории» (княжество Хунза) с китайским Синьцзянем. Если верить Айюб Хану, он информировал о них Неру и после их встречи в сентябре 1960 г. отослал тому карту предполагаемого пограничного размежевания⁸⁷. В январе 1961 г. в Пакистане было объявлено о совместном с Китаем намерении демаркировать границу, в мае следующего года работа в этом направлении началась, а в марте 1963 г. она завершилась подписанием соглашения, по которому Китай уступил Пакистану пограничную полосу площадью около 2 тыс. кв. км в обмен на согласие не принимать во внимание традиционные претензии княжества Хунза на территории к северу от Каракорумского хребта. Заклучая соглашение, стороны признали его условный характер в связи с неопределенностью международного статуса контролируемых Пакистаном территорий, относящихся к юрисдикции бывшего княжества Джамму и Кашмир⁸⁸.

Оказывая Индии военную помощь, США и Великобритания пытались добиться ее сближения с Пакистаном и изоляции субконтинента от Китая. Под давлением Запада Дели был вынужден согласиться на ведение переговоров с Равалпинди (в 1960–1969 гг. — временная столица Пакистана) по Кашмиру. Первый их раунд состоялся «по горячим следам» индийско-китайского конфликта уже в декабре 1962 г. Затем прошли еще пять встреч с участием минист-

ров иностранных дел двух государств. Индия использовала заключенное во время этого процесса пакистано-китайское пограничное соглашение как аргумент в пользу бесперспективности переговоров с Пакистаном. К лету 1963 г. они зашли в тупик и были прекращены⁸⁹.

На этом заканчивается период достаточно спокойного развития двусторонних отношений Пакистана с Индией. На протяжении 1952–1963 гг. стороны добились определенного успеха в разрешении спорных ситуаций, доставшихся в наследство от раздела и осложнявших в 1947–1951 гг., иногда до крайней степени, то есть фазы вооруженного конфликта, двусторонние связи. Относительное урегулирование внутривнутриполитической ситуации в индийском Кашмире, обеспеченное, в частности, с помощью вложений в его экономику немалых средств из индийской государственной казны, заставило руководящие круги Пакистана считаться с тем обстоятельством, что по ту сторону линии прекращения огня царит относительное спокойствие. Прекращение дипломатического диалога с Индией в 1963 г. совпало с явным обострением ситуации в Джамму и Кашмире.

Осенью 1963 г. находившееся у власти в штате в течение десяти лет правительство во главе с Бахши Гулам Мухаммадом предложило конституционные нововведения, означавшие более тесное включение штата в состав Индийского союза. Они отчасти сводились к отказу от символики, выделявшей штат из числа других (переименование его главы из «садар-и риясат» в губернатора, а премьер-министра — в главного министра), а отчасти к изменению его юридического статуса — представители штата в центральной легислатуре должны были впредь не назначаться местным Законодательным собранием, а выбираться прямым голосованием как на всей остальной территории Индии. Эти предложения кашмирского правительства способствовали усилению напряженности в политических кругах штата и негативно отразились на пакистано-индийских отношениях, так как еще раз напомнили о юридической двусмысленности всех процедур, связанных с Кашмиром, как с определением его границ, так и с режимом власти⁹⁰.

Масла в огонь подлили события декабря 1963 г., когда обнаружившаяся пропажа реликвии из мечети Хазратбал близ Сринагара вывела на улицы города стотысячную толпу возмущенных демонстрантов. Быстрое обнаружение пропажи позволило погасить волнения, успевшие, однако, показать, что религиозные чувства способны мобилизовать массы. Произведенная Дели смена правительства штата, а затем освобождение из заключения Ш. Абдуллы и группы его сторонников (находившихся там более десяти лет с трехмесячным перерывом в 1958 г.) свидетельствовали о желании индийского правительства во главе с уже тяжело больным Дж. Неру найти выход

из тупика, грозившего подорвать стабильность в Кашмире да и всей стране, так как ситуация там вызвала в Индии обострение межобщинных отношений⁹¹.

Переговоры, которые вел по просьбе Неру с пакистанским руководством Ш. Абдулла, вряд ли могли увенчаться успехом, даже если бы их не прервала смерть Дж. Неру в мае 1964 г. По словам Айюб-хана, Абдулла пытался склонить его и других собеседников в Пакистане к идее конфедерации Индии, Пакистана и Кашмира, что было для них явно неприемлемо, так как затрагивало саму суть конфликта интересов — в то время как индийская элита не оставляла надежд на воссоединение, лелеяла по существу ирредентистскую мечту, пакистанские верхи как огня боялись именно поглощения страны Индией⁹².

С осени 1964 г. пакистано-индийские отношения по вопросу о Кашмире вернулись в привычное русло после периода потепления, последовавшего за приходом к власти в Дели нового правительства во главе с Лал Бахадур Шастри. Этому способствовали шаги новой администрации штата Джамму и Кашмир, возглавляемой Гулам Мухаммад Садыком, направленные на реализацию плана дальнейшей интеграции штата в индийскую федерацию⁹³.

Непрямые выборы президента в Пакистане, завершившиеся убедительной победой М. Айюб-хана, свидетельствовали об определенном дисбалансе во внутривнутриполитической ситуации в Пакистане и Индии. В то время как первое из этих государств переживало этап довольно успешного экономического развития (второй пятилетний план 1960–1965 гг. был по основным показателям выполнен), другое из них испытывало многочисленные трудности политического и экономического характера, а в его руководстве отсутствовала объединяющая нацию политическая фигура. Появившаяся у пакистанских правительственных кругов свобода маневра была ими использована для давления на Индию.

Нужно отметить, что наряду с определенными экономическими успехами Пакистан к середине 60-х годов добился усиления своего военного потенциала. Программа американской военной помощи, осуществленная главным образом в 1955–1959 гг., позволила в значительной степени уравнивать потенциалы двух южноазиатских региональных держав, между тем как в начальный период их существования военное преимущество Индии было совершенно очевидным⁹⁴.

Как считает ряд авторов, правящие круги Пакистана находились под впечатлением от неудач Индии в ходе пограничной войны 1962 г. с Китаем, опасаясь в то же время, что перевооружение, к которому та приступила, приведет к исчезновению тактического преимущества, которое имел Пакистан⁹⁵. В его наличии убеждала ограниченная проба сил, состоявшаяся в апреле—мае 1965 г., на спорном участке южной границы Западного Пакистана с Индией в (Большом)

Качском Ранне — обширной, но пустынной, болотистой и затопляемой во время муссонных дождей области. Имевшие там место спорадические танковые сражения принесли определенный успех пакистанской стороне и завершились соглашением обеих государств на перемирие и международное посредничество⁹⁶.

Под воздействием ряда обстоятельств президент Пакистана Айюб Хан санкционировал проведение в тайне подготовленной операции по дестабилизации положения в индийском штате Джамму и Кашмир (она получила название «Гибралтар»). Отряды специально подготовленных диверсантов (численностью, по ряду оценок, от одной до трех тысяч) летом 1965 г. стали пересекать линию прекращения огня в Кашмире и проводить там акты саботажа и агитации населения в пользу выступления против властей штата и за отделение от Индии. Надежды инициаторов плана на массовое антииндийское движение не оправдались, однако остановить его выполнение пакистанское руководство, очевидно, не могло и не хотело. Правительство Индии, располагая в Кашмире почти 100-тысячной армией и полицейскими частями, в середине августа отдало приказ об активных действиях на линии прекращения огня с целью воспрепятствовать инфильтрации диверсионных групп. 1 сентября пакистанские части предприняли наступление на южном участке линии прекращения огня (в Джамму) с целью прорыва к единственной дороге, соединяющей Индию (штат Пенджаб, через Патханкот) с долиной Кашмира. Пакистан надеялся, что Индия как в 1947–1948 гг., так и весной 1965 г. не пойдет на расширение боевых действий в района демаркированной, международно признанной границы. Однако в ночь с 5 на 6 сентября Индия без формального объявления войны начала наступление, перейдя границу в направлении на Лахор (главный город пакистанского Пенджаба, находящийся всего примерно в 25 км от индийской территории) и в двух других местах (наступая на Сиялкот в Пенджабе и Хайдерабад в Синде). Развернувшиеся военные действия с применением танков, артиллерии и авиации не принесли заметного успеха ни одной из сторон. Пакистану удалось сорвать наступление индийских частей в Пенджабе. Менее успешно обстановка для него складывалась южнее, на участке границы между Раджастаном и Синдом. В Кашмире индийцы продвинулись на центральном и северном участке линии прекращения огня и лишь немного уступили на южном⁹⁷.

Через несколько дней активных боевых действий война перешла в стадию позиционного противостояния. Обе стороны находились под давлением со стороны мирового общественного мнения и в условиях патовой военной ситуации старались найти дипломатически наиболее приемлемый для себя выход из создавшегося положения.

23 сентября после решительной резолюции ООН они согласились на прекращение огня. Позднее Индия и Пакистан приняли предло-

жение СССР о посреднических услугах и 10 января 1966 г. в Ташкенте после недельных переговоров ими была подписана Декларация, возвращавшая по сути ситуацию на исходные позиции. Помимо восстановления дипломатических отношений, обмена пленными и т.п., войска отводились на места дислокации к началу военных действий (5 августа 1965 г.). Стороны декларировали стремление решать спорные вопросы мирным путем, изложив при этом свои позиции по Кашмиру, и предпринимать все усилия для установления добрососедских отношений⁹⁸.

Военные столкновения с Индией в 1965 г. и особенно вторая кашмирская война оказали самое серьезное воздействие на всю последующую историю Пакистана. Это был тот случай, когда региональная политика страны как часть ее внешнеполитического курса основательным и едва ли не решающим образом сказалась на судьбе государства. Справедливости ради надо отметить, что столь судьбоносным для Пакистана это военное столкновение стало во многом вследствие позиции, которую заняла в отношении конфликта в Южной Азии администрация США. В сентябре 1965 г. она объявила о прекращении военной помощи Пакистану и Индии. Тем же решением было приостановлено оказание экономического содействия обеим странам. В связи с тем, что Пакистан почти полностью зависел от военного снабжения американским оружием, а Индия была вооружена в тот момент главным образом британским⁹⁹, решение Вашингтона больше всего ударило по Равалпинди. Экономическая помощь обоим государствам была вскоре возобновлена, и пот причине тяжелейшего продовольственного кризиса в Индии (зерновой дефицит в начале 1966 г. достигал 15–22 млн. т) ей была предоставлена США солидная единовременная поддержка в 240 млн. долл.¹⁰⁰

Возросшие почти вдвое расходы Пакистана на оборону и задержка с получением обещанной западной помощи для выполнения третьего пятилетнего плана развития страны негативно отразились на экономическом положении, ухудшив деловую конъюнктуру и ускорив рост цен. На этом фоне политическая система, не располагающая массовой электоральной поддержкой, оказалась в предкризисном состоянии. Долго назревавший конфликт интересов общепакистанской элиты и политических руководителей из Восточного Пакистана дал о себе знать в феврале 1966 г., то есть непосредственно после окончания пакистано-индийской войны. Как уже упоминалось, лидер наиболее популярной восточнопакистанской партии Авами лиг Муджибур Рахман обнародовал программу из шести пунктов, содержавшую требования о преобразовании государства по модели слабой федерации или конфедерации¹⁰¹.

Пакистанские власти, почувствовав опасность, арестовали М. Рахмана, обвинив его в заговоре, поддержанном Индией и заключенном

в индийском городе Агартала (штат Трипура). Существование заговора осталось недоказанным, но представляется справедливым мнение о том, что война 1965 г. оказала психологическое влияние, способствовал углублению взаимного недоверия и сделав ситуацию вокруг Восточного Пакистана качественно иной, более напряженной, требовавшей решительных мер¹⁰².

Лишившись предпочтительного отношения США и Запада в целом в делах индостанского (южноазиатского) региона, Пакистан перенес центр тяжести внешнеполитических усилий на проблемы, занимавшие внимание государств более широкого ареала. Переоценка принципов внешнеполитического курса началась, впрочем, уже с начала 60-х годов, но до середины десятилетия они были непосредственно и в наибольшей степени нацелены на задачи регионального порядка. Во второй половине десятилетия в связи с временной стабилизацией внутренней ситуации в индийском Кашмире и относительным спокойствием в отношениях с Афганистаном приоритетными заботами Пакистана стало усиление позиций на глобальном (или макрорегиональном) уровне, в сообществе азиатско-африканских государств, с целью добиться преимуществ в соперничестве с Индией на этом участке. Пакистан попытался преуспеть, используя по существу те же лозунги и аргументы антиимпериализма, что были эффективно использованы Индией в период руководства ее внешней политикой Дж. Неру. Хотя практические шаги по сближению со странами Азии и Африки, а также с Китаем предпринимал и сам президент Айюб-хан, главным убежденным сторонником и теоретиком пересмотра односторонней ориентации Пакистана на Запад был министр иностранных дел страны в 1963–1966 гг. и будущий руководитель страны З.А. Бхутто. В основу новой внешнеполитической доктрины был положен принцип, позднее получивший наименование «двусторонность» (билатерализм). Он сводился к стремлению устраниваться от обязательств многостороннего характера и поддерживать контакты с ведущими государствами мира (США, СССР и КНР) на возможно более высоком уровне безотносительно по существу к тому, как складываются у них отношения между собой¹⁰³. Наряду с этим Пакистан предпринял небезуспешные усилия умалить роль Индии в сообществе освободившихся наций и занять в нем место страны, хотя и связанной с Западом обязательствами, вытекающими из необходимости обеспечить свою безопасность перед лицом индийской угрозы, но настроенной поддерживать идеи независимости и солидарности азиатских и африканских наций, не останавливаясь даже перед критикой действий США во Вьетнаме. В конце 60-х годов Пакистану удалось наконец использовать преимущество перед Индией, вытекавшее из его принадлежности к мусульманскому миру, и сделать это, активно разыгрывая «кашмирскую карту»¹⁰⁴.

Особую роль в этом пересмотре внешнеполитического курса играло изменение отношения к Китаю. Долгое время, как отмечалось выше, оно было прохладно-индифферентным, ибо в Пакистане не воспринимали КНР как региональную державу, а на глобальном уровне, выступая на стороне западного сообщества, не могли относиться к ней с дружелюбием. Но даже в период тесной привязки своей внешней политики к США Пакистан старался убедить Китай в отсутствии «частных» мотивов, способных осложнить их отношения. Только в короткий промежуток времени, сразу после военного переворота 1958 г., на волне усиления военных связей с США пакистанское руководство в определенной степени, вероятно, поверило в реальность угрозы своим границам со стороны Китая¹⁰⁵ и именно с целью ее отражения оно распорядилось начать работы по улучшению дороги к Гилгиту, центральному пункту «северных территорий». Через пять лет Пакистан и Китай договорились о продолжении дорожных работ, имея в виду уже превратить ее в «стратегический мост» между собой через Восточный Гиндукуш и Гималаи. Пакистано-индийская война 1965 г. имела одним из следствий интенсификацию работы, и к 1968 г. она стала проходимой для джипов. В 1967 г. Пакистан и Китай объявили о планах асфальтирования дороги, пересекающей «северные территории» с юга на север в направлении Каракорумского хребта и выходом к границе с КНР на перевале Хунжраб, как о части проекта по сооружению Каракорумского шоссе. К 1971 г. трасса была открыта для легкого транспорта¹⁰⁶.

Пакистан таким образом оказался соединенным с Китаем сухопутным, хотя и высокогорным путем малой пропускной способности. Последствия этой дорожной связки не остались, конечно, не замеченными Индией, которая в 1969 г. заявила Пакистану протест против использования «принадлежащей ей» территории для расширения сети стратегически важных коммуникаций Китая в районе Тибета, Синьцзяна и Кашмира¹⁰⁷.

Эффективное расширение зоны регионального взаимодействия Пакистана за счет Китая основательно изменило геополитическую ситуацию в центре Азии. Оно чрезвычайно усложнило для Пакистана поиск правильных внешнеполитических решений, так как давало основания для неоправданных претензий и расчетов. После ослабления связей с США, особенно заметного в 1965–1968 гг., Китай для его правительственных кругов приобрел значение стратегического балансира, главной защиты от Индии. Причем это касалось его роли как на западном (западнопакистанском), так и на восточном (восточнопакистанском) фланге обороны¹⁰⁸. Такое убеждение подкреплялось оказанием Китаем военной помощи Пакистану после того, как США отказались от новых поставок. В отличие от США и Великобритании, но подобно СССР китайская сторона соглашалась не только продавать на льготных условиях оружие (впрочем,

довольно устарелое), но и принять участие в сооружении первых заводов и цехов по производству и ремонту тяжелого вооружения, а также машиностроительных предприятий, выпускающих продукцию двойного (мирного и военного) назначения¹⁰⁹.

Поглощенные ролью Китая во Вьетнаме, в Вашингтоне долгое время не придавали серьезного значения усилению размежевания между Пекином и Москвой и продолжали видеть в качестве главной единую «коммунистическую угрозу» с севера Индостанскому полуострову. Только с приходом к власти в США новой республиканской администрации и произошедшими в марте 1969 г. столкновениями на китайско-советской границе начинается пересмотр американской позиции в отношении КНР и для США возрастает роль пакистано-китайской «смычки». Исключительно теплый прием, оказанный в Пакистане президенту Р. Никсону осенью 1969 г., кстати, давнему стороннику ориентации в делах Южной Азии на Пакистан, можно считать одним из первых звонков, возвестивших о начале нового геополитического расклада¹¹⁰.

Региональную внешнюю политику Пакистана на протяжении 60-х годов нельзя рассматривать в отрыве от его отношений с Москвой. Они были взаимосвязаны с обоими ее главными направлениями — афганским и индийским. Выше упоминавшиеся высказывания Н.С. Хрущева во время его посещения Афганистана в феврале 1960 г. в поддержку требований по Пуштунистану и речь, произнесенная им в Москве в марте того года, где выражалась полная поддержка Афганистана в «пуштунском вопросе», могли рассматриваться в Пакистане как непосредственное участие СССР в региональных делах. Отказ Москвы в дальнейшем от односторонней поддержки Афганистана в какой-то мере, вероятно, содействовал урегулированию афгано-пакистанских отношений после кризиса 1961–1963 гг. Более сбалансированная по отношению к Индии, Пакистану и Афганистану советская внешнеполитическая линия, утвердившаяся вне, а может быть, и в определенной связи с отстранением Хрущева от власти осенью 1964 г., «остудила» подход Кабула к проблеме Пуштунистана. В 1964–1965 гг. (как и после кризиса 1955 г. в 1956–1957 гг.) имел место обмен визитами на высшем уровне между Пакистаном и Афганистаном, однако они не привели к существенным переменам в базовом содержании двусторонних связей. Характерно, что после того, как Турция, Иран и Пакистан в июле 1964 г. заключили Стамбульский договор о создании организации Региональное сотрудничество ради развития (РСР), Айюб-хан предложил правительству в Кабуле присоединиться, но натолкнулся на резкий отказ¹¹¹. Пакистано-афганские отношения оставались напряженными и в период конфликта Пакистана с Индией в августе—сентябре 1965 г. Это позволило пакистанскому руководству ссылаться на угрозу со стороны Кабула и опасность «войны на два

фронта», обосновывая согласие на прекращение огня¹¹². Не исключено между тем, что то была лишь попытка оправдать непопулярное, в частности в военных кругах, решение, так как Кабул вряд ли решился бы «нанести удар в спину» соседнему мусульманскому государству, воюющему с «неверными». В конце 60-х годов имело место новое охлаждение двусторонних отношений и вновь они были связаны с обстановкой в северо-западном, «пуштунском углу» Пакистана и вовлеченностью Индии в пакистано-афганские дела. Летом

1969 г. Кабул протестовал против решения пакистанского правительства о ликвидации трех пуштунских княжеств Дира, Свата и Читрала и присоединении их к Западному Пакистану, однако после решения о расформировании единой западнопакистанской провинции и образовании на ее месте четырех этноисторических провинций, включая «пуштунскую», Северо-Западную пограничную, напряженность в пакистано-афганских отношениях заметно уменьшилась. Во время кризиса 1971 г. Афганистан был в целом солидарен с мусульманскими странами, выступившими в защиту Пакистана, за сохранение его территориальной целостности¹¹³.

Что касается индийского направления региональной политики Пакистана, то перемены в позиции Москвы, очевидно, способствовали переводу ее на время в более конструктивное русло. Долговременному эффекту такого воздействия, судя по всему, помешал ряд обстоятельств, в том числе развернувшаяся с 1964 г. (а разработанная в начале 60-х годов) программа военно-технического сотрудничества СССР с Индией. Стремясь сохранить экономические выгоды такого взаимодействия и в то же время уменьшить опасность дестабилизации обстановки на субконтиненте, Москва в 1966–1968 гг. пыталась уравновесить соотношение сил двух региональных держав оказанием военной помощи также и Пакистану. Эти попытки натолкнулись на решительное и настойчивое противодействие Дели. Причем, как правильно отмечала, в частности, Г. Колыхалова, острая реакция Индии была вызвана не только опасениями военного характера, но и угрозой потерять верного союзника в полном политической символики споре по поводу Кашмира¹¹⁴.

Взаимное отталкивание Пакистана и Индии усилилось после преодоления последней к концу 1969 г. полосы тяжелого экономического состояния и политической неопределенности. Утвердившаяся у власти группа членов ИНК во главе с дочерью Неру Инди-рой Ганди (она стала премьер-министром еще в январе 1966 г., но в течение первых почти четырех лет правления делила контроль над государственными решениями с рядом других членов руководства правящей партии) активизировала политику расширения государственного контроля над экономикой и другими сторонами жизни страны. Социально-экономические преобразования, объявленные правительством, требовали для своего осуществления поддержки

общественного мнения, что предполагало в качестве одного из условий наступательную внешнюю политику. Не случайно именно в этот период вновь возрастает роль Индии в Движении неприсоединения (на третьей конференции в Лусаке в 1970 г.) и усиливается ее критика политики, проводимой правящими кругами Пакистана¹¹⁵.

В отличие от Индии, где с конца 60-х годов наблюдаются явления внутривластной стабилизации, завершившиеся проведением внеочередных выборов в начале 1971 г. и победой на них партии И. Ганди, в Пакистане с рубежа 1968–1969 гг. углубляется кризис власти. Президент Айюб-хан, вынужденный уйти в отставку в феврале 1969 г., передает властные полномочия армии в лице ее главнокомандующего А.М. Яхья-хана. Последний, став администратором военного положения и президентом, принимает решение о роспуске единой провинции Западный Пакистан и проведении первых всеобщих выборов. Но сохранение авторитарного военно-бюрократического режима вплоть до выборов, проведенных в ноябре—декабре 1970 г., то есть на протяжении без малого двух лет, еще более снизило доверие к властям, особенно в Восточном Пакистане, где с огромным преимуществом победила партия М. Рахмана. Передача власти от военных к политикам оказалась трудно разрешимой проблемой и привела в конце марта 1971 г. к подавлению военной силой развернувшегося в восточном «крыле» страны движения к отделению¹¹⁶.

Провозглашение независимости Бангладеш восточнобенгальскими националистами создало новую регионально-политическую ситуацию. Основные их штаб-квартиры находились в Индии (главным образом в Калькутте), там же формировались отряды «мукти бахини» (сил освобождения), а на территорию соседних с Восточным Пакистаном индийских штатов переместились, как выше отмечалось, спасавшиеся от гонений пакистанской армии и общего состояния экономического коллапса и гражданской войны миллионы беженцев¹¹⁷. Попытки пакистанского руководства и военной верхушки нормализовать обстановку и справиться с сепаратистским движением оказались неэффективными¹¹⁸.

Не располагая достаточной поддержкой внутри страны, конечно, в первую очередь в восточной, но также и в западной части, пакистанский истеблишмент попытался опереться на внешнюю помощь. При этом вновь, как и в 1965 г., им были, на наш взгляд, преувеличены вероятная роль Китая, его возможности и желание реально вмешиваться в дела субконтинента. Столь же неправильно Исламабад (к тому времени столица страны из временной, Равалпинди, переместилась в новую постоянную) оценил и потенциал США. Находясь под давлением общественного мнения страны и настроений конгрессменов, с симпатией следивших за «национально-освободительной» борьбой восточно-бенгальского населения, республиканская

администрация могла лишь надеяться на успех военных властей Пакистана в разрешении кризиса внутривластным мирным путем. В то же время администрация Никсона была не прочь использовать тяжелое положение пакистанского руководства в своих целях. В июле 1971 г. она воспользовалась опрометчивым, по мнению ряда аналитиков событий того времени, предложением администрации Яхья-хана помочь организовать тайный визит в Пекин Г. Киссинджера, тогда — помощника по национальной безопасности президента США¹¹⁹. Именно с этим обстоятельством, неизвестно, впрочем, насколько справедливо, некоторые авторы напрямую связывают решение Москвы встать на сторону Индии в назревавшем пакистано-индийском конфликте¹²⁰.

Впрочем, каковы бы ни были причины, но состоявшийся в начале августа визит министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в Дели не только привел к подписанию исключительно важного, определившего на долгие годы рамки советско-индийских отношений Договора о мире, дружбе и сотрудничестве между двумя государствами, но и подготовил почву для активной поддержки советской стороной усилий Индии, направленных на разрешение в выгодном для себя ключе всей кризисной ситуации на Южноазиатском субконтиненте¹²¹.

Происходившие с конца ноября спорадические столкновения между вооруженными формированиями Индии и Пакистана на восточной и западной линиях соприкосновения переросли в декабре в полномасштабную войну¹²². Индийская армия, используя поддержку населения и при участии «мукти бахини», за две недели — с 3 по 16 декабря — подавила сопротивление расквартированной в Восточном Пакистане армии, принудив ее главнокомандующего к капитуляции. Действия индийских вооруженных сил достаточно высоко оценивают независимые военные обозреватели, отмечающие, что при очевидных преимуществах, которые были на стороне наступающих индийских частей (помимо вышеуказанных, следует напомнить о трудностях со снабжением восточнопакистанской группировки из-за огромного расстояния, отделявшего ее от западнопакистанских баз), были и сложности — атакующим противостояла почти стотысячная армия, которой «помогал» перерезанный густой сетью рек рельеф местности¹²³.

Третья индо-пакистанская война, основные события которой разворачивались на востоке, закончилась на западе субконтинента. Известие о капитуляции командующим восточной пакистанской группировкой генералом Ниязи поначалу обескуражило и возмутило Яхья-хана и приближенных к нему лиц. Не исключено, что если бы военная ситуация на западнопакистанском фронте складывалась более благоприятно для Пакистана, военные действия были бы продолжены. Но дела, как пишет А. Лэмб, «нигде в той войне

не шли для Пакистана хорошо». Индийские части продвинулись в глубь Синда и добились успеха в двух военных секторах в Панджабе. На кашмирском театре пакистанцы, как и в 1965 г., атаковали на южном участке Чхамб, а индийцы успешно действовали на севере, захватив в шесть раз большую площадь¹²⁴.

После того как 17 декабря Индия объявила о прекращении огня, пакистанское руководство последовало ее примеру, а 20 декабря полномочия главного администратора военного положения и президента от Яхья-хана перешли к З.А. Бхутто, гражданскому лицу, бывшему министру и лидеру партии, победившей в Западном Пакистане на выборах 1970 г. Выпустив Муджибур Рахмана из тюрьмы и отпустив в Дакку, Бхутто по сути согласился признать отделение Бангладеш и превращение страны из «двукрылой» в компактное территориальное образование, не потерявшее, однако, своей федеративной структуры¹²⁵. Последняя была закреплена в Конституции 1973 г., провозгласившей страну Исламской Республикой парламентского типа, которая состоит из четырех провинций, федерального (столичного) округа и территории племен федерального подчинения; в зону его обороны по-прежнему входили области Кашмира — управляемые из центра «северные территории» и имеющий свою конституцию Азад Кашмир¹²⁶.

Региональная политика Пакистана на современном этапе его существования в границах бывшего западного «крыла» отличалась рядом особенностей, не изменивших, впрочем, кардинальным образом ее суть. Главным новым моментом нужно считать резкое сокращение интереса Пакистана к делам региона Юго-Восточной Азии, естественным следствием чего был выход из состава военнополитического блока СЕАТО в 1972 г. Трансформировалось также положение страны в регионе Южной Азии, который до 1971 г. нередко обозначался как Индостанский или Индо-пакистанский полуоконтинент. Вместо «обхвата» Индии с двух сторон Пакистан и Китай стали «нависать» над ней с севера, соединяясь через труднодоступное высокогорье и тем создавая некую гипотетическую угрозу безопасности Индии. Вместе с тем возросло геополитическое значение Пакистана как страны, находящейся «у входа» в Оманский и Персидский заливы. Для Индии, импортировавшей нефть из этого района, географическая близость к нему Пакистана оставалась фактором, вызывавшим известное беспокойство. Начавшийся после объявленного в 1968 г. премьер-министром Великобритании ухода бывшей «владычицы морей» из региона «к востоку от Суэца» процесс политического пробуждения на юге и юго-западе Аравийского полуострова привел к созданию там системы государств Персидского (Арабского) залива. Наследным правителям из числа родоплеменных вождей удалось добиться увеличения доли доходов от экспорта нефти, добываемой на подконтрольной им территории,

и использовать их в своих целях. После нефтяного эмбарго арабских стран конца 1973 г. (последовавшего за четвертой арабо-израильской войной) и многократного роста цен на сырую нефть зону Залива охватил строительно-промышленный бум и она стала «Меккой» для квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы, в том числе и в немалой степени из Пакистана. К тому же пакистанские деловые круги, вытесненные из бывшего Восточного Пакистана, обратили внимание на инвестиционные возможности в регионе Залива и сумели ими воспользоваться¹²⁷.

Можно полагать, что в результате роста значения стран Аравийского полуострова и Залива для экономики и соответственно политики Пакистана его геополитический регион изменил свои очертания, включив в себя ранее лишь формально географически близкие территории по побережью Аравийского моря.

Новое юго-западное направление региональной политики наложилось на традиционные для пакистанской внешней политики «идеологические» ориентации. Имеется в виду обозначившийся сразу после образования страны курс на сотрудничество, установление особых отношений с мусульманскими государствами. Являясь, по мнению, например, такого авторитетного исследователя особенностей внешней политики Пакистана, как С.М. Бурки, идеологическим фундаментом внешнеполитической деятельности молодого государства, он не ознаменовался на первых порах значительными успехами. В конце 40-х — начале 50-х годов международно-политическая роль ислама на Ближнем (Арабском) Востоке была еще незначительной¹²⁸.

В середине 60-х годов под влиянием, в частности, поражения Египта в шестидневной войне в июне 1967 г. положение изменилось. В 1969 г. в марокканской столице Рабат состоялась первая конференция глав государств и правительств мусульманских стран и были заложены основы Организации Исламская конференция (ОИК). Пакистану, как выше уже упоминалось, удалось не допустить участия Индии в работе Конференции, разыграв карту кашмирского вопроса¹²⁹. Тогда же он сумел существенно изменить традиционный баланс предпочтений в отношении стран Южной Азии, который характеризовал политику Саудовской Аравии, превратившейся в самое богатое государство арабо-исламского мира. Если король Сауд в 50-х годах отводил Индии более заметное, чем Пакистану, место во внешней политике своего государства, то король Фейсал в следующем десятилетии особо выделял отношения с последним¹³⁰. Еще в 1967 г. Саудовская Аравия заключила с ним военное соглашение, в соответствии с которым пакистанские советники приняли участие в модернизации саудовских вооруженных сил¹³¹. Тесные военные контакты установились также между Пакистаном и Королевством Иордания (пакистанские войска приняли участие в подавлении вос-

стания иорданских палестинцев в 1971 г.¹³²), а также рядом других арабских государств.

Для З.А. Бхутто, который в 1972–1977 гг. «персонифицировал» внешнюю политику Пакистана в не меньшей степени, чем внешнюю политику Индии в свое время монопольно представлял Дж. Неру, развитие связей с мусульманскими странами Аравии и Залива было оправдано как с точки зрения идеологии исламской солидарности, так и с позиций государственного, геополитического интереса.

Характерно, что прежде чем встретиться с И. Ганди с целью урегулирования всего комплекса возникших в результате войны проблем, З.А. Бхутто совершил серию зарубежных поездок. Помимо Москвы и Пекина он побывал в главных городах многих стран Арабского Востока, и прежде всего в Эр-Рияде, столице Саудовской Аравии¹³³

К 1972 г. в Саудовской Аравии находилось до пяти тысяч пакистанских военнослужащих. Они помогали наладить охрану нефтяных объектов, им доверяли служить в национальной гвардии и в элитных военно-воздушных войсках. Саудовская Аравия, согласно некоторым данным, оказывала Пакистану некоторую помощь в ходе обоих конфликтов с Индией в 1965 и 1971 гг.¹³⁴

Совпадение региональных и идеологических мотивов внешнеполитической деятельности Пакистана в первый период лидерства З.А. Бхутто ознаменовалось крупным событием — проведением в Лахоре, главном городе пакистанского Пенджаба, в феврале 1974 г. второй (после Рабатской) встречи высших руководителей мусульманских стран (с 1970 г. происходили регулярные конференции министров иностранных дел Организации Исламская конференция, а штаб-квартира ОИК расположилась в Джиdde в Саудовской Аравии¹³⁵).

Укрепление западного фланга регионально-политической системы сочеталось с небезуспешным стремлением к балансу в укреплявшихся связях с тремя глобальными центрами влияния — США, СССР и КНР. В июне—июле 1972 г. на встрече с премьер-министром Индии И. Ганди в Симле З.А. Бхутто удалось решить в первом приближении главные спорные вопросы отношений с восточным соседом-победителем. При этом ему пришлось пойти на уступки в Кашмире, чтобы сохранить в неприкосновенности международнопризнанные границы между двумя государствами¹³⁶. Новым водоразделом на крайнем севере зоны противостояния Пакистана и Индии стала линия контроля (или фактического контроля) на 17 декабря 1971 г. Индия в результате получила близ ледника Сиачин дополнительную территорию размером около 1 тыс. кв. км¹³⁷. Стороны в принципе договорились о решении проблемы возвращения на родину 93 тыс. пакистанских военнопленных, хотя потребовались еще долгие месяцы дипломатических переговоров (на фоне

пропагандистской войны) в треугольнике Индия—Пакистан—Бангладеш, чтобы руководство последнего отказалось от требования предать суду 195 пакистанцев в качестве военных преступников в обмен на дипломатическое признание со стороны Исламабада¹³⁸.

Заключенное в Симле соглашение, находясь в русле предшествующей Ташкентской декларации, знаменовало примирение Пакистана с необходимостью считаться с более крупными возможностями Индии в военном и регионально-политическом отношении. В 1976 г., когда были в полном объеме восстановлены пакистано-индийские дипломатические связи, сотрудничество двух государств распространилось с некоторых сторон культуры, коммуникаций и гуманитарных контактов на торговую сферу. Однако недовольство пакистанских бизнесменов, главным образом из Пенджаба, реальное или спровоцированное поддержкой определенных бюрократических и общественно-политических кругов, заставило власти оставить барьеры на пути доступа индийских товаров на пакистанский внутренний рынок¹³⁹.

Тем не менее, на всем протяжении 70-х и в начале 80-х годов отношения Пакистана с Индией оставались вполне корректными — после «горячей войны» они напоминали «холодный мир» с периодами оттепелей и заморозков. Такому их состоянию способствовала и соответствовала ситуация в индийской части Кашмира. С 1975 г. вплоть до смерти в 1982 г. Шейх Абдулла возглавлял правительство штата Джамму и Кашмир, и обстановка там была стабильной¹⁴⁰.

Значительно менее благополучным оказалось положение внутри Пакистана, в западных его провинциях — Белуджистане и СЗПП. Центральные власти, возглавляемые Бхутто, некоторое время мирились с существованием провинциальных администраций, возглавляемых местными политическими силами, оппозиционными правящей в стране Партии пакистанского народа. Но уже с конца 1972 г. обстановка в Белуджистане накалилась и в некоторые районы провинции были введены федеральные войска. В феврале 1973 г. разразился кризис, завершившийся смещением губернаторов Белуджистана и СЗПП, прекращением полномочий правительства в первой из указанных провинций и уходом другого провинциального кабинета в отставку в знак протеста против действий центра¹⁴¹.

Внутриполитический кризис в Пакистане оказался тесно связан с ситуацией в регионе к западу от пакистанских границ. Предлогом для смещения губернаторов и роспуска правительства Белуджистана явился скандал, связанный с обнаружением на территории посольства Ирака в Исламабаде склада огнестрельного оружия, предназначавшегося якобы для антиправительственных сил в Белуджистане и СЗПП. Подрывной деятельностью Ирака было обеспокоено не только пакистанское правительство, но и власти Ирана, традици-

онного конкурента Ирака, обвинявшего Багдад в поддержке антишахских выступлений иранских белуджей¹⁴².

С 1974 г. в пакистанском Белуджистане шла тщательно скрывавшаяся от глаз мировой общественности война регулярных частей пакистанской армии с вооруженными отрядами ряда племенных объединений (главным образом марри и бугти)¹⁴³.

Озабоченное стабильностью ситуации в своих белуджских районах, шахское правительство Ирана оказало Пакистану определенную военную поддержку в период подавления Исламабадом очагов сопротивления в Белуджистане, и в 1974 г. согласилось выделить на экономическую помощь Пакистану около 600 млн. долл. «Белуджская война», как считается, продолжалась в течение 1974–1977 гг., но наиболее «активная» ее фаза завершилась к 1975 г.¹⁴⁴

В том же году после убийства в СЗПП одного из руководителей местной организации правящей Партии пакистанского народа — провинциального министра внутренних дел Х.М. Шерпао центральные власти арестовали ряд видных деятелей оппозиционной Национальной народной партии во главе с А. Вали-ханом и предали их суду военного трибунала, заседавшему затем в течение ряда лет в Хайдерабаде (Синд)¹⁴⁵.

Все эти события внутренней жизни Пакистана отразились на его региональной внешней политике, вызвав обострение в отношениях с Афганистаном. К тому же в последнем летом 1973 г. произошел бескровный переворот — король М. Захир-шах был изгнан своим двоюродным братом Мухаммадом Даудом, провозгласившим превращение страны в республику и ставшим ее президентом. М. Дауд долгое время был наиболее влиятельным сторонником жесткой линии в отношении Пакистана. Еще будучи премьер-министром в 1953–1963 гг., он активно поддерживал идею создания Пуштунистана и инициировал разворот внешнеполитического курса Кабула в сторону Москвы. В 1973–1975 гг. Дауд продолжал следовать этому курсу, особенно активно в первый год пребывания у власти. Афганский лидер пошел в этот период дальше традиционной для Афганистана поддержки идеи Пуштунистана как стремления к автономии и самоопределению, не останавливаясь перед утверждениями в интервью, что «СЗПП и Белуджистан всегда составляли неотделимую часть Афганистана, от которой они ныне оторваны»¹⁴⁶. Афганистан поднял вопрос о нарушаемых в Пакистане правах пуштунского и белуджского народов на конференции неприсоединившихся стран в Алжире в сентябре 1973 г. и во время визита Дауда в Москву летом 1974 г.¹⁴⁷

Столкнувшись с угрозой на этом направлении, администрация З.А. Бхутто предпочла действовать весьма активно. Премьер-министру удалось во многом нейтрализовать эффект от посещения Москвы Даудом в ходе своего второго посещения СССР в качестве

руководителя страны в октябре 1974 г.¹⁴⁸ Достаточно тесно, хотя и не без оттенка ревности и соперничества, Исламабад взаимодействовал с Тегераном¹⁴⁹.

Следует отметить также новую политику федерального правительства в полосе пуштунских племен по границе с Афганистаном. В отличие от предшествующих администраций, дававших средства главным образом на поддержание добровольной самоизоляции племен, правительство Бхутто развернуло энергичную и довольно действенную кампанию социально-экономических преобразований¹⁵⁰.

Наконец, в качестве контрмеры в игре на подрыв внутривосточной стабильности у соседа (Афганистан, надо отметить не раз принимал у себя и предоставлял убежище А. Гаффар-хану и А. Вали-хану, другим пуштунским, а также белужским лидерам, в частности А. Хаттаку, Х.Б. Марри, М.Х. Рамхани и др.) Бхутто разрешил действовать со своей территории афганским деятелям исламской ориентации (Г. Хекматъяру, Б. Раббани и др.), инспирировавшим успешно подавленные Даудом мятежи¹⁵¹.

Между тем внутренние трудности, разочарование в позиции Москвы и давление со стороны богатого Ирана, предложившего 2 млрд. долл. в качестве помощи, заставили М. Дауда в 1976–1978 гг. искать пути ослабления напряженности в связях с Исламабадом. В июле 1976 г. состоялся визит Бхутто в Кабул, а в августе того же года — ответный визит М. Дауда. Через год в июне 1977 г. накануне военного переворота и своего отстранения от власти З.А. Бхутто вновь посетил Афганистан, в октябре туда отправился уже военный правитель страны генерал М. Зия уль-Хак. В марте 1978 г. незадолго до своего свержения и убийства М. Дауд посещает Исламабад¹⁵².

Интенсивный обмен визитами после периода охлаждения в 1973–1975 гг. свидетельствовал о попытках обоих государств, и в первую очередь Пакистана, добиться определенного равновесия в региональной ситуации. При этом главное, чего добивался Исламабад, был отказ Кабула от ирредентистской (объединительной) политики, признание им в качестве законной и окончательной пакистано-афганской границы (линии Дюранда¹⁵³).

Свержение Дауда в конце апреля 1978 г. поначалу вслило Исламабаду определенные надежды, так как означало устранение от власти неуступчивого партнера по переговорам. Первые шаги нового руководства во главе с Н.М. Тараки и Х. Амином, казалось, подкрепляли их, однако через несколько месяцев после прихода к власти правительства Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), и особенно удаления из правительства Б. Кармаля и других лидеров фракции Парчам, позиция Кабула изменилась. В августе 1978 г. в Афганистане, как и прежде, отмечался День Пуштунистана, а затем к геополитическим добавились идейно-политические (гео-

идеологические) расхождения, усилившиеся после нового переворота и смены правительства в декабре 1979 г.¹⁵⁴

Региональная ситуация конца 70-х годов характеризовалась затишьем, оказавшимся предвестником бури. Пакистан одновременно со всеми основными соседями — Афганистаном, Индией и Ираном — вступил в этап внутривнутриполитический нестабильности. После выборов марта 1977 г. в Индии к власти впервые пришло неконгрессистское правительство во главе с М. Десаи. Влиятельную часть правительства Джаната парти составляли деятели индуистской ориентации, члены бывшей Джан сангх, такие как министр иностранных дел А.Б. Ваджпаи. Приход к управлению Индией консервативных сил не привел, как опасались, к обострению двусторонних отношений с Пакистаном, хотя и не был отмечен прорывом в них¹⁵⁵. В Иране с 1978 г. наблюдался исключительно острый кризис власти, завершившийся бегством шаха и утверждением режима «исламской революции» в начале 1979 г. Поглощенность внутренними проблемами отмечалась в конце 70-х годов (после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г.) и в Китае.

На фоне неустойчивой внутренней ситуации в странах региона в 70-х годах возросла активность глобальных держав и их партнеров. Под ее влиянием Пакистан, стремясь к тому же укрепить позиции в регионе к западу от своих границ, оказывается вовлеченным в возросшую активность блока СЕНТО. Он принимает участие в морских учениях 1972 г., крупнейших военных маневрах блока в 1975 г., предоставляет свои порты для захода военно-морских кораблей США¹⁵⁶. Однако в последний период пребывания у власти З.А. Бхутто выявляется курс на свертывание связей Исламабада с СЕНТО. После военного переворота 1977 г. укрепляются узы Пакистана с консервативными арабскими режимами, прежде всего Саудовской Аравией. Они становятся еще теснее с 1979 г., когда режим Зия уль-Хака активизировал кампанию по исламизации экономики, сферы политики и права и других сторон жизни общества¹⁵⁷.

Хотя контакты с государствами Залива в немалой степени опосредовались глобально-политическим союзом с США и всей североатлантической военно-политической группировкой, Запад неодобрительно наблюдал за ростом авторитарно-антидемократических и исламистских тенденций во внутренней политике Пакистана. После казни З.А. Бхутто в апреле 1979 г. и предшествующего тому решения Исламабада о выходе из СЕНТО США во второй раз лишили Пакистан военной помощи (прекращенная в 1965 г., она была возобновлена в 1975 г.)¹⁵⁸.

Осенью 1979 г., вслед за резким ухудшением отношений с США, символом чего послужил разгром толпой манифестантов здания американского посольства в Исламабаде, очередной отсрочкой даты проведения парламентских выборов и в связи с усугублявшимся

кризисом в сфере внешнеэкономических расчетов, многим наблюдателям казалось, что дни Зия уль-Хака сочтены. Неожиданным спасением для него стало непосредственное вмешательство Советского Союза в дела соседнего Афганистана¹⁵⁹.

В результате размещения по ту сторону от линии Дюранда контингента советских войск региональная политика Исламабада оказалась совмещенной со столкновением геополитических интересов сверхдержав, напомнившим времена англо-русской «большой игры» второй половины XIX — начала XX века. Исламабаду удалось извлечь максимальные выгоды из положения, когда он оказался в фокусе внимания не только Запада, но также Китая и сообщества мусульманских государств.

Для США Пакистан превратился в «прифронтовое» государство. Эта его роль особенно возросла после смены президента в Вашингтоне в январе 1981 г. Республиканская администрация Р. Рейгана взяла курс на подрыв геополитических позиций Москвы и прибегла к этой цели к тайным операциям и открытой антикоммунистической риторике, подкрепленной мерами военно-политической и экономической поддержки государств, выступавших заодно с ней¹⁶⁰. Видное место среди последних занял пакистанский военный режим, которому была предоставлена в 1981 г. значительная военно-экономическая помощь (3,2 млрд. долл. на пять лет).

Характерно, что правительству Зия уль-Хака удалось совместить получение исключительно важной для него поддержки от Запада с политической приверженности идеалам исламской солидарности. Идеологические мотивы еще более сблизили Пакистан с Саудовской Аравией. Именно ее финансовая поддержка позволила Исламабаду закупать оружие в США в счет вышеупомянутого пакета военно-экономического сотрудничества на условиях не льготного, а высокого коммерческого кредита и тем отвести от себя подозрение исламского сообщества в односторонней зависимости от «щедрот» США¹⁶¹.

В начале 80-х годов Исламабад весьма искусно и активно использовал участие в Организации Исламская конференция для достижения собственных целей в регионе и повышения своих акций в мире. Дважды в течение первой половины 1980 г. (в январе и мае) в Исламабаде собиралась сессия министров иностранных дел стран — участниц ОИК. В центре внимания министров находился «афганский вопрос». Пакистан, добившись исключения Кабула из ОИК, вошел в качестве наиболее заинтересованной стороны в состав созданного ею Комитета по Афганистану¹⁶².

Возобновление военного содействия США не помешало Пакистану активизировать деятельность в Движении неприсоединения, куда он был принят вслед за выходом из СЕНТО в 1979 г. Несмотря на препятствия со стороны Индии, ему удалось в определенной мере

использовать и эту организацию для мобилизации поддержки странами «третьего мира» своей позиции по Афганистану¹⁶³.

Афганские события помогли укрепить контакты между Исламабадом и Пекином. Правительство Зия уль-Хака сочло необходимым публично заявить, что КНР оказала Пакистану в 1966–1980 гг. военную помощь на сумму в 2 млрд. долл. и намерена в дальнейшем помогать ему. В начале 80-х годов высшее китайское руководство обещало всемерное содействие Исламабаду, состоялся обмен визитами между политическими и военными руководителями двух стран¹⁶⁴.

С 1978 г. две страны могли использовать высокогорное Каракорумское шоссе, хотя его эксплуатация в зимнее время была затруднена¹⁶⁵. Это последнее обстоятельство, как и весь комплекс геополитических перемен, неожиданно произошедших к западу от ее границ, сильно встревожил Индию. После успеха 1971 г. по устранению угрозы индийской безопасности с двух направлений (со стороны Западного и Восточного Пакистана) Дели вновь почувствовал себя «зажатым в тиски» между Пакистаном и Китаем¹⁶⁶. Серьезную обеспокоенность Индии вызывали также сообщения о содействии Пекина программе создания пакистанского ядерного оружия и, конечно, принятое США решение о продаже Исламабаду современных вооружений, в частности 40 самолетов F-16¹⁶⁷. Ко всему этому добавилось чувство досады по поводу «ухода» Пакистана из Южно-азиатского, «индоцентричного» региона, ставшего возможным вследствие явного скачка в отношениях Исламабада с Саудовской Аравией, государствами Залива и всем сообществом мусульманских стран.

В свою очередь Пакистан, «развернувшись лицом» к Афганистану, постарался обеспечить безопасность на противоположном, индийском участке границы. Особенно уязвимым Исламабад чувствовал себя на рубеже 70–80-х годов, когда еще сказывалась инерция критического отношения США и западного сообщества в целом к пакистанским военным властям, оставались тяжелым экономическое положение, неясными для правящей верхушки страны дальнейшие намерения СССР. К этому надо добавить осложнения в связях с Ираном, который проявлял недовольство слишком тесными контактами Исламабада с США, а также арабскими государствами, особенно после начала в августе 1981 г. ирако-иранской войны, и ущемлением интересов шиитской общины в Пакистане¹⁶⁸. Желанием укрепить свои тылы на востоке можно объяснить сделанное в 1981 г. Пакистаном предложение Индии заключить пакт о ненападении, а также его вполне лояльная по отношению к ней позиция на Делийской конференции министров иностранных дел неприсоединившихся стран в феврале того же года¹⁶⁹.

Оставаясь весьма непопулярной в стране с репрессивным режи-

мом и находясь в связи с этим под постоянным давлением со стороны определенных кругов в странах Запада, пакистанская военная администрация долгое время стремилась проводить весьма осторожную политику в регионе своих непосредственных геополитических интересов. В отечественной литературе отмечались признаки колебаний и непоследовательности в отношении Исламабада к властям в Кабуле, их нежелание подорвать контакты с Советским Союзом¹⁷⁰.

Учитывая присутствие советских войск в Афганистане и его включение в сферу непосредственных геополитических интересов Москвы, можно утверждать, что отношение Пакистана к СССР в тот период определялось в значительной степени целями региональной политики, такими как обеспечение национальной безопасности и извлечение выгоды из ситуации на близких подступах к государственным границам.

Осторожная и выжидательная политика Исламабада стала меняться с 1981 г. после серии событий внутри Пакистана и за его пределами. Инцидент с захватом самолета группой радикально настроенных противников режима из организации «Аль-Зульфикар» позволил Зия уль-Хаку разрядить напряженность разгромом политической оппозиции, арестом дочери З.А. Бхутто Беназир и многих ее сторонников¹⁷¹.

Предоставленный МВФ в конце 1980 г. рекордный кредит в 1,6 млрд. долл. и неоднократно принимавшиеся западными кредиторами решения об отсрочке в выплате основной суммы внешнего долга и процентов по нему создали необходимые условия для улучшения экономической ситуации. Приглашенные военным правителем известные в мире пакистанские экономисты и технократы, такие как Махбуб уль-Хак, заняв ключевые места в правительстве, разработали успешно выполненный в 1982/83–1987/88 гг. шестой пятилетний план¹⁷².

Изменения в региональной политике состояли в постепенном придании ей большей наступательности, главным образом на афганском направлении. Как следует из позднее опубликованной аналитико-мемуарной литературы, на первом этапе непосредственного вмешательства СССР в Афганистане мало кто в США и Пакистане верил в возможность нанесения значительного военного урона СССР, а тем более в поражение советских войск. Только в связи с увеличением потока афганских беженцев в Пакистан и продолжавшимся сопротивлением моджахидов («солдат Бога») и в Вашингтоне, и в Исламабаде почувствовали вероятность превращения Афганистана во «Вьетнам» для СССР. При этом в обеих столицах понимали, что успех партизанской войны может быть достигнут только в тех исключительных условиях, которые создавало для моджахидов наличие тыловой базы в Пакистане, вдоль почти двестикилометровой границы с Афганистаном. В 1984–1987 гг. программы специального

афганского подразделения Межвойсковой разведки (ISI) по обучению, подготовке и снаряжению боевиков, по свидетельству его руководителя бригадира М. Юсуфа, возросли по сравнению с предшествующим периодом 1980–1983 гг. в 10 раз¹⁷³. В 1986 г. муджахидов вооружили изобретенными за пять лет до того «Стингерами», предназначенными для стрельбы с плеча по воздушным целям самонаводящимися ракетами. Тогда же афганское подразделение ОВР разработало планы и помогло осуществить ряд операций афганских диверсантов на территории СССР¹⁷⁴.

Понимая опасность, связанную с подобными действиями непосредственно против Советского Союза, Исламабад старался скрыть свое участие и поддерживал усилия по поиску решений афганской проблемы дипломатическим путем. С 1982 г. он участвовал в Женевских переговорах с представителями властей в Кабуле при посредничестве специального представителя Генерального секретаря ООН Д. Кордовеса¹⁷⁵.

Пакистанское руководство, вместе с тем, тайно стремилось всячески содействовать планам ЦРУ, инициированным тогдашним его главой У. Кейси и направленным на срыв усилий советского руководства и командования операциями в Афганистане добиться благоприятного для себя перелома в развитии военно-политической ситуации. Пакистанские участники этой «невидимой» войны хорошо понимали, что без поддержки США и их спецслужб и практической помощи соответствующих ведомств Пакистана афганские муджахиды не смогли бы оказать эффективного сопротивления¹⁷⁶.

К середине 80-х годов внутриполитические позиции военного режима еще более окрепли. Выступавший против него альянс политических партий (Движение за восстановление демократии) не смог добиться уступок от властей, несмотря на успех в организации массовых антиправительственных манифестаций в южной провинции Синд летом 1983 г. Неосторожные высказывания премьер-министра Индии И. Ганди в поддержку движения в Синде было использовано военными властями Пакистана в целях его дискредитации внутри страны и в качестве основания для аналогичных шагов по отношению к Индии. Исламабаду пришлось недолго ждать возможности «отыграться». В 1984 г. резко обострилась ситуация в пограничном с Пакистаном индийском штате Пенджаб. Летом того же года индийские регулярные части предприняли штурм Золотого храма в Амритсаре, превращенного в цитадель сикхскими экстремистами, выступавшими с требованием создания независимого государства сикхов Халистана¹⁷⁷. Разгром сикхов привел к эмиграции части из них за рубеж, в частности в Пакистан, где им была оказана, по видимости, определенная помощь, хотя ее масштабы, разумеется, не сопоставимы с поддержкой афганских беженцев из-за комплекса причин, в том числе ввиду взаимного неприятия и вражды между мусульма-

нами и сикхами, связанными во многом с памятью о бесчинствах и жертвах времен раздела 1947 г.

Убийство И. Ганди ее сикхскими охранниками осенью 1984 г. и последовавшие вслед за тем массовые сикхские погромы вызвали новую волну перебежчиков. Многие индийские органы массовой информации в 1983–1987 гг. обвиняли пакистанские власти в создании на своей территории многочисленных лагерей по подготовке сикхских террористов. Эти обвинения неоднократно повторялись в индийских научных изданиях¹⁷⁸. Пакистан официально опровергал их, но трудно поверить в непричастность к организации подрывной деятельности в соседней стране его специальных ведомств, учитывая достаточно общепринятую практику такого рода, сложившуюся в отношениях между ними.

Весьма характерна эволюция того аспекта пакистанской политики по отношению к Индии, которая касается Кашмирского вопроса. В конце 70-х — начале 80-х годов, когда внутривнутриполитическая ситуация в индийском штате Джамму и Кашмир оставалась в целом спокойной, администрация Зия уль-Хака предлагала Индии решить проблему путем окончательного закрепления позиций по линии фактического контроля. В интервью генерала-президента индийскому журналу «Санди», данному в ноябре 1982 г., содержатся слова о «разделе Кашмира» в ответ на аналогичную индийскую позицию «формализовать» линию контроля¹⁷⁹. Судя по всему, позиции сторон в тот период были близки и определенное двустороннее соглашение по Кашмиру могло быть достигнуто. У военной администрации в Исламабаде наиболее сильную озабоченность тогда вызывали геостратегические позиции на крайнем севере контролируемой им территории. Не случайно в 1981 г. при создании квазипарламентского органа на исламский манер «Маджлис-и шура» (Консультативного собрания) Зия уль-Хак включил в него, правда, на правах обозревателей, представителей «северных территорий», то есть районов Гилгита, Хунзы и Балтистана. Позиция Исламабада в тот момент состояла в предложении к Индии закрепить статус этих территорий, по которым проходило стратегическое Каракорумское шоссе в обмен на признание де-факто контроля Индии над долиной Кашмира¹⁸⁰.

С переходом к более наступательной политике в регионе в 1983–1984 гг. в связи, в частности, с обнаружившимися трудностями во внутривнутриполитической обстановке в Индии претерпела перемены и позиция Пакистана по Кашмиру. Заметим, что Исламабад и на предыдущем этапе не упускал случая напомнить мировой общественности о невыполнении взятых в свое время Дели обязательств по предоставлению народу Кашмира права высказаться относительно своей судьбы, но делал это, с одной стороны, по инерции и в сугубо пропагандистских целях, а с другой — в надежде усилить позиции

в возможной дипломатической сделке с Индией. Однако после смерти в 1982 г. Шейха Абдуллы и проведенных в следующем году выборов в Законодательное собрание штата положение в нем изменилось — обострились конфликты на межконфессиональной почве, участились случаи массовых беспорядков и неповиновения властям. Росту исламского фактора в политике внутри Кашмира и прежде всего в Кашмирской долине способствовали такие внешние обстоятельства, как успех революции, возглавляемой имамом Хомейни в Иране, джихад в Афганистане и общий подъем политического ислама в мире¹⁸¹.

Нарушение внутривнутриполитической стабильности в двух пограничных с Пакистаном штатах Индии (Пенджабе и Кашмире) давало возможность Исламабаду усилить давление на соседа. Однако главным для него направлением региональной политики в середине — второй половине 80-х годов оставалось афганское. Именно оно позволяло ему с выгодой использовать свое геополитическое положение, получая от США и стран Запада, от Китая и Саудовской Аравии весьма значительную военную и экономическую помощь и поддержку. Действия против Индии не принесли бы Пакистану сколько-нибудь сопоставимых с этим преимуществ. В Исламабаде не могли не учитывать, что хотя у их главного донора, Вашингтона, были претензии к политике Дели и желание не препятствовать появлению у Индии внутренних проблем и трудностей, однако в целом отношение к ней в США было вполне благоприятным. К тому же, проводя достаточно независимый от США внешнеполитический курс, И. Ганди в силу ряда соображений, в частности понимая необходимость уравновесить позиции Дели и Исламабада в Вашингтоне, совершила туда визит в 1982 г. и получила гарантии американской заинтересованности в поддержании как баланса сил на южноазиатском субконтиненте, так и достаточно высокого уровня двусторонних связей¹⁸². Еще более благоприятным стало отношение Вашингтона к Индии после 1984 г., с приходом к власти правительства Р. Ганди.

Таким образом, обращая главное внимание на северо-западное направление региональной политики, Пакистан в 1984—1989 гг. стремился укрепить свои военно-стратегические позиции на северо-востоке, против Индии. Фактическое его согласие на раздел Кашмира по линии контроля в соответствии с Симлским соглашением придало особое значение самой этой линии и выявило недоработки в формулировках, согласованных в 1972 г. в Симле. Отсутствие в нем описания того, как проходит линия контроля, была бы несущественным пропуском, если бы вся линия «обозначалась» расположением пограничных частей двух государств. Но к северу от сектора Каргил линия контроля «терялась» в наиболее труднодоступной части Каракорумского хребта, между одноименным перевалом на индийско-китайской границе и второй по высоте горной вершиной

мира К-2 (Остин), а также перевалом Хунджеграб на пакистано-китайской границе. Отсутствие каких-либо разграничений на карте привело обе стороны к попыткам установить контроль над этим небольшим районом в 120 кв. км, известным как Сиачин по названию главного ледника. Для Индии он имел, с одной стороны, символическое значение, так как граничил с территориями на северо-западе бывшего княжества Джамму и Кашмир, которые Пакистан, по ее мнению, незаконно согласился в 1963 г. передать Китаю, а с другой — военно-стратегическое, вследствие вероятных китайско-пакистанских угроз индийским позициям в Ладакхе. Продвижение на север вдоль ледника пакистанских и индийских частей, специально оснащенных для действий в условиях высокогорья, с 1984 г. приводило к спорадически возникавшим стычкам и перестрелкам. Особенно острый характер столкновения приобрели в 1987–1988 гг.¹⁸³

Вопрос о Сиачине служил предметом многочисленных консультаций и споров на встречах между пакистанскими и индийскими представителями на разных уровнях, не исключая самый высокий, но так и не был урегулирован вплоть до конца 80-х годов.¹⁸⁴

Еще одним средством укрепления позиций перед лицом во много раз более крупной по населению и экономически продвинутой Индии был акцент Исламабада на создании своего ядерного оружия. Впервые вопрос об этом поставил, как стало позднее известно, З.А. Бхутто, став президентом и главным администратором военного положения в начале 1972 г.¹⁸⁵ Взрыв ядерного устройства Индией в мае 1974 г. подхлестнул стремление Исламабада создать «исламскую бомбу». Перспективы этого рода напугали США, которые оказали жесткое давление на Исламабад, но не смогли переубедить Бхутто.¹⁸⁶ Зия уль-Хак, расправившись с последним, в вопросе о ядерном потенциале занимал ту же позицию. Уже в начале 80-х годов, согласно предположениям, появившимся в мировой печати, Пакистан вплотную подошел к той фазе в своих секретных разработках, связанных с производством оружейного урана, которое давало основания для причисления его к числу околоядерных держав, которым администрация в Вашингтоне не может оказывать военно-экономическую поддержку согласно поправкам Саймингтона и Гленна к закону 1961 г. о предоставлении помощи третьим странам. В 1985 г. Конгресс США принимает поправку Пресслера, подтверждающую это условие применительно к военной помощи Пакистану. Только значение, которое имел Исламабад для США в противостоянии с СССР в Афганистане, удержало Пакистан от санкций со стороны американских законодателей в связи с распространявшимися сообщениями об усилиях по созданию им ядерного оружия.¹⁸⁷

Вопрос о ядерном потенциале активно использовался Пакистаном в отношениях с Индией во второй половине 80-х годов.

В январе 1987 г. в интервью с известным индийским журналистом К. Найяром один из главных организаторов работ по созданию атомного оружия в Пакистане д-р А.К. Хан заявил, что «бомба уже сделана». Поправляя его, президент Зия уль-Хак в марте того года утверждал, что она может быть собрана в любой момент по принятию политического решения¹⁸⁸.

Наступательный характер проводившейся в середине 80-х годов пакистанской политики в отношении Индии встретил отпор с ее стороны. В конце 1986 — начале 1987 г. она провела самые крупные военные учения в Раджастанхана недалеко от границ с Пакистаном¹⁸⁹. Маневры серьезно встревожили Исламабад и заставили Зия уль-Хака прибегнуть к «крикетной дипломатии» — неформальному визиту в Индию для посещения матча по популярной в обеих странах игры в крикет. В результате переговоров напряженность была снята¹⁹⁰.

Следует подчеркнуть, что период с 1982 по 1989 г. отмечен небывало частыми контактами между руководителями Пакистана и Индии. Зия уль-Хак имел в общей сложности десять встреч (в разных местах и по разным поводам) с Индирой и Радживом Ганди¹⁹¹. Пакистано-индийские отношения носили в целом противоречивый и сложный характер. Хотя они и не привели к решению кардинальных проблем, стоявших между государствами, таких как кашмирская, соседям удалось избежать доведения возникавшей временами конфронтации до опасной черты. Еще в 1985 г. стороны договорились заключить соглашение о ненападении на ядерные объекты друг друга. К концу десятилетия, одновременно с подписанием этого соглашения, снизилась интенсивность боев в Сичачине¹⁹².

Пакистан, преследуя цель добиться безопасности на индийском направлении и свободы маневра в региональных связях, счел целесообразным поддержать инициативу Бангладеш по созданию организации регионального сотрудничества в Южной Азии (подробнее об этом см. гл. 4). Идея, выдвинутая президентом Зияур-Рахманом на рубеже 70–80-х годов, в 1985 г. увенчалась проведением в Дакке, столице Бангладеш, первой встречи семи государств — членов Ассоциации регионального развития Южной Азии (в соответствии с главными буквами названия на английском языке — СААРК). Исламабаду было в целом выгодно участие в работе СААРК ввиду того, что организация имела изначально цель «сдержать» гегемонию Индии в двусторонних связях со странами-соседями, способствовала налаживанию контактов с удаленными от Пакистана географически, но немаловажными в плане его общей внешней политики средними и малыми азиатскими государствами, закрепляла его принадлежность к Южноазиатскому геополитическому региону, оставляя в то же время открытыми возможности участия в других региональных объединениях. Наконец, многосторонние связи в рамках СААРК

позволяли обсуждать на его форумах некоторые острые вопросы в отношениях с Индией¹⁹³.

К тому же с конца 70-х годов Пакистан оставался вне рамок каких-либо других региональных межгосударственных союзов. Созданная им в 1964 г. совместно с Ираном и Турцией на базе их совместного участия в СЕНТО выше уже упоминавшаяся РСР прекратила деятельность в 1979 г. по инициативе Тегерана после прихода там к власти имама Хомейни. Почти вся первая половина 80-х годов отличалась заметным охлаждением в пакистано-иранских отношениях¹⁹⁴. К снижению экономических взаимосвязей (торговых и кредитно-финансовых) добавились трения, связанные с выступлениями представителей шиитской общины Пакистана против проводимой военными властями политики исламизации на принципах учета догматических положений господствующего в стране суннитского юридического канона (фикха) ханафийа¹⁹⁵.

Суннитско-шиитские разногласия в Пакистане наложились на выявившиеся с начала 80-х годов противоречия между геополитическими интересами Ирана и арабских государств зоны Персидского залива. Ирако-иранская война во многом разделила мусульманский мир и, хотя Пакистану удалось избежать крайнего обострения отношений с той или другой из воюющих сторон, его связи с Ираном в первой половине 80-х годов оставляли желать лучшего¹⁹⁶.

Наиболее тесные отношения военный режим Пакистана в тот период имел с Саудовской Аравией и другими монархическими государствами Залива. В начале 80-х годов достигает пика миграция пакистанской рабочей силы в государства Аравии и Залива. Популярный в Пакистане тех лет лозунг «Дубай чало» (еем в Дубай) отражает факт временного, в поисках работы, переселения в Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Бахрейн, Оман, Саудовскую Аравию, Катар и Кувейт до полутора миллионов пакистанцев. Существенное значение для исправления экономической ситуации приобретают перечисления от тех, кто работает в соседнем регионе, неожиданно превратившемся в «золотое дно» для страны¹⁹⁷.

Военные контакты Пакистана с Саудовской Аравией и поддерживающими ее странами, которые объединились в 1981 г. в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, именно в этот период находятся в зените. Эр-Рияд субсидирует, как отмечалось выше, приобретение Исламабадом американского оружия, в частности самолетов F-16, а также использует две пакистанские бригады для несения военной службы, пакистанские летчики выполняют роль инструкторов в саудовских ВВС, а офицеры занимают ответственные посты в вооруженных силах также Омана и Кувейта. Повышение материального благополучия пакистанских военных, касающееся немалого их числа (по некоторым сведениям, до 30 тыс.), вследствие применения принципа ротации, оказывает психологи-

ческое воздействие на весь армейский корпус и поддерживаемую им власть, укрепляя заинтересованность последней в контактах на этом относительно новом для Пакистана направлении региональной политики¹⁹⁸. Значительных масштабов к рубежу 70–80-х годов достигли взаимная торговля и экономическое содействие Саудовской Аравии Пакистану. Предоставив в общей сложности по государственным каналам 500 млн. долл., Эр-Рияд в 1981 г. объявил о намерении вложить в пакистанскую экономику еще 3 млрд. долл.¹⁹⁹

Кардинально важным полем совместных усилий Пакистана и Саудовской Аравии на протяжении 80-х годов оставался Афганистан. Лишь когда стала вырисовываться перспектива вывода советских войск и в повестку дня был поставлен вопрос об урегулировании афганской ситуации на базе переговорного процесса в Женеве, обнаружилось подспудные расхождения, связанные со стремлением Саудовской Аравии добиться преобладания в Афганистане наиболее близких к ней идеологически афганских политических группировок²⁰⁰.

С середины 80-х годов, особенно после падения мировых цен на сырую нефть в 1986 г., значение «арабского эльдорадо» для Пакистана постепенно уменьшается. Одновременно оказывается преодоленным спад в пакистано-иранских отношениях. В 1985 г. возобновляется региональное взаимодействие Ирана, Пакистана и Турции, образовавших Организацию экономического сотрудничества²⁰¹. Впрочем, сколько-нибудь полного совпадения внешнеполитических линий Исламабада и Тегерана не наблюдалось. Разными в значительной степени были геоидеологические позиции двух государств. Иран испытывал неудовлетворение в связи с тесными связями Пакистана с США, отсутствием пакистанской поддержки в его военном конфликте с Ираком и в спорах с арабскими государствами по воду островов в Персидском заливе. Различными были также позиции двух соседей по положению в Афганистане.

Наряду с Пакистаном Иран был страной, куда перебралось большое количество афганских беженцев (до 1,5 млн. человек против более 3,5 млн. в Пакистане). Иран, силы которого оказались отвлечены на войну с Ираком, был ограничен в маневре на афганском направлении. Он не принимал участия в начавшихся еще в 1982 г. непрямых переговорах между представителями Пакистана и Афганистана в Женеве, не одобряя их существа, которое заключалось, по его мнению, в закулисном участии сверхдержав (США и СССР). Однако и от активного противодействия переговорам Тегеран воздерживался, понимая, что именно они могут привести к выводу советских войск и изменению внутривнутриполитической ситуации в Афганистане. В преддверии нового тура борьбы за власть в этой стране Иран укреплял связи прежде всего с традиционно близкими ему военно-политическими группировками афганских шиитов

(хазарейцев по преимуществу). Четко выявившееся к концу 80-х годов расслоение политических сил (партий) афганского джихада на базирующихся в Пакистане (главным образом в центре СЗПП — Пешаваре) и Иране (Мешхеде) не могло, разумеется, не сказаться на общем уровне и существе двусторонних отношений, но при этом необходимо подчеркнуть, что обе стороны в отношении к афганской проблеме имели как частные, так и общие цели²⁰².

Китайское направление и в 70-х, и в 80-х годах оставалось существенно важным в региональной политике Исламабада. Уже неоднократно отмечалась роль Каракорумского шоссе в контексте отношений Пакистана с Индией. С ним связана, но им, конечно, не ограничивается выполнение КНР роли пакистанского военно-стратегического партнера. Основная масса военных поставок из Китая в Пакистан осуществлялась морским путем. Кризис в Афганистане увеличил для Пакистана значение китайской поддержки по ряду причин, в том числе вследствие географической близости крайнего северо-запада Китая к театру боевых и диверсионных операций в Афганистане и того влияния, которым он пользовался на раннем этапе кризиса среди определенных политических сил²⁰³.

Вместе с тем Пекин с начала 80-х годов стал проявлять желание нормализовать отношения с Дели, что привело к началу переговоров по пограничным вопросам. Это, однако, не умало, а скорее всего усилило роль, которую Исламабад отводил китайским контактам. Зия уль-Хак совершил несколько поездок в Китай, в ходе одной из которых побывал в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Интенсивные пакистано-китайские связи заставили Индию искать контригру, и в декабре 1988 г. Р. Ганди нанес неожиданный визит в Пекин, «достраивая» систему отношений в четырехугольнике СССР—КНР—Пакистан—Индия²⁰⁴.

Усиление интенсивности боев в Афганистане, наблюдавшееся в 1984–86 гг., сменилось постепенным ее снижением. Советский Союз с 1986 г., исходя из императивов своей региональной и глобальной политики, начал готовить почву для изменения формы вовлеченности в афганские дела. Пакистанский режим к этому времени проделал эволюцию от военной — по преимущественной форме организации власти и исламской — по ее идеологическому обоснованию к военно-гражданской. В 1985 г. после проведения референдума, по результатам которого Зия уль-Хак был провозглашен президентом на еще один пятилетний срок, состоялись выборы в парламент на непартийной основе. В пакистанском истеблишменте после создания подотчетного парламенту правительства наметились две тенденции: следования по пути дальнейшей демократизации (линия премьера М.Х. Джунеджо) и сохранения военно-авторитарного механизма. Геоидеологически и геополитически первая линия соответствовала интересам США, вторая в значительной степени

опиралась на поддержку Саудовской Аравии. Серьезные расхождения проявились между ними по афганскому вопросу. Зия уль-Хак, вынужденный под прямым давлением американцев дать правительству Джунеджо возможность подписать Женевские соглашения в апреле 1988 г., через полтора месяца после этого отправляет правительство в отставку, отказываясь при этом разрешить активность политических партий²⁰⁵.

Гибель Зия уль-Хака в авиационной катастрофе в августе 1988 г. вместе со вторым человеком в военной иерархии А.А. Рахман-ханом, долгое время непосредственно отвечавшим за афганские операции военной разведки, помогла разрубить гордиев узел пакистанской политики²⁰⁶. Отодвинутая на второй план линия на демократизацию с гибелью диктатора и решением военного руководства передать символы высшей власти в государстве (пост президента) главе парламента вышла вперед, ознаменовавшись проведением демократических (с участием партий) выборов в парламент и приходом к власти правительства во главе с Беназир Бхутто, дочерью казненного военным режимом в 1979 г. З.А. Бхутто и лидером созданной им Партии пакистанского народа.

Хотя региональную внешнюю политику нового гражданского правительства, опиравшегося на парламентское большинство, отличали некоторые ранее не характерные для Пакистана черты, она в целом не претерпела существенных перемен, главным образом ввиду недостатка как решимости, так и возможностей у представителей исполнительной власти. Помимо правительства значительными властными полномочиями в соответствии с измененной Зия уль-Хаком в 1985 г. Конституцией обладал президент, а решающий голос при решении вопросов оборонной и региональной политики принадлежал высшим военным чинам²⁰⁷.

Главная особенность афганского направления пакистанской региональной политики этого периода состоит в острой реакции на неудачу моджахидов после ухода из Афганистана последних контингентов советских войск в феврале 1989 г. добиться военной победы над «коммунистическим» правительством в Кабуле и установить в стране новый исламский порядок. Она проявилась в снятии премьер-министром со своего поста генерала Х. Гуля, признанного ответственным за неудачу сил исламского сопротивления под Джелалабадом²⁰⁸.

Подспудно в этом провале моджахидов «наскоком» взять власть отразилась борьба двух тенденций в попытках разрешить афганский вопрос. Одна из них поддерживалась весьма влиятельными кругами в США и странах Запада, а также Индией и неисламистскими режимами в странах Азии и состояла в нежелательности превращения Афганистана из зоны господства «красных» в регионе в вотчину «зеленых». Другая тенденция состояла в попытках достижения пос-

ледней цели. Их появление и жесткое, хотя в тот момент скрытое от глаз, столкновение весьма характерно для последнего этапа холодной войны, когда глобальное соперничество двух систем и военно-политических блоков перестало быть главным внешним фактором геополитической ситуации в регионе с центром в Пакистане и региональной политики его правящих кругов.

ПРИМЕЧАН

ИЯ

---

¹ В нашей научной литературе нет общепринятой и тщательно разработанной периодизации холодной войны. Вызывает споры и разногласия определение как ее хронологических рамок, так и существенных особенностей. (См., в частности: Советская внешняя политика в годы холодной войны (1945–1985). Новое прочтение. — М.: Международные отношения, 1995. — С. 5–8 и др.). Представляется, что современные отечественные и зарубежные авторы относят холодную войну ко времени после окончания Второй мировой войны, полагая, как правило, что она началась спустя примерно два года после «горячей» и продолжалась вплоть до конца 80-х — начала 90-х годов (см., например: **Филитов А.М.** Как начиналась холодная война // Советская внешняя политика в годы холодной войны. — С. 47–68; **Плешаков К.** Геоидеологическая парадигма (взаимодействие геополитики и идеологии на примере отношений между СССР, США и КНР в континентальной Восточной Азии 1949–1991 гг.). — М., 1994; **Дарендорф Р.** Размышления о революции в Европе // Путь. Международный философский журнал. — М., 1994. — № 6. — С. 37–127; **Kennedy P.** The Rise and Fall of the Great Powers. — N.Y.: Random House, 1987. — P. 360, 370–372; **Fukuyama F.** The End of History or the Last Man. — L.: Penguin Books, 1992; **Киссинджер Г.** Дипломатия. — М.: Ладомир, 1997. — С. 380–400, 694–731). Начало 60-х годов выделяют в качестве рубежного несколько из вышеупомянутых авторов. Весьма авторитетным выглядит мнение бывшего госсекретаря США и крупного историка Г. Киссинджера, назвавшего Берлинский и Кубинский кризисы 1961–1962 гг. «поворотным пунктом в холодной войне» (см.: **Киссинджер Г.** Указ. соч. — С. 534). К. Плешаков отмечает: «В 1962 г. холодная война как система биполярной конфронтации, балансирующей на грани военного конфликта, закончилась; при этом миропорядок холодной войны продолжал существовать до конца 80-х годов» (см.: **Плешаков К.** Указ. соч. — С. 69). Он же (как, впрочем, и многие другие историки и аналитики) придает значение этой дате как важной вехе в окончательном расхождении путей между былыми идеологическими союзниками — СССР и КНР — с последующим превращением миросистемы, с точки зрения противостояния ракетно-ядерных держав, в треугольную (см.: **Плешаков К.** Указ. соч. — С. 74–91).

² **Плешаков К.** Указ. соч. — С. 53, 60–61.

³ Термин «Shatterbelts» (по-разному переводимый как осколочный, разделенный, раздробленный пояс или зона) приобрел известность благодаря книге известного американского геополитика С. Козна (см.: **Cohen S.B.** Geography and Politics in a Divided World. — N. Y., 1963. — Ch. 8). Изложение его взглядов см., например: **Дугин Г.** Основы геополитики. Гео- политическое будущее России. — М., 1997. — С. 553–569.

4 Среди не слишком многочисленных развернутых обоснований, которые давал М.А. Джинна различиям между индусами и мусульманами, выделяются те, что содержатся в его президентском послании исторической сессии Всеиндийской мусульманской лиги в Лахоре 23 марта 1940 г. Отмечая в качестве причины требований о самоуправлении мусульман необходимость защиты от губительного для них в будущем «правления индусов», он, в частности, утверждал: «Индусы и мусульмане имеют разные религиозные философии, социальные обычаи и литературу. Они не заключают между собой браки, не обедают друг с другом и в действительности принадлежат к двум разным цивилизациям, основывающимся по преимуществу на конфликтующих между собой идеях и концепциях. Их взгляды на жизнь и о жизни различны». (Цит. по: *The Transfer of Power. Documents on the Foreign Relations of Pakistan* / K. Sarwar Hasan. — Karachi, 1966. — Р. 16.) О теории двух наций и ее роли в движении за образование Пакистана см., например: **Плешов О.В.** Ислам и демократия. Опыт Пакистана. — М., 1997. — С. 2-31.

5 М.А. Джинна и другие руководители Мусульманской лиги надеялись добиться образования значительно более крупного доминиона с преобладанием, но далеко не полным господством мусульманского населения — на востоке в его границы должна была войти вся Бенгалия (включая Калькутту) и преимущественно мусульманский округ Силхет провинции Ассам, а на западе — весь Пенджаб. Раздел Бенгалии и Пенджаба, произведенный по приговору (award) прибывшего из Лондона судьи сэра С. Рэдклиффа, также далеко не удовлетворил их ожиданий, повлияв, в частности, на судьбу кашмирского вопроса (подробнее см. ниже).

6 *The Transfer of Power. Op. cit.* — Р. 279.

7 Уточним, что в состав Пакистана вошли: на западе — Северо-Западная пограничная провинция с территорией племен, Синд, Британский Белуджистан, западная половина Пенджаба (целиком области Равалпинди, Мултан и почти вся область Лахор) и княжества Бахавалпур, Хайрпур, Калат, Харан, Мекран, Лас-Бела, Читрал, Дир, Сват, Амб, Пхульра; на востоке — большая часть провинции Бенгалия (полностью области Читтагонг и Дакка, почти вся территория области Раджшахи и небольшая — Президентской области) и преобладающая часть округа Силхет провинции Ассам (**Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.** История Пакистана. — М., 1961. — С. 110); подробнее о разделе Пенджаба и Бенгалии см. текст решения председателя комиссий по разграничению сэра С. Рэдклиффа: *The Transfer of Power.* — Р. 370–383.

8 См.: **Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.** Указ. соч. — С. 108;
Symonds R. *The Making of Pakistan.* — L., 1949. — Р. 83.

9 Пакистан. Справочник. — М., 1966. — С. 5; **Tayeeb A.** *Pakistan. A Political Geography.* — L., 1966. — Map. — Р. 5.

10 См., например: **Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.** Указ. соч. — С. 184–186; **Нихамин В.П.** Очерки внешней

политики Индии. 1947–1957 гг. — М., 1959. — С. 65–79; **Насенко Ю.П.** Борьба внутри- политических сил в Индии и внешняя политика правительства (1947–1955) // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР (СПб.ИВ АН). — Т. 1. — С. 36–67; **Он же.** Дж. Неру и внешняя политика Ин- дии. — М., 1975. — С. 36–66; **Cheema P.I.** Pakistan's Defence Policy, 1947–1958. — L., 1990. — P. 23–45.

¹¹ При этом одни авторы, исходя из идеологической сверхзадачи, под- черкивают ничем не ограниченное право князей решать этот вопрос, а другие особо отмечают призывы к ним последнего вице- короля Индии лорда Маунтбеттена учитывать при своем выборе месторасположение своего кня- жества и интересы подданных. (См., например: **Kulkarni V.B.** Pakistan: Its Origins and Relations with India. — Dhaka, 1988. — P. 143–156; **Malik H.** Soviet-Pakistan Relations and Post-Soviet Dynamics, 1947–1992. — L., 1994. — P. 50). Вместе с тем представляются неточными утверждения ряда отечественных авторов о возможности сохранения князьями прежних отно- шений с Британской короной (см. последние по времени упоминания такого рода: **Спирин Д.В.** История Кашмирского конфликта и роль ООН в поиске путей его урегулирования. — М., 1996 (автореф. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук). — С. 10; Энциклопедия Пакистана. — Ф1998. — С. 307).

¹² Подробнее об этом см.: **Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.** Указ. соч.; **Ганковский Ю.В.** Национальный вопрос и национальные дви- жения в Пакистане. — М., 1967; **Wilcox W.A.** Pakistan. The Consolidation of a Nation. — N. Y., 1964; **Caroe O.** The Pathans 550 B. C.-A. D. 1957. — Karachi, 1976.

¹³ См.: **Мукимджанова Р.М.** Отношения Пакистана со странами Азии // Очерки международных отношений в Южной, Юго- Восточной Азии и на Дальнем Востоке (1945–1955). — М., 1975. — С. 68–69; **Ali Ch.M.** The Emergence of Pakistan. — N. Y., 1967. — P. 281; **Cheema P.I.** Op. cit. — P. 37–38.

¹⁴ См.: Очерки международных отношений в Южной, Юго- Восточной Азии и на Дальнем Востоке (1945–1955). — С. 68.

Некоторое значение имеет дата ввода индийских войск в княжество Джунагадх. В большинстве работ, в том числе отечественных, указывается ноябрь, т.е. время после начала конфликта вокруг Кашмира, возникшего во многом вследствие разног религиозной принадлежности правителя и большинства населения княжества. (См. **Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.** Указ. соч. — С. 185; **Нихамин В.П.** Указ. соч. — С. 71; **Hodson H.V.** The Great Divide. Britain—

India—Pakistan. — Karachi, 1985. — P. 439–441). Между тем, американский исследователь пакистанского происхождения Хафиз Малик указывает, что индийские войска вступили в Джунагадх в сентябре (**Malik H.** Op. cit. — P. 51). Впрочем, он не отрицает того, что тактика руководства Пакистана и лично М.А. Джинны с самого начала состояла в попытке «балканизации» Индии. Базируясь на выше уже упомянутой слабой юридической фикции от полной свободе действий правителей крупных династийных владений, она, как

справедливо полагает Х. Малик, была обречена на неудачу, следствием которой для Пакистана оказалась потеря Кашмира (**Malik H.** Op. cit. — P. 50–52).

15 В соответствии с «приговором» С. Рэдклиффа по поводу раздела Пенджаба большая часть округа Гурдаспур, отличавшегося небольшим перевесом мусульманского населения по переписи 1941 г., вместе с районом (техсилом) Патханкот, пограничным с княжеством Джамму и Кашмир, была передана Индии. Именно это решение дало впоследствии возможность построить надежные наземные коммуникации между центром штата в Кашмирской долине и основной частью Индии. Единственная дорога, соединявшая долину и ее центр г. Сринагар с провинцией Пенджаб Британской Индии, проходила до 1947 г. по берегам р. Джелам, заканчиваясь в районе Равалпинди в западной части провинции (об этой controversie, до сих пор не потерявшей значения в историографических баталиях вокруг Кашмира, см. упоминания в большом числе работ, в частности в вышеупомянутых книгах В.Б. Кулкарни и Х. Малика, а также и в более специальных позднейших исследованиях, посвященных разделу 1947 г. и Кашмиру: **Lamb A.** Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. — Hertingfordbury: Roxford Books, 1991. — P. 105, 110–115; **Lamb A.** Birth of a Tragedy. Kashmir 1947. — Hertingfordbury: Roxford Books, 1994. — P. 35–41; **Jha P.S.** Kashmir 1947. Rival Versions of History. — Delhi, 1966. — P. 7–8).

16 Об этом см.: **Smith V.** The Oxford History of India / Ed. P. Spear. — Delhi, 1981. — P. 851.

17 По версии Алэстера Лэмба, широко ныне распространенной благодаря публикациям двух его книг в 1991 и 1994 гг., махараджа, скорее всего, подписал акт о присоединении княжества уже после того, как в Сринагаре высадились части индийской армии, либо вообще не подписывал этот документ (**Lamb A.** Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. — P. 135–136; **Lamb A.** Birth of a Tragedy. Kashmir 1947. — P. 103).

18 Как отмечает В.П. Нихамин, в письме правительства Индии, рассмотрение которого было включено в повестку дня Совета Безопасности ООН 1 января 1947 г., обращалось внимание на «агрессию» Пакистана в Кашмире и имела просьба потребовать от пакистанского правительства прекращения поставок оружия вторгшимся в Кашмир вооруженным отрядам (**Нихамин В.П.** Указ. соч. — С. 76). А. Лэмб в последней работе пытается доказать, что Индия обратилась в ООН с целью опередить Пакистан, который из тактических соображений согласился на эту ее инициативу, чтобы придать «кашмирскому делу» международный характер (**Lamb A.** Birth of a Tragedy. Kashmir 1947. — P. 158–164). Он же верно замечает, что изначальная двусмысленность шагов и разнонаправленность намерений сторон способствовали тому, что проблема, которая могла бы быть, возможно, решена на ранних стадиях путем двусторонних переговоров, оказалась «загнана в угол несбыточных ожиданий и юридических фикций», хотя и односторонне возлагает главную вину за тупик на руководство Индии (Ibid. — P. 175–176).

¹⁹ **Smith V.** Op. cit. — P. 852, 863.

²⁰ Подробнее см.: Очерки международных отношений в Южной, Юго- Восточной Азии и на Дальнем Востоке (1945–1955). — С. 68–72; а также:

Нихани В.П. Указ. соч. — С. 77; **Smith V.** Op. cit. — P. 852.

²¹ Об Азад Кашмире в нашей литературе см.: **Ганковский Ю.В.** Азад Кашмир 1947–1958 гг. (К истории кашмирского вопроса) // Краткие сообщения Института народов Азии (КСИНА). — М., 1962. — № 51. — С. 167–182. По его более детализированным сведениям, в состав «свободного» самоуправляемого Кашмира вошли пять дистриктов (округов): Бхимбер, Мирпур, Котли, Пунч и Музаффарабад (с. 168). В первом развернутом изложении истоков кашмирской проблемы в отечественной научной литературе содержится, в частности, упоминание о восстании в агентстве Гилгит и его присоединении к Пакистану; **Петруничева З.** Национально-освободительное движение в княжестве Кашмир // Ученые записки Института востоковедения (УЗИВ). — Т. 1. — М. — Л., 1950. — С. 157–224 (о событиях в Гилгите — с. 209). Позднейшие исследования, опубликованные за рубежом, уточняют картину тех лет, хотя и для ранних, и более поздних работ характерна отчетливая авторская тенденциозность. О событиях в Гилгите писал, в частности, известный пакистанский историк А.Х. Дани (см.: *Gilgit Scout Wins the Battle of Freedom // The Muslim*. — 1984. — Nov. 2); его версию излагает П.И. Чима (**Cheema P.I.** Op. cit. — P. 55–56, 199). Независимо от него, но в целом сходную интерпретацию дает событиям в Гилгите А. Лэмб, подробно рассматривающий помимо того ситуацию в княжестве Хунза, в Балтистане и во всех «северных территориях» (**Lamb A.** *Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990*. — P. 17–120). Экскурсы в историю XIX–XX веков, свойственные этому автору, позволяют ему убедительно объяснить причины «отделения» районов Азад Кашмира (бывшего джагира Пунч) от остальной части княжества и проанализировать конкретную историю образования его вооруженных формирований и административных структур (**Lamb A.** *Birth of a Tragedy. Kashmir 1947*. — P. 54–80). Истории княжеств и областей Восточного Гиндукуша последней трети XIX — начала XX века, имеющих определенное отношение к развернувшемуся впоследствии конфликту вокруг Кашмира и событиям раздела Индии 1947 г., касались не только современные зарубежные, но и отечественные историки (см.: **Лу-жецкая Н.И.** Очерки истории Восточного Гиндукуша во второй половине XIX в. — Гл. 1, 2. — М., 1986; **Темирханов Л.** Восточные пуштуны. Основные проблемы новой истории. — М., 1987. — С. 87–91).

²² На стратегическую важность Кашмира указывали многие авторы. См., в частности: **Ганковский Ю.В.** Азад Кашмир 1947–1958 гг. — С. 168; **Malik H.** Op. cit. — P. 52–54; **Lamb A.** *Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990*. — P. 148–150).

²³ Территориальное соединение Индии с Афганистаном было бы возможно в случае присоединения к первой всего княжества Джамму и Кашмир вместе с формально зависимым от него пуштунским княжеством Читрал, граничащим с Афганистаном. В 1876 г. правитель (эмир) Читрала признал зависимость от махараджи Джамму и Кашмира, а в 1914 г. эти отношения были договорно подтверждены. Вместе с тем англичане с середины 90-х годов прошлого века передали функции контроля над Читралом из ведения своего агента в Гилгите агенту в Малаканде, учрежденному в зоне пуштунских племен (**Lamb A.** *Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990*. — P. 31; о выступлении пуштунов против англичан и образовании Малакандского агентства см. **Темирханов Л.** Указ. соч. — С. 90–91, 98). К 1947 г. зависимость Читрала от Джамму и Кашмира сохранилась как политико-юридическая фикция и все агентство Малаканд вошло в состав Пакистана (СЗПП). Руководство Индии, впрочем, время от времени поднимало вопрос о «принадлежности» Читрала Кашмиру и, следовательно, спорности его присоединения к Пакистану. (Заявление на этот счет сделал Дж. Неру в индийском парламенте в мае 1956 г. см.: **Lamb A.** *Asian Frontiers. Studies in a Continuing Problem*. — L., 1968. — P. 101–102). Большой настойчивости в постановке этого вопроса Дели никогда не проявлял, но индийские авторы в трактовке кашмирской проблемы, как правило, исходили из юридического факта

Надлежаности Читрала Кашмиру (см., например: **Chopra V.D.** Genesis of Indo- Pakistan Conflict on Kashmir. — New Delhi, 1990. — P. 21, 111, 137–138).

24 Значению этого пояса посвящена, в частности, вышеупомянутая книга А. Лэмба (**Lamb A.** Asian Frontiers. Studies in a Continuing Problem; о том же см.: **Malik H.** Op. cit. — P. 139–165). На стратегическую и политическую важность высокогорных пограничных зон и пустынных массивов в центре Азии обратил внимание в свое время авторитетный американский специа- лист О. Лэттимор (**Lattimore O.** Pivot of Asia: Sinkiang and the Inner Asian Frontiers of China. — Boston, 1950), а спустя почти полвека М.З. Испахани (**Ispahani M.Z.** Roads and Rivals. The Politics of Access in the Borderlands of Asia. —Л., 1989).

25 **Smith V.** Op. cit. — P. 849–850.

26 См.: Quaid-i-Azam Mahomed Ali Jinnah Speeches as Governor-General of Pakistan 1947–1948. — Karachi, s. a. — P. 175.

27 См., в частности: **Cheema P.I.** Op. cit. — P. 33–34.

28 Дипломатическая активность Индии и Пакистана в первые после раз- дела годы подробно представлена в книге Ю.П. Насенко (см.: **Насенко Ю.П.** Дж. Неру и внешняя политика Индии. — С. 36–65; Приложение к ней, содержащее хронику переговоров и соглашений между Индией и Пакиста- ном. — С. 360–364). О проблемах в переговорах с пакистанской стороны см.: Очерки международных отношений в Южной, Юго- Восточной Азии и на Дальнем Востоке (1945–1955). — С. 72–73.

29 Там же. — С. 74; **Cheema P.I.** Op. cit. — P. 102; **Плешов О.В.** Указ. соч. — С. 43–46.

30 **Auyb Khan M.** Friends Not Masters. A Political Autobiography. — L., 1967. — P. 35.

31 **Нихамин В.П.** Указ. соч. — С. 153–155; **Cheema P.I.** Op. cit. — P. 102–103; **McMahon R.J.** The Cold War on the Periphery. The United States, India, and Pakistan. — N. Y., 1994. — P. 135.

32 **Ayub Khan M.** Op. cit. — P. 40.

33 Подробнее см.: **Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.** Указ. соч. — С. 186; **Andrus J.T., Mohammed A.F.** Trade, Finance and Develop- ment in Pakistan. — Karachi, 1969. — P. 76; **Akhtar S.M.** Economic Development of Pakistan. — Vol. 3. — Karachi, 1981. — P. 687–688.

34 Подробнее см.: **Нихамин В.П.** Указ. соч. — С. 123–124; **Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.** Указ. соч. — С. 261; **Насенко Ю.П.** Дж. Неру и внешняя политика Индии. — С. 170–171; Очерки междуна- родных отношений в Южной, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке (1945–1955). — С. 78–79; **Cheema P.I.** Op. cit. — P. 130.

35 **Нихамин В.П.** Указ. соч. — С. 124; **Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.** Указ. соч. — С. 261.

36 **Lamb A.** Op. cit. — P. 202–203.

37 Pak-Afghan Discord. A Historical Perspective. (Documents 1955–1979) / Ed. Mehrunnisa Ali. — Karachi, 1990. — P. 90.

38 **Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.** Указ. соч. — С. 197; **Cheema P.I.** Op. cit. — P. 197.

39 А. Гаффар-хан был арестован в июне 1948 г. и провел в тюрьме шесть лет по обвинению в сотрудничестве с агентами Факира из Ипи, «врага Пакистана» (по выражению первого премьер-министра страны Лиакат Али-

хана) с целью организации беспорядков на границе (Pak-Afghan Discord. A Historical Perspective. — P. 123, 187). О деятельности Факира и общей ситуации в полосе пуштунских племен см. отечественные публикации: **Халфин Н.А.** Проблема Пуштунистана (к афгано-пакистанским внешнеполитическим отношениям) // КСИНА. — М., 1959. — № 35. — С. 35–48; **Райков А.В.** Факир из Ипи — борец за свободу Вазиристана // Восток. — М., 1995. — № 3. — С. 90–91). О связях Факира из Ипи с Кабулом и предполагаемой финансовой его поддержке со стороны Дели см.: **Spain J.W.** The Pathan Borderland. — The Hague, 1963. — P. 239; **Malik H.** Op. cit. — P. 82.

⁴⁰ Pak-Afghan Discord. A Historical Perspective. — P. 128, 130, 155–157.

⁴¹ Quaid-i-Azam Mahomed Ali Jinnah Speeches. Op. cit. — P. 38–39.

⁴² Ibid. — P. 132–133.

⁴³ **Х. Малик** подтверждает эту позицию ссылкой на авторитет известного американского юриста (австрийца по происхождению) Г. Кельзена (см.: **Malik H.** Op. cit. — P. 74; О Кельзене см.: История политических и правовых учений. — М., 1995. — С. 661–667).

⁴⁴ Pak-Afghan Discord. A Historical Perspective. — P. 62–69 et. al.

⁴⁵ Ibid. — P. 117.

⁴⁶ Ibid. — P. 287–288.

⁴⁷ **Махкамов М.** Афгано-пакистанские отношения 1947–1977 гг. — М., 1987. — С. 53–56; **Malik H.** Op. cit. — P. 83–86, 88.

⁴⁸ **Lamb A.** Asian Frontiers. Studies in a Continuing Problem. — P. 84; **Cheema P.I.** Op. cit. — P. 60–61. Вместе с тем З.А. Бхутто, выступая в качестве министра иностранных дел в июле 1963 г. в Национальном собрании Пакистана, заявил, что ирано-пакистанское соглашение о границе было заключено в феврале 1958 г. и предусматривало передачу Пакистаном Ирану территории в 300 кв. миль (ок. 1000 кв. км), а Ираном Пакистану — другого участка земли площадью 95 кв. миль (ок. 250 кв. км). См.: **Bhutto Z.A.** Foreign Policy. A Compendium of Speeches Made in the National Assembly of Pakistan 1962–1964. — Lahore, s. a. — P. 88–89. В 1956 г. (по другим сведениям — в 1958 г.) Англия передала Пакистану за символическую плату контролируемый ее тогдашним протекторатом Договорным Оманом порт Гвадар на Макранском побережье и небольшую территорию вокруг него. (См.: **Lamb A.** Asian Frontiers. Studies in a Continuing Problem. — P. 95.)

⁴⁹ **Ганковский Ю.В.** Народы Пакистана. (Основные этапы этнической истории). — М., 1964. — С. 186; Народная Республика Бангладеш. — М., 1974. — С. 12; Современная Азия. — М., 1977. — С. 166.

⁵⁰ **Lamb A.** Asian Frontiers. Studies in a Continuing Problem. — P. 97; **Cheema P.I.** Op. cit. — P. 52–53. Отметим здесь, что граница между Восточным Пакистаном и Индией также вызывала некоторые споры вследствие недостаточно четкой ее демаркации «приговором» о разделе Бенгалии 1947 г. в районе, пограничном с бывшим княжеством Куч-Бихар. Разногласия относительно небольших анклавов были в 1960 г. успешно урегулированы заключением двустороннего соглашения (см. **Lamb A.** Asian Frontiers. Studies in a Continuing Problem. — P. 97–98). Однако попытки приступить к практической демаркации границы (проведению ее на местности) натолкнулись на оппозицию со стороны определенных политических кругов Индии, прежде всего в штате Западная Бенгалия, и сопровождалась погра-

ничными инцидентами. Потребовалось проведение нескольких встреч официальных представителей двух государств для снятия напряженности, но решить разногласия в полном объеме не удалось вплоть до 1971 г., причем интенсивность споров, снизившись в период после заключения Ташкентской декларации (в январе 1966 г.), уже с 1967 г. стала возрастать (**Prakhar G.M.** Indo-Pakistan Relations (From Tashkent to Simla). — New Delhi, 1987. — Р. 179–185; 189–198).

⁵¹ **Cheema P.I.** Op. cit. — Р. 55, 57.

⁵² Ibid. — Р. 53–54.

⁵³ В отечественной литературе см. об этом, например: **Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.** Указ. соч. — С. 255–263; **Мукиджанова Р.М.** Политика США в Пакистане. 1947–1960. — М., 1961. — С. 73–103; **Москаленко В.Н.** Внешняя политика Пакистана. — М., 1984. — С. 34–41.

⁵⁴ **Cheema P.I.** Op. cit. — Р. 150, 229.

⁵⁵ Ibid. — Р. 152–153; о военной помощи и экономическом проникновении США в Пакистан см., в частности, советскую литературу рубежа 50–60-х годов: **Мукиджанова Р.М.** Экономическое проникновение США в Пакистан (1951–1956) // КСИНА. — М., 1959. — № 31; **Ганковский Ю.В.** Военно-политическое проникновение США в Пакистан // Политика США на Ближнем и Среднем Востоке. — М., 1960. — С. 274–312; **Кузьмин С.А.** Экономическая экспансия американского империализма в Пакистане // Там же. — С. 313–343.

⁵⁶ В то же время события, произошедшие в Восточном Пакистане в 1954 г., которые были справедливо охарактеризованы как политический кризис (см.: **Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.** Указ. соч. — С. 211–231), могут рассматриваться как «первый звонок» для единства образованного в 1947 г. Пакистана. Что касается восточно-бенгальской политической элиты, сложившейся в колониальный период, то она, получив на время пост премьер-министра (Ш.Х. Сухраварди), хотя и примирилась с второстепенным положением в структуре правящих кругов, не могла на долго задержать процесс отчуждения более широких политических слоев провинции от центра власти, находившегося в Западном Пакистане.

⁵⁷ Pak-Afghan Discord. A Historical Perspective. — Р. 191–192, 197, 201.

⁵⁸ Ibid. — Р. 204–206; **Махкамов М.** Указ. соч. — С. 59–69.

⁵⁹ **Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.** Указ. соч. — С. 263.

⁶⁰ **Burke S.M.** Mainsprings of Indian and Pakistani Foreign Policies. — Minneapolis, 1974. — Р. 153–154.

⁶¹ Pak-Afghan Discord. A Historical Perspective. — Р. 228.

⁶² Ibid. — Р. 255–256, 259–269.

⁶³ **Махкамов М.** Указ. соч. — С. 71–72.

⁶⁴ **Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.** Указ. соч. — С. 333, 355; **Ибрагимов Б.** Белуджи Пакистана (Социально-экономическое положение в пакистанском Белуджистане и национальное движение белуджей в 1947–1970 гг.). — М., 1973. — С. 75, 78.

⁶⁵ Во время визита в Афганистан в феврале 1960 г. Н.С. Хрущев поддержал Кабул в его споре с Карачи по поводу Пуштунистана; он сделал это публично и в развернутой форме, выступая в марте того же года на одном из собраний в Москве (**Malik H.** Op. cit. — Р. 124–125). Надо отметить, что первый визит советского руководителя (вместе с Н.А. Булганиным) в Афга-

нистан в декабре 1955 г. пришелся на окончание кризиса в афгано-пакистанских отношениях, между тем как вышеотмеченный второй — на его начало. По мнению Х. Малика, поддержка СССР подтолкнула Кабул к активным действиям против Пакистана. Вместе с тем он указывает на ее тесную связь с острой фазой противостояния сверхдержав в регионе (*Ibid.* — P. 125). Следует отметить, что за обоими визитами советских лидеров последовали соглашения о предоставлении помощи, составившие чуть более половины иностранных вложений в афганскую экономику по первому (1956–1961) и второму (1962–1967) пятилетним планам. (**Гуревич Н.М.** Внешняя торговля Афганистана в новейшее время. — М., 1981. — С. 160).

⁶⁶ **Махкамов М.** Указ. соч. — С. 68; **Nyang S.S.** Pakistan's Role in the Organization of Islamic Conference // *Journal of South Asia and Middle Eastern Studies (JSAMIS)*. — Vol. 7,3. — Villanova, 1984. — P. 16.

⁶⁷ **Махкамов М.** Указ. соч. — С. 75–77.

⁶⁸ *Pak-Afghan Discord. A Historical Perspective.* — P. 287–294.

⁶⁹ **Malik H.** *Op. cit.* — P. 126–127.

⁷⁰ Все это хорошо осознавалось в СССР, свидетельством чего можно считать, в частности, анализ внешней политики Пакистана в ряде работ 50–60-х годов; в дополнение к вышеуказанным отметим здесь изданную в Москве в английском переводе и хорошо известную в Пакистане и в целом за пределами СССР книгу Ю.В. Ганковского и Л.Р. Гордон-Полонской (**Gankovsky Y.V. and Gordon-Polonskaya L.R.** *A History of Pakistan.* —

Moscow, 1964). Термин «северный ярус» (или пояс), введенный в широкий оборот Д.Ф. Даллесом, по мнению ряда авторов, возник под влиянием выражения «северный щит» (или экран), использованного для обозначения того же региона известным английским автором имперско-геополитической школы, крупным чиновником в администрации Британской Индии и некоторое время губернатором СЗПИ сэром Олафом Кэроу (см.: **Barnds W.J.** *India, Pakistan and the Great Powers.* — N. Y., 1972. — P. 91; **McMahon R.J.** *Op. cit.* — P. 134).

⁷¹ Об «отставании» Восточного Пакистана в военном отношении см., в частности: **Ayub Khan M.** *Op. cit.* — P. 22–30, а также: **Cheema P.I.** *Op. cit.* — P. 126–127; см. также: **Jahan R.** *Pakistan. Failure in National Integration.* — N.Y.—L., 1972. — P. 25. Экономическое отставание провинции — предмет многих исследований, в качестве примера укажем на вышеотмеченную работу Р. Джехан, см. также: **Баранов С.С.** Восточная Бенгалия. Особенности экономического развития 1947–1971. — М., 1976.

⁷² Летом 1952 г. после проведения первых выборов в Учредительное собрание Джамму и Кашмира между руководством штата во главе с Ш. Абдуллой и центром было заключено так называемое «Делийское соглашение», согласно которому штат включался в Индийский союз на особых правах, с сохранением местных законов, своей государственной символики и определенной самостоятельности, выражавшейся, в частности, в том, что президент Индии мог вводить чрезвычайное положение в штате лишь по инициативе или с согласия Учредительного собрания. Суть соглашения для кашмирского лидера, по мнению А. Лэмба, состояла в закреплении положения, что Кашмир не принадлежит Пакистану и Индия является тому гарантом, но это не закрывает пути к возможной в будущем независимости штата. (**Lamb A.** *Kashmir. A Disputed Legacy 1849–1990.* — P. 194–195).

После отстранения от власти и ареста Ш. Абдуллы Учредительное собрание в 1954 г. приняло решение о постоянном характере присоединения к Индии, а в 1956 г. разработало проект местной конституции, основанной на этой предпосылке, и введенной в действие в начале 1957 г. (Ibid. — P. 202–203).

⁷³ **Насенко Ю.П.** Дж. Неру и внешняя политика Индии. — P. 238, 240.

⁷⁴ Там же. — С. 241–242.

⁷⁵ **Lamb A.** Kashmir. A Disputed Legacy 1849–1990. — P. 203.

⁷⁶ **Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.** Указ. соч. — С. 352;

Мукимджанова Р.М. Пакистан, Южная Азия и политика США (60-е — начало 70-х годов). — М., 1974. — С. 27–36; о значении соглашения см. также: **Malik H.** Op. cit. — P. 166. Интересно, что его текст не приводится в изданном в 1984 г. томе документов, касающихся американо-пакистанских отношений. Но там помещен текст соглашения о сотрудничестве между США и Пакистаном от 5 марта 1959 г. (см.: America-Pakistan Relations. Documents / Ed. by K. Arif. — Vol. 1. — Lahore, 1984. — P. 156–159). Кроме того, в ноябре 1959 г. США и Пакистан подписали Договор о дружбе и торговле (отрывки из него см.: Ibid. — P. 173–175).

⁷⁷ Близкое к этому видение мировой политики и места Пакистана в ней отражено и на страницах вышедшей в 1967 г. программной и одновременно мемуарной книги президента М. Айюб Хана «Друзья, но не хозяева». Однако акценты в ней расставлены несколько иначе, в соответствии с реалиями времени появления ее на свет — см. две главы, посвященные внешней политике, где наибольшим отходом от первоначальных принципов надо считать корректное отношение к СССР и, разумеется, к КНР, а также отсутствие каких-либо геоиологических аргументов типа «отпора коммунизму» (см.: **Ayub Khan M.** Op. cit. — P. 114–185).

⁷⁸ См.: **Насенко Ю.П.** Дж. Неру и внешняя политика Индии. — С. 281; прил. — С. 363–364; **Prakhar G.M.** Op. cit. — P. 179–180.

⁷⁹ Договор о развитии бассейна р. Инд оправдал надежды пакистанских правящих кругов и имел огромное долговременное значение для энергетики и сельского хозяйства страны. Сооруженные в соответствии с ним плотина Мангла (на притоке Инда р. Джелам) и крупнейшая земляная плотина в мире Тарбела на самом Инде позволили увеличить общую орошаемую площадь к концу 80-х годов до 16 млн. га, а также создать гидроэнергетические мощности, превышающие 2,5 млн. кВт (см.: Пакистан. Справочник. — М., 1991. — С. 183, 258).

⁸⁰ См.: **Мукимджанова Р.М.** Пакистан, Южная Азия и политика США. — С. 35–36; **Насенко Ю.П.** Дж. Неру и внешняя политика Индии. — С. 279–281; **Ayub Khan M.** Op. cit. — P. 126–127.

⁸¹ Пекинское руководство, судя по всему, приняло к сведению заверения Пакистана о ненаправленности своего участия в СЕАТО против Китая, в частности те, что дал пакистанский премьер-министр М. Али Богда в Бандунге на встрече с премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем; см.: **Cheema P.I.** Op. cit. — P. 54.

⁸² См.: **Мукимджанова Р.М.** Пакистан, Южная Азия и политика США. — С. 66–72; **Gupta B.S.** The Fulcrum of Asia. Relations Among China, India, Pakistan, and the USSR. — N.Y., 1970. — P. 132–133.

⁸³ В декабре 1960 г. З.А. Бхутто вел переговоры в Москве по поводу возможностей СССР оказать помощь в разведке нефтяных месторождений.

Предложение поступило от Москвы еще в 1959 г., но было принято Пакистаном лишь после инцидента с У-2 в августе 1959 г. Соглашение о советском содействии в нефтеразведке, предусматривавшее выделение кредита в 120 млн. руб. (200 млн. долл.) было подписано в марте 1961 г. в г. Равалпинди (**Bhutto Z.A.** Pakistan-Soviet Oil Agreement — *Pakistan Times*. — Lahore. — 1961. — March 23 // **Bhutto Z.A.** Reshaping Foreign Policy. — Lahore, s. a. — P. 129–132).

⁸⁴ **McMahon R.J.** Op. cit. — P. 173–175.

⁸⁵ Более того, китайское руководство приняло решение отвести войска на 20 км за линию фактического контроля, существовавшую ранее между Китаем и Индией, в глубь контролируемой им территории. (См.: **Насенко Ю.П.** Дж. Неру и внешняя политика Индии. — С. 305; **Wilcox W.A.** India, Pakistan and the Rise of China. — N. Y., 1964. — P. 72–73; **Malik H.** Op. cit. — P. 158). Вместе с тем в литературе продолжает воспроизводиться и точка зрения о том, что КНР в результате пограничной войны 1962 г. захватила часть индийской территории. (См., например: *Азия и Африка сегодня*. — М. — 1997. — № 7. — С. 11).

⁸⁶ **Ayub Khan M.** Op. cit. — P. 150–153, 159–161.

⁸⁷ Ibid. — P. 163.

⁸⁸ **Lamb A.** Asian Frontiers. Studies in a Continuing Problem. — P. 100–102; **Lamb A.** Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. — P. 242–243.

⁸⁹ **Насенко Ю.П.** Дж. Неру и внешняя политика Индии. — С. 316–319; **Burke S.M.** Op. cit. — P. 177; **Choudhury G.W.** Pakistan's Relations with India, 1942–1966. — L., 1969. — P. 261–262.

⁹⁰ **Lamb A.** Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. — P. 204–205.

⁹¹ **Насенко Ю.П.** Дж. Неру и внешняя политика Индии. — С. 246–248.

⁹² **Ayub Khan M.** Op. cit. — P. 128.

⁹³ **Lamb A.** Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. — P. 208–209.

⁹⁴ См., в частности: **Wilcox W.A.** Op. cit. — P. 124–131; а также **Lamb A.** Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. — P. 273, где приводятся сравнительные данные о военных потенциалах Индии и Пакистана, напечатанные в *Newsweek*. — 1965. — Sept. 20.

⁹⁵ **Burke S.M.** Op. cit. — P. 186.

⁹⁶ Созданный по инициативе английского премьер-министра Г. Вильсона механизм разрешения конфликта путем передачи спора в Международный суд (в Гааге) принес окончательные результаты лишь в 1968–1969 гг. В соответствии с решением сформированной под эгидой суда комиссии (трибунала), состоящего из трех судей, от февраля 1968 г. 90% территории Ранна было передано Индии и 10% — Пакистану. Решающим оказалось мнение представителя Швеции. Назначенный по представлению Индии член трибунала из Югославии заявил о несогласии с решением большинства, так как полагал, что вся спорная площадь должна была отойти к Индии. Последняя была неудовлетворена, тем более что к Пакистану переходила наиболее пригодная для хозяйственного освоения часть Ранна, но согласилась с решением трибунала и летом 1969 г. подписала соглашение о демаркации границы с Пакистаном. (См.: **Мукиджанова Р.** Отношения Пакистана с Индией в 60-х годах // *Специальный бюллетень ИВ АН*. — М., 1972. — № 8 (136). — С. 33–36, 197–198; **Prakhar G.M.** Op. cit. — P. 187–188; **Malik H.** Op. cit — P. 185).

97 О конфликте с пакистанской и индийской точек зрения см., например: *Seventeen September Days*. — Lahore, 1967; **Sherwani L.A.** India, China and Pakistan. — Karachi, 1967; **Gupta Hari Ram**. The India-Pakistan War 1965. — Vol. 1. — Delhi, 1967; vol. 2. — Delhi, 1968. В отечественной литературе см.: **Степанов Л.** Конфликт в Индостане и соглашение в Ташкенте. — М., 1966; а также **Москаленко В.** Внешняя политика Пакистана в 1965 г. // Специальный бюллетень ИВ АН. — М. — 1966. — № 70. — С. 63–65; **Мукимджанова Р.** Отношения Пакистана с Индией в 60-х годы. — С. 36–39; **Колыхалова Г.** Отношения Индии с Пакистаном в 60-х годах. — С. 83–87; **Мукимджанова Р.М.** Пакистан, Южная Азия и политика США. — С. 94–102.

98 См.: там же. — С. 103–108; **Lamb A.** Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. — P. 271; текст Ташкентской декларации много раз воспроизводился — на русском языке см.: **Датт В.П.** Внешняя политика Индии. — М., 1988; на английском — **Prakhar G.M.** Op. cit. — P. 429–431.

99 См., напр.: **Lamb A.** Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. — P. 273; **Gordon S.** India's Rise to Power in the Twentieth Century and Beyond. — Canberra, 1995. — P. 72.

100 **Колыхалова Г.** Указ. соч. — С. 95.

101 Подробнее см.: **Ганковский Ю.** Кризис режима М. Айюб-хана // Специальный бюллетень ИВ АН. — М., 1971. — № 11 (104). — С. 130–132. Он же. Политический кризис в Восточном Пакистане (март—октябрь 1971 г.) // Там же. — М., 1971. — № 12 (128). — С. 89.

102 См.: **Lamb A.** Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. — P. 277.

103 До войны 1965 г. Пакистан не отказывался от взятых на себя обязательств поддержания особо тесных отношений с США, хотя и начал разворот в сторону укрепления связей с КНР и СССР. Из-за отказа Вашингтона поддержать своего союзника — Пакистан — в ходе конфликта с Индией часть политической элиты страны выступила с критикой односторонних обязательств, которые накладывало на Пакистан участие в блоках, руководимых США. Еще в бытность министром иностранных дел в мае 1966 г. З.А. Бхутто поставил под сомнение «многосторонние обязательства» в связях с иностранными державами, подчеркнув достоинство «двусторонних отношений» (см. текст его меморандума: **Bhutto Z.A.** The Third World: New Directions. — Lahore, s. a. (first published in 1976). — P. 126). В своей программной книге «Миф независимости», выпущенной уже после ухода из правительства осенью 1967 г., он еще ни разу не употребляет термина «билатерализм», хотя весь ее пафос состоит в призыве отказаться от политики преимущественной ориентации на США, критике американской политики во Вьетнаме и призыве к единению освободившихся от колониализма государств. Кроме того, он обосновывает независимый внешнеполитический курс Пакистана, заключающийся в учете национальных интересов и угрозе им со стороны Индии, и призывает к партнерству с великими и крупными державами (ставя на первое место Китай), которые могут помочь в их реализации. (**Bhutto Z.A.** The Myth of Independence. — Lahore, s. a. — P. 145–149.) В 70-х годах, когда Бхутто руководил страной, он уже активно использовал термин «билатерализм» в политических работах и выступлениях (см.: *Bilateralism: New Dimensions*. — Islamabad, 1976). О вкладе З.А. Бхутто в эволюцию внешнеполитических концепций Пакистана см.: **Вайдеман Д.** Тенденции в развитии внешней политики Пакистана и ее предпосылки

(1972–1977) // Пакистан. История и экономика. — М., 1980. — С. 119–127). Развернутую характеристику бхуттовской политики «билатерализма» дает Х. Малик (**Malik H.** Op. cit. — P. 228–231).

¹⁰⁴ **Burke S.M.** Op. cit. — P. 214–215.

¹⁰⁵ **Lamb A.** Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. — P. 236–237.

¹⁰⁶ Формально Каракорумское шоссе, приспособленное для движения транспорта различного типа, было открыто в июне 1978 г. на церемонии в местечке Тхакот главой военной администрации Пакистана Зия уль-Хаком и вице-премьером КНР. Более интенсивная эксплуатация началась с 1982 г. (**Lamb A.** Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. — P. 276).

¹⁰⁷ Ibid. — P. 277.

¹⁰⁸ Особо подчеркивал роль Китая тогдашний министр иностранных дел Пакистана З.А. Бхутто. Выступая в Национальном собрании в марте 1966 г., он сделал недвусмысленный намек на предупреждение, переданное Пекином через своего представителя на переговорах в Варшаве с послом США, о том, что Китай вмешается в дела региона в случае, если Индия развернет боевые действия против пакистанских войск, дислоцированных в Восточном Пакистане (см. текст его речи: **Bhutto Z.A.** Reshaping Foreign Policy. — P. 298). По поводу распространенных в Пакистане представлений о спасительной для него роли Китая см. также: **Feldman H.** From Crisis to Crisis. Pakistan 1962–1969. — Karachi, 1972. — P. 152.

¹⁰⁹ Во второй половине 60-х годов с помощью КНР нача осуществляться проект сооружения завода тяжелого машиностроения в Таксиле (Пенджаб).

Там же стал строиться завод по капитальному ремонту китайских танков (Пакистан. Справочник. — М., 1991. — С. 153, 231).

¹¹⁰ **Barnds.** Op. cit. — P. 233; **Malik H.** Op. cit. — P. 196.

¹¹¹ О пакистано-афганских отношениях во второй половине 60-х — начале 70-х годов см.: **Москаленко В.Н.** Внешняя политика Пакистана. — С. 93–95; **Махкамов М.** Указ. соч. — С. 87–88; **Pak-Afghan Discord. A Historical Perspective.** — P. 296–301.

¹¹² Выступая в январе 1966 г. на закрытой встрече с бизнесменами в Карачи и объясняя свое решение подписать соглашение в Ташкенте, М. Айюб-хан утверждал, что одна из причин согласия на прекращение войны с Индией в сентябре 1965 г. состояла в том, что Афганистан готовился к атаке.

(**Feldman H.** Op. cit. — P. 149). По сообщениям пакистанской печати, А. Гаф-фар-хан обратился за военной помощью к Индии с целью поддержки движения по созданию Пуштунистана. (**Махкамов М.** Указ. соч. — С. 91). В книге известного индийского автора, журналиста К. Найяра, изданной в 1972 г., прямо отмечается, что «Индия симпатизировала пуштунскому движению сильнее в периоды обострения отношений с Пакистаном». Он замечает вместе с тем, что, как говорили ему Гаффар-хан и его сын А. Вали-хана, два вдохновителя движения, целью последнего была не независимость, а автономия. По их мнению, Индия «никогда не относилась серьезно к идее Азад Пуштунистана, но использовала ее лишь как палку для битья Пакистана» (**Nayar Kuldip.** Distant Neighbours. A Tale of the Subcontinent. — Delhi, 1972. — p. 100). О позиции Кабула в 1971 г. см.: **Burke S.M.** Op. cit. — P. 214.

¹¹⁴ **Колыхалова Г.** Указ. соч. — С. 98. Глухое недовольство Дели сдвигами в позиции Москвы, в частности по поводу продажи вооружений Равал-

пинди, нашло отражение в книге официального индийского автора, изданной московским издательством «Прогресс». См.: **Датт В.П.** Внешняя политика Индии. — Гл. 4. — М., 1988.

¹¹⁵ **Журавлева Е.С. и Кочетов В.П.** Внешняя политика Индии. 1964–1989. — М., 1991. — С. 13.

¹¹⁶ **Ганковский Ю.** Политический кризис в Восточном Пакистане. — С. 82–115; Народная Республика Бангладеш. — М., 1974. — С. 28–30; **Мукимджанова Р.М.** Пакистан и империалистические державы. 70-е — начало 80-х годов. — М., 1984. — С. 16–18; **Jahan R.** Op. cit. — P. 198–204.

¹¹⁷ Вопрос о числе беженцев из Восточного Пакистана в Индию остается одной из загадок событий 1971 г. Пропагандистская книга того периода журналиста А. Маскаренаса обосновывает информацию о растущем с каждым месяцем количестве беженцев рассказами о зверствах пакистанской военщины (см.: **Mascarehnas A.** The Rape of Bangla Desh. — Delhi, 1971). Согласно официальным индийским источникам, число бежавших в Индию к августу достигло 8, а к ноябрю — 10 млн. человек. (**Мукимджанова Р.М.**

Пакистан и империалистические державы. — С. 16 со ссылкой на: Bangla Desh Documents. — New Delhi, 1971. — P. 446). В советско-индийском заявлении, опубликованном во время визита И. Ганди в Москву в сентябре, фигурировала цифра «свыше 9 млн.» (цит. по: **Jackson R.** South Asian Crisis. India — Pakistan — Bangladesh. — L., 1975, Appendix. — P. 196). В другой литературе, в том числе проиндийской, этот вопрос трактуется более осторожно. Так, С. Гангули отмечает бремя расходов, которые несла Индия в связи с притоком беженцев, осложнение по этой причине межэтнических и межконфессиональных проблем в Западной Бенгалии и северо-восточных штатах страны, но воздерживается от оценки числа людей, перешедших через границу (**Ganguly S.** The Origins of War on South Asia. Indo-Pakistani Conflicts since 1947. — L., 1986. — P. 118–119). Еще более явные сомнения в точности цифр о беженцах выражает видный советский разведчик Л.В. Шебаршин, работавший в тот период в Индии. С долей сарказма он пишет: «Война (в Бангладеш. — В.Б.) давно закончилась, удивительно быстро вернулись на родину десять миллионов беженцев, которые якобы бежали в Индию от злодеяний пакистанской армии...», и далее уже о том, как «рождались» иные данные о миллионах: «Время от времени в бангладешской и индийской печати появлялось упоминание о трех миллионах бангладешцев, павших от рук пакистанцев. Нам была известна история появления этих «трех миллионов». Во время встречи с бангладешским лидером, «отцом нации» Муджибуром Рахманом, в 1972 году, когда страсти еще не остыли, советские журналисты задали ему вопрос о числе жертв. Рахман замялся, сказал, что их было очень много. Корреспондент «Правды» Иван Щедров услужливо подсказал: «Миллиона три». Рахман тут же подтвердил, что именно столько, три миллиона. Так и пошла гулять эта цифра по свету». (**Шебаршин Л.В.** Рука Москвы. Записки начальника советской разведки. — М., 1996. — С. 81).

¹¹⁸ О мерах по урегулированию кризиса в Восточной Бенгалии см., в частности: **Ганковский Ю.** Политический кризис в Восточном Пакистане. — С. 109–112, а также: **Choudhury G.W.** The Last Days of United Pakistan. — Bloomington, 1974.

¹¹⁹ **Malik H.** Op. cit. — P. 217.

120 **Burke S.M.** Op. cit. — P. 209; **Lamb A.** Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. — P.290-295.

121 Как подчеркивают некоторые аналитики, СССР долгое время не хотел безоговорочно поддерживать Дели в стремлении любым путем, в том числе военным, добиться выгодного для себя разрешения регионального конфликта. Даже после подписания Договора в августе это нежелание сохранялось и было преодолено лишь после визита И. Ганди в Москву в конце сентября и поездки в Индию в конце октября заместителя министра иностранных дел Н.П. Фирюбина (**Ganguly S.** Op. cit. — P. 126–127; **Jackson R.** Op. cit. — P. 75–84).

122 Время начала военных действий между Индией и Пакистаном датируется по-разному. В хорошо документированном труде Р. Джексона из Международного института стратегически исследований в Лондоне начало столкновений помечено концом октября, а их усиление — концом ноября. В то же время собственно война заняла, согласно этому и большинству других авторов, 14 дней в декабре. Джексон считал, что решение о начале войны принял Пакистан, хотя «причины этого, очевидно, останутся неизвестными» (**Jackson R.** Op. cit. — P. 112). Р.М. Мукимджанова без ссылки на источник отмечает: «3 декабря военные самолеты, базировавшиеся в Западном Пакистане, нанесли внезапный бомбовый удар по индийским аэродромам и городам в штатах Джамму и Кашмир, Пенджаб, Уттар-Прадеш и некоторых других. Налеты пакистанской авиации явились началом открытой войны между Пакистаном и Индией на восточных и западных границах». (См.: **Мукимджанова Р.М.** Пакистан, Южная Азия и политика США. — С. 160). Л.В. Шебаршин весьма недвусмысленно возлагает всю полноту ответственности за развязывание войны на Индию. Она, по его мнению, «изготовилась к войне... Нужен был повод, но напуганный, затравленный противник его не давал». (**Шебаршин Л.В.** Указ. соч. — С. 63–64). Ночью 2 декабря в индийской столице стало известно, что подвергся неожиданной атаке, предположительно пакистанских самолетов, военный аэродром в Агре. Индийские самолеты нанесли немедленно ответные удары, а сухопутные силы пошли в наступление, перейдя границы и Восточного, и Западного Пакистана. (Там же). Далее разведчик пишет, что спустя несколько лет «при встрече с П. Н., одним из авторов и исполнителей военно-политической кампании 1971 г., я заметил, что вся операция была разыграна, как шахматная партия. П. Н. довольно улыбнулся». (Там же. — С. 65)

123 **Kemp G. and Harkavy R.F.** Strategic Geography and the Changing Middle East. — Wash., 1997. — P. 404.

124 **Lamb A.** Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. — P. 295–296.

125 Характерным для политического мышления времени распада Пакистана был акцент на проблемы бедности населения в развивающихся странах и экономического развития. Широко известный тогда шведский экономист Г. Мюрдаль заявлял, например, что «Пакистан потерял не только половину своего населения, но и половину своих проблем». — «Pakistan Economist». — Karachi, 1973. — N 20. — P. 8). Известно также «крылатое выражение» одного западного журналиста, выразившегося в том духе, что если бы Яхья-хан был управляющим корпорации, то ему объявили бы благодарность за ликвидацию нерентабельного филиала, то есть Восточного Пакистана. Все это, вероятно, очень далеко от настроений, господствовавших среди

политической элиты и общественных кругов единого Пакистана. Ближе к ним, как представляется, позиция З.А. Бхутто в книге, появившейся на- кануне событий в 1967 г.: «Безопасность и территориальная целостность Пакистана более важны, чем экономическое развитие» (**Bhutto Z.A.** *The Myth of Independence*. — Lahore, s. a.: Reprint. — P. 152).

¹²⁶ Пакистан. Справочник. — М., 1991. — С. 80–97; о конституционно-политическом устройстве Азад Кашмира см.: **Андреев Н.** Политическое развитие Азад Кашмира (1970–1973 гг.) // Специальный бюллетень ИВ АН. — М., 1975. — № 8 (171). — С. 161–176.

¹²⁷ См. об этом: **Левин С.** Буржуазия развивающихся стран: традиционные и нетрадиционные связи // «Азия и Африка сегодня». — М. — 1982. — N 10.

¹²⁸ **Burke S.M.** *Op. cit.* — P. 131–140; Указывая на весьма скептическую позицию лидеров арабских государств в конце 40-х и в 50-х годах в отношении роли ислама в международной политике и претензий Пакистана на лидерство в мусульманском мире, С.М. Бурки приводит слова короля Египта Фарука, будто бы сказанные им в кулуарах с издевкой и иронией после встречи с генерал-губернатором Пакистана Х. Назимуддином в 1951 г.: «А вы знаете, что ислам родился 14 августа 1947 г.?» (*Ibid.* — P. 138–139). Египетский руководитель более позднего времени Г.А. Насер также отводил исламскому единству третье и последнее место после арабского и африканского (*Ibid.* — P. 139). Р.М. Мукиджанова отмечала, что неудача попыток создать объединение мусульманских государств была одной из причин, подтолкнувших его на союз с США в середине 50-х годов. См.: *Очерки международных отношений в Южной, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке (1945–1955)*. — С. 90).

¹²⁹ **Колыхалова Г.** Указ. соч. — С. 99–100.

¹³⁰ О позиции короля Фейсала см., например: **Ahmed A.S.** *Discovering Islam. Making Sense of Muslim History and Society*. — L., 1988. — P. 150, 152.

¹³¹ **Gordon S.** *Op. cit.* — P. 275.

¹³² Любопытно, что будущий военный диктатор Пакистана, тогда бригадный генерал, М. Зия уль-Хак находился в 1969–1971 гг. в Иордании в качестве консультанта правительственных войск, боровшихся с палестинцами. (*Current Biography*. — N. Y. 1980, 41, N 6, p. 40–41.)

¹³³ **Москаленко В.Н.** Внешняя политика Пакистана в Южной, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке (1945–1955). — С. 188–189; **Burke S.M.** *Op. cit.* — P. 215; **Malik H.** — P. 231–232.

¹³⁴ Этот факт, ссылаясь на индийские средства массовой информации, отмечает С. Гордон. (**Gordon S.** *Op. cit.* — P. 275.)

¹³⁵ См., например: *Ислам. Краткий справочник*. — М., 1983. — С. 128–129; «Исламский фактор» в международных отношениях в Азии. — М., 1987. — С. 68–71.

¹³⁶ О разговоре с отцом, состоявшемся тогда в Симле по этому поводу, упоминает дочь З.А. Бхутто Беназир в своей широко известной книге. Премьер-министр сказал ей, что ему пришлось выбирать между требованиями к Индии возвратить военнопленных или вернуться к прежним границам. Он выбрал последнее, так как пленных индийцы не смогут долго задерживать у себя и по экономическим, и по гуманитарно-международным причинам: **Bhutto B.** *Daughter of the East. An Autobiography*. — L., 1990. — P. 65–66.

- 137 **Lamb A.** Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. — P. 296.
- 138 Подробнее об этом см.: **Burke S.M.** Op. cit. — P. 214–234; а также: **Rashdi M.A.** Indo-Pak Relations. — Karachi, 1988. — P. 102–105.
- 139 Торговое соглашение, заключенное в 1975 г., не изменяло традиционного положения, когда Индия и Пакистан не имели в торговле друг с другом статуса наибольшего благоприятствования. Торговля осуществлялась главным образом по государственным каналам и на протяжении 1975/76–1982/83 гг. имела слабо выраженный положительный тренд, характеризуюсь большими скачками в экспорте то одной, то другой стороны. Стоимость взаимного товарооборота не превышала полумиллиарда индийских рупий. Объемы контрабандной торговли были на несколько порядков выше. **Chopra S.** Indo-Pak Relations; Problems and Prospects. Paper read at the Seminar at Jawaharlal Nehru University. — New Delhi. — 1984. — March. — P. 21.
- 140 Подробнее о этом периоде в истории индийского Кашмира см.: **Lamb A.** Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. — P.301–321.
- 141 О деятельности провинциальных правительств и их конфликте с центральными властями см.: **Солтановский И.Д.** Взаимоотношения «малых» провинций с центром в период нахождения у власти в Белуджистане и СЗПП ННП и ДУИ (1972–1973 гг.) // Пакистан. История и экономика. — М., 1980. — С. 103–115.
- 142 **Мукимджанова Р.М.** Пакистан и империалистические державы. 70-е — начало 80-х годов. — М., 1984. — С. 87.
- 143 Лишь с опозданием и главным образом после военного переворота в Пакистане стали известны конкретные детали и размах происходивших в Белуджистане событий (подробно о них см.: **Harrison S.S.** In Afghanistan's Shadow: Baluch Nationalism and Soviet Temptations. — Ch. 3. — N.Y., 1981. Впрочем, слухи о беспорядках в районе расселения части белуджских племен (так называемой «стране марри» области Джалаван) имели распространение и в середине 70-х годов. Не секретом была и военная помощь шахского Ирана пакистанским властям в наведении порядка в Белуджистане. (См. об этом, в частности: **Мукимджанова Р.М.** Пакистан и империалистические державы. 70-е — начало 80-х годов. — С. 86–88).
- 144 О «белуджской войне» см.: **Harrison S.S.** Op. cit. — Ch. 3, 4; о займах Ирана см.: **Жмуйда И.В.** Внешнеэкономические связи Пакистана. — М., 1981. — С. 138; в 1976 г. Иран предоставил Пакистану еще один заем в 150 млн. долл. (там же); см. также: **Мукимджанова Р.М.** Пакистан и империалистические державы. 70-е — начало 80-х годов. — С. 88–89.
- 145 **Шерковина Р.И.** Политические партии и политическая борьба в Пакистане. — М., 1983. — С. 191; **Wolpert S.** Zulfi Bhutto of Pakistan. His Life and Times. — N.Y., 1993. — P. 249; **Malik H.** Op. cit. — P. 258; **Arif K.M.** Working with Zia. — Karachi, 1995. — P. 165–168.
- 146 Цит. по **Махкамов М.** Указ соч. — С. 132; см. также: **Malik H.** Op. cit. — P.243.
- 147 **Махкамов М.** Указ. соч. — С. 131; **Malik H.** Op. cit. — P. 257–258.
- 148 Ibid. — P. 243.
- 149 Характерно, что шах Ирана не почтил своим личным присутствием в феврале 1974 г. Лахорскую встречу в верхах руководителей мусульманских государств, созданную, как отмечает В.Н. Москаленко, по инициативе

Пакистана и Саудовской Аравии. Бхутто пришлось после нее отправляться в Тегеран для налаживания отношений (см.: **Москаленко В.Н.** Внешняя политика Пакистана. Указ. соч. — С. 213–214, 216; также: **Мукимджанова Р.М.** Пакистан и империалистические державы. 70-е — начало 80-х годов. — С. 89–90)

150 См. об этом в работах известного пакистанского ученого-антрополога и политолога А.С. Ахмеда: **Ahmed A.S.** Social and Economic Change in the Tribal Areas, 1972–1976. — Karachi, 1977; **Ahmed A.S.** Pushtun Economy and Society. Traditional Structure and Economic Development in a Tribal Society. — L., 1980.

151 **Malik H.** Op. cit. — P. 251.

152 **Malik H.** Op. cit. — P. 258; **Chishti F.A.** Betrayals of another kind. Islam, Democracy and the Army in Pakistan. — L., 1989. — P. 204–205.

153 Один из приближенных в тот период к М. Зия уль-Хаку генералов, Ф.А. Чишти, в своей книге сообщает об озабоченности, которую М. Дауд проявлял на встречах с пакистанскими лидерами в 1977–1978 гг. в связи с позицией Москвы по поводу событий в регионе и о его согласии на признание линии Дюранда в качестве афгано-пакистанской границы (Ibid. — P. 205). О том же пишет известный американский специалист С. Харрисон: **Cordo- vez D., Harrison S.S.** Out of Afghanistan. The Inside of the Soviet Withdrawal. — N.Y., 1995. — P. 21–22.

154 **Malik H.** Op. cit. — P. 259–260.

155 См.: **Журавлева Е.С.** и **Кочетов В.П.** Указ. соч. — С. 47–50; **Мукимджанова Р.М.** Пакистан и империалистические державы. 70-е — начало 80-х годов. — С. 93–94;

156 Подробнее см.: Там же. — С. 82–84; **Malik H.** Op. cit. — P. 243–244.

157 См., например: Ислам в современной политике Востока. — М., 1986. — С. 178–189.

158 **Мукимджанова Р.М.** Пакистан и империалистические державы. 70-е — начало 80-х годов. — С. 105; **Malik H.** Op. cit. — P. 271.

159 **Bhutto B.** Op. cit. — P. 174.

160 Вовлеченность США, их спецслужб, в первую очередь ЦРУ, возглавлявшегося директором У. Кейси, выявляется, в частности, в книге бывшего руководителя афганского бюро Межвойсковой разведки (Inter-Services Intelligence, ICI) бригадира М. Юсуфа, написанной им при содействии майора М. Эдкина (см.: **Yousaf M. and Adkin M.** Afghanistan. The Bear Trap. The Defeat of the Superpower. — Barnsley, Leo Cooper, 2001. — P. 78–112).

161 **Мукимджанова Р.** Внешняя политика Пакистана в начале 80-х годов // Восток и современность. Научно-информационный бюллетень ИВ АН. — М., 1981. — С. 60–61; **Солтановский И.Д.** «Афганский фактор» во внутренней и внешней политике военной администрации Пакистана (1978–1982 гг.). Дисс. на соиск. уч. ст. ист. наук. — М., 1983. — С. 91–92.

162 Подробнее см.: **Мукимджанова Р.** Внешняя политика Пакистана в начале 80-х годов. — С. 53–67.

163 **Солтановский И.Д.** «Афганский фактор» во внутренней и внешней политике военной администрации Пакистана (1978–1992 гг.). — С. 118–120.

164 Там же. — С. 106; **Мукимджанова Р.** Внешняя политика Пакистана в начале 80-х годов. — С. 64–65, 165.

165 Там же. — С. 61–66.

- 166 **Wirsing R.G.** India, Pakistan, and the Kashmir Dispute. On Regional Conflict and Its Resolution. — L., Macmillan, 1994. — P. 78.
- 167 Эти опасения нашли отражение, в частности, в книге индийского публициста и издателя В.Д. Чопра (см.: **Chopra V.D.** Genesis of Indo-Pakistan Conflict on Kashmir. — New Delhi, Patriot, 1990. — P. 138–141.
- 168 **Солтановский И.Д.** «Афганский фактор» во внутренней и внешней политике военной администрации Пакистана (1978–1982 гг.). — С. 107, 113–116.
- 169 **Журавлева Е.С.** и **Кочетов В.П.** Указ. соч. — С. 20–21.
- 170 **Мукимджанова Р.М.** Пакистан и империалистические державы. 70-е — начало 80-х годов. — С. 138; **Мукимджанова Р.** Внешняя политика Пакистана в начале 80-х годов. — С. 55, 67.
- 171 **Bhutto B.** Op. cit. — P. 170–201.
- 172 См., например: **Monshipouri M.** and **Samuel A.** Development and Democracy in Pakistan: Tenuous or Plausible Nexus? // Asian Survey. — Vol. 35. — Berkeley, 1995. — N. 11. — P. 987 et al.
- 173 **Yousaf M.** and **Adkin M.** Op. cit. — P. 28.
- 174 Ibid. — P. 189–206.
- 175 См. подробно: **Harrison S.S.** and **Cordoves D.** Op. cit. — P. 80–88.
- 176 **Yousaf M.** and **Adkin M.** Op. cit. — P. 29, 62–63, 235.
- 177 См., например: **Бельский А.Г., Фурман Д.Е.** Сикхи и индусы. Религия, политика и терроризм. — М., Наука, 1992. — С. 86–89.
- 178 См.: **Chopra V.D.** Op. cit. — P. 112–113; **Лунев С.И.** Дипломатия в Южной Азии. — М., 1993. — С. 29.
- 179 Цит. по: Ibid. — P. 112.
- 180 Американский исследователь спора между Индией и Пакистаном вокруг Кашмира Р. Вэрсинг отмечает противоречивую позицию по этому вопросу Исламабада в период с 1972 по 1983–1984 гг. Он подчеркивает, что и З.А. Бхутто, и М. Зия уль-Хак стремились утвердить свой контроль над Азад Кашмиром и северными территориями, придавая им формальную, конституционно-юридическую связь с Пакистаном, но воздерживались от того, чтобы предложить Индии окончательное решение путем раздела Каш-мира (**Wirsing R.G.** Op. cit. — P. 65–66). По поводу конституционной привязки Азад Кашмира к Пакистану в начале 70-х годов см.: **Андреев Н.** Политическое развитие Азад Кашмира (1970–1973 гг.) — Специальный бюллетень ИВ АН. — М., 1975. — № 8 (171). — С. 161–176.
- 181 На связь между подъемом мусульманских настроений в долине Каш-мира и ростом исламского фактора в мировой и региональной политике обращает внимание А. Лэмб. Он же отмечает значение для развития событий того факта, что предки иранского духовного лидера имама Хомейни были выходцами из Кашмира. (**Lamb A.** Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. — P. 332–333).
- 182 О визите И. Ганди в Вашингтон см., в частности: **Лунев С.И.** Индия и США. Межгосударственные отношения. — М., 1987. — С. 124–126; **Limaye S.P.** US — Indian Relations: The Pursuit of Accomodation. — Boulder, 1993.
- 183 **Wirsing R.G.** Op. cit. — P. 73; **Lamb A.** Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. — P. 338–339. Следствием боев за ледник Сиачин стало решение индийского правительства приобрести усовершенствованное артилле-

рийское вооружение (гаубицы) у шведской фирмы «Бофорс». Скандал, развернувшийся по поводу этой сделки, способствовал поражению на выборах 1989 г. конгрессистского правительства Р. Ганди (**Lamb A.** Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. — Р. 341; Политическая история государств Азии и Северной Африки. — М., 1996. — С. 228).

184 **Мукимджанова Р.** Основные черты внешнеполитического курса правительства Пакистанской народной партии // Специальный бюллетень ИВ АН. — М., 1991. — № 3. — С. 84; Детальное освещение шести раундов переговоров между официальными представителями Индии и Пакистана, проводившимися в 1985–1992 гг. и закончившимися безрезультатно см.: **Wirsing R.G.** Op. cit. — Р. 195–216, 250–253.

185 **Malik H.** Op. cit. — Р. 248.

186 Согласно одной версии, которую приводит Х. Малик, госсекретарь США Г. Киссинджер, отчаявшись склонить З.А. Бхутто к отказу от планов по созданию «исламской бомбы», в сердцах сказал ему: «Мы сделаем из Вас страшный пример». Ibid. — Р. 249.

187 О поправке Пресслера см.: Pakistan. A Country Study. — Wash., 1995. — Р. 72. В связи с подвижками в политике СССР по отношению к Афганистану под угрозой оказалась программа американской военно-экономической помощи Пакистану (4 млрд. долл. в течение 1988–1993 гг.) Зимой 1987/88 г. ее предоставление было прервано после того, как президент Рейган отказался удостоверить перед Конгрессом, что Пакистан «не делает атомную бомбу», как того требовали поправки Саймингтона и Пресслера. Как отмечает К. Эллис, лишь учет того обстоятельства, что переговоры по Афганистану достигли критической точки, заставил администрацию США в январе 1988 г. дать такое заверение. Санкция была, таким образом, отложена до осени 1990 г. **Ellis K.C.** Pakistan's Foreign Policy: Alternating Approaches — in: Dilemmas of National Security and Cooperation in India and Pakistan. — N.Y., 1993. — Р. 145.

188 **Subrahmanyam K.** Capping, Managing, or Eliminating Nuclear Weapons? // South Asia After the Cold War. International Perspectives. — Boulder, 1993. — Р. 181.

189 По мнению некоторых обозревателей и аналитиков, Индия и Пакистан в январе 1987 г. находились очень близко к состоянию полномасштабной войны. В индийских маневрах под кодовым названием «Brass Tacks» (твердая линия) участвовали сотни тысяч военных. Пакистан в ответ привел в готовность свои войска (см.: **Лунев С.И.** Дипломатия в Южной Азии. — С. 29–30; **Wirsing R.G.** Op. cit. — Р. 198–199).

190 **Arif K.M.** Op. cit.

191 **Rizvi H.-A.** Regional Nuclear Proliferation: Problems and Prospects // South Asia After the Cold War. — Р. 212.

192 **Wirsing R.G.** Op. cit. — Р. 320.

193 См., например: **Cheema P.I.** The Future of Conflict in South Asia: The India-Pakistan Dimension // South Asia After the Cold War. — Р. 146; **Muni S.D., Muni A.** Regional Cooperation in South Asia. — New Delhi, 1984. — Р. 8, et. al.

194 О пакистано-иранских трениях периода пребывания у власти З.А. Бхутто и шаха Мухаммада Реза Пехлеви см.: **Мукимджанова Р.М.** Пакистан и империалистические державы. 70-е — начало 80-х годов. — С. 85–90.

195 Подробнее см.: **Морозова М.Ю.** Проблема шиитской общины в Пакистане // Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. — М., 1982. — С. 144–157.

196 **Calabrese J.** The Struggle for Security: New and Familiar Patterns in Iran-Pakistan Relations // JSAMES. — Villanova. — 1997. — № 1. — P. 72–73.

197 Частные переводы от пакистанцев, работающих за рубежом, главным образом в государствах Аравийского полуострова и Персидского залива, превысили в 1982/83 фин. г. 3 млрд. долл. (Pakistan Economic Survey 1982–1983. — Islamabad, 1983. — P. 56). Данные об эмиграции на Ближний и Средний Восток см., например: «Arab Times». — 1982. — Febr. 2; Pakistan and Gulf Economist. — Karachi. — 1983. — Dec. 12. — P. 1–13; Ibid. —

1984. — Jan. 28. — P. 23; Dawn. — Karachi. — 1985. — Sept. 4. Вопросы экспорта рабочей силы подробно рассмотрены: **Жмуйда И.В.** Пакистан. Внутренние и внешние факторы экономического развития (70–80-е гг.). — М., 1988. — С. 133–150.

198 **Rashid J.** Pakistan and the Central Command — Middle East Report. — N.Y. — 1981. — № 4. — P. 28, 30; Mainstream. — New Delhi. — 1984. — Febr. 11. — P. 31.

199 **Cohen S.P., Weinbaum M.** Pakistan in 1981 // «Asian Survey». — 1982. — N 2. — P. 143.

200 См., например: **Спольников В.Н.** Афганистан. Исламская оппозиция. Истоки и цели. — М., 1990. — С. 54, 57.

201 Подробнее об Организации экономического сотрудничества см.: Интеграционные процессы в Азии в конце XX столетия. — М., 1995. — С. 64–100; **Иванова И.Н.** От РСР к ОЭС // Межгосударственные региональные организации Азии в международных отношениях. — М., 1991. — С. 63–85.

202 **Calabrese J.** Op. cit. — P. 77–78.

203 Об организации «Шоале Джавид» с ее ориентацией на КНР см.: **Булатов Ю.А.** Хальк и Парчам: основные этапы борьбы за завоевание политической власти в Афганистане. — М., 1997. — С. 155–163.

204 South Asia After the Cold War. — P. 7; **Gordon S.** India's Rise to Power. Op. cit. — P. 300.

205 **Cordovez D., Harrison S.S.** Op. cit. — P. 258–260; **Arif K.M.** Op. cit. — P. 324–325.

206 Характерно, что «правая рука» М. Зия уль-Хака в 1977–1986 гг. генерал Х.М. Ариф, задаваясь вопросом, кто мог быть организатором диверсионного акта, повлекшего гибель диктатора-президента, склоняется к тому, чтобы считать наиболее вероятными виновниками спецслужбы США, хотя в катастрофе и погибли американский посол и еще один дипломат США.

Его версия основывается на предположительной незаинтересованности США в дальнейшем пребывании у власти в Пакистане Зия уль-Хака и подтверждается тем, что у американских криминалистических структур, разбиравшихся в причинах аварии, по его мнению, отсутствовало желание проводить тщательное расследование. (**Arif K.M.** Op. cit. — P. 408–409.) В книге другого генерала, Ф.А. Чисhti, названы 12 государственных структур, политических групп и организаций, заинтересованных в убийстве Зия уль-Хака и среди них также фигурируют США. (**Chishti F.A.** Op. cit. — P. 169–170).

207 **Москаленко В.** Конституционно-парламентское правление в Пакистане //

Специальный бюллетень ИВ АН. — 1991. — № 3. — С. 3–11.

208 Там же. — С. 12.

Перспективы и проблемы сотрудничества в Южной Азии

Возникновение организации сотрудничества стран Южной Азии относится ко второму крупному этапу в геополитическом развитии региона, наступившему после индо-пакистанской войны 1971 г. и образования Бангладеш. Это вовсе не означает, что в первую четверть века после ликвидации Британской империи в Индии в отношениях между новыми независимыми государствами, образовавшимися на ее месте, не содержались элементы взаимодействия. Без них не было бы возможно разрешение и предупреждение конфликтов. Но отличием первого периода нужно считать то, что кооперация осуществлялась лишь на двусторонней основе.

Главными для Южной Азии в тот период были взаимоотношения двух государств — наследников Британской Индии — Индийского Союза и Пакистана. Наряду с вооруженными конфликтами 1947–1948, 1965 и 1971 гг. (в 1965 г. произошли два столкновения — по поводу принадлежности Качского Ранна и Кашмира) стороны заключали важные соглашения — о разделе финансовых и материальных ресурсов, уточнении границ и разрешении спорных пограничных вопросов, о собственности беженцев и судьбе покинутой ими недвижимости, возвращении и реабилитации насильственно удерживаемых (касалось главным образом женщин и детей), распределении воды для орошения между разделенными частями Пенджаба и т.п.¹). На фоне многочисленных документов, согласованных и подписанных представителями двух государств в 1948–1964 гг., выделяются два договора, заключенные на высшем уровне. Первый из них — это уже упоминавшийся Пакт Неру—Лиакат. Он был подписан в апреле 1950 г. в Дели премьер-министрами Джавахарлалом Неру и Лиакат Али-ханом в целях решения проблемы статуса религиозных меньшинств. Второй Договор о разделе вод бассейна р. Инд (сентябрь 1960 г.) положил начало осуществлению международного проекта полномасштабного разделения ирригационных систем двух государств². К этому списку важнейших договоров, разумеется, надо добавить два двусторонних соглашения, заключенных после воен-

ных столкновений 1965 и 1971 гг. — Ташкентское (1966 г.) и Симлское (1972 г.).

Помимо индо-пакистанских на первом этапе подписывались и иные по составу участников двусторонние договоры. Их заключала Индия со своими пригималайскими соседями — королевствами Непал (1950 г.) и Бутан (1949 г.) и княжеством Сикким (1949 г.) Цель и смысл всех трех соглашений состояли в подтверждении установившегося при англичанах особо тесного характера отношений между властями Дели и этих государственных образований. Договор о дружбе и мире с Непалом и «о вечной дружбе» с Бутаном (последний устанавливал протекторат Индии во внешних сношениях), с первым — раньше, а со вторым — позже, привели к утверждению их самостоятельности как субъектов международного права. Действие договора с Сиккимом прекратилось в 1975 г. с присоединением его к Индии в качестве штата³.

Необходимость в двусторонних соглашениях между Индией и Цейлоном (с 1972 г. — Шри-Ланкой) вытекала из проблем пребывания сотен тысяч индийцев на острове и пресечения нелегальной эмиграции. Вывезенные для работы на плантациях рабочие-тамилы по цейлонским законам, принятым в 1948 и 1949 гг., не получали прав гражданства и подлежали репатриации. В 1954 и 1964 гг. главами правительств двух стран подписывались соглашения, предусматривавшие механизм решения проблем натурализации части индийцев, репатриации остальных и недопущения дальнейшей иммиграции⁴.

Усложнение геополитической структуры региона после 1971 г., ее преобразование из по преимуществу биполярной в многополярную рано или поздно должны были привести к появлению многосторонних связей в рамках Южной Азии. С учреждением в 1985 г. Ассоциации регионального сотрудничества семи государств региона (Индии, Пакистана, Бангладеш, Шри-Ланки, Непала, Бутана и Мальдивской Республики) двустороннее сотрудничество дополнилось межгосударственным многосторонним взаимодействием.

Наибольшую заинтересованность в нем проявили руководители малых и средних государств. Они тяготились односторонней зависимостью от Индии, отчасти сложившейся вполне объективно вследствие несопоставимости людского потенциала, географических реалий, экономических и геополитических масштабов. Частично же неравновесность в отношениях образовалась по субъективным причинам, особенно в течение периода, когда индийское правительство возглавляла Индира Ганди. Впервые, в 1977 г., о желательности региональных консулаций и взаимодействия заговорил король Непала Бирендра. Заметим, что его предложение 1975 г. о провозглашении Непала «зоной мира» Дели встретил в штыки и расценил как попытку по сути дезавуировать договор с Индией 1950 г., уста-

новив не менее тесные связи с КНР. Потерпев неудачу в стремлении утвердить независимость своего королевства с выходом за рамки Южноазиатского региона, Бирендра попробовал уравновесить силу Индии на региональной арене. Этот шаг не имел последствий, но в 1979 г. с похожей инициативой выступил президент Бангладеш генерал Зияур Рахман. Именно его считают «крестным отцом» СААРК (South Asian Association for Regional Cooperation).

Разосланное в 1980 г. письменное послание Зияур Рахмана главам государств и правительств стран региона, а также рабочие документы, разработанные МИД Бангладеш, положили начало конкретной дипломатической практике многосторонних контактов⁵. Хотя Индия и Пакистан поначалу отнеслись настороженно к инициативе «младших» по рангу государств, они не имели оснований для уклонения от участия в развернувшемся процессе. Более того, вскоре выявились позитивные для обоих региональных лидеров аспекты многостороннего взаимодействия. Индия заняла в нем положение «естественного» лидера, а Пакистан получил возможность играть роль «второй скрипки», балансируя ее превосходство в двусторонних отношениях мобилизацией поддержки других стран региона, имевших, как и он, свои «счета» с могущественным соседом.

В апреле 1981 г. в столице Шри-Ланки Коломбо состоялась первая встреча секретарей по иностранным делам (т.е. первых заместителей министра) государств «семерки». На ней были согласованы области сотрудничества, главным образом экономического, и утвержден принцип консенсуса (согласия всех) при принятии решений.

В 1981–1983 гг. прошли еще три подобные встречи в Катманду (Непал), Исламабаде (Пакистан) и Дакке (Бангладеш). В августе 1983 г. в столице Индии Дели состоялась первая встреча на уровне министров иностранных дел. На ней страны-участники объявили о начале деятельности Ассоциации регионального сотрудничества в Южной Азии, были приняты декларация и программа действий, создан постоянный комитет СААРК (South Asian Regional Cooperation).

Потребовались еще два года работы и две встречи министров иностранных дел, прежде чем в Дакке в декабре 1985 г. удалось провести первую конференцию на высшем уровне. Столица Бангладеш не случайно оказалась местом ее проведения — этим подчеркивались заслуги руководства Республики в процессе налаживания регионального сотрудничества. К тому же эта крупная по населению мусульманская страна оказалась удачным третьим, уравнивающим первые два, центром влияния в регионе. Участники Даккской встречи провозгласили создание Ассоциации регионального сотрудничества (аббревиатура СААРК уступила место СААРК), приняла Декларацию и Хартию. Число областей для сотрудничества и соответствующих комитетов по его развитию было увеличено с пяти до семи. Речь шла прежде всего об обмене информацией и опытом

в осуществлении проектов в сельскохозяйственной сфере, образовании и здравоохранении, науке и технике, а также о принятии конкретных мер по установлению гуманитарных контактов, развитию почтовой и телекоммуникационной связи. Было утверждено создание Совета министров иностранных дел и Секретариата СААРК (в Катманду), определялась периодичность встреч: на высшем уровне — раз в год, а министерского Совета — даже два раза в год⁶.

Последующую деятельность СААРК можно разделить на четыре периода — 1985–1988, 1989–1992, 1993–1999 и с конца 1999 по начало 2003 г. В течение первого из них удавалось в основном выполнять намеченную в Дакке программу действий и достаточно строго соблюдать регламент встреч и консультаций. Встречи на высшем уровне состоялись в 1986 г. — в Катманду, в 1987 г. — в Бангалоре (в Индии), а в 1988 г. — в Исламабаде.

Четвертый саммит в столице Пакистана, казалось, должен был стать началом нового этапа сотрудничества в регионе, учитывая, что он проходил в атмосфере ожиданий существенных положительных сдвигов в индо-пакистанских отношениях. Дело в том, что накануне встречи к власти в Исламабаде пришло новое правительство во главе с Беназир Бхутто. Впервые на такого рода форумах Пакистан был представлен не военно-бюрократическим режимом, а гражданским правительством, выбранным после проведенных в ноябре всеобщих выборов на партийной основе (третьих за всю историю страны). К тому же обе ведущие региональные державы возглавляли молодые политики нового поколения, которых объединяло известное сходство происхождения и судьбы. Раджив Ганди и Б. Бхутто были представителями характерных для политической культуры Южной Азии «династий» политических руководителей; он пережил гибель матери — премьер-министра, а она — казнь отца, свергнутого премьера. Еще одним, как представлялось, благоприятным обстоятельством служила международная обстановка в мире и в Азии — атмосфера окончания холодной войны, вывод регулярных частей СССР из Афганистана, улучшение отношений между Москвой и Пекином. В этой обстановке в том же декабре 1988 г. Р. Ганди посещает КНР и достигает прорыва к улучшению индийско-китайских отношений⁷.

Надеждам на новый качественный сдвиг в развитии южноазиатского регионального сотрудничества, однако, не суждено было сбыться, хотя в течение примерно года отношения между Индией и Пакистаном развивались в целом благоприятно. К концу 1989 г. обстановка в Индии претерпела изменения — Индийский национальный конгресс во главе с Р. Ганди потерпел поражение на выборах, а в штате Джамму и Кашмир (главным образом в Кашмирской долине) внутренняя ситуация обострилась из-за действий экстремистов и оппозиционных политических сил, а также недовольства населения. Это не могло не сказаться на индо-пакистанских отно-

шениях, достигших, как выше отмечалось, критических размеров в конце весны 1990 г. В Пакистане к тому же произошло ослабление позиций правительства Б. Бхутто, делившего контроль за деятельностью властных структур с президентом и руководством вооруженными силами. В августе 1990 г. президент страны Гулам Исхак-хан отправил правительство в отставку и назначил новые выборы в парламент.

Подвижки в индийско-ланкийских связях также негативно отразились на деятельности СААРК в течение выделенного нами второго периода ее существования. К 1989 г. правительство Шри-Ланки убедилось в бесперспективности дальнейшего пребывания индийских войск на своей территории (они, как отмечалось в предшествующих главах, были введены туда для урегулирования вопроса с тамильскими экстремистами по соглашению 1987 г.). Задержки с выполнением требования Коломбо об эвакуации регулярных частей индийских ВС обострили двусторонние отношения и привели к переносу запланированного пятого саммита СААРК из Коломбо в Мале (столицу Мальдивской Республики) и проведению лишь формальной однодневной встречи в Коломбо в июле 1991 г.⁸

Наступившая по существу пауза в деятельности СААРК продолжалась и дальше несмотря на некоторую стабилизацию обстановки в Индии, установившуюся вслед за приходом к власти по итогам выборов июня 1991 г. правительства ИНК во главе с П.В. Нарасимха Рао. В 1992 г. в Индии вновь возросла внутриполитическая напряженность вследствие роста влияния и активности коммуналистских сил. Это обстоятельство, а также сохранявшаяся острая ситуация в Кашмире не позволили улучшить обстановку для скоординированной межгосударственной деятельности в регионе. Имевшие место в конце 1992 — начале 1993 г. беспорядки и индусско-мусульманские погромы в связи с разрушением мечети Бабура в г. Айодхья заставили отложить намеченную на декабрь очередную конференцию СААРК в Дакке. Обострение межрелигиозной ситуации в Индии отрицательно сказалось более всего как раз на индийско-бангладешских связях, так как оно вызвало в Бангладеш протесты и столкновения на межобщинной почве. Лишь в апреле 1993 г. саммит в Дакке все же состоялся. Хотя сам по себе он не принес существенных результатов, им открылся третий период более ритмичной и продуктивной работы Организации.

На его протяжении незапланированных перебоев с созывами встреч на высшем уровне не наблюдалось. Проводились регулярные встречи на уровне министров иностранных дел (общее их число к 1999 г. достигло 21). В то же время общий климат для многостороннего сотрудничества оставался далеко не самым благоприятным. Характерно, что на восьмой встрече на высшем уровне в Дели в мае 1995 г. Пакистан представляла не премьер-министр Б. Бхутто

(к тому времени вновь возглавлявшая правительство), а президент Фарук Легхари. Натянутыми оставались в 1993–1996 гг. отношения у Индии с правительством Бангладеш во главе с другим лидером- женщиной — Халидой Зия.

В 1996–1997 гг. атмосфера улучшилась. Правительство ИНК в Дели сменило коалиционное правительство во главе с Деве Говда. После сложной политической борьбы и парламентских выборов к власти в Бангладеш в июне 1996 г. пришел кабинет во главе с до- черью Шейха Муджибур Рахмана (в свое время известного проиндийскими симпатиями) Хасиной Вазед. В декабре 1996 г. двум новым правительствам удалось разрешить водную проблему, возникшую в связи с сооружением Индией плотины Фаракка на одном из глав- ных рукавов в дельте Ганга⁹.

Разрешение долгое время осложнявшего индбангладешские отношения спора позволило Дели развернуть свою региональную дипломатию в сторону восточных и южных соседей по региону. В этом состояла одна из неявных целей провозглашенной осенью 1996 г. «доктрины Гуджрала», названной так по имени инициато- ра, тогдашнего министра иностранных дел, а с апреля 1997 г. — премьер-министра.

Доктрина официально предусматривала усилия по укреплению отношений со всеми странами региона, включая Пакистан, и уделяла большое внимание многосторонним связям в рамках СААРК. Однако некоторые ее особенности, такие как упор на взаимодействие в более узком составе четырех государств (Индия — Бангладеш — Непал — Бутан), заставляли предполагать намерения до некоторой степени изолировать Пакистан и отстраниться от него, поскольку на пути расширения сотрудничества с его участием стояла нерешенная проблема Кашмира (речь, впрочем, шла о проектах межтерритори- ального сотрудничества, ориентированных на развитие индийского северо-востока и прилегающих к нему географически государств, вместе образующих «четыреугольник роста»)¹⁰.

Индийская дипломатия в тот период особое внимание уделяла налаживанию контактов со странами АСЕАН, всей Юго-Восточ- ной Азии и бассейна Индийского океана в рамках новой политики «смотри на восток»¹¹. Особый интерес Дели привлекала внешне- политическая ориентация Мьянмы (Бирмы), поскольку эта страна служит, в определенной мере, геополитическим буфером между ней и Китаем. По традиционным геополитическим соображениям Дели проявлял заинтересованность в событиях в Афганистане. Показа- тельным, с точки зрения только что отмеченных обстоятельств, представляется его предложение расширить рамки СААРК за счет включения в нее Мьянмы и Афганистана.

Важным торгово-экономическим партнером для Индии среди стран АСЕАН, помимо Сингапура, стал Таиланд. В середине 90-х го-

дов он вышел на шестое место среди государств, инвестирующих капитал в индийскую экономику. Индия превратилась в полноправного партнера АСЕАН, была принята в члены его Регионального форума.

Характерно также стремление Индии и некоторых других стран региона, прежде всего расположенных в его восточном и южном сегментах, войти в торговые блоки со странами к востоку от субконтинента. В 1995 г. было заключено так называемое Бангкокское соглашение. Полное его название — Первое соглашение о торговых переговорах между развивающимися странами — членами Экономической и социальной комиссии по Азии и Тихому океану (штаб-квартира ЭСКАТО находится в столице Таиланда). Его подписали Индия, Бангладеш и Шри-Ланка, а также Республика Корея и Лаос¹². В конце 1998 г. в Дакке было объявлено о создании организации по экономическому сотрудничеству, состоящей из пяти стран — Бангладеш, Индии, Мьянмы, Шри-Ланки и Таиланда (БИМСТЭК)¹³.

«Дрейф» региона в сторону ЮВА и Тихого океана не остался незамеченным в Пакистане. Приход к власти там правительства Мусульманской лиги во главе с Наваз Шарифом в феврале 1997 г. создал условия для улучшения пакистано-индийских отношений, ввиду того что под такими лозунгами проходила предвыборная кампания победившей партии. Первая после длительного перерыва встреча дипломатов двух государств (на уровне первых заместителей министров иностранных дел) состоялась уже в марте того года. Для улучшения связей была использована также возможность, предоставленная очередной встречей лидеров СААРК в Мале в мае 1997 г. Состоявшиеся в ее ходе контакты между премьер-министрами Индер Кумаром Гуджралом и Наваз Шарифом носили подчеркнуто дружественный характер. Стороны договорились о возобновлении двусторонних переговоров по спорным проблемам, и летом — ранней осенью 1997 г. состоялось три тура консультаций на уровне секретарей по иностранным делам (первых заместителей министров). Затем, впрочем, они были прерваны в связи с отсутствием прогресса в кашмирском вопросе и обострившейся в августе—сентябре обстановкой на линии контроля в Кашмире (перестрелками и артиллерийскими дуэлями в северном секторе Каргил).

В начале 1998 г. в Индии состоялись внеочередные выборы в центральный парламент, завершившиеся победой коалиции во главе с Бхаратия джаната парти (БДП). Последняя с конца 80-х годов превратилась в альтернативную Конгрессу общенациональную политическую силу, которая опирается на идеологию культурно-религиозного национализма и имеет тесные связи с коммуналистскими организациями¹⁴. Одним из предвыборных обещаний БДП было превращение Индии в ядерную державу. Санкционированные Дели испытания пяти ядерных устройств в мае 1998 г. были выполнением данных избирателям заверений.

Десятая встреча глав государств и правительств стран — членов СААРК проходила в Коломбо в июле 1998 г. уже после проведения атомных взрывов Индией, а вслед за ней (в конце мая) и Пакистаном. Личная встреча премьер-министров Индии и Пакистана А.Б. Ваджапайи и Н. Шарифа не принесла заметных позитивных результатов и была использована руководством обеих стран в пропагандистских целях. Вместе с тем саммит в Коломбо показал, что, несмотря на проведенные незадолго до того ядерные испытания, у обоих государств есть желание не прерывать диалога. Участники встречи в Коломбо подписали развернутую Декларацию, где выражали стремление поддерживать курс на региональную кооперацию¹⁵.

Таким образом, одним из важных результатов создания и функционирования южноазиатской региональной организации нужно считать то, что она служит форумом для возможного неформального (вне официальной программы) обсуждения и поиска средств разрешения проблем, возникающих между государствами-участниками, прежде всего ведущими в военно-техническом отношении региональными державами. Нет сомнения, что без СААРК такого рода контакты были бы более затруднительными.

Это подтвердилось в дальнейшем, хотя с наступлением последнего текущего периода в истории Ассоциации отношения между Индией и Пакистаном резко обострились. Ему предшествовала четвертая война между ними, Каргильский конфликт в Кашмире, а также два других события, произошедшие в странах-антагонистах. На осенних внеочередных выборах 1999 г. в Индии уверенную победу одержала коалиция партий во главе с БДП, получившая мандат на правление в течение следующих пяти лет. Почти одновременно в Пакистане произошел бескровный военный переворот, и администрацию возглавил очень непопулярный в Индии генерал П. Мушарраф. Контакты между правительствами двух государств на время почти полностью прекратились. Это не замедлило сказаться на деятельности СААРК. Намеченный на декабрь того года саммит в Катманду был отложен на неопределенный срок. В 2000 г. не состоялось ни одной встречи организации на министерском уровне. Только в 2001 г. после некоторого ослабления взаимного отчуждения прошла встреча министров иностранных дел по вопросам торговли. В январе 2002 г. в Катманду, наконец, состоялась одиннадцатая конференция в верхах, но попытки использовать ее для улучшения отношений между Дели и Исламабадом ни к чему не привели. Впрочем, после встречи в верхах состоялись еще два министерских совещания, но намеченная на январь 2003 г. в Исламабаде двенадцатая конференция вновь не состоялась.

Таким образом, последний период можно считать наиболее кризисным в истории СААРК. Посмотрим, с какими итогами подошла Организация к этому рубежу, какой вклад внесла в решение тех проб-

лем, ради которых создавалась. Речь идет главным образом о кооперации между странами региона в решении общих для них вопросов экономического, научно-технического, социального и культурного развития, а также углубления взаимопонимания между общественностью, расширения человеческих контактов и взаимной торговли.

Сразу надо отметить, что ей удалось добиться лишь весьма небольших результатов и проявляются они по большей части в сфере бюрократической активности. Так, число технических комитетов по сотрудничеству в различных областях выросло с 7 до 14. Они организовали обмен разнообразной информацией и накопленным опытом. В центре внимания СААРК закономерно оказался комплекс вопросов, связанных с повышением уровня и качества жизни населения, развитием сельского хозяйства и сельских районов, а также телекоммуникаций и транспорта, науки и техники, культуры, туризма и спорта.

Ориентации на борьбу с социальными язвами служило проведение мероприятий, посвященных той или иной проблеме. В 1989 г. Ассоциация организовала год борьбы с наркоманией. В 1993 г. по инициативе Пакистана был проведен год «помощи инвалидам, нуждающейся молодежи и женщинам», а в 1995 г. по предложению Индии — «год СААРК по борьбе с нищетой».

Все эти проблемы до некоторой степени периферийны для государств и в то же время крайне существенны с общественной точки зрения. Естественно поэтому, что контакты между представителями ведомств (бюрократии) дополняются встречами специалистов и профессионалов (интеллигенции), что в целом способствует улучшению обстановки, в которой формируется основной поток межгосударственных решений.

Помимо, можно сказать, «бумажных» и эмоциональных результатов в рамках СААРК удалось добиться некоторых, правда весьма скромных, «материальных» результатов. Так, в ее рамках действует одно медицинское учреждение (туберкулезный институт), имеется фонд региональных проектов с уставным капиталом в 5 млн. долл., проведена работа по подготовке кадров в сфере здравоохранения и сельского хозяйства и т.п. В столицах разных государств действуют пять региональных центров (по борьбе с туберкулезом, метеорологии, человеческим ресурсам, сельскохозяйственной информации и вопросам документации)¹⁶.

Наиболее широковетистой из программ сотрудничества является проект создания общего регионального рынка, предусматривающий принятие мер по увеличению взаимной торговли. В апреле 1993 г. на саммите в Дакке было одобрено рамочное Соглашение стран Южной Азии о торговых преференциях (САПТА). Представленное общественности как шаг в направлении формирования «южноазиатского общего рынка», оно на деле мало что меняло в

торговых взаимоотношениях государств региона. Длительный процесс ратификации этого соглашения странами-участницами, а также узость сектора торговли, на который оно реально воздействует, привели к переключению внимания на другой, более амбициозный план образования в Южной Азии Зоны свободной торговли (САФТА). К 1998 г. были определены даже сроки ее «инаугурации» — 2001 г. Однако реальность выполнения такого рода проектов вызывает большие сомнения¹⁷.

Для развития торговли между странами региона имеются серьезные объективные ограничители. Главным из них нужно полагать низкую взаимодополняемость экономик, их базовую однотипность с преобладанием сельского хозяйства и промышленности, обрабатывающей сельскохозяйственное сырье. Модель импортозамещающей индустриализации, по которой шло развитие по существу всех крупных народнохозяйственных комплексов региона, обусловила воспроизводство их однородности и изолированности друг от друга. Сходство набора природных ресурсов, в том числе полезных ископаемых, также не создает условий для широкого товарообмена. Отсутствие свободных капиталов и условий для их выгодного применения из-за малой разницы в цене и эффективности рабочей силы в свою очередь сужает базу экономического взаимодействия. В том же направлении действует и техническая однородность.

Впрочем, за последние десятилетия сложился определенный перепад в уровне технико-экономической развитости Индии и соседних с ней государств. Благодаря технологическим заимствованиям в ряде базовых отраслей промышленности и инфраструктуры Индия сумела наладить высокoeffективные производства в военно-промышленной сфере, а также обслуживающей ее «большой науке». Заметных успехов в 90-х годах она добилась также в серийном изготовлении программного обеспечения для компьютеров, в электронике и некоторых других отраслях. Увеличение разности потенциалов может со временем привести к формированию экономических условий для органичной региональной кооперации.

Но в конце XX — начале XXI века сложилось еще мало благоприятных для этого объективных обстоятельств. Региональный торговый обмен на протяжении первых послеколониальных десятилетий имел тенденцию к снижению. В 1970 г. он составил 3,2% от общего экспорта, в 1980 и 1985 гг. — соответственно 4,8 и 4,5%, а в начале 90-х годов 3,2–3,8%. В середине 90-х годов имело место некоторое увеличение удельного веса официально регистрируемого вывоза товаров странами Южной Азии своим соседям по региону (4,3–4,4%)¹⁸. При этом надо иметь в виду, что 60–70% торговли такого государства, как Непал и 80–90% товарооборота Бутана замыкается на Индию. Непал, Бутан и Мальдивы пользуются режимом свободной торговли с Индией. В 90-х годах Шри-Ланка приступила

к либерализации импорта и договорилась с Индией о режиме свободной торговли. Отсутствие тарифных и количественных ограничений на торговлю выгодно как более сильной индийской экономике, так и экспортерам (и государственным ведомствам) малых стран. Иначе обстоит дело с Бангладеш и Пакистаном. В обоих государствах имеются отрасли, производящие потребительские товары одного типа с теми, что в неизмеримо большем количестве изготавливают в Индии. Экономия масштаба, а также фактор более низкой, чем в Пакистане и Бангладеш, стоимости рабочей силы делают индийские товары более конкурентоспособными. Правительства этих стран опасаются тяжелых последствий беспрепятственного ввоза индийской продукции для своих производителей. Чреватым для них представляется и замена прямых ограничений на индийский импорт льготными, преференциальными тарифами. Показательно в связи с этим, что Индия в 1995 г. предоставила Пакистану статус наибольшего благоприятствования в торговле, а тот в ответ не сделал аналогичного шага, продолжая изучать его возможность.

Определенным уроком для Пакистана служит опыт 1976 г., когда он «приоткрыл дверь» для ввоза индийских товаров. Решение тогдашнего правительства страны было в штыки встречено представителями бизнеса, особенно в провинции Пенджаб, где появление индийских товаров (мотоциклов-скутеров, электробытовых изделий, механического и электрооборудования) вызвало обостренную конкуренцию. Правительству З.А. Бхутто пришлось в скором времени отступить, вернувшись к практике торговли между двумя странами через посредничество государственных торговых компаний¹⁹.

Ограничение взаимной торговли в основном государственными каналами способствует росту нелегального, контрабандного товаропотока. По оценкам, «черный» товарооборот между Индией и Пакистаном в 20–30 раз превосходит легальный (2–3 млрд. против 100–150 млн. долл.)²⁰. Список товаров, обмениваемых «поверх границы», достаточно велик: здесь и местная — прежде всего индийская, продукция — кинофильмы и видеофильмы, музыкальные кассеты, и привезенная из «третьих стран», прежде всего Сянган (Гонконга), бытовая техника, фото- и киноаппаратура, часы и т.п. Из Пакистана в Индию на протяжении десятилетий в значительных количествах ввозились мясо и другие продукты животноводства. С конца 70-х годов резко выросли масштабы перевоза наркотиков. Через Индию проходит один из основных каналов вывоза производимого в Афганистане и Пакистане гашиша и опиума²¹.

Таким образом, данные об официальном, регистрируемом таможенной товарообороте многократно преуменьшают подлинные размеры индийско-пакистанской торговли. Однако существо «подпольного» товарооборота таково, что оно вряд ли может свидетельствовать о перспективах возможного легального торгового бизнеса. Сохране-

ние и увеличение контрабандной торговли скорее говорит об обратном — и в той, и в другой стране существуют лоббистские фракции («группы интересов»), стремящиеся помешать нормализации двусторонних связей в торговой области. Расширение каналов легальной торговли способно помешать извлечению частным капиталом «черной» прибыли. Бьет это и по интересам коррумпированных чиновников.

Общий вывод, который можно сделать о перспективах регионального экономического и культурного сотрудничества, сводится к тому, что при наличии определенных возможностей оно наталкивается на ряд серьезных ограничителей. К вышеперечисленным следует добавить общий социально-психологический и внутривластный климат в странах региона.

В Индии тревогу вызывает усиление роли армии в политической жизни Пакистана и принятии наиболее важных внешнеполитических решений. Проведение в октябре 2002 г. выборов в парламент не изменило, как считают в Индии, суть и характер пакистанского политического режима. Прежними остались и цели его внешней региональной политики, направленной на дестабилизацию положения в индийском Кашмире и подрыв позиций индийского государства как внутри страны, так и по всему периметру ее границ. Дели обвиняет пакистанскую межвойсковую разведку в прямом пособничестве террористам и кашмирским экстремистам, а также в том, что эта служба действует через свою агентуру в Бангладеш и Непале.

Такого рода настроения в Индии мало способствуют сплочению Ассоциации, где главными действующими лицами помимо нее остается Пакистан.

В соседних с Индией государствах ситуация для укрепления сотрудничества также не из лучших. С приходом к власти в Бангладеш после выборов осенью 2001 г. Националистической партии, выступавшей в союзе с двумя исламскими организациями, наступило охлаждение в бангладешско-индийских отношениях. Сложная внутривластная ситуация, усугубившаяся сменой монарха в Непале летом того же года, также неблагоприятно воздействует на региональную обстановку. Озабоченность соседей вызывают и некоторые процессы в Индии, прежде всего проявления межобщинной розни. Охватившие западный штат Гуджрат в 2002 г. индуско-мусульманские столкновения привели к гибели свыше 1 тыс. человек.

Страх и опасения в Пакистане и других соседних с Индией странах вызывают также продолжающаяся программа модернизации ее вооруженных сил, равно как и растущий отрыв от соседей по ряду показателей в сфере «большой науки» и передовой технологии. Ее превращение в националистическое, мощное в военно-экономическом плане государство способно принципиально изменить ситуацию в регионе. Противостоять этим тенденциям в одиночку или

даже сообща на региональном уровне эти страны не могут и поэтому не исключено, что в Южноазиатском регионе усилятся центробежные тенденции и под вопрос будет поставлено само существование скольнибудь реального регионального единства.

В то же время утверждение умеренно-националистических и демократических тенденций в индийской политике может существенно разрядить обстановку в Южной Азии и создать условия для укрепления регионального взаимодействия. На базе последнего вероятно постепенное формирование объединения стран (всех или большей части) вокруг Индии при сохранении определенной дистанции в отношениях с ней и противовесов в виде ориентации на внерегиональные державы и различные по составу участников торговые блоки и сообщества государств.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

¹ См: Хроника переговоров и соглашений между Индией и Пакистаном с августа 1947 г. по май 1964 г. // **Насенко Ю.П.** Дж. Неру и внешняя политика Индии. — Приложение 1. — М., 1975. — С. 360–364.

² **Ярковая С.С.** Проблема раздела вод Инда между Индией и Пакистаном // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. — М., 1970. — С. 284.

³ Подр. см.: **Празаускас А.А.** Сикким: 22-й штат Индии. — М., 1980.

⁴ Подр. см.: **Супрунович Б.П.** Индийские тамилы на Цейлоне // Страны и народы Востока. — Вып. XXII. — М., 1972.

⁵ Интеграционные процессы в Азии в конце XX столетия. — М., 1995. — С. 47–48.

⁶ Подробнее см.: Там же. — С. 48–55.

⁷ *Dilemmas of National Security and Cooperation in India and Pakistan.* — N.Y., 1993. — P. 68.

⁸ **Murthi P.** Pakistan and SAARC // *Strategic Analysis.* — Delhi. — 1999. — Jan. — P. 1541.

⁹ **Dixit A.** SAARC: Toward Greater Cooperation // *Strategic Analysis.* — Delhi. — 1997. — July. — P. 575.

¹⁰ *Ibid.* — P. 577.

¹¹ **Muni S.D.** The Emerging Cold War in Asia: India's Options // *Strategic Analysis.* — Delhi. — 1997. — March. — P. 1607.

¹² *World Development Indicators.* World Bank. — Wash., 1998. — P. 329.

¹³ Страны мира. Справочник. — М., 1999. — С. 37.; **Тамилин А.** Создан союз пяти государств // Независимая газета. — 1999.—15 янв.

¹⁴ О феномене культурно-религиозного национализма см.: **Куценков А.А.** Демократический процесс и традиционная культура // Индия: достижения и проблемы. — М., 2002. О подъеме индуистского национализма см. например: **Jaffrelot Ch.** *The Hindu Nationalist Movement and Indian Politics, 1925 to the 1990s.* — L., 1996.

- 15 **Hussain R.** The Colombo Summit: a review // The News. — Lahore. — 1998. — Aug. 2.
- 16 Интеграционные процессы в Азии в конце XX столетия. — С. 60–61.
- 17 **Sahay A.K.** SAARC. Moving Towrds Sub-regional Cooperation // Asian Affairs. — New Delhi. — 1998. — Aug. — P. 13–15.
- 18 World Development Indicators. World Bank. — P. 327.
- 19 **Muni S.D., Muni A.** Regional Cooperation in South Asia. — New Delhi, 1984. — P. 69, 73–74.
- 20 **Яковлев Ю.Д.** Особенности экономического развития и внешнеэко- номические связи Пакистана в 90-е годы. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. эк. наук. — М., 1998. — С. 98–99.
- 21 **Jetly N.** Ethno-Nationalism, Cross Border Ramicifations, Dynamics of Regional Cooperation in South Asia // Strategic Analysis. — Delhi. — 1997. — Oct. — P. 981.

Спор о принадлежности Кашмира: у истоков проблемы

Проблема Кашмира в отношениях между Индией и Пакистаном вот уже в течение пяти десятилетий остается наиболее острой, застарелой и трудно разрешимой конфликтной ситуацией в регионе Южной Азии. Ее основу составляет несовместимость подходов к решению судьбы Кашмира со стороны секуляристской Индии и мусульманского Пакистана, для которого раздел Британской Индии базировался на религиозном принципе, на «теории двух наций». Этот по существу идеологический конфликт на практике вылился в территориальный спор между Индией и Пакистаном относительно штата Джамму и Кашмир. Она уже стала причиной четырех (или «трех с половиной») войн — 1947–1948, 1965, 1971 и 1999 гг., и постоянное состояние напряженности, взаимной подозрительности и взаимного недоверия двух ведущих стран региона создает ощущение, что субконтинент постоянно находится на грани возникновения нового вооруженного противостояния. Серьезную обеспокоенность вызывают террористические акты внутри Джамму и Кашмира, захват и убийство заложников, вооруженные столкновения и перестрелки вдоль индо-пакистанской границы.

Ощущение опасности, исходящей из Южной Азии, усугубляется еще и тем, что Индия и Пакистан сделали свой «ядерный выбор»: в середине мая 1998 г. Индия осуществила серию ядерных взрывов на известном полигоне Покхаран, а затем и Пакистан в конце мая последовал примеру своего соседа. Многие аналитики не без основания считают Южную Азию одним из наиболее взрывоопасных регионов мира, и именно спор вокруг Кашмира может стать источником нового вооруженного конфликта, способного перерасти в ядерный.

Ситуация в Кашмире и вокруг него возбуждает страсти и подогревает экстремистские настроения не только в Индии и Пакистане, но и в других странах с мусульманским населением, в том числе и в России с ее многочисленными последователями ислама, включая такие взрывоопасные зоны, как Чечня и Дагестан. Обстановка

в этом регионе серьезно осложнялась в связи с многолетним кровопролитием в Афганистане и длительной нестабильностью в Таджикистане. Ситуация в Кашмире затрагивает и интересы безопасности Китая, который, как считают в Индии, незаконно оккупирует часть территории штата Джамму и Кашмир в Ладакхе, в районе Аксай Чин. Через отдельные участки территории Ладакха осуществляются коммуникационные связи Китая с беспокойным Тибетом, да и усиление исламского экстремизма в китайском Синьцзяне (возможно, не без влияния из соседних Афганистана и Кашмира) также является серьезным фактором напряженности для пекинских властей.

Продолжается жесткое противостояние представителей Индии и Пакистана на международных форумах из-за обвинений со стороны Индии в незаконной, с ее точки зрения, оккупации Пакистаном части индийского штата Джамму и Кашмир, а со стороны Исламабада в адрес Индии — из-за установления в Джамму и Кашмире, с точки зрения Пакистана, жестокого оккупационного режима и массовых нарушений там прав человека, а также нежелания решить судьбу Кашмира путем плебисцита под международным контролем в соответствии с резолюциями ООН. Наконец, кашмирскими националистическими партиями и движениями, не без поддержки кашмирской диаспоры в странах Запада, высказывается идея превратить Кашмир в подобие «центральноазиатской Швейцарии», то есть провозгласить его независимость как от Индии, так и от Пакистана.

Уровень конфликтности в связи с Кашмиром зависит от целого комплекса не только страновых и региональных, но и глобальных факторов, анализ которых даст возможность не только реалистически оценить прошлое, но и попытаться прогнозировать дальнейшее развитие событий и определить поиски путей урегулирования ситуации вокруг Кашмира. Правда, для этого придется вернуться к событиям 50-летней давности, когда Индия и Пакистан лишь начинали различными путями и методами утверждать свою независимость и свое право на обладание Кашмирской долиной.

Необходимо сделать еще одно замечание. В 90-е годы, по-видимому, в связи с обострением ситуации внутри и вокруг Кашмира резко возрос интерес к этой проблеме ученых — историков и политологов. Опубликованы новые работы таких исследователей, как Алестер Лэмб и Роберт Вирсинг, коллективные и индивидуальные исследования индийских и пакистанских ученых, сборники документов и различной информации о Кашмире, подготовленные исследовательскими центрами Дели и Исламабада, пропагандистская литература, широко распространяемая посольствами двух стран, а также в кулуарах Комиссии ООН по правам человека¹. Естественно, что авторы, составители и редакторы этих изданий придерживаются различных, порой противоположных точек зрения

относительно истоков возникновения конфликта вокруг Кашмира и возможных путей его разрешения.

Попытаемся по мере возможности разобраться в хитросплетениях ситуации вокруг Кашмира и высказать свои соображения относительно возможных путей урегулирования этого многолетнего спора.

Расположенная в одном из самых живописных районов Центральной Азии территория Джамму и Кашмира занимает поистине уникальное геополитическое положение на стыке границ пяти государств: Индии, Пакистана, Китая, Афганистана и Таджикистана. Контроль над этим регионом имеет жизненно важное значение с точки зрения обеспечения безопасности границ и сохранения территориальной целостности Индии и Пакистана, остальных государств обширного региона Центральной Азии.

Имеющий древнюю историю, давший миру талантливых поэтов и писателей, художников, ученых и политиков, Кашмир традиционно привлекал к себе внимание и служил местом паломничества многочисленных туристов из Европы, Азии и Америки, которые наслаждались красотами кашмирской долины с ее прекрасно обработанными полями и уникальными садами, снежными горными вершинами и высокогорными озерами или известными зимними курортами Гималаев. Французский врач Франсуа Бернье еще в XVII веке назвал Кашмир «индийским раем»².

Территория бывшего княжества Джамму и Кашмир составляет более 222 тыс. кв. км. При этом около 84 тыс. кв. км этой площади (по другим данным — 97,5 тыс.) находятся под юрисдикцией Пакистана, а более 39 тыс. (42,7 тыс.) — Китая (район Ладакха Аксай Чин плюс территория, переданная Пакистаном КНР в соответствии с пограничным соглашением от 2 марта 1963 г.). В результате Индия фактически контролирует 99 тыс. кв. км (или 81,9 тыс.), включая «камень преткновения» спора, «изумруд, затерявшийся среди жемчужин»³ — кашмирскую долину со столицей штата Сринагаром.

Население Кашмира до раздела (1941 г.) составляло 4,02 млн. человек, из которых 77% являлись мусульманами, 20% — хинду, 3% — сикхи и др. По данным переписи 2001 г., население индийской части Кашмира составляет 10,06 млн. человек, из которых (по данным переписи 1981 г.) 64,2% — мусульмане, 32,25% — хинду, 2,23% — сикхи, а остальные — буддисты, христиане и джайны. Население «пакистанской» части Кашмира в 1981 г. — 1,98 млн. человек (по подсчетам на 2000 г. — 4,2 млн. человек), из которых 99,8% — мусульмане⁴.

Приблизительно такое же соотношение численности населения «индийской» и «пакистанской» частей Кашмира сохраняется и в начале XXI века (около 70 и 30% соответственно).

Вся территория Джамму и Кашмира делится на четыре области, отличающиеся друг от друга природными условиями, историческим

прошлым, национально-этническим и религиозным составом населения. Так, условно единое целое до раздела составляли индийская провинция Кашмир и находящийся сегодня под юрисдикцией Пакистана Азад Кашмир. Большинство населения здесь по языку — кашмирцы и панджабцы, по религии — мусульмане-сунниты, составляющие в индийском Кашмире более 92% населения, в Азад Каш- мире — около 99%. Далее, самая густонаселенная часть штата — Джамму, где индуисты составляют в среднем около 60%, мусульмане насчитывают около 40%, сикхи — около 3%. Третья часть — высокогорное малонаселенное плато Ладакх, где живут ладакхи, исповедующие буддизм ламаистского толка (они составляют около 54% жителей, остальные — мусульмане). Его территория частично находится под юрисдикцией Китая, где доля буддистов еще выше. Наконец, особое место занимают так называемые Северные территории, включающие в себя районы Гилгит, Балтистан и Диамер, площадью около 84,9 тыс. кв. км с населением (по расчетам на 2000 г.) — 1,10 млн. человек, находящиеся под управлением Пакистана. Население этих территорий на 90% — мусульмане, остальные — главным образом буддисты⁵.

В соответствии с «планом Маунтбеттена», обнародованным 3 июня 1947 г. и утвержденным британским парламентом в качестве Закона о независимости Индии, основным принципом раздела Британской Индии практически стал вопрос религиозной принадлежности населения различных районов страны. Территории с преобладающим индусским населением должны были стать частью Индии, с мусульманским — образовать новое государство — Пакистан.

Вот как пишет о ключевых проблемах этого периода известный английский историк Алестер Лэмб, работы которого неизменно привлекают далеко не однозначный интерес в двух ведущих странах Южной Азии. В опубликованной в 1994 г. работе «Происхождение трагедии: Кашмир 1947» среди основных проблем, которые доминировали в последние годы существования Британской Индии, он выделяет вопрос о том, могут ли части Британской Индии с жизнеспособным мусульманским большинством рассчитывать на независимое от доминирования индусов будущее, будь то институциональное или просто демографическое. Он отмечает далее, что Индийский национальный Конгресс — крупнейшая антиколониальная политическая сила страны — не ставил этого вопроса и заявлял (и заявляет до сего дня), что является секуляристской организацией (хотя, как известно, значительное большинство его сторонников — индуисты) и поэтому представляет интересы всех индийцев, независимо от их религиозной принадлежности. Конгрессу противостояла Мусульманская лига, придерживавшаяся коммуналистских взглядов на индийскую политику и утверждавшая, что мусульмане Индии обладают своей собственной национальной идентичностью⁶. Таким

образом, руководители будущего Пакистана, Мусульманская лига, опирались на «теорию двух наций» — индусской и мусульманской, которые, по их мнению, различаются по всем параметрам. Индия и ее правящая партия — Индийский национальный конгресс, учитывая, что реальной альтернативой могло быть либо сохранение британского господства, либо начало широкомасштабной гражданской войны на субконтиненте, вынуждены были согласиться с формулой раздела страны по религиозному принципу. Однако они исходили из «теории одной нации» и не признавали существование индусов и мусульман как двух наций. С точки зрения Индии, принятая схема раздела не должна была означать, что территории с преимущественным мусульманским населением во что бы то ни стало должны были отойти к Пакистану или что вопрос принадлежности той или иной территории должен решаться путем опросов, референдумов, плебисцита и т.д.

Расчленение единой хозяйственной структуры нанесло огромный ущерб экономике обеих частей страны. Раздел ее по религиозному признаку привел к трагическим столкновениям на религиозно-общинной почве, а взаимное переселение — индусов из Пакистана в Индию, и мусульман — из Индии в Пакистан — исчислялось 12–15 млн. человек. На многие десятилетия отношения между двумя странами омрачались памятью о той крови, которая пролилась в период раздела Индии, и это является одной из причин, по которой решение кашмирской проблемы еще и сегодня столь болезненно для обеих сторон.

Проблема раздела оказалась крайне сложной для определения судьбы многочисленных (около 600) княжеств, которые формально как бы не входили в состав Британской Индии. Решение о том, присоединиться к Индии или Пакистану или сохранять особый статус, должно было приниматься с учетом географического положения и интересов своих подданных, правителями самих княжеств. Вопрос религиозной принадлежности, конечно, должен был учитываться, но не быть определяющим при принятии окончательного решения.

«Планом Маунтбеттена» предусматривалось проведение референдумов в случаях, когда взаимоприемлемого решения вопроса достичь не удавалось. 30 сентября 1947 г. Дж. Неру писал, что готов принять любой результат референдума, если он будет действительно отражать пожелания большинства населения территории, где он проводится⁷.

Психологически как индийская элита, так и достаточно широкие слои населения Индии не могли себе представить, что ее жемчужина — Кашмир — может быть для нее безвозвратно потерян, тем более, что и махараджа Кашмира Хари Сингх из династии догра, и главный министр Пандит Рам Чанд Как были индусами и, как считалось, тяготели в сторону Индии. Лидеры Индии и лично Джава-

харлал Неру рассчитывали также и на поддержку со стороны одной из ведущих политических партий Джамму и Кашмира — Национальной конференции, основатель и руководитель которой Шейх Абдулла был личным другом Неру, и его взгляды эволюционировали в сторону секуляризма. Правда, как утверждали современники, Шейх Абдулла, несмотря на сложные отношения с махараджей Хари Сингхом, лишь в одном с ним соглашался — в тайном желании превратить Джамму и Кашмир в независимое и нейтральное государство — в «Швейцарию Востока». Лорд Маунтбеттен неоднократно высказывался категорически против такой идеи.

Пакистанское руководство, со своей стороны, пыталось всеми силами предотвратить вхождение Джамму и Кашмира в состав Индии, мотивируя свою позицию тем, что около 77% населения Кашмира исповедывало ислам⁸. Уверенность пакистанского руководства в том, что мусульмане бывшего княжества, составляющие большинство его населения, в случае предоставления им права свободного волеизъявления (за что Исламабад активно выступал и выступает) выскажутся за присоединение к Пакистану, и такая же уверенность в этом индийской элиты (естественно, стремящейся не допустить такого развития событий) стали причиной возникновения и сохранения кашмирского вопроса.

На возникновение кашмирского конфликта повлияли и другие факторы.

В геополитическом плане, добившись присоединения Кашмира, Пакистан смог бы закрыть доступ Индии к региону Среднего Востока, лишив ее границы с Афганистаном. Этой цели впоследствии Пакистану удалось добиться путем создания Азад Кашмира и присоединения расположенных на севере Кашмира небольших княжеств: Гилгита, Хунзы и Нагара. Поскольку река Инд и главные ее притоки протекают сначала по княжеству, а затем уже по территории Пакистана, в некоторых его кругах существовали опасения, что в определенных условиях, например в случае усиления напряженности в этом регионе, это обстоятельство может представить для него серьезную экономическую угрозу ввиду огромного значения водных ресурсов для хозяйства Пакистана.

Значение для Индии будущего статуса Кашмира было ясно сформулировано Дж. Неру в его телеграмме премьер-министру Великобритании К. Эттли от 25 октября 1947 г., в которой индийский лидер, в частности, напоминает, что на севере Кашмир граничит с Афганистаном, Советским Союзом и Китаем. Безопасность Кашмира, его внутренняя стабильность, существование устойчивого правительства «имеют жизненно важное значение для безопасности Индии»⁹.

С точки зрения политической присоединение Кашмира к Индии означало серьезный удар по «теории двух наций». Поэтому с первых же дней возникновения кашмирской проблемы поддержка борь-

бы «братьев-мусульман Кашмира» превратилась в один из наиболее активно используемых лозунгов во внешней политике и в важный стимул для внутривнутриполитической консолидации пакистанского государства. Для Индии этот фактор имел гораздо меньшее значение.

Нельзя не отметить и важность сугубо «личностного» фактора: на возникновение кашмирской проблемы в определенной степени повлияло столкновение позиций и интересов таких выдающихся политиков и «сильных личностей», как Дж. Неру (его род происходит из Кашмира) и Сардар Валлабхаи Пател, с одной стороны, и Мухаммад Али Джинна и Лиакат Али Хан — с другой.

К 15 августа 1947 г., на которое было назначено официальное провозглашение независимости Индии, махараджа Кашмира, в отличие от правителей большинства других княжеств, еще не принял решения о том, к какому государству присоединиться — к Индии или Пакистану, или добиваться независимости. Продолжались переговоры и взаимные консультации между лордом Маунтбеттеном, Дж. Неру, М.А. Джинной и махараджей Кашмира. П.Ш. Джха пишет, что в течение июля–августа Хари Сингх никак не мог прийти к какому-то решению, и не потому, что был «ленив» или «слаб», а из-за того, что бросался из одной крайности в другую. В сторону Индии его как бы подталкивала его собственная религиозная принадлежность и историческое прошлое. Пакистан же привлекал его не только в связи с преобладанием мусульман или тесными географическими и экономическими связями, но и из-за сугубо личных амбиций. Если Конгресс настаивал на том, что княжество должно обязательно присоединиться к одному из доминионов, то Мусульманская лига выражала готовность уважать его суверенитет, если будет принято решение о сохранении прежних отношений с метрополией. Предложение Пакистана казалось привлекательным, так как правитель княжества мог рассчитывать на уважение внутреннего суверенитета¹⁰.

Однако мирного решения судьбы Кашмира достичь не удалось: в ночь с 21 на 22 октября 1947 г. с целью оказания давления на махараджу на территорию княжества вторглись отряды пуштунских племен из Северо-Западной провинции Пакистана, а затем и так называемые пакистанские добровольцы, и 24 октября на занятой ими территории было объявлено о создании временного правительства «Азад (Свободного) Кашмира». Индия квалифицировала позицию Пакистана как провокацию и прямую поддержку агрессивных действий, направленных на захват Кашмира, как ущемление ее национальных интересов¹¹.

24 октября махараджа Кашмира обратился за помощью к Индии, однако ее руководство заявило, что такая помощь может быть оказана только при условии присоединения Кашмира к Индии. 26 октября махараджа Кашмира Хари Сингх направил письмо лорду

Маунтбеттену, в котором информировал его о вторжении со стороны Пакистана и заявил о решении присоединиться к Индии. К письму был приложен подписанный махараджей текст Акта о присоединении Джамму и Кашмира к Индии¹².

На следующий же день, 27 октября, лорд Маунтбеттен заявил о признании этого Акта и самого факта присоединения Кашмира к Индии¹³. Одновременно с этим в Кашмир был направлен индийский воинский контингент, которому удалось на подступах к столице штата Сринагару остановить наступавшие с территории Пакистана группировки пуштунских племен и пакистанских добровольцев. В послании Хари Сингху лорд Маунтбеттен выразил пожелание правительства Великобритании, чтобы после восстановления законности и порядка в Кашмире и освобождения его территории от внешних сил судьба его «должна быть решена путем волеизъявления его народа»¹⁴. Информировав об этом Лиакат Али Хана, Дж. Неру выразил свое согласие с таким подходом, а 28 октября генерал-губернатор Пакистана М.А. Джинна также согласился с тем, что судьба Кашмира должна решаться референдумом¹⁵.

Следует отметить, что в связи с резким обострением ситуации внутри и вокруг Кашмира, в особенности с начала 90-х годов, интерес к истории периода раздела Индии и принятия решения о судьбе Кашмира резко возрос. Появились и продолжают появляться новые работы — как научные исследования, так и литература, которую можно считать пропагандистской, в которой авторы, в зависимости от своей скорее политической ориентации, пытаются привести доказательства законности (или незаконности) присоединения Кашмира к Индии. С этой целью по-разному интерпретируются архивные материалы, в том числе ставшие доступными лишь в самое последнее время.

Совершенно очевидно, что пакистанская сторона и поддерживающая ее кашмирская диаспора в странах Западной Европы и Америки и до сего дня считают присоединение Кашмира к Индии и связанные с этим действия индийского правительства незаконными. Поддерживая по существу эту точку зрения, известный исследователь проблем Центральной Азии и Кашмира А. Лэмб¹⁶, ссылаясь на недавно полученные материалы (например, опубликованная переписка Дж. Неру), в работе «Кашмир: спорное наследство. 1846–1990», опубликованной в 1991 г., пытается оспорить если не самый факт подписания махараджей Акта о присоединении к Индии, то во всяком случае, точное время этого события. Он утверждает, что это могло произойти не раньше 12 час. дня 27 октября, то есть уже после высадки индийского десанта в районе Сринагара, которая началась в 9 час. утра¹⁷. В вышедшей в 1994 г. следующей его работе «Рождение трагедии: Кашмир 1947» автор ставит под сомнение самый факт подписания Акта махараджей¹⁸. Таким образом, по существу оспа-

ривается версия об односторонней агрессии Пакистана: по его мнению, речь может идти о вторжении в Кашмир — в тот момент еще независимое княжество — по крайней мере с двух сторон. Правда, как отмечает А. Лэмб, генерал-губернатор Индии лорд Маунтбеттен по каким-то причинам во время встречи с М.А. Джинной 1 ноября 1947 г. не довел до его сведения эту информацию. По мнению английского исследователя, лорд Маунтбеттен испытывал личную симпатию к Дж. Неру и доверял ему, в то время как с М.А. Джинной доверительные отношения у него не сложились¹⁹.

Работы А. Лэмба были с энтузиазмом встречены в Пакистане и в кругах кашмирской диаспоры на Западе. Индийские же политики, журналисты и исследователи опровергают его систему доказательств и его выводы. Так, прямо возразить А. Лэмбу и доказать законность действий правительства Дж. Неру пытается Прем Шанкар Джха в работе «Кашмир 1947. Конкурирующие версии исторических событий»²⁰, также ссылаясь при этом на недавно опубликованную переписку Дж. Неру с Лордом Маунтбеттеном и М.А. Джинной, мемуары политических деятелей — непосредственных участников событий пятидесятилетней давности, и др.²¹

Как бы то ни было, в ходе состоявшихся между 28 октября и 22 декабря 1947 г. индо-пакистанских переговоров о судьбе Кашмира была достигнута принципиальная договоренность о проведении плебисцита, однако сохранялись разногласия относительно условий его проведения, в том числе и о том, кто выступит в качестве объективных наблюдателей. Индия поставила условием вывод пуштунских отрядов. Согласившись с этим в принципе, Пакистан выдвинул контрусловия — вывод всех индийских войск, контроль над деятельностью местных вооруженных сил, замена правительства Шейха Абдуллы коалиционным правительством с участием представителей Азад Кашмира. Индийская сторона отказалась принять эти условия. Что касается наблюдателей, то к 22 декабря стороны договорились, что референдум должен состояться под эгидой ООН. Однако до референдума дело так и не дошло, и 1 января 1948 г. Индия официально обратилась в ООН с жалобой на вмешательство Пакистана во внутренние дела Джамму и Кашмира, разумеется исходя из признания законности факта присоединения его к Индии, и потребовала прекращения Пакистаном поддержки агрессивных действий пуштунских племен на территории штата. В ответ на это Пакистан заявил о незаконности индийских обвинений и расценил ситуацию в Кашмире как «народное восстание против деспотического режима Махараджи»²². Индия обвинялась в геноциде по отношению к мусульманам Восточного Пенджаба и агрессии против ряда княжеств, в том числе Джамму и Кашмира. Пакистанская сторона призвала Совет Безопасности создать специальную комиссию для осуществления прекращения огня с последующим выводом всех

войск, как индийских, так и пакистанских, а затем формированием полностью независимой администрации штата Джамму и Кашмир и проведением плебисцита, с тем чтобы народ Кашмира смог выразить свою позицию без давления на него как со стороны Индии, так и со стороны Пакистана. Следует особо отметить, что в тот период и Индия, и Пакистан пришли к соглашению по очень важному вопросу: они договорились, что штат Джамму и Кашмир будет рассматриваться как единое целое, и плебисцит должен быть единым для всех его регионов²³.

Резолюция Совета Безопасности ООН от 17 января 1948 г. определила позицию ООН, предложившей свое посредничество в переговорах и призвавшей конфликтующие стороны разрешить свои разногласия мирным путем и воздерживаться от заявлений и действий, которые могут осложнить ситуацию. Через три дня после принятия этой резолюции была сформирована Комиссия ООН по Индии и Пакистану в составе представителей трех государств — членов ООН (одного избрала Индия, другого — Пакистан, и третьего — совместно две страны). В специальной резолюции от 6 февраля Комиссии было поручено изучить ситуацию на месте и оказать содействие Индии и Пакистану в деле восстановления законности и порядка в Джамму и Кашмире, а затем организовать плебисцит для решения будущего штата. Таким образом, роль Комиссии была определена скорее как посредника, чем силы, которая будет утверждать принципы международного права²⁴.

Военные действия на территории Кашмира тем временем разрастались, и с мая 1948 г. в них оказались втянуты и регулярные войска Пакистана. Согласившись в принципе с резолюцией Совета Безопасности ООН от 21 апреля 1948 г. о необходимости демилитаризации княжества и проведения на его территории плебисцита под контролем специального представителя Генерального секретаря ООН, стороны трактовали эту резолюцию по-своему, что блокировало ее осуществление. На основании результатов деятельности Комиссии ООН по Индии и Пакистану 13 августа 1948 г. была принята новая резолюция, в которой предусматривалось прекращение огня и предотвращение любых действий, которые могут этому воспрепятствовать. В соответствии с пунктом А.1 резолюции Пакистан должен был вывести с территории штата регулярные войска и обеспечить беспрепятственный вывод подразделений племен, а также пакистанцев, не являющихся постоянными жителями Кашмира и проникших на его территорию для ведения вооруженных действий. Только после этого к выводу войск должна приступить и Индия, и на территории штата должны остаться лишь подразделения индийской армии, обеспечивающие законность и порядок в Кашмире. А затем уже, при создании необходимых условий правительствами Индии и Пакистана, судьба Кашмира будет решаться в соответствии с же-

ланиями его населения²⁵. Подробная резолюция по этому вопросу была принята Комиссией ООН 5 января 1949 г.²⁶

Условие о выводе пакистанских войск так и не было выполнено, что дало Индии повод не выполнять и свои обязательства по этому документу. Таким образом, отказ обеих сторон вывести войска, а также фактическое присоединение к Пакистану Азад Кашмира и княжеств Гилгит, Хунза и Нагар, сделали проведение плебисцита в Джамму и Кашмире столь невозможным, столь и бессмысленным в условиях пребывания войск обеих стран и начала фактического раздела территории Джамму и Кашмира.

К 1 января 1949 г. под эгидой ООН в Кашмире была установлена линия прекращения огня, которая закрепила военные позиции сторон, разделив таким образом Кашмир на две части — индийскую и пакистанскую. К моменту установления перемирия под пакистанским контролем оказалось $\frac{2}{5}$ территории Джамму и Кашмира (более 77 с половиной тысяч кв. км) с населением примерно 1 млн. человек. Таким образом, ограниченные военные действия между Индией и Пакистаном привели лишь к фактическому разделу Кашмира, и вряд ли можно предположить, что «большая война», распространившаяся за пределы территории Джамму и Кашмира, могла бы привести к справедливому, взаимоприемлемому решению судьбы штата.

Такого рода исторический экскурс может помочь разобраться в существе сегодняшних разногласий вокруг Кашмира и понять глубинные причины, по которым разрешение этого конфликта столь болезненно для обеих сторон, позиции которых можно сформулировать следующим образом. Как Индия, так и Пакистан связывают с судьбой Кашмира обеспечение своего государственного и общенационального единства, территориальной целостности и национальной безопасности. В основе их подхода к вопросу об урегулировании кашмирского спора лежат практически неизменные принципы: индийская сторона настаивает на том, что территория княжества Джамму и Кашмир — неотъемлемая часть Индии, а контроль (или оккупация) Пакистаном северных и северо-западных районов княжества является незаконным. Пакистан, считая вопрос о Кашмире нерешенным, требует предоставления кашмирскому народу возможности реализовать его законное право на самоопределение путем проведения плебисцита под международным контролем в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН от 21 апреля 1948 г. и 5 января 1949 г.

Несовместимость позиций Индии и Пакистана по кашмирскому вопросу уже сама по себе таит угрозу конфликта. Глубокое воздействие на ситуацию оказывают как внутренние (внутрииндийские, внутрипакистанские и внутрикашмирские), так и внешние (позиции великих держав и сопредельных стран, кашмирской диаспоры на Западе и др.) факторы, потому что с самого начала кашмирская

проблема имела не только региональное, но и глобальное измерения. Нельзя забывать, что события вокруг Кашмира развивались на фоне углубляющегося размежевания между державами-победительницами во Второй мировой войне. Начиналась холодная война, вовлеченность в которую — не прямо, но косвенно — не избежали и страны Южноазиатского региона.

В этих условиях с точки зрения стратегической, интересам СССР на южном направлении должна была отвечать стабильная сопредельная страна, которая была бы в состоянии осуществлять независимый внешнеполитический курс и не оказаться под влиянием враждебных СССР сил. По законам холодной войны страны Запада еще в 1946 г. предостерегали Индию от возможности нападения на нее со стороны СССР, о «советской пропаганде» в Кашмире и т.д. Да и в Москве на первом этапе после провозглашения независимости Индии преобладал «сталинский» подход к национальной буржуазии как «соглашательской», а к Индийскому национальному конгрессу — как к «вступившему в сговор с империализмом». Вызывала сомнение и способность нового государства противостоять давлению извне и сохранять свою независимость и территориальную целостность, укреплять свои международные позиции. В то же время советское руководство должно было учитывать и то обстоятельство, что конфликтующий с Индией Пакистан был ориентирован на США, в 1954 г. вступил в СЕАТО, в 1955 г. — в СЕНТО, в 1954 г. подписал прямое военное соглашение с США. Советский Союз начал устанавливать контакты с Индией, руководство которой объявило о намерении осуществлять самостоятельную внешнюю политику, базирующуюся на принципах неприсоединения.

Возможно, именно заинтересованность в целостности и стабильности Индии привела к тому, что при обсуждении кашмирской проблемы на различных форумах, в том числе и в ООН, СССР, по крайней мере с начала 50-х годов, занял благоприятную с точки зрения интересов Индии позицию признания решенности в принципе кашмирского вопроса, принадлежности Кашмира Индии и незаконности оккупации Пакистаном части его территории. Точка зрения Советского Союза была изложена советским представителем в ООН Я.А. Маликом в Совете Безопасности ООН в январе 1952 г.²⁷ и подтверждена в выступлении В.В. Зорина на Генеральной Ассамблее 23 декабря 1952 г.²⁸

В Архиве внешней политики России хранится «Обращение главы временного правительства Свободного Кашмира к правительству СССР с просьбой о признании». В телеграмме от 4 ноября 1947 г. из Равалпинди на имя И.В. Сталина глава временного правительства Свободного Кашмира Сардар Ибрагим писал: «Четыре миллиона населения Кашмира ходатайствует о поддержке со стороны свободлюбивого правительства и народа Советского Союза в этот кри-

тический час нашей борьбы за свободу против феодальной аристократии Магараджи, которого поддерживает Индийский союз. Признание Вами нашего временного правительства окажет значительную помощь нашему благородному делу, а также вдохновит все прогрессивные силы мира в их борьбе за действительную свободу»²⁹. Судя по всему, советское руководство воздержалось от ответа на это обращение.

США, учитывая важное стратегическое положение Кашмира вблизи границ Советского Союза, в середине 50-х годов поддержали позицию Пакистана — своего военно-стратегического и политического союзника, то есть признание проблемы в принципе нерешенной и требование предоставления права народу Кашмира на самоопределение путем проведения плебисцита под международным контролем.

Таким образом, холодная война, конфронтация Восток–Запад давали о себе знать в Южноазиатском регионе хотя не прямо, но косвенно, и базировались они на конфликте между двумя развивающимися странами, придерживающимися различных концепций обеспечения национальной и региональной безопасности. Более того, в течение всего периода независимости отношение третьих стран к вопросу принадлежности Кашмира определяло характер отношений с ними как Индии, так и Пакистана. Последующие события лишь подтвердили, что именно вмешательство внешних сил, в особенности в период холодной войны, безоговорочная поддержка Советским Союзом и Соединенными Штатами позиций своих стратегических союзников увеличивала пропасть между Индией и Пакистаном, утверждала каждую из сторон в своей правоте и тем самым препятствовала поискам взаимоприемлемого решения.

В 1953 г. умер Сталин, и новое руководство СССР во главе с Н.С. Хрущевым провозгласило осуществление нового внешнеполитического курса, важной составной частью которого стали отношения с неприсоединившимися странами. Взаимодействие с Индией превратилось в одно из наиболее приоритетных направлений внешней политики СССР.

В ходе визита в Индию в 1955 г. Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина была подтверждена позиция СССР по проблеме Кашмира, а выступая по итогам встреч с руководством Индии в Верховном Совете СССР Н.А. Булганин заявил, что «вопрос о Кашмире уже решен самим народом Кашмира, он рассматривает себя как неотъемлемую часть Республики Индии». «Советский Союз, — заявил далее Н.А. Булганин, — поддерживает политику Индии в кашмирском вопросе, ибо она полностью отвечает интересам укрепления мира в этом районе Азии»³⁰. Как представляется, именно в этот период Советский Союз сделал свой «исторический выбор» в Южной Азии

в пользу Индии и в течение длительного периода последовательно придерживался этой политической линии.

При обсуждении в апреле 1956 г. и январе 1957 г. кашмирской проблемы в Совете Безопасности ООН, начатом по инициативе Пакистана и поддержанном странами Запада, представитель СССР высказался за ее урегулирование путем прямых переговоров, а 24 января и 18 февраля 1957 г. при новом обсуждении предложения об использовании в Кашмире войск ООН и проведении плебисцита под контролем ООН заявил, что такое развитие событий может «вызвать местные конфликты и обострить международную обстановку в районе»³¹. В конечном счете советский представитель наложил вето на предложенную резолюцию. Ситуация повторилась в ноябре и декабре 1957 г., когда вновь советской стороной было заявлено, что она будет и впредь противодействовать попыткам «прикрыть и узаконить иностранное вмешательство в кашмирскую проблему и во внутренние дела Индии с тем, чтобы нанести ущерб ее национальному суверенитету»³².

В 1962 г. по настоянию Пакистана и при поддержке США вопрос о Кашмире вновь обсуждался в Совете Безопасности ООН, и советский представитель вновь отверг идею плебисцита как «открытое вмешательство в дела Индии». Выступая 21 и 22 июня, представитель СССР отмечал, что в Кашмире уже трижды проводились выборы, в ходе которых население штата — а это $\frac{3}{4}$ населения всего Кашмира — «с успехом и свободно выразило свою волю»³³. Советский представитель вновь воспользовался правом вето, и осуществление идеи плебисцита было таким образом заблокировано.

Использование Советским Союзом права вето при обсуждении Кашмирской проблемы вызывало резко негативную реакцию Национальной ассамблеи Пакистана, руководителей его внешнеполитического ведомства³⁴. Президент Пакистана М. Айюб Хан отвергал возможность посредничества США и Великобритании в переговорах с Индией по кашмирскому вопросу³⁵.

В конце 50-х — начале 60-х годов ситуация осложнилась в результате активизации политики Китая в Южноазиатском регионе и явной смены ее акцентов. Прежде всего, изменения произошли в индийско-китайских отношениях. После подписания 29 апреля 1954 г. известного Соглашения между Индией и КНР о торговле и связях с Тибетским районом Китая (само название которого говорит о том, что Индия официально признала Тибет частью Китая!) с принципами «панча шила» в его преамбуле геополитическое соперничество между Китаем и Индией привело к обострению отношений, а затем и к вооруженному конфликту 1962 г.³⁶ В качестве повода использовалась нерешенность исторически сложившихся спорных территориальных проблем, обострение ситуации в Тибете и вокруг него. Попытки двусторонних переговоров ни к

чему не привели, и уже с июня 1955 г. начались вооруженные столкновения в пограничных районах, переросшие в серьезный вооруженный конфликт. В результате, как считает Индия, Китай оккупирует около 38 тыс. кв. км района Аксай Чин в Ладакхе (часть штата Джамму и Кашмир) и предъявляет претензии еще на 90 тыс. кв. км к югу от линии Макмагона, образующие индийский штат Аруначал-Прадеш.

Обострение индийско-китайских отношений происходило параллельно с формированием отношений взаимопонимания и сотрудничества между Китаем и Пакистаном, переросших в военнополитический союз. Естественно, что стороны не могли избежать определения позиции по вопросу о Кашмире, причем и в этом вопросе китайская точка зрения значительно эволюционировала.

Еще 9 декабря 1956 г., отвечая на вопрос корреспондента индийской газеты «Амрита базар патрика», Чжоу Энлай сказал, что кашмирский вопрос должен быть решен путем мирных переговоров между двумя «братскими странами» — Индией и Пакистаном. Однако в отчете индийских представителей на переговорах с Китаем по пограничному вопросу 12 декабря 1960 г. выражено «удивление» индийской стороны отказом Пекина обсуждать вопрос об участке границы Кашмира к западу от Каракорумского перевала на том основании, что это не составляет предмета данных переговоров. Индия расценила эту позицию как нежелание Китая признать законность ее прав на княжество Джамму и Кашмир³⁷.

Однако довольно скоро стало ясно, почему Китай избегает обсуждения этого вопроса в переговорах с Индией. 3 мая 1962 г. правительство Пакистана опубликовало коммюнике, в котором сообщалось, что Китай и Пакистан договорились о начале переговоров об установлении между ними границы к западу от Каракорумского перевала. 10 мая Индия заявила протест, ссылаясь на отсутствие общей границы между КНР и Пакистаном и на факт незаконной оккупации Пакистаном территории Джамму и Кашмира, являющейся неотъемлемой частью Индии³⁸. Наконец, 2 марта 1963 г. было подписано соглашение о временной передаче Пакистаном Китаю части территории Кашмира и установлении пакистано-китайской границы в этом районе³⁹. По существу это соглашение продемонстрировало поддержку Китаем позиции Пакистана в кашмирском вопросе и Пакистаном — Китая в его погранично-территориальном споре с Индией. Индийская сторона именно так и квалифицировала подписание пакистано-китайского соглашения о демаркации «несуществующей общей границы», расценив его как отход КНР от прежней позиции невмешательства в кашмирский вопрос и как правовую и моральную поддержку Пакистана⁴⁰.

Соглашение создавало условия для конкретной реализации планов пакистано-китайского сотрудничества, в том числе совместного

строительства стратегических дорог по «пакистанской» части Кашмира, которые использовались для военных поставок, развития торгово-экономических связей между Китаем и Пакистаном. Таким образом, от сотрудничества с Китаем пакистанская сторона явно выигрывала. Что же касается Индии, то ее положение все более и более осложнялось, и кашмирская проблема означала крайне невыгодную для нее комбинацию двух конфликтов — с Пакистаном и Китаем. Нельзя забывать, что находящаяся до сих пор под юрисдикцией Китая территория Аксай Чин в Ладакхе — это часть бывшего княжества Джамму и Кашмир, и враждебные Индии «два фронта» — пакистанский и китайский — соединились против нее именно в Кашмире⁴¹. Пакистанская сторона сочла необходимым уведомить Совет Безопасности ООН, что подписание соглашения с Китаем никоим образом не будет препятствовать осуществлению резолюции ООН по Кашмиру⁴².

Дальнейшее обострение отношений между Индией и Пакистаном к началу 1965 г., вооруженные столкновения в пограничных с Кашмиром районах привели, как уже отмечалось, к полномасштабному вооруженному конфликту в сентябре 1965 г. Пакистанская сторона обвиняла Индию в том числе и в том, что она предпринимала попытки внести коррективы в определение статуса Джамму и Кашмира с целью его большего инкорпорирования в Индийский союз. Так, был поставлен вопрос и о статье 370 Конституции Индии, определявшей особый статус Джамму и Кашмира. По мнению Пакистана, индийское руководство преследовало цель «закрыть» вопрос принадлежности штата и окончательно утвердить его вхождение в состав Индии.

К этому моменту победу на президентских выборах в Пакистане одержал президент Айюб Хан, который вынужден был уделять первостепенное внимание кашмирскому кризису, который грозил перерасти в стадию вооруженного конфликта. Как утверждают А. Лэмб и многие другие авторы, ключевой фигурой, ведшей дело к эскалации кризиса, был министр иностранных дел Пакистана 30-летний в то время Зулфикар Али Бхутто, который призывал президента сделать все возможное для предотвращения окончательной интеграции Кашмира в состав Индии⁴³. Перед президентом Пакистана встала необходимость выбора между тремя вариантами развития событий вокруг Кашмира: первый — продолжать добиваться от Совета Безопасности ООН проведения плебисцита; второй — отвлечь внимание общественности от кашмирской проблемы и молчаливо признать установленную в 1949 г. линию прекращения огня в качестве индо-пакистанской границы. Наконец, можно решить эту проблему какими-либо иными дипломатическими, политическими и военными методами. Первый вариант уже был испробован и не дал никаких результатов. Только в 1964 г. Совет

Безопасности дважды — в феврале и мае — обсуждал кашмирский вопрос и в результате ограничился призывами к Индии и Пакистану вести двусторонние переговоры и воздерживаться от насилия. Вторая возможность также не представлялась реалистичной: если внимание населения Восточного Пакистана еще можно было бы отвлечь от Кашмира, то общественное мнение Западного Пакистана самым пристальным образом следило за развитием событий и не позволило бы тихо похоронить проблему. Таким образом, оставался лишь третий вариант, причем можно было бы обратиться за дипломатической поддержкой к главному азиатскому союзнику Пакистана и сопернику Индии — Китаю, а также более активно использовать усиливающуюся дестабилизацию обстановки внутри индийского штата Джамму и Кашмир, обострение социальной напряженности в Индии в целом, неустойчивость позиций премьер-министра Индии Лала Бахадура Шастри⁴⁴.

2–9 марта 1965 г. Айюб Хан совершил поездку в Китай, в ходе которой по существу заручился поддержкой Пекина. В совместном заявлении по Кашмиру было сказано, что стороны «выразили обеспокоенность тем, что кашмирский спор остается нерешенным» и является «угрозой миру и безопасности в регионе». Они подтвердили, что «спор должен быть разрешен в соответствии с пожеланиями народа Кашмира, как было ему обещано Индией и Пакистаном»⁴⁵.

Таким образом, Китай ясно заявил о своей поддержке позиции Пакистана, в то время как Советский Союз еще в 1955 г. так же ясно поддержал точку зрения Индии. Вскоре после визита в Китай, в апреле 1965 г. президент Пакистана Айюб Хан посетил Москву с целью нормализации советско-пакистанских отношений, с надеждой каким-то образом воздействовать на советско-индийские отношения, которые все в большей и большей степени приобретали особый характер⁴⁶. По-видимому, этот визит способствовал выработке в Москве более сдержанной, нейтральной позиции в индо-пакистанском споре.

Тем не менее, столкновения в районе границы продолжались. Серьезный инцидент произошел в апреле 1965 г. в районе Качского Ранна, где при посредничестве премьер-министра Великобритании Гарольда Вильсона лишь в конце июня удалось добиться прекращения огня.

3 мая 1965 г. ТАСС выступил с заявлением, в котором указывалось, что дальнейшее углубление конфронтации «будет истощать силы Индии и Пакистана, может привести к большому человеческим жертвам, создавая угрозу миру в Азии», и выражалась надежда на то, что правительства Индии и Пакистана «найдут пути урегулирования конфликта мирными средствами»⁴⁷. В августе 1965 г., когда ситуация на индо-пакистанской границе в районе Кашмира серьезно

обострилась, Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин направил письма премьер-министру Индии Л.Б. Шастри и президенту Пакистана М. Айюб-хану с призывом не допустить расширения кровопролития и добиться мирного решения спора. «Правда» 24 августа 1965 г. в статье «Остановить кровопролитие в Кашмире» выражала надежду, что добрые отношения СССР как с Индией, так и с Пакистаном могут помочь нормализовать отношения между этими двумя южноазиатскими странами. После начала массированных военных действий в начале сентября А.Н. Косыгин вновь призвал не искать правых и виноватых, а незамедлительно прекратить военные действия. При этом в ООН советский представитель вновь назвал Кашмир «индийским штатом». ТАСС выступил с двумя заявлениями, в которых также содержался призыв прекратить военные действия и отвести войска за линию прекращения огня, установленную Соглашением 1949 г., и вернуть их на позиции до начала военных действий⁴⁸. Наконец, 17 сентября А.Н. Косыгин предложил Л.Б. Шастри и М. Айюб Хану провести в Ташкенте двустороннюю встречу. Согласившись на личное присутствие на переговорах, А.Н. Косыгин заявил, что он не выступит посредником, так как решать спор должны сами Индия и Пакистан. Несмотря на то что министр обороны США Р. Макнамара заявил о непризнании любого-го урегулирования, достигнутого в Ташкенте, 4 января 1966 г. конференция начала свою работу. Проходила она достаточно трудно, стороны выдвигали взаимные претензии и контрпретензии, однако в конечном итоге 10 января 1966 г. она завершилась принятием Ташкентской декларации, где Индия и Пакистан обязались не прибегать к силе и решать спорные проблемы мирным путем, продолжать свои отношения на принципе невмешательства во внутренние дела друг друга, отвести войска на позиции, занимаемые ими до 5 августа 1965 г., соблюдать условия прекращения огня, нормализовать дипломатические и прочие связи, договориться о репатриации военнопленных и т.д.

Последний по времени серьезный вооруженный конфликт между Индией и Пакистаном 1971 г. спорные проблемы индо-пакистанских отношений также не разрешил и завершился дезинтеграцией Пакистана и образованием нового независимого государства Республики Бангладеш.

Хотя в процессе самого индо-пакистанского конфликта и следовавших за ним переговоров 1971–1972 гг. Советский Союз непосредственного участия и не принимал, его роль в этих событиях нельзя недооценивать: именно в момент резкого обострения индо-пакистанских отношений, перешедшего позднее в вооруженный конфликт, 9 августа 1971 г. был подписан советско-индийский договор, укрепивший международные позиции Индии и подтвердивший военно-политическую, моральную, дипломатическую и экономическую

поддержку Москвой ее позиций. Министр иностранных дел СССР А.А. Громыко заявил по этому поводу, что «никто уже не может строить свою политику — будь то в отношении Советского Союза или в отношении Индии — без учета этого договора»⁴⁹, а премьер-министр Индии Индира Ганди была убеждена в том, что этот договор «охладит авантюризм тех стран», которые проявляют по отношению к Индии «патологическую враждебность»⁵⁰.

Нельзя не отметить также, что расчеты Пакистана на активную поддержку со стороны своих военно-стратегических и политических союзников — США и Китая — не оправдались. Самые решительные заявления в ООН с осуждением Индии, направление в период кризиса 1971 г. американского авианосца в Бенгальский залив и поставки китайского оружия не спасли Пакистан от военного поражения и образования Бангладеш. Эти события изменили геополитическую ситуацию в Южной Азии, значительно укрепили международные и стратегические позиции Индии и поставили Пакистан перед необходимостью пересмотра всей концепции национальной и региональной безопасности.

После явного провала предпринятых попыток разрешения индо-пакистанских противоречий на поле битвы в 1972 г. была принята попытка их дипломатического — или политического — решения. Премьер-министры Индии Индира Ганди и Пакистана З.А. Бхутто в июне 1972 г. встретились в Симле, знаменитом курорте в предгорьях Гималаев, где традиционно, еще со времен британских властей Индии, проходили важные международные переговоры и конференции. Здесь были подписаны известные Симлские соглашения, в которых было заявлено о намерении сторон решать существующие спорные проблемы исключительно мирными методами, путем двусторонних переговоров, не допускать действий, которые могут угрожать установлению мирных и дружественных отношений, уважать национальное единство, территориальную целостность, политическую независимость и суверенитет друг друга, препятствовать распространению враждебной пропаганды, направленной друг против друга. Что касается Джамму и Кашмира, то Индия и Пакистан обязались уважать линию фактического контроля, существовавшую на 17 декабря 1971 г., не нанося ущерба признанным позициям каждой из сторон, не предпринимать в одностороннем порядке попыток изменить эту линию, независимо от существующих разногласий и различий в ее интерпретации⁵¹.

Таким образом, как показывает опыт, каждый раз, когда напряженность в индо-пакистанских отношениях приводила к вооруженному конфликту, обе стороны, убедившись в невозможности решить спорные проблемы таким путем, осознавали необходимость прекращения огня и активизации переговорного процесса. Такая ситуация повторялась и в 1948, и в 1965, и в 1971 гг.

Симлские соглашения стали важным этапом на пути выработки взаимоприемлемых условий для мирного политического урегулирования спорных проблем между Индией и Пакистаном, однако панацеей они не стали. Стороны до сих пор отдельные положения Соглашений интерпретируют по-разному. Индия, например, считает, что ситуация в Кашмире — это ее внутреннее дело, поэтому она в высшей степени негативно воспринимает любые заявления Пакистана или какой-либо другой страны, представителей кашмирской диаспоры на Западе, затрагивающие положение в штате. Пакистанская же сторона, считая кашмирский вопрос в принципе нерешенным, оставляет за собой право не только непосредственно участвовать в обсуждении всех проблем, связанных с Кашмиром, но и самой поднимать их в ООН, Комиссии по правам человека, конференциях глав государств и правительств неприсоединившихся стран, Организации исламской конференции и др. В Индии все эти действия воспринимаются как противоречащие духу и букве Симлы, как прямое вмешательство в ее внутренние дела.

В середине 70-х годов начался постепенный нелегкий процесс нормализации индийско-китайских отношений, причем уровень взаимодействия Китая с Пакистаном оставался по-прежнему высоким. Первая половина 70-х годов характеризовалась значительным охлаждением в индийско-американских отношениях в связи с негативной, с точки зрения интересов Индии, позицией США в период кризиса 1971 г., замораживанием американской экономической помощи и переводом продовольственной помощи на коммерческую основу. Индия, со своей стороны, выступила с осуждением расширения военных действий во Вьетнаме, поддержки Вашингтоном Израиля, усиления американского военного присутствия в Индийском океане. В Дели внимательно наблюдали за процессом американо-китайского сближения, которое в условиях дальнейшего развития и укрепления связей Пакистана как с США, так и с Китаем, могло иметь для Индии опасные последствия.

Однако США не могли не считаться и с изменившимися реалиями в Южной Азии: на фоне ослабления позиций Пакистана укрепился международный престиж Индии. В связи с этим сместились акценты в американской политике в Южной Азии: при сохранении прежнего уровня отношений с Пакистаном Вашингтон признал лидерство Индии в регионе.

Многоплановыми оказались последствия иранской и афганской революций и ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. Расширилось американское военное присутствие в Индийском океане и Персидском заливе, дальнейшее развитие получили американо-пакистанские связи в военной области. Индия была обеспокоена открытием в 1978 г. построенного совместно Пакистаном и Китаем на находящейся под юрисдикцией Пакистана части территории

Джамму и Кашмира высокогорного Каракорумского шоссе, которое использовалось в том числе и для поставок китайского оружия в Пакистан. В целом же расширение военного сотрудничества Пакистана с США и Китаем, и Индии — с Советским Союзом поддерживало напряженность в индийско-пакистанских отношениях. И в последующие годы Пакистан пользовался поддержкой США, несмотря на серьезные ограничители, связанные с разработками пакистанской ядерной программы. Однако поддержка эта стала носить иной с геополитической точки зрения характер и в большей степени ориентироваться на обеспечение американских интересов в Западной Азии и в зоне Персидского залива, чем на южноазиатском субконтиненте. Улучшались и американо-индийские отношения, да и в отношении к южноазиатским проблемам позиция США претерпела определенные изменения: американские политики и стратеги пришли к необходимости признания кашмирской проблемы как двусторонней и целесообразности ее разрешения на двусторонней основе, в духе Симлских соглашений. Позитивные сдвиги в советско/российско-китайских и индийско-китайских отношениях также привели к пониманию Пекином необходимости решения судьбы Кашмира мирными политическими методами, на двусторонней основе. Китайские лидеры даже пообещали впредь не использовать сложности Индии в ее взаимоотношениях со странами Южной Азии в своих интересах и создавать условия, при которых эти страны смогут играть «китайскую карту» в противостоянии Индии.

ПРИМЕЧАНИЯ

ИЯ

¹ **Lamb A.** Kashmir. A Disputed Legacy. 1846–1990. Hertingfordbury: Roxford Books, 1991; **Lamb A.** Birth of a Tragedy. Kashmir 1947. Hertingfordbury: Roxford Books, 1994; **Wirsing Robert G.** India, Pakistan and the Kashmir Dispute. — The Macmillan Press, 1998; **Amin Tahir.** Mass Resistance in Kashmir. Origin, Evolution, Options. — Islamabad: Institute of Policy Studies, 1995; Pakistan—India. Kashmir Dispute. A Chronology of Important Events (1947–1990). — Lahore: Pakistan Study Centre, 1994; **Jha P.Sh.** Kashmir 1947. Rival Versions of History. — Delhi: Oxford University Press, 1996, etc.

² Keys to Kashmir. Srinagar: Lalla Rookh Publications. 1953. — P. 1.

³ Jammu and Kashmir: population distribution, 1981 and subsequent growth. — www/kashmirisstudygroup.net/mapseplan/population.html, 2000.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ **Lamb A.** Birth of a Tragedy. — P. 1–2.

⁷ **Lamb A.** Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. — P. 127.

⁸ Ibid. — P. 108.

⁹ **Lamb A.** Birth of a Tragedy. Kashmir 1947. — P. 88.

¹⁰ **Jha P.Sh.** Op. cit. — P. 50.

¹¹ Ibid. — P. 3.

- 12 The Kashmir Issue. High Commission of India. — L., 1993. — P. 164–169.
- 13 Ibid. — P. 169.
- 14 **Lamb A.** Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. — P. 37.
- 15 Ibid. — P. 138, 159.
- 16 Ibid.
- 17 Ibid. — P. 154.
- 18 **Lamb A.** The Birth of a Tragedy. Kashmit 1947.
- 19 **Lamb A.** The Indian Claim to Jammu & Kashmir. A Reappraisal. — L., 1993.
- 20 **Jha P.Sh.** Op. cit.
- 21 Ibid.
- 22 **Lamb A.,** Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. — P. 165.
- 23 Ibid. — P. 166–167.
- 24 Ibid. — P. 167–168.
- 25 The Kashmir Issue. High Commission of India. — P. 170–173.
- 26 Ibid. — P. 173–177.
- 27 Правда. — 1952. — 18 янв.
- 28 Official Records of the Security Council of the United Nations. — Yr. 7, Mtg 611. — 1952. — P. 21.
- 29 АВПРИ. — Оп. 1. — Поп. 2. — Инд. 111. — П. 1а, д. 111–ИН.
- 30 Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва. Четвертая сессия (24–29 декабря 1955 г.). Стенографический отчет. — М., 1956. — С. 475–476.
- 31 Official Records of the Security Council of the United Nations. — 12th Session, Mtg 768. — 1957. — Febr. 18.
- 32 Ibid. — Mtg 799. — 1957. — Nov. 5.
- 33 Ibid. — Mtg 1015. — 1962. — June 21; Mtg 1016. — 1962. — June 12.
- 34 Pakistan-India. Kashmir Dispute. A Chronology of Important Events (1947–1990). Lahore: Pakistan Study Centre. — 1994. — P. 64.
- 35 Ibid.
- 36 Об индийско-китайских отношениях подробнее см.: **Шаумян Т.Л.** Отношения между Индией и Китаем: от конфликта к поискам путей сотрудничества // Сб. Региональные конфликты в Азии и Северной Африке. — М., 1997. — С. 198–210.
- 37 **Шаумян Т.Л.** Индийско-китайские отношения к середине 80-х годов // Ежегодник «Индия-1987». — М., 1988. — С. 220.
- 38 Там же.
- 39 China South Asia Relations 1947–1980. — Vol 2. — New Delhi: Radiant Publishers, 1981. — P. 33–37.
- 40 **Шаумян Т.Л.** Указ. соч. — С. 220.
- 41 White Paper, V1. — P. 103–105.
- 42 Pakistan—India. Kashmir Dispute. A Chronology of Important Events (1947–1990). — P. 65.
- 43 **A. Lamb.** Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. — P. 252.
- 44 Ibid. — P. 253–254.
- 45 Ibid. — P. 254.
- 46 Ibid.
- 47 Правда. — 1965. — 10 мая.
- 48 Правда. — 1965. — 8 сент., 14 сент.
- 49 Текст Соглашения см.: The Kashmir Issue. High Commission of India. — P. 178–181.
- 50 Правда. — 1971. — 14 авг.
- 51 **Индира Ганди.** Статьи, речи, интервью. — М., 1975. — С. 24.

Ситуация внутри и вокруг Кашмира в постбиполярную эпоху

В течение 1989 г. после прихода к власти в Пакистане правительства во главе с Беназир Бхутто в индо-пакистанских отношениях произошли некоторые позитивные сдвиги: состоялась личная встреча премьер-министров двух стран — Беназир Бхутто и Раджива Ганди, осуществлен взаимный отвод войск из спорного района ледника Сиачин, подписаны соглашения о совместной борьбе с терроризмом и распространением наркотиков, ратифицировано соглашение о ненападении на ядерные объекты друг друга.

Тем не менее индо-пакистанские отношения оказались неподготовленными к начавшемуся на рубеже 80–90-х годов процессу перестройки глобальной системы международных отношений. Несмотря на то что в постбиполярную эпоху внешнее вмешательство со стороны России, США и Китая в отношения между Индией и Пакистаном по Кашмиру можно считать малозначительным (тем более что все три страны заявили о поддержке двустороннего решения, на основе Симлских соглашений), конфронтация между Индией и Пакистаном продолжалась, и центр ее тяжести все больше перемещался в область военно-политического противостояния. Субконтинент превращался в один из наиболее насыщенных современным вооружением субрегионов Азии.

В связи с вооруженным противостоянием в соседнем Афганистане в политической жизни Кашмира и вокруг него резко усиливалось влияние исламского фактора. В штате все резче высказывалось недовольство позицией центрального индийского правительства, которое не выступало с твердым осуждением советских действий в Афганистане. Активизировала свою деятельность партия Джамаат-и ислами. Кроме того, явно участились террористические действия, провоцировавшиеся крайними экстремистскими группировками, контролировать которые руководство Дхамму и Кашмира практически оказалось не в состоянии. Невозможно было и остановить приток оружия в Кашмир с территории Афганистана и Пакистана.

Социально-экономическая и политическая ситуация в Джамму и Кашмире на рубеже 80–90-х годов резко ухудшилась. Ошибки и просчеты в деятельности центрального правительства, не уделявшего должного внимания социально-политическим проблемам Джамму и Кашмира соответственно его особому статусу в системе Индийской федерации (как указано в статье 370 Конституции Индии), некомпетентность и коррумпированность местной администрации привели к резкому усилению социальной напряженности и разгулу терроризма. Недовольство широких слоев населения было умело использовано фундаменталистскими и сепаратистскими силами, пользовавшимися поддержкой с территории Пакистана, Фронта освобождения Кашмира, кашмирской диаспоры в странах Запада, различных экстремистских организаций, требующих проведения плебисцита или выборов под международным контролем. Много позднее, уже после победы на выборах 1996 г. Фарук Абдулла в Законодательной ассамблее штата по существу обвинил Центр в создании условий, приведших к активизации выступлений боевиков в кашмирской долине. Он упомянул невыполнение обязательств по финансированию многих проектов, что привело к росту безработицы, в особенности среди молодежи. Это обстоятельство широко использовалось Пакистаном: кашмирская молодежь переходила границу, где проходила обучение методам вооруженной борьбы, и по возвращении широко применяла полученные знания на практике. Эти действия умело направлялись местными фундаменталистами и сепаратистами, Фронтом освобождения Кашмира и другими экстремистскими организациями, требовавшими проведения плебисцита или выборов под международным контролем. Началось массовое бегство из штата «кашмирских пандитов» — индусов (уехало их около 400 тыс.), а также богатых кашмирцев-мусульман. Фальсификация результатов выборов в Законодательную ассамблею штата в 1987 г. явилась детонатором усиления противостояния, и с этого момента ситуация начала окончательно выходить из-под контроля.

Итак, в январе 1990 г. Законодательная ассамблея штата была распущена, и с этого момента Джамму и Кашмир находился под президентским правлением. На его территорию были введены войска, численность которых достигла 400 тыс. Террористические акции со стороны боевиков продолжались, как и их подавление армейскими подразделениями.

В конце 1996 г. индийскому парламенту была представлена печальная статистика. За эти годы были убиты 1769 индийских солдат и офицеров, около 7 тыс. сепаратистов, погибли более 13 тыс. мирных жителей. Было разрушено 406 мостов, сожжены 744 школы, уничтожены дороги, жилые здания и др.¹

Происходившее в Кашмире стало еще одним подтверждением известной истины о том, что всякое насилие может породить лишь

ответное насилие, человеческие жертвы, разрушение материальных и духовных ценностей, нанесение невосполнимого ущерба экономике, ущемление прав и свобод населения.

Принятие административных мер, подавление вспышек насилия резко активизировали внутренние силы, выступавшие за отделение Кашмира от Индии. При этом различные политические группировки по-разному представляют себе решение кашмирской проблемы: от присоединения всего Кашмира к Пакистану до создания независимого государства по типу Швейцарии. Второй вариант, по крайней мере со стороны, кажется неприемлемым с точки зрения обеспечения национальных интересов как Индии, так и Пакистана.

Трагические события в Кашмире послужили поводом для очередного витка обвинений Пакистаном индийской стороны в репрессиях против мусульман Кашмира (и всей Индии), в нарушении их права на самоопределение, продолжали звучать требования проведения плебисцита или выборов под международным контролем, рассмотрения кашмирской проблемы в Совете Безопасности ООН и Комиссии ООН по правам человека. Активное участие в антииндийской кампании на международном уровне принимают организации кашмирской диаспоры в странах Запада — Мусульманская всемирная лига, Всемирный мусульманский конгресс, Международная исламская федерация студенческих организаций и др., которые широко используют трибуну Комиссии ООН по правам человека для обвинения Индии в совершении агрессии в отношении Кашмира, массовом нарушении там прав человека со стороны индийской армии, расквартированной на территории Дžамму и Кашмира. В самом Пакистане разворачивалась широкая антииндийская кампания, объявлялись недели солидарности с борющимся народом Кашмира.

Индия со своей стороны с начала 90-х годов все активнее выступает с осуждением вмешательства Пакистана во внутренние дела страны, нарушения им духа и буквы Симлских соглашений и заявляет, что не допустит никакого нарушения суверенитета и территориальной целостности страны и совершения действий, которые дестабилизируют обстановку в регионе. Индийское руководство категорически протестует против любых попыток передачи кашмирской проблемы на рассмотрение международных форумов.

Индийские газеты в начале 90-х годов опубликовали карты Пакистана, на которых были показаны специальные лагеря, где ведется подготовка террористов, напечатали перечень оружия, захваченного на территории Кашмира, и др. Возможность контроля над передвижениями боевиков и притоком оружия в Кашмир из Пакистана и Афганистана крайне ограничена из-за сохранения нестабильности в Афганистане. О прямом участии афганских муджахидов в террористической деятельности в Кашмире в начале 90-х годов сообщала американская печать (например, «Нью-Йорк таймс» 13 марта 1994 г.).

Администрация США неоднократно призывала Исламабад прекратить поддержку террористических действий на чужой территории.

Таким образом вновь образовался как бы заколдованный круг: террористические действия поддерживаемых Пакистаном боевиков вызвали ответные карательные меры со стороны индийских войск и новые обвинения в адрес Индии в нарушении прав человека в Кашмире. И такая ситуация продолжалась долгие семь лет. Эти события показали, что так называемый «внешний фактор» играл достаточно активную и негативную роль в событиях внутри и вокруг Кашмира.

Индийские власти не могли не осознавать необходимости коренного изменения обстановки в Кашмире, учета пожеланий его населения, которое устало от постоянной напряженности, терроризма, насилия и нестабильности, от нерешенности жизненно важных социально-экономических проблем, безработицы среди молодежи, политической неустроенности. Сами кашмирцы, шокированные совершаемыми актами вандализма — захватом и уничтожением в мае 1995 г. исторической мечети Чараре-Шариф, убийством видных политиков, журналистов, адвокатов и др., захватом заложников постепенно пришли к пониманию того, что внешние силы активно используют их в своих конъюнктурных интересах. Неоднократное перенесение сроков проведения выборов в Законодательную ассамблею штата в середине 90-х годов провоцировало все новые обвинения в адрес индийских властей в отсутствии демократии и нарушении прав человека в Кашмире. Поэтому после длительных консультаций правительство Нарасимха Рао приняло решение провести на территории Кашмира выборы в центральный парламент Индии. Одновременно был предложен пакет мер с целью укрепления автономии Джамму и Кашмира. И хотя этот пакет был отвергнут ведущей политической силой Кашмира — Национальной конференцией и ее лидером Ф. Абдуллой, в выборах в центральный парламент в мае 1996 г. участвовало около 20% внесенных в списки избирателей, которые продемонстрировали таким образом свое стремление к восстановлению законности и порядка, высказались за прекращение кровопролития и стабилизацию политической и социально-экономической обстановки².

Правительства Нарасимха Рао, а затем Деве Говда проявили инициативу в поисках путей стабилизации обстановки, да и в руководящей верхушке штата Джамму и Кашмир также возобладали здравый смысл и понимание необходимости принятия срочных мер. Население штата поддержало инициативы центра и продемонстрировало это прежде всего активным участием в выборах в Законодательную ассамблею штата, которые состоялись в сентябре 1996 г. Председатель правительства Объединенного фронта Деве Говда

в период предвыборной кампании дважды посетил Кашмир, а покая- ние успешно проведенного предвыборную кампанию Фарука Абдуллы за события 1987 г. имело не только политическое, но и огромное психологическое значение. Национальной конференции удалось договориться с другими популярными лидерами и политическими силами, установить контакты с представителями различных этниче- ских групп и религиозных течений. В результате в трех раундах выборов приняли участие более 55% избирателей. Национальная конференция во главе с Ф. Абдуллой одержала убедительную побе- ду, получив 58 из 87 мест в Законодательной ассамблее, что со- ставило 34% от общего числа избирателей, принявших участие в голосовании³.

Как бы то ни было, самый факт проведения выборов в Кашмире и достаточно активное участие в них населения штата — даже в условиях пребывания на его территории индийского воинского контингента — свидетельствуют о заинтересованности и правитель- ства Индии, и самих кашмирцев в мирном политическом урегулировании ситуации в Кашмире и вокруг него. Народу Кашмира впервые с 1987 г. была предоставлена возможность непосредственно участвовать в определении своего будущего.

Ф. Абдулла получил серьезный аванс от той довольно значительной части населения Джамму и Кашмира (около 780 тыс.), которая не побоялась угроз боевиков осуществить террористические акты на избирательных участках и продемонстрировала свое стремление к восстановлению демократических институтов в штате.

Вступив на должность главного министра, Ф. Абдулла приступил к разработке экономической программы, которая предусматривала восстановление разрушенного, создание новых рабочих мест, возобновление строительства объектов с иностранным участием, организованный выезд на работу в страны Персидского залива и т.д. Была сформирована Комиссия по правам человека, а также специальная Комиссия по проблемам автономии. Штат посетил премьер-министр Индии И.К. Гуджрал. Многие наблюдатели, ко- торые посещали Джамму и Кашмир, отмечали, что его население постепенно возвращается к нормальной жизни: на стадионах дети играют в футбол и крикет, взрослые посещают Могольские сады, фотографы снимают туристов в национальных кашмирских плать- ях, постепенно восстанавливаются занятия в учебных заведениях, допоздна открыты магазины и рынки. Наблюдатели заметили также, что изменилось «лицо» боевиков, все еще пересекающих границы Джамму и Кашмира и организующих террористические действия в отношении мирных жителей. Преимущественно это афганские муджахиды, а уже не кашмирцы, которые в большинстве своем за- интересованы в стабилизации положения в штате и поэтому избе- гают участвовать в террористических актах.

Во время проведения на территории Кашмира всеобщих парламентских выборов 1998 г. избиратели пришли на участки в районе Джамму и в сельских местностях Кашмирской долины, в то время как большинство населения Сринагара и других городов эти выборы бойкотировало. Наблюдатели объясняли эту ситуацию выводом индийских войск из крупных городов и расквартированием их в сельских местностях, где они имели возможность оказывать на местное население определенное давление. Большинство населения штата бойкотировало и внеочередные всеобщие выборы, состоявшиеся в сентябре 1999 г.

Конечно, установление мира и стабильности в Кашмире — дело будущего, однако самый факт проведения выборов и достаточно широкое участие в них населения Джамму, Кашмира и Ладакха может считаться аргументом против обвинений в том, что народ Кашмира лишен возможности участвовать в решении своей судьбы. От политики индийского правительства, от руководителей штата и его народа зависят перспективы стабилизации обстановки, а только это может создать необходимые условия для вывода индийских войск с территории штата, обеспечения там прав человека, решения проблем его экономического возрождения.

18 августа 1997 г. в юбилейном номере журнала «Индия тудей», посвященном 50-летию независимости Индии, были опубликованы результаты опроса общественного мнения, в ходе которого был задан вопрос и о будущем Кашмира. Так, 40% опрошенных считают, что кашмирская проблема в конечном счете будет решена, а 31% не согласен с этой точкой зрения. 71% опрошенных видит Кашмир в составе Индии, и это объясняет, почему на улучшение отношений с Пакистаном надеется всего 28%, в то время как 46% гораздо более пессимистичны.

В том же номере журнала опубликован прогноз развития Индии до 2047 г., подготовленный аналитиками из делийского Центра политических исследований. Авторы прогноза более оптимистичны и надеются на то, что кашмирскую проблему можно будет урегулировать в течение следующего десятилетия, и решающую роль в этом сыграет развитие взаимодействия между двумя частями разделенного Джамму и Кашмира в условиях «возрастающей» дружбы и сотрудничества между Индией и Пакистаном.

Однако в условиях сохранения напряженности в индо-пакистанских отношениях трудно предположить, что такого рода прогноз может оправдаться. Уж очень различны подходы сторон к этой проблеме. В конце 90-х годов состоялись встречи руководителей двух стран, высших чиновников внешнеполитических ведомств, прошло несколько раундов двусторонних переговоров на уровне секретарей по иностранным делам. И хотя все их участники подтверждают свое

стремление к переговорам для достижения большего взаимопонимания, улучшения отношений в различных сферах, «камнем преткновения» остается Кашмир.

Индия продолжает обвинять пакистанскую сторону во вмешательстве во внутренние дела Кашмира, поддержке боевиков, снабжении их оружием и т.д. Пакистанская же сторона требует от индийской прекращения карательных мер «индийских оккупационных сил» в Кашмире и вывода их с территории штата, обеспечения там прав человека.

Выступая в интервью Би-Би-Си по случаю 50-летия независимости Индии 12 августа 1997 г., премьер-министр Индии И.К. Гуджрал продемонстрировал определенный оптимизм относительно возможности выхода из кашмирского тупика. Этот оптимизм мог показаться преждевременным, так как, выступая по случаю 50-летия независимости Пакистана, его премьер-министр Наваз Шариф подтвердил, что отношения между двумя странами будут нормально развиваться лишь после разрешения кашмирского вопроса, в первую очередь при условии вывода индийских войск с территории штата. Он еще раз заявил о готовности оказывать «политическую, экономическую и моральную поддержку кашмирцам, которые ведут в Кашмирской долине борьбу за независимость».

Официально Пакистан и с начала нового тысячелетия продолжает придерживаться своей традиционной линии: решение кашмирского вопроса возможно лишь посредством проведения плебисцита. В то же время в различных кругах страны выдвигаются и обсуждаются различные варианты его урегулирования. Подавляющее большинство населения Пакистана, судя по всему, относится к кашмирской проблеме более или менее индифферентно. В некоторых слоях общества даже нарастает недовольство тем, что эта проблема используется правящей группировкой для укрепления своих позиций, милитаризации страны, усиления внутренней напряженности. В этих условиях обсуждаются даже такие предложения, как отказ от плебисцита и поиск иных путей решения проблемы. Более умеренные из «диссидентов» стоят за то, чтобы любое решение впоследствии обязательно было легитимизировано референдумом. Некоторые предложения свидетельствовали об определенном сдвиге в сторону позиции Индии: так, например, отмечается, что кашмирская проблема должна решаться только Индией и Пакистаном, без всякого участия каких-либо других сторон, в том числе ООН.

Признается необходимость длительного подготовительного этапа, который даст возможность установить климат доверия между противоборствующими сторонами в Кашмире. С этой целью необходимо осуществить демилитаризацию Кашмира, сделать «прозрачной» линию фактического контроля, обеспечить свободный пере-

ход жителей из одной части Кашмира в другую и т.д. Предлагается также превратить линию контроля в государственную границу между Индией и Пакистаном, установить над Кашмирской долиной прямое управление ООН с проведением плебисцита только там или совместное управление долиной обеими заинтересованными странами и др.

Некоторые эксперты считают, что в Пакистане поиски путей выхода из нынешней тупиковой ситуации ведутся более интенсивно и широко. Видный пакистанский публицист, в недавнем прошлом посол в России, Танвир Ахмад Хан объясняет это тем, что «трагическая судьба кашмирского народа давит на сознание пакистанцев много больше, чем это имеет место в отношении жителей Индии». По-видимому, воздействие кашмирского конфликта на Пакистан в силу объективных факторов более значительно, чем на Индию, и это побуждает пакистанскую общественность активно искать выхода из создавшегося положения⁴.

В середине 90-х годов реалисты и прагматики в Дели подспудно готовили общественное мнение к признанию статус-кво в Кашмире. Так, вскоре после проведения выборов в сентябре 1996 г. Ф. Абдулла сам выступил с предложением превратить линию фактического контроля в постоянную границу между двумя государствами. Это предложение достаточно широко обсуждалось и встретило далеко не однозначную реакцию. Правительство долго размышляло, и в конце апреля 1997 г. премьер-министр И.К. Гуджрал отверг всякую возможность подобного решения кашмирской проблемы. Он еще раз заявил, что Джамму и Кашмир являются неотъемлемой частью Индии «и любая точка зрения, противоречащая этой позиции, неприемлема». Сам Ф. Абдулла, учтя, по-видимому, негативную реакцию на его предложение, в июне 1997 г. подтвердил, что Кашмир — неотъемлемая часть Индии, и потребовал от Пакистана возвращения оккупированной им части Кашмира и северной части Гилгита и Скарду. По его мнению, индийская сторона должна ставить этот вопрос в ходе переговоров с Пакистаном на всех уровнях. Однако Ф. Абдулла не отказался от идеи превращения линии прекращения огня в международную границу и повторил это предложение 7 сентября 1999 г., выступая на митинге в Кашмире. По его мнению, это единственный путь обеспечения мира и процветания на суб-континенте.

И тем не менее приходится констатировать, что руководство Индии, да и Пакистана не может не учитывать того, что эмоциональные, помнящие о пролитой крови представители старшего поколения, да и многочисленные националистические и шовинистические группировки в обеих странах, влиятельная кашмирская диаспора на Западе вряд ли согласятся с таким вариантом решения проблемы в обозримом будущем. Но дело не только в этом. Создается впечат-

ление, что любые варианты, основанные на разумном компромиссе, на взаимных, примерно равных уступках, так и остаются неволевыми. Позиции противостоящих сторон столь статичны благодаря «мощной силе инерции». За 55 лет обе страны как бы сжились с существованием конфликтной ситуации в Кашмире, она стала неизменным элементом их внутренней и внешней политики, а руководители Индии и Пакистана — как бы заложниками провозглашенной много лет назад государственной политики по Кашмиру, заложниками укоренившегося в обоих государствах взгляда на решение проблемы. Они опасаются того, что нарушение существующего десятилетиями взгляда на Кашмир неизбежно приведет к новым потрясениям, большим осложнениям, непредсказуемым последствиям. Тем не менее нынешнее состояние проблемы дает основания говорить о ее фактическом решении, решении де-факто, при сохранении конфликта де-юре. Окончательное же решение требует политической воли и готовности положить конец конфликту на договорно-правовой основе, и в этом самая большая сложность: ведь такое решение будет выглядеть как отступление от основополагающих принципов, в некотором роде даже капитуляция, а это неприемлемо для обеих стран, в особенности для Индии⁵.

Пакистан в большей степени заинтересован в сохранении нынешней ситуации, поскольку это повышает его международную значимость, так как он находится в конфликте с такой влиятельной державой, как Индия, что дает ему возможность постоянно «звучать» на международных форумах, укреплять сотрудничество с «братскими мусульманскими странами», публично обвинять Дели в нарушении прав человека в Кашмире, апеллировать к мировому общественному мнению и др. Столь же значительна роль кашмирской проблемы и для «внутреннего потребления»: различные неудачи, промахи и др. списываются властями Пакистана за счет напряженности с Индией из-за Кашмира.

В результате в среднесрочной перспективе полное, то есть политическое, решение конфликта представляется маловероятным.

Исходные позиции Индии и Пакистана по кашмирской проблеме остаются неизменными и диаметрально противоположными. В Дели по-прежнему считают, что в целом кашмирский вопрос решен, имея в виду обращение махараджи о принятии княжества в состав Индии и законодательное оформление этого шага в 1954 г. Учредительным собранием штата. Проблема же, по мнению Дели, состоит в пребывании на части территории бывшего княжества иностранных (т.е. пакистанских) вооруженных сил. Урегулировать эту проблему надлежит только на двусторонней основе без всякого внешнего участия в любой форме (будь то посредничество, акции доброй воли, миротворческие миссии и т.д.). Пакистан категорически настаивает на том, что кашмирский вопрос по-прежнему оста-

ется нерешенным, и сделать это можно лишь предоставлением всему кашмирскому народу права на волеизъявление посредством плебисцита. Внешняя помощь этому процессу в любой форме полезна и необходима.

Обе позиции имеют существенные слабости. Так, некоторые политологи ставят под сомнение законность присоединения Кашмира к Индии на основе решения махараджи, принятого в чрезвычайных условиях, одобренного резолюцией законодательного органа, представляющего лишь часть населения Кашмира. В то же время не было предпринято никаких иных законодательных действий, которые опровергали бы легитимность принятых решений. Требование же Пакистана о плебисците вряд ли реально и целесообразно в современных условиях.

За прошедшие после достижения независимости годы обе части разделенного Кашмира установили прочные многосторонние связи соответственно с Индией и Пакистаном. По существу, индийский штат Джамму и Кашмир, Азад Кашмир и так называемые Северные территории в Пакистане в большей или меньшей степени интегрированы в экономические и социально-политические структуры Индии и Пакистана. Разрыв установившихся связей при любом результате плебисцита может повлечь за собой большие экономические и политические потери. Как представляется, за полстолетия стороны уже сжились с существующим положением, нарушение которого может принести непредсказуемые последствия. Кроме того, судьба всего Кашмира, по сути, будет решаться голосованием в Кашмирской долине, где проживает больше половины населения бывшего княжества, преимущественно приверженцы ислама. Поэтому в данных конкретных условиях референдум не будет означать реализации права всего народа на определение своей судьбы. А проведение плебисцита по основным районам Кашмира в отдельности, как предлагают некоторые политологи, может привести к его расчленению, так как скорее всего результаты голосования в Ладакхе и Джамму будут существенно отличаться от точки зрения жителей Кашмирской долины. К тому же следует иметь в виду, что в бывшем княжестве растет и укрепляется национальное самосознание кашмирцев, идентификация себя в качестве отдельной самостоятельной этнической группы. В политическом плане подобное явление находит отражение в изменении многими организациями конечной цели своей борьбы — вместо присоединения к Пакистану или Индии они стали выступать за создание независимого кашмирского государства. На таких позициях стоит влиятельное политическое движение — «Фронт освобождения Джамму и Кашмира». Постановка на плебисците вопроса о независимости Кашмира осложнит перспективы решения проблемы, однако игнорирование его будет нарушением воли и желания многих жителей штата.

Даже если представить себе, что плебисцит в Кашмире на каких-то условиях и при каких-то особых обстоятельствах будет проведен, возникнет острейший вопрос о возможности реализации его результатов. Трудно предположить, что в случае выраженного желания большинства населения Кашмира перейти под эгиду Пакистана, Индия безболезненно примет это решение и «без боя» согласится на передачу ее «жемчужины» Пакистану. Не менее трудно представить себе, что Пакистан мирно согласится отдать находящиеся под его юрисдикцией части Кашмира Индии в случае, если большинство населения захочет связать с ней свою судьбу. Вряд ли любое из этих решений не вызовет резкого обострения ситуации на субконтиненте, что чревато непредсказуемыми последствиями как для региона, так и для всего мирового сообщества, если вспомнить, что речь идет о государствах, обладающих ядерным потенциалом. Вызывает серьезные сомнения и то, что и Индия, и Пакистан примут вердикт большинства кашмирцев, если они проголосуют за независимость и от Дели, и от Исламабада, и за создание собственного независимого государства. Такое развитие событий в одинаковой степени не удовлетворит ни Индию, ни Пакистан, ни в определенной степени Китай, которые вряд ли согласятся на отторжение части своих территорий ради образования независимого Кашмира. Сохраняется перспектива дальнейшего усиления в этом стратегически и политически важном регионе сил исламского экстремизма при широком участии талибов, вытесненных из сопредельного Афганистана, активизации деятельности в регионе представителей консервативных мусульманских режимов ряда арабских государств. Такое развитие событий представляет угрозу для Индии, Китая с проблемами мусульман в Синьцзяне, для новых независимых мусульманских республик Центральной Азии и может вызвать негативную реакцию секуляристски настроенной интеллигенции Пакистана, хотя значительная часть его населения тяготеет к традиционным исламским ценностям.

В любом случае в ситуации, возникшей в Кашмире и вокруг него, можно видеть признаки одного из самых серьезных и глубоких противоречий современного мира: между законным правом любого народа на самоопределение и свободное волеизъявление и не менее законным правом каждого государства отстаивать свою территориальную целостность. Это противоречие служит причиной подавляющего большинства внутригосударственных и региональных конфликтов в самых различных районах мира: в бывшей Югославии и вокруг Тибета, в Чечне, африканских государствах и др. Похоже, что и ситуация в Кашмире, и состояние в связи с этим индо-пакистанских отношений могут быть отнесены, наряду с другими факторами и обстоятельствами, к этой категории проблем.

Совершенно очевидно, что процесс урегулирования кашмирской проблемы находится в прямой зависимости от общего состояния индо-пакистанских отношений. Превращение Индии и Пакистана в ядерные государства существенно их усложнило, внесло в них качественно новые черты. Отношения резко ухудшились, каждая сторона объявляла другую виновной в появлении на субконтиненте ядерного оружия. Однако некоторые специалисты высказывали уверенное предположение, что в новых, «ядерных» условиях отношения Индии и Пакистана будут улучшаться, что ядерное оружие, как и во времена холодной войны, сыграет «сдерживающую» роль, приведет к разрядке напряженности.

И действительно, довольно скоро началась определенная нормализация индо-пакистанских отношений, возобновился переговорный процесс по урегулированию основных проблем двусторонних отношений, включая кашмирский вопрос.

Важное значение имела встреча глав правительств двух стран — А.Б. Ваджпай и Наваз Шарифа — 20–21 февраля в пакистанском городе Лахоре, куда индийский премьер-министр прибыл в автобусе, открыв тем самым регулярное наземное сообщение между Индией и Пакистаном. Принятая в результате переговоров Лахорская декларация, в которой стороны подтвердили решимость следовать духу и букве Симлских соглашений; взяли на себя обязательство приложить дополнительные усилия для решения всех спорных вопросов, включая кашмирскую проблему; обязались интенсифицировать переговорный процесс; наметили рамки и механизмы для укрепления мира и безопасности, снижения риска возникновения конфликта. Была достигнута договоренность начать двусторонние консультации по вопросам национальной безопасности и ядерных доктрин, разработки мер доверия в области ядерных и обычных вооружений. Было решено подписать соглашение о заблаговременном предупреждении друг друга о проведении испытаний баллистических ракет. Чрезвычайно важным было заявление А.Б. Ваджпай о том, что «сильный и стабильный Пакистан — в интересах Индии».

Последовавшие затем события нарушили набиравший силу переговорный процесс, показав при этом, что он не носит необратимый характер.

В течение последующих почти трех месяцев упоминания сектора Каргил, расположенного на севере индийского штата Джамму и Кашмир, практически не сходили со страниц индийской, пакистанской и мировой печати. Название этого сравнительно небольшого населенного пункта, расположенного в непосредственной близости от линии контроля, разделяющей Индию и Пакистан, в Ладакхе, в районе покрытых снегом Гималайских вершин, до этого мало кому было известно. Однако именно здесь развернулись боевые действия между индийскими воинскими подразделениями и исламскими бое-

виками, в составе которых, помимо местных инсургентов, выступающих за пересмотр существующего статуса штата Джамму и Кашмир, действовали пакистанские военнослужащие, а также прошедшие подготовку в Пакистане и незаконно вторгшиеся на территорию Индии муджахиды из других исламских государств. Участие пакистанской регулярной армии в военных действиях, о чем неоднократно сообщали индийские средства массовой информации, подтверждается не только продолжительным и ожесточенным характером боевых действий, но также и иными многочисленными свидетельствами. Не случайно один из ведущих индийских экспертов по проблемам обороны и безопасности, бывший директор Института оборонных исследований и анализа, бригадный генерал Джасджит Сингх полагал, что события в Каргиле могут считаться «четвертой войной» между Индией и Пакистаном — после войн 1947–1948, 1965 и 1971 гг.⁶

Протекал конфликт в экстремальных природно-климатических условиях: боевые действия велись в высокогорных районах северного Кашмира, на высоте 5000 м, где даже летом лежит толстый слой снега, а зимой температура держится на отметке –20 градусов. Там нет крупных постоянных населенных пунктов, зимой из-за суровой погоды оттуда выводятся подразделения индийских пограничных войск, которые с наступлением весенне-летнего периода возвращаются обратно. В 1999 году их опередили неожиданные «гости», которые заняли хорошо укрепленные позиции.

Итак, 3 мая три пастуха из небольшой деревни Гаркхун, которые пасли свои стада на высокогорных пастбищах, случайно, глядя в бинокль, увидели в районе Джуббар Лангпа группу мужчин в пуштунской одежде, которые рыли временные окопы и строили укрепления. Пастухи немедленно сообщили об этом командованию пограничных войск. 4 и 5 мая индийские военные патрули обнаружили в районе Каргила и Драсса отряды хорошо вооруженных людей, перешедших линию контроля и направлявшихся в глубь индийской территории со стороны пакистанской части Кашмира. Завязавшаяся перестрелка ознаменовала собой начало очередного вооруженного конфликта в Кашмире. В ходе первых столкновений индийская сторона потеряла трех убитых и несколько солдат были ранены. К середине мая индийские армейские подразделения обнаружили пакистанские военные укрепления — целую систему окопов и дотов, созданных на постоянной основе, пересекающих весь сектор Каргил от долины Мушлох на западе до перевала Чорбат на востоке. Следует отметить, что даже в этот момент индийские военные руководители все еще не предполагали, что ситуация настолько серьезна, и считали, что отдельные вторжения не выходят за рамки обычных инцидентов сугубо местного характера. Тем временем на пакистанской стороне от линии контроля создавались базы, на которых сосре-

доточивались резервные силы боевиков, тяжелая военная техника, боеприпасы, запасы продовольствия. Все это по горным тропам, а также вертолетами перебрасывалось на сопредельную индийскую территорию для оказания помощи боевикам. При этом министр иностранных дел Пакистана Сартадж Азиз утверждал, что якобы ничего не знал о проникновении боевиков на территорию Индии. Таким образом, была нарушена линия контроля, играющая в Кашмире роль фактической государственной границы, и совершена прямая агрессия против Индии. Все дальнейшие действия индийской стороны были направлены на ликвидацию последствий этой агрессии, то есть на вытеснение из Каргила нарушителей территориальной целостности Индии и сохранение неприкосновенности линии контроля.

Общая численность группировки исламских боевиков и пакистанских военных на первых порах составляла около 600 человек, однако постепенно их число возросло почти до трех тысяч. В их состав, наряду с пакистанскими и кашмирскими боевиками, прошедшими соответствующую подготовку в специальных лагерях на территории Пакистана, входили и афганские муджахиды, которые непосредственно участвовали в боевых действиях в разных частях мира — от самого Афганистана до Югославии, Чечни, Таджикистана, Дагестана и др. Представитель боевиков, действующих на территории Кашмира, заявил корреспонденту агентства Рейтер, что они вооружены самыми современными видами оружия и пользуются поддержкой других воинственных группировок, действующих в сопредельных регионах. Против них выступали подразделения индийских военнослужащих, включая отряды специального назначения из числа индийских сухопутных сил, дислоцированных в штате Джамму и Кашмир. Характер местности исключал возможность выбить боевиков из возведенных ими укреплений силами пехоты или с применением некоторых видов тяжелой боевой техники, например танков. Даже использование артиллерии было затруднено. Природные условия помогали обороняющимся нарушителям территориальной целостности Индии противостоять превосходящим силам наступающих индийских войск. Боевики умело использовали преимущества своего нахождения на склонах гор, откуда они вели наблюдение за передвижением индийских войск по высокогорной стратегической магистрали, соединяющей столицу штата Сринагар с Ладакхом и районом ледника Сиачин, и вели по ним прицельный огонь. Нарушение передвижения войск и грузов по направлению Пунч—Сринагар—Лех—Чушул являлось одной из важных военных целей, предпринятой боевиками при поддержке Пакистана военной операции. К тому же исламисты получали ракетно-артиллерийскую поддержку с пакистанской территории и фактически сами корректировали огонь пакистанской артиллерии через линию контроля по позициям ин-

дийских войск. Пакистанская сторона на первом этапе конфликта утверждала, что боевики — это исламские борцы за свободу, которым она оказывает лишь моральную и дипломатическую поддержку, но отнюдь не военную. В то же время сами боевики не скрывали того, что прошли специальную военную подготовку в лагерях, расположенных на территории Пакистана. О том, что в военных действиях участвовали офицеры пакистанской армии, свидетельствовали данные радиоперехвата: корректировка огня велась на английском языке. Переговоры велись также на языке пушту, что свидетельствовало о том, что в боях участвовали пуштуны и афганские муджахиды. Кроме того, были записаны и преданы гласности телефонные разговоры от 26 и 29 мая 1999 г. между двумя генералами: начальником генерального штаба Пакистана генерал-лейтенантом М. Азизом и находившимся в тот момент с официальным визитом в Китае начальником штаба армии генералом П. Мушаррафом. Высшие военачальники Пакистана обсуждали события в районе Каргила, ответные действия индийской стороны, перспективы двусторонних переговоров между военными и политиками двух стран. Содержание этих телефонных переговоров по существу подтверждает не только осуществление пакистанскими военными общего руководства действиями боевиков, но и непосредственное участие пакистанских военнослужащих в военных действиях в Каргиле и сопредельных районах Драсс и Баталик.

Судя по всему, пакистанские военные заранее готовились к осуществлению операции в Каргиле. Они были удовлетворены позицией президента страны Рафика Тарара, который, выступая в парламенте 11 марта 1999 г., заявил о том, что военный бюджет страны не будет сокращен. Президент напомнил предостережение одного поэта, который писал, что «преступно быть слабыми и навлекать на себя гибель». В тот же день генерал П. Мушарраф в беседе с корреспондентами заявил, что все переговоры с Индией «бесполезны» и могут возобновиться лишь тогда, когда она будет относиться к ним «со всей серьезностью». Следует отметить также, что именно генералы П. Мушарраф и М. Азиз были организаторами и идеологами вторжения на индийскую территорию в Каргиле. Последующие события в Пакистане — военный переворот, смещение правительства Наваз Шарифа и приход к власти генерала Мушаррафа подтвердили наличие серьезных разногласий между военными и гражданскими властями Пакистана по важнейшим внутренним проблемам, а также по вопросам внешней политики, таким как поддержка талибов в Афганистане, политика в отношении Индии, проблема Кашмира. Пакистанские «ястребы» не простили гражданскому правительству попыток дипломатического урегулирования индо-пакистанских противоречий и решения об отходе боевиков и пакистанских военнослужащих из района Каргила. Участие в конфликте регулярной

армии усилило позиции Пакистана и серьезно затруднило возможность ответных действий индийской стороны.

16 июля, уже после того как военные действия в основном прекратились и начался отвод пакистанских сил из района Каргил, начальник штаба пакистанской армии генерал П. Мушарраф официально признал вовлеченность Пакистана в военные действия. В интервью британскому телевидению он сказал, что пакистанские войска осуществляли «вооруженное патрулирование» на индийской стороне линии контроля с целью «предотвращения возможного нападения индийских войск на территорию Пакистана»⁷. А 14 августа по случаю Дня независимости Пакистан открыто отдал почести пакистанским военным, которые сбили индийский вертолет МИ-17 и самолет МИГ-27, а также погибшим в ходе военных действий в Каргиле⁸.

Окончательно убедившись в том, что в столь сложных природных условиях пехота одна не в состоянии решить задачу освобождения индийской территории от боевиков, премьер-министр Индии А.Б. Ваджпай встретился с начальниками штабов трех родов войск. 25 мая индийский премьер-министр заявил, что Индия предпримет все необходимые меры, включая использование военно-воздушных сил страны, для изгнания вторгнувшихся боевиков и пакистанских военнотружущих.

26 мая самолеты ВВС Индии в первый раз нанесли серию ракетно-бомбовых ударов по укреплениям боевиков в районах Каргил и Драсс. В операции участвовали самолеты МИГ-21, МИГ-27 и вертолеты МИ-17. По утверждениям индийских военных чиновников, делалось все возможное, чтобы в ходе операции авиация не нарушила линию контроля в Кашмире. Индийское военное руководство объявило, что военная операция прошла «успешно», а также что такого рода действия будут продолжаться, пока вооруженные силы Индии полностью не освободят захваченные территории⁹. На следующий день пакистанское руководство обвинило Индию в нарушении линии контроля в ходе бомбардировок базы боевиков. Представитель министерства иностранных дел Пакистана призвал Генерального секретаря ООН Кофи Аннана направить своего представителя в зону конфликта для «обеспечения мира и безопасности». Он подтвердил приверженность Пакистана принципам Лахорской декларации и выразил надежду, что действия Индии не приведут к дальнейшей эскалации конфликта. Индийская же сторона не без основания утверждала, что ее цель — освобождение своей собственной территории от вторжения извне.

27 мая в ходе проведения военной операции самолет индийских ВВС МИГ-27 потерпел крушение из-за механических неполадок. Его пилот К. Начикета был взят в плен боевиками. В тот же день пакистанцы сбили самолет МИГ-21, который, как они утверждали,

нарушил воздушное пространство Пакистана и (так же, как и само- лет МИГ-27) вторгся в глубь его территории приблизительно на 5 км. Самолет был направлен специально для того, чтобы найти местоположение К. Начикета. В результате индийский пилот самолета МИГ-21 Аджай Ахуджа, которому удалось катапультироваться, был обнаружен и убит пакистанцами двумя выстрелами — в голову и грудь. Этот акт жестокости вызвал глубокое возмущение индийской общественности. Его тело позднее было возвращено индийской стороне. К. Начикета 3 июня после восьми дней плена был освобожден и вернулся на родину¹⁰.

Подразделения боевиков, афганских муджахидов и пакистанских военных продолжали оставаться на оборонительных укреплениях примерно в 2,5 км от линии контроля в районах Каргил, Драсс и Балатик, где продолжались боевые действия. 28 мая в секторе Драсс ракетой «Стингер» был сбит вертолет МИ-17 ВВС Индии, и все члены команды погибли. Индийская сторона начала применение боевых самолетов типа Мираж-2000. Пакистан, со своей стороны, подверг бомбардировке индийские посты в районах Пунч, Нушера и Акхнур. 10 июня Индия выразила резкий протест Пакистану после того, как ей были переданы изуродованные тела шести индийских военнослужащих. 12 июня состоялась встреча министров иностранных дел Индии и Пакистана — Дж. Сингха и С. Азиза, однако состоявшиеся переговоры зашли в тупик. 13 июня индийский премьер-министр А.Б. Ваджпай посетил район Каргила. На следующий день состоялся телефонный разговор президента США Клинтона и премьер-министра Индии А.Б. Ваджпай.

Американская телекомпания CNN 10 июня 1999 г. транслировала «откровения» командира группы боевиков Хезб-ул-Муджахиддин Сайеда Салахуддина, одновременно возглавляющего Объединенный совет (джихад) борцов за веру, в который входят 14 организаций боевиков. По его мнению, борьба против индийской власти в Кашмире вступила в «завершающую стадию», и за «пару лет» вопрос будет решен «в соответствии с пожеланиями народа Джамму и Кашмира». Как он утверждал, его группировка ведет борьбу лишь за то, чтобы «усадить Индию за стол переговоров». Однако если она на это не согласится, «то ее заставят силой»¹¹.

Ожесточенные бои длились более двух месяцев. Отдельные населенные пункты и высоты (Баталик, Мускох, Тололинг, Мунто Дало, Барбад, Тайгер и др.) по несколько раз переходили из рук в руки. Конфликт приобретал затяжной характер и вызывал все большее беспокойство мировой общественности. В середине июля стало ясно, что пакистанской стороне не удалось достичь цели удержания занятой индийской территории в Каргиле. Н. Шарифу было важно «сохранить лицо», и он воспользовался результатами переговоров с президентом США Клинтон и лидерами Китая, чтобы объявить

о прекращении боевых действий¹². Оставшиеся в живых инфильтранты ушли с индийской территории, хотя отдельные стычки, перестрелки и другие нарушения линии контроля продолжались. По данным индийских военных, на 50-е сутки операции потери Индии составили 410 солдат и офицеров убитыми, 581 — ранеными и 6 пропавших без вести. Пакистанская сторона потеряла 698 человек¹³ (по пакистанским данным, «баланс», естественно, не в пользу противника).

Хотя вооруженный конфликт в Кашмире и представлял довольно крупное военное столкновение двух противостоящих сторон (ряд индийских аналитиков считают его «четвертой индо-пакистанской войной»), по чисто военным параметрам он уступал столкновениям прошлых лет, и поэтому вряд ли следует преувеличивать его масштабы (как это делают некоторые российские и зарубежные издания¹⁴). Характеристика каргильского конфликта как «первого военного столкновения государств — обладателей ядерного оружия» также не соответствует действительности: первым такого рода конфликтом были события на советско-китайской границе в 1969 г.¹⁵

Специфика каргильского конфликта в другом: он произошел впервые после окончания холодной войны и в условиях свершившегося перехода его участниками «ядерного порога». Это во многом определило характер и динамику конфликта, практически однозначно негативное к нему отношение мирового сообщества.

Важной чертой каргильского конфликта, в отличие от предшествующих индо-пакистанских конфликтов, является также и то, что он не вышел из первоначальной стадии — из ограниченного по масштабам столкновения индийских военных и исламских боевиков, как местных, так и проникших с территории Пакистана муджахидов, а также некоторых подразделений пакистанской армии. Он не перерос, как это было прежде, в крупномасштабную войну с вовлечением регулярных воинских частей обеих стран на всем протяжении государственной границы и линии разделения в Кашмире. Как представляется, в этом не была заинтересована ни одна из сторон, возможно, из опасения, что затягивание в широкомасштабный конфликт может резко усилить в политической жизни страны роль генералов и экстремистских националистических сил, которые ради достижения военного успеха могут пойти на принятие крайних мер, вплоть до использования ядерного оружия. Отсюда и нежелание каждой из сторон расширения боевых действий, стремление к сдерживанию их в первоначальных рамках. Отсюда — и широкая международная оппозиция конфликту, попытки ведущих стран мира предотвратить возможность его дальнейшей эскалации. В отношении Пакистана опасения относительно усиления роли военных в политической жизни страны оправдались, о чем свидетельствует военный переворот, совершенный в Исламабаде 12 октября 1999 г.

События в Каргиле летом 1999 г. показали, что ядерное оружие не изменило сущность взаимоотношений Индии и Пакистана. Обсуждая вопрос о возможности ядерного конфликта между ними, специалисты сходились на том, что возникновение каргильского конфликта и его развитие в «чистом виде» именно как ядерного — невозможно. Но многие допускали возможность перерастания обычного конфликта в ядерный. Однако рассмотренные события показали, что этого не произошло. По-прежнему действует и решает все превосходство обычных видов вооружения, по которому баланс, как и раньше, в огромной степени в пользу Индии. И наличие ядерного оружия не меняет этого положения, тем более что Индия и здесь имеет преимущество.

Нет сомнений, что появление на индийской территории исламских боевиков не было стихийным выступлением местных «борцов за свободу». Тщательная подготовка и длительность военной операции, обеспечение ее участников всем необходимым, попытки создания дипломатического прикрытия, а затем готовность вывести по распоряжению пакистанского правительства части сражавшихся из зоны боевых действий, другие факты свидетельствуют о том, что события в Каргиле с самого начала были осуществлены военным руководством страны и находились в сфере пристального внимания правительства Исламабада.

Попробуем разобраться и понять, ради чего пакистанское руководство пошло на новый военный вызов Индии. Прежде всего и главным образом это была своеобразная «разведка боем» новой обстановки, сложившейся после ядерного вооружения соперников, выяснения, как поведет себя противник в этой обстановке. В кругах специалистов было распространено мнение, что Индия, опасаясь превращения обычного конфликта в ядерный, не пойдет на решительные меры противодействия и позволит Пакистану «хозяйничать» в Кашмире. Действительность показала тщетность этих надежд. Индия действительно осознавала, что ситуация никоим образом не должна выйти из-под контроля и дойти до порога ядерного противостояния, поэтому она приняла самые решительные меры для противодействия вторгшимся боевикам и подразделениям пакистанской регулярной армии. Пакистанские военные и гражданские организаторы каргильской авантюры ошибочно полагали, что в результате произошедшего в Индии в апреле 1999 г. правительственного кризиса временное правительство во главе с А.Б. Ваджапай, которое пакистанские политики и генералы оценивали как «слабое», не сможет должным образом организовать сопротивление вторгшимся боевикам и пакистанским военнослужащим.

Были у Исламабада и другие расчеты, обернувшиеся просчетами. Летняя вылазка должна была отвлечь внимание мировой общественности от ядерных взрывов в Южной Азии и переключить его

на Кашмир, активизировать противников «индийского раджа» (правления), дать сильный импульс «борцам за свободу». Так же как в 1965 г., попытка эта не увенчалась успехом. Задачей вторжения было также нарушение стратегически важного пути, пересекающего весь индийский штат с запада на восток: Пунч — Сринагар — Каргил — Лех — Чушул. И эта цель также не была достигнута.

Наконец, исламабадские руководители ошибочно посчитали сложившуюся международную обстановку благоприятной для осуществления своей акции. В этой связи следует вновь вернуться к истории и вспомнить, что в начальный период возникновения индо-пакистанского конфликта из-за Кашмира огромное значение имел военно-стратегический фактор, определяемый географическим положением княжества, нахождением его на стыке Индии, Пакистана, Афганистана, СССР и Китая. В период холодной войны в кашмирскую проблему, хотя и не прямо, но косвенно были вовлечены внешние силы. Каждая из великих держав поддерживала в Южной Азии позиции своих стратегических союзников, утверждала каждую из сторон в своей правоте и тем самым ограничивала поиски взаимоприемлемых решений.

По мере глобальных изменений, сдвигов в международных отношениях и в отношениях между соседними с Кашмиром государствами, появления новой военной техники и ее усовершенствования усиливался и выдвинулся на первый план вопрос территориальной принадлежности Кашмира как таковой. Уменьшилась вовлеченность внешних сил; практически все государства мира, даже такие союзники Пакистана, как США и Китай, выступают сегодня за мирное политическое решение кашмирской проблемы путем двустороннего диалога, на основе Симлских соглашений 1972 г. Кашмир все больше втягивается в общее русло исламистского экстремистского движения, разворачивающегося вдоль «дуги нестабильности», разделяющей различные цивилизационные ареалы.

Планируя операцию в Каргиле, пакистанские стратеги наделись, что внимание международного сообщества приковано главным образом к событиям в Югославии, а благоприятное отношение мирового общественного мнения к мусульманам Косово автоматически распространяется на мусульман Кашмира. Однако мировое сообщество единодушно выступило против агрессии и поддержало действия Индии по сохранению статус-кво.

С начала конфликта с выражением серьезной обеспокоенности в связи с вторжением иностранных боевиков на территорию Индии и нарушением линии контроля неоднократно выступало внешнеполитическое ведомство России. В своих официальных заявлениях, а также в беседах с журналистами и дипломатами, в том числе из Индии и Пакистана, представители МИД РФ с самых первых дней конфликта призывали к прекращению военных действий, к неза-

медлительному выводу инфильтрантов с индийской территории, уважению линии фактического контроля в соответствии с условиями Симлских соглашений и принципами Лахорской декларации. Российское руководство считает, что действия Индии, направленные на изгнание с ее территории боевиков и пакистанских военнослужащих, соответствуют ее суверенному праву защищать свою территориальную целостность. Специальному представителю Наваз Шарифа К.М. Касури, который привез послание премьер-министра Пакистана на президенту РФ Б.Н. Ельцину, 30 июня было, в частности, заявлено, что, по мнению России, урегулирование возникшего на линии контроля в Кашмире конфликта возможно лишь при условии восстановления статус-кво. Кашмирская проблема может быть урегулирована на двусторонней основе, без вмешательства извне, на принципах Симлских соглашений 1972 г. и в духе Лахорской декларации. Россия выступила за незамедлительный вывод вторгшихся на территорию Индии боевиков с пакистанской территории¹⁶.

С призывами немедленно прекратить военные действия и на- чать диалог выступила администрация президента США Клинтона, послания которого были переданы руководителям двух конфликтующих стран послами США в Дели и Исламабаде. Озабоченность США так же, как и России, была связана в том числе и с тем, что оба южноазиатских государства перешли «ядерный порог». Несмотря на давние союзнические отношения с Пакистаном, американская администрация, представители Белого дома, Госдепартамента, Пен- тагона, Совета по национальной безопасности на этот раз признали факт вторжения со стороны Пакистана на индийскую территорию и поддержали требования Индии о немедленном выводе групп пакистанских воинских подразделений с индийской территории, прекращении деятельности тех сил, которые их поддерживают. Об этом, например, 8 июня заявил репортерам специальный помощник президента США по Ближнему Востоку и Южной Азии Брюс Рейдель, а 15 июня президент США Билл Клинтон беседовал по телефону с А.Б. Ваджапайи и Наваз Шарифом. В разговоре с пакистанским премьером Б. Клинтон подчеркнул, что он не видит иного выхода из ситуации, кроме ухода пакистанских боевиков и военных с территории Индии.

Пакистанское руководство пыталось заручиться поддержкой своих союзников. Не случаен в связи с этим визит в Китай министра иностранных дел Пакистана С. Азиза. Однако пекинское руководство предпочло сохранить нейтралитет. Так, председатель Постоянного комитета Национального народного конгресса КНР Ли Пэн в беседе с пакистанским министром 11 июня заявил, что проблема Кашмира является «сложной» и что Китай надеется, что Индия и Пакистан проявят сдержанность и урегулируют проблему мирно, путем переговоров. Эта точка зрения была подтверждена и президен-

том КНР Цзян Цзэминем, а также руководителем внешнеполитического ведомства страны.

События в Кашмире стали предметом обсуждения и на встрече глав государств «большой восьмерки» в Кельне 20 июня. В специальном заявлении по региональным проблемам руководители восьми наиболее развитых стран мира выразили озабоченность в связи с продолжающимися военными действиями в Кашмире, вызванными вторжением вооруженных боевиков, нарушивших линию контроля. Они призвали немедленно прекратить военные действия, восстановить линию контроля и уважать ее в будущем, а также возобновить диалог между Индией и Пакистаном в духе Лахорской декларации.

Учитывая негативную реакцию мирового сообщества на ситуацию в Каргиле, находясь под сильным давлением внутри страны, в особенности со стороны высшего военного руководства, премьер-министр Пакистана Н. Шариф совершил поездку в Вашингтон. По мнению американских аналитиков, он стремился получить поддержку президента США в его конфронтации с националистически и шовинистически настроенным высшим армейским руководством. 4 июля состоялась его встреча с президентом Клинтоном, по итогам которой было опубликовано совместное заявление. Стороны выразили мнение, что ситуация в Каргиле носит опасный характер, что линия фактического контроля в Кашмире должна уважаться обеими сторонами в соответствии с Симлскими соглашениями 1972 г. Президент США призвал к взаимному «ослаблению враждебности», возобновлению двусторонних переговоров и восстановлению линии контроля. Н. Шариф, который, несомненно, отдавал себе отчет в том, что военная авантюра в Каргиле не удалась, обещал прекратить поддержку вооруженных боевиков и заявил о необходимости их вывода из стратегически важных районов индийской части Кашмира. На следующий же день представители боевиков и фундаменталистских исламских группировок отвергли достигнутое в Вашингтоне соглашение. Глава организации Марказ-уд-Дава вал Иршад Хафиз Мохаммад Сайед прямо заявил: «Пакистан может уйти, но муджахиды не уйдут»¹⁷.

Следует отметить также, что переговоры в Вашингтоне встретили неоднозначную реакцию в Индии. С одной стороны, данное Н. Шарифом Вашингтону обязательство вывести исламские вооруженные соединения и воинские подразделения с индийской территории означало для Индии достижение поставленной цели освобождения захваченных территорий без продолжения кровопролития. Однако Индия последовательно выступает против любого посредничества при решении спорных проблем, против их «интернационализации». Об этом заявили премьер-министр страны А.Б. Ваджапай, министр иностранных дел Дж. Сингх, другие политики.

Международные позиции Пакистана заметно ухудшились. Реакция большинства ведущих стран мира на события в Каргиле подтвердила всеобщую заинтересованность в мирном политическом урегулировании индо-пакистанских отношений и проблемы Кашмира.

Военный конфликт в Каргиле имел сильную «внутреннюю отдачу» в смысле воздействия на обстановку в обоих государствах. Разумеется, это воздействие было существенно разным в Индии и Пакистане. Позиции правительства А.Д. Ваджапи как твердого защитника национальных интересов и безопасности страны заметно укрепились, что было крайне важно в преддверии очередных все-общих выборов. Успех Бхаратия джаната парти на состоявшихся в сентябре парламентских выборах подтвердил правильность приведенного прогноза. В целом можно констатировать, что действия Индии во время конфликта пользовались пониманием и поддержкой большинства стран мирового сообщества, и ее авторитет в мире повысился.

В Пакистане положение правительства резко осложнилось. Оно подверглось нападкам и критике со стороны влиятельных исламистских сил за поражение и «предательство мусульман Кашмира». Военные руководители Пакистана, которые по существу инициировали вторжение в Индию, затем продемонстрировали резкое недовольство ходом военной операции, а затем прямо обвинили правительство Н. Шарифа в отказе от достижения военного успеха в Каргиле и в «сговоре» с президентом США Клинтоном, который оказал на Н. Шарифа серьезное давление с тем, чтобы убедить пакистанское руководство вывести боевиков и воинские подразделения с территории Индии. Последующие события в Пакистане, военный переворот, совершенный вдохновителями и организаторами каргильского инцидента генералами П. Мушаррафом и М. Азизом, свидетельствовали о том, что они не простили премьер-министру его «предательства».

Каргильский конфликт преподавал урок, далеко выходящий за его рамки. Он с большой убедительностью показал (как и последующие события в Дагестане и Чечне), как трудно вести борьбу обычными воинскими подразделениями, даже имеющими значительное превосходство в численности и технике, с боевиками, которые используют партизанские методы ведения войны в крайне сложных природных условиях. Преподавал урок необходимости иметь специально подготовленные части, с соответствующей экипировкой и оружием для ведения боевых действий (к сожалению, неизбежных в будущем) в экстремальных условиях.

После прекращения конфликта обстановка на линии контроля продолжала оставаться беспокойной. Напряженность перекинулась и на государственную границу. В последующие месяцы там происходили разного рода нарушения, столкновения, перестрелки и т.д.;

обе стороны подтягивали регулярные части. 10 августа индийские ВВС сбили пакистанский разведывательный самолет, который, по утверждению Дели, вторгся в воздушное пространство Индии. В связи с этим инцидентом индийские вооруженные силы были приведены в состояние повышенной боеготовности; чуть позднее то же самое сделала и пакистанская сторона. Одновременно индийские власти заявили, что в северо-восточном штате Ассам раскрыта разветвленная пакистанская шпионская сеть, готовившая террористические акции.

События в Кашмире оказали самое негативное воздействие на систему международных отношений различных уровней. Двусторонние отношения между Индией и Пакистаном резко ухудшились. Был прерван и отброшен назад переговорный процесс. В обеих странах возросли усилия по наращиванию как ракетно-ядерного, так и обычного оружия. Осуществление планов недопущения дальнейшего распространения оружия массового уничтожения и присоединения к международным договорам по нераспространению ядерного оружия и прекращения ядерных испытаний приобрело в Индии и Пакистане весьма гипотетический характер. Состояние отношений двух ведущих государств Южной Азии вызвало озабоченность других стран субконтинента (Бангладеш, Шри-Ланка). Отложено было проведение очередной встречи в верхах стран СААРК, которая должна была состояться в Катманду. Вооруженный конфликт в Кашмире внес свой «вклад» в осложнение международной обстановки, нанес удар по глобальной системе безопасности, по режиму нераспространения ядерного оружия.

Вооруженный конфликт в непосредственной близости к южным границам СНГ и России, усилившаяся напряженность в этой части мира, негативное воздействие этого и других аналогичных событий 1999 г. на общую международную обстановку, породили новые трудности в процессе ракетно-ядерного нераспространения. Все это может нанести ущерб национальным интересам России и создать определенную угрозу ее безопасности. Поэтому Россия с самого начала заняла четкую позицию по скорейшему прекращению военных действий в Гималаях, выступала за вывод с территории Индии всех вторгшихся туда военных сил, сохранение неприкосновенности линии контроля, за решение всех спорных вопросов между Индией и Пакистаном в двустороннем порядке за столом переговоров, без вмешательства внешних сил.

Так называемая «внешняя среда» кашмирской проблемы претерпела определенные изменения. Создается впечатление, что Кашмир как бы потерял прежнее геостратегическое значение. Если в прошлом в этой зоне сталкивались интересы глобальных (США) и глобально-региональных (СССР и Китай) держав, то сегодня конфликт носит более региональный характер и связан с интересами, кроме

Индии и Пакистана, Китая, Афганистана и государств Центральной Азии. Кроме того, с военно-политической точки зрения высокогорные районы перестали быть необходимым и выгодным плацдармом для осуществления разведывательно-информационной деятельности: появились гораздо более совершенные космические средства. Сегодня и США, и Россия и Китай заявили о поддержке двустороннего решения конфликта на основе Симлских соглашений.

Представители некоторых российских политических партий и групп пытались проводить свой собственный внешнеполитический курс, который подчас не подкреплялся элементарной осведомленностью о существовании той или иной проблемы. Так, в Индии вызвало непонимание и напряженность сделанное А.В. Руцким в декабре 1991 г. в Исламабаде заявление, которое свидетельствовало о том, что тогдашний вице-президент России, ссылаясь на некие «международные документы», слабо представлял себе суть проблемы. Опасения индийской стороны были развеяны в конце января 1993 г., когда Б.Н. Ельцин, выступая в парламенте Индии, заявил о твердой и безоговорочной поддержке позиции Индии в кашмирском вопросе. Поддержка индийской позиции по Кашмиру была подтверждена и в ходе пребывания в Индии делегации Государственной Думы в ноябре и тогдашнего премьер-министра России В.С. Черномырдина в декабре 1994 г., в ходе последующих визитов руководителей России в Индию.

Во время официального визита в Москву премьер-министра Индии Нарасимха Рао 30 июня 1994 г. была подписана Московская декларация о защите интересов многонациональных государств, в которой стороны заявили о необходимости «безусловного соблюдения принципов уважения территориальной целостности и государственного единства как одного из ключевых факторов жизнедеятельности многонациональных государств. Они подтверждают поддержку территориальной целостности друг друга, как это определено законом и зафиксировано в Конституции».

Подписав подобный документ, российское руководство безоговорочно подтвердило свою поддержку сохранению территориальной целостности Индии. В то же время Индия ставит вопрос о необходимости освобождения Пакистаном оккупированной им части Кашмира, то есть по существу к пересмотру существующих границ, а это в определенной степени не совпадает с обязательствами уважать существующие границы, сформулированными в Московской декларации. Как бы то ни было, российская дипломатия в сложившихся условиях поступает разумно, призывая обе стороны вновь и вновь сесть за стол переговоров и продолжить начатое в Симле.

Кашмирская проблема остается постоянным раздражителем в обширном Центральноазиатском регионе, где в результате появления новых независимых государств в бывшей советской Средней Азии

произошло изменение геополитической ситуации, и кашмирская проблема приобрела новую внешнюю среду. Произошел сдвиг в позиции Китая, опасющегося «демонстрационного эффекта» усиления исламского фундаментализма в Кашмире на мусульманские районы Синьцзяна, где периодически происходят беспорядки на религиозно-этнической почве. В момент резкого обострения ситуации вокруг Кашмира в феврале 1990 г. Пекин выступил за мирное политическое урегулирование. Еще в середине февраля 1990 г. в беседе со специальным посланником Б. Бхутто министр иностранных дел Китая выразил надежду, что Индия и Пакистан ставят «превыше всего» укрепление мира и стабильности в Южной Азии и решат свой спор мирно, путем дружеских переговоров, в соответствии с Симлскими соглашениями¹⁸. Пекин предложил свои посреднические услуги в налаживании отношений между Индией и Пакистаном. Индия негативно отнеслась к этому предложению. С такого же рода инициативой выступил и президент Казахстана Н. Назарбаев. Этот вопрос обсуждался в январе 1994 г. во время визита в Казахстан министра иностранных дел Пакистана А. Али. Министр выразил озабоченность тем, что переговоры по Кашмиру между Индией и Пакистаном никак не ускоряют решение проблемы, поэтому целесообразно было бы подключение третьей стороны. По мнению министра, подключение президента Н. Назарбаева могло стать эффективным, так как он является «другом Пакистана и поддерживает тесные отношения с Индией»¹⁹. Индийская сторона не приняла это предложение.

Что касается России, то она могла бы рассмотреть вопрос о посреднических услугах, но только в том случае, если к ней одновременно обратятся и Индия, и Пакистан. Следует отметить, что пакистанская сторона зондировала почву о возможности посредничества Москвы, в частности во время визита в Исламабад тогдашнего министра иностранных дел РФ А.В. Козырева в апреле 1993 г., а также в ходе пребывания в Москве министра иностранных дел Пакистана А. Али в июле 1994 г. В последнее время представители кашмирской диаспоры в странах Запада ставят вопрос о необходимости созыва «круглого стола» по Кашмиру с участием не только Индии, Пакистана и представителей различных группировок в самом Кашмире, но и России как гаранта со стороны Индии, и Китая как союзника Пакистана. Индийская сторона еще и еще раз подтверждает свое негативное отношение к участию «третьих сторон».

Вопрос о нарушении прав человека в индийском штате Джамму и Кашмир постоянно поднимается Пакистаном в ОИК, на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН и в Комиссии по правам человека. Россия расценивает этот вопрос как гуманитарный, а не политический. В ходе переговоров с представителями Индии российская дипломатия призывает ее руководство уделить особое внимание этой

проблеме, всячески добиваться ее урегулирования и создания такой обстановки, которая реально исключит возможность выдвижения обвинений в нарушении прав человека. По мнению России, Индии не следует закрывать доступ иностранным представителям, включая миссии ОИК и Международной комиссии юристов, а также журналистов и других, в Джамму и Кашмир для личного ознакомления с положением в штате. В то же время российская сторона выступает против излишней политизации этого вопроса и не поддерживает попытки Пакистана передать его на рассмотрение международных организаций.

Тем временем проникновение на территорию Джамму и Кашмира и подрывная деятельность исламистских боевиков, включая наемников из Афганистана, Пакистана, Чечни и других районов, значительно активизировались. Так, с 1991 по 1998 г. индийскими полицейскими силами и армией было арестовано на территории Джамму и Кашмира 96 выходцев из Пакистана и оккупированного им Кашмира, 22 — из Афганистана, а также из Ливана, Бахрейна, Таджикистана, Бангладеш, Великобритании и др. За этот же период было убито 250 наемников из Пакистана и оккупированного им Кашмира, 267 — из Афганистана, а также из других стран, всего 980 чел. Террористические действия наемников сопровождаются гибелью гражданского населения. Так, только в январе—июле 1998 г. в различных районах Кашмира было убито 133 человека, принадлежащих индусскому меньшинству. Несмотря на все попытки Исламабада отмежеваться от действий боевиков, существуют неоспоримые свидетельства того, что именно территория Пакистана используется как база, где обучаются и откуда действуют исламские наемники.

Индийское руководство серьезно озабочено продолжающейся переброской вытесненных с территории Афганистана в Пакистан после событий 11 сентября боевиков из движения «Талибан» в Кашмир для осуществления террористических действий. Нападение на здание парламента в Дели 13 декабря 2001 г. и попытка захвата в столице Кашмира Сринагаре здания Законодательной ассамблеи штата, где погибли 38 человек, акты убийств и взрывов в период подготовки и проведения в штате Джамму и Кашмир выборов в Законодательную ассамблею в сентябре—октябре 2002 г. рассматриваются в Дели как организованные и осуществленные боевиками из исламских антииндийских группировок, базирующихся на территории Пакистана. Эти события привели к новому витку конфронтации между Индией и Пакистаном, который по-прежнему рассматривает все происходящее в Кашмире как законную борьбу его народа за самоопределение.

В течение первой недели после террористического акта 11 сентября Индия заявила о готовности оказать поддержку США и Вели-

кобритании в осуществлении ими карательных акций в отношении талибов, включая предоставление возможности дозаправки для самолетов антитеррористической коалиции на ее военных базах. Кроме того, индийское руководство передало Соединенным Штатам разведывательные данные о деятельности руководства Талибан и террористических групп, действующих на территории Афганистана, полученные из записей переговоров кашмирских боевиков с их агентами в Афганистане с использованием спутниковой связи. Наконец, Индия передала видеокассеты с записью занятий в тренировочных лагерях, расположенных в «пакистанской» части Кашмира, где в качестве мишеней для стрельбы использовались фотографии бывшего американского президента Б. Клинтона. Индия была готова предоставить США свои военные базы и для постоянного базирования, однако необходимость в этом отпала в связи с активной поддержкой действий антитеррористической коалиции со стороны президента Пакистана генерала П. Мушаррафа, который стремился вернуть те времена, когда Пакистан выступал в качестве основной опоры американской стратегии в регионе. Это вызывало серьезную озабоченность Индии, которая рассчитывала на то, что активная борьба мирового сообщества с терроризмом поможет ей добиться официального осуждения Пакистана как пособника террористов в Кашмире, вынудит Исламабад принять меры для прекращения террористической деятельности на территории штата Джамму и Кашмир.

Индия активно сотрудничала с США не только с целью уничтожения истоков и ростков терроризма, но и преследуя определенные геополитические и стратегические цели. Так, ее руководство рассчитывало на ответные действия со стороны американских властей, на получение международной поддержки в борьбе против действий боевиков на территории Джамму и Кашмира. Действительно, Вашингтон пошел на снятие санкций с Индии (так же как и с Пакистана) и даже выразил осуждение террористических актов на территории Кашмира, однако ожидаемой более конкретной поддержки по кашмирской проблеме Индия не получила. Так, Дели был заинтересован в признании Кашмира зоной террористических действий, включения групп кашмирских боевиков в общий список наиболее опасных террористических группировок, блокировании банковских счетов исламистских кашмирских организаций, осуществляющих террористическую деятельность на территории Индии, и др. Для Индии было бы очень важно признание Вашингтоном причастности Пакистана к экстремистским действиям в Кашмире. Однако руководство Вашингтона не учло эти просьбы Индии, и индийские аналитики расценили это как нежелание США предпринимать какие-либо действия против Пакистана, который, полностью поддержав «анти-террористический интернационал», вновь оказался в эпицентре

американской политики и американских интересов в Южной Азии. В военных кругах Индии высказывалось мнение, что такое «узкое» понимание Соединенными Штатами «терроризма» вряд ли встретит поддержку в Дели и некоторых других странах, и в этих условиях нет смысла надеяться на то, что американцы предпримут реальные попытки нейтрализовать кашмирских боевиков, напрямую связанных с талибами.

После установления в Афганистане режима, представляющего умеренные политические силы, можно было предположить, что поддержка кашмирских боевиков, по крайней мере со стороны Афганистана, будет ограничена, что постепенно приведет к общей стабилизации обстановки в Кашмире и в Индии в целом. Однако эти надежды не оправдались, и ситуация в Кашмире и вокруг него продолжает оставаться напряженной. Индия и Пакистан с конца 2001 г. и в течение 2002 г. несколько раз оказывались на грани войны.

В Дели рассчитывали на то, что, столкнувшись с чудовищными актами терроризма, мировое сообщество с гораздо большим пониманием будет относиться к мерам, предпринимаемым Индией в борьбе с терроризмом и сепаратизмом, и окажет ей всестороннюю поддержку в этой борьбе. Выступая в Лондоне 13 октября 2002 г., премьер-министр Индии А.В. Ваджапайи прямо обвинил страны Запада в том, что они придерживаются «двойных стандартов» в подходе к терроризму и закрывают глаза на поддержку Пакистаном террористических действий в Кашмире.

В сентябре—октябре 2002 года в штате Джамму и Кашмир состоялись выборы в Законодательную ассамблею штата²⁰. Стремление центрального руководства Индии и местных властей Джамму и Кашмира во что бы то ни стало провести «свободные и справедливые выборы» без насилия и жестокости натолкнулись на серьезное противодействие со стороны тех сил, которые заинтересованы в дестабилизации положения в этом регионе.

Одной из жертв террористических действий стал министр юстиции штата, один из кандидатов на выборах в Законодательную ассамблею 44-летний Муштаг Ахмад Лоун, расстрелянный боевиками во время предвыборного митинга в селении Ратнаг в 70 милях к северу от Сринагара 11 сентября 2002 г., в день, когда во всем мире вспоминали трагические события в Нью-Йорке и Вашингтоне. Ранее в тот же день был обстрелян дом министра туризма Сакины Иту в местечке Купвара, а в Пунче убиты восемь человек из службы безопасности, два гражданских лица и два террориста²¹. В целом же после объявления о проведении выборов и до их начала были убиты тринадцать партийных функционеров из ведущей политической партии Джамму и Кашмира Национальной конференции, один конгрессист, один коммунист, шесть представителей других партий и независимых кандидатов.

По крайней мере три организации боевиков — базирующаяся в Пакистане и известная Лашкар-е-Таиба и ранее неизвестные Аль-Арифин и Караван-е-Аземат — поспешили взять на себя ответственность за совершенное 11 сентября 2002 г. преступление. Специальный представитель Лашкар-е-Таиба М. Шакиль в заявлении для печати разъяснил, что нападение на министра было совершено группой Абул-Казим, специально сформированной для организации саботажа выборов в Джамму и Кашмире, так как, по их убеждению, выборы не приведут к урегулированию кашмирской проблемы — разумеется, на их условиях, а присутствие на территории штата индийской армии само по себе исключает возможность проведения действительно свободных выборов.

Эта акция была расценена как направленная на дестабилизацию положения в штате с целью срыва выборов, или, по крайней мере, создания серьезных препятствий на пути их проведения. Премьер-министр Индии А.Б. Ваджапайи прямо заявил, что действия боевиков преследуют цель сознательного «саботажа» предстоящих выборов и «запугивания» избирателей и кандидатов в Законодательную ассамблею Джамму и Кашмира. Известно, что министр юстиции Лоун был одним из наиболее охраняемых лиц в стране, и самим фактом его убийства боевики стремились доказать, что всякий, кто имеет отношение к выборам — будь то кандидат или избиратель — может стать жертвой насилия.

Центральное правительство Индии, местные власти Кашмира придавали выборам огромное значение, полагая, что участие в них явится реализацией законного права народа Кашмира на собственный выбор при определении своего будущего. Критики руководства Индии, обвиняющие ее в лишении права народа Кашмира на свободное волеизъявление, по-прежнему настаивают на проведении плебисцита под международным контролем в соответствии с резолюциями ООН. Они, по-видимому, не учитывают того, что с момента принятия этих резолюций прошло более полувека, и если они так и не были реализованы вскоре после их одобрения, то сегодня требования тех, кто настаивает на плебисците, вышли за рамки того выбора, который им предоставляют резолюции ООН. Вопрос уже не стоит в желании перейти под эгиду Пакистана или остаться в Индии: цель многих из них — независимость, создание в самом сердце Центральной Азии самостоятельного нейтрального государства — варианта «азиатской Швейцарии».

Катастрофическое социально-экономическое положение, политическая нестабильность, постоянная угроза физического уничтожения, нарушения прав человека — вот условия, в которых прошли выборы в Джамму и Кашмире. Избирательная комиссия Индии и штата тщательно к ним готовились, стремясь не допустить злоупотреблений, обеспечить безопасность на избирательных участках

и предоставить возможность всем избирателям принять участие в голосовании.

Выборы проводились в четыре этапа, первый — 16 сентября, последний — 8 октября. Избирательная комиссия и правительство Индии разработали специальную программу из 13 пунктов, направленную на обеспечение нормального проведения выборов. Были заново составлены и внесены в компьютеры избирательные списки, сформированные в результате посещения членами избирательных комиссий каждого селения и каждого дома в сельских местностях; информация о местонахождении избирательных участков была доведена до сведения каждого избирателя; наблюдатели из других штатов заранее совершили поездки по избирательным участкам. Для облегчения голосования к ранее существовавшим 6000 кабинам для избирателей добавлена еще 1000. Были приняты специальные меры для обеспечения безопасности в ходе предвыборной кампании. Впервые на 100% участков использовались электронные избирательные машины для того, чтобы избежать ошибок при подсчете результатов голосования. В ряде городов Индии были созданы избирательные участки для голосования временно проживающих там кашмирцев, в том числе кашмирских пандитов, которые были вынуждены покинуть свой штат из-за актов насилия со стороны исламских экстремистов.

Национальная конференция, общеиндийские политические партии, несмотря на напряженную ситуацию и акты прямого насилия, вели активную предвыборную кампанию. В то же время влиятельная политическая группировка — Всепартийная конференция свободы (Хуррият), объединяющая несколько кашмирских политических партий, официально объявила о своем отказе от участия в выборах и даже обратилась к избирателям с призывом их бойкотировать, чтобы тем самым продемонстрировать, что народ Кашмира стремится лишь к одному — независимости как от Индии, так и от Пакистана, а выборы не решат этой проблемы. Несмотря на столь жесткую официально объявленную позицию, в частных беседах деятели Хуррият говорили о том, что они могли бы принять участие в выборах, но опасаются за свою безопасность и жизнь перед реальной угрозой террористических действий боевиков.

Предвыборная кампания в Джамму и Кашмире, убийства и преступления, явно направленные на срыв выборов, не остались незамеченными в Лондоне и Вашингтоне. Так, правительство Великобритании официально заявило о поддержке проведения «свободных, справедливых и результативных выборов». 9 сентября Госсекретарь США Колин Пауэлл заверил в Вашингтоне министра иностранных дел Индии Я. Синха в том, что Соединенные Штаты «оказывают давление на Пакистан» с тем, чтобы убедить его не вмешиваться в проведение выборов» в Джамму и Кашмире²². Индийское руковод-

ство высоко оценило позицию Вашингтона по проблеме, которая в прошлом осложняла индо-американские отношения. Руководитель внешнеполитического ведомства Индии выразил озабоченность своей страны в связи с насилием в Кашмире в беседе с министром иностранных дел Франции. Пакистанское руководство также выступило со специальным заявлением, осуждающим совершенные террористические действия.

Выборы в Кашмире, в которых приняли участие 46% внесенных в списки избирателей, показали, что, по крайней мере около половины населения штата своим приходом на избирательные участки продемонстрировали свою готовность оставаться в пределах общендийского конституционного поля и уж во всяком случае не выразили желания перейти под эгиду Пакистана. По итогам голосования ни одна из ведущих политических партий не получила достаточное количество мест в Законодательной ассамблее, чтобы самостоятельно сформировать правительство. Главный итог выборов — фактическое поражение «династийной» Национальной конференции, монопольно находившейся у власти все годы независимости, пользовавшейся поддержкой центра, обвинявшейся в экономических и политических провалах. Так, НК имеет 28 мест, но этого недостаточно, чтобы самостоятельно сформировать правительство. ИНК получил 20 мест и Народная демократическая партия — 16 мест²³. В результате длительных и сложных переговоров главой правительства стал представитель Народной демократической партии Муфтий Мохаммед Сайед, кандидатура которого была поддержана Конгрессом. Первым его действием стало освобождение из-под ареста политических заключенных — лидеров оппозиционных партий и групп. Новый премьер дал обещание начать с оппозицией переговорный процесс, добиваться ослабления репрессивных действий со стороны индийской армии, делать все возможное для прекращения нарушений прав человека.

Можно констатировать, что кашмирцы проголосовали за возрождение экономики, за прекращение насилия, за приход к власти новых политических сил, которые помогут бороться с коррупцией, активизируют меры, направленные на общую стабилизацию положения, возобновление притока туристов. Такого рода перемены создадут условия для активизации диалога между центральным правительством и местными властями, а также укрепят позиции Дели в переговорном процессе с Пакистаном по вопросу о дальнейшей судьбе Кашмира.

Террористические действия, которые продолжались во время проведения выборов, продолжаются и сегодня, когда вновь избранная Законодательная ассамблея, новый кабинет министров приступили к разработке планов дальнейшего развития штата и преодоления того катастрофического состояния, в котором он сейчас находится.

Тем временем Пакистан проводит испытания ракетной техники, а армейские подразделения постепенно перебрасываются из района пакистано-афганской границы поближе к Кашмиру. Президент П. Мушарраф отрицает причастность Пакистана к терроризму в Кашмире, объявляет налеты боевиков борьбой кашмирского народа за самоопределение, хотя и подтверждает «моральную и политическую» поддержку этой борьбы. Он вновь и вновь обещает не допускать использования территории Пакистана кашмирскими террористическими организациями. Тем временем американские разведывательные службы утверждают — а индийское военное ведомство подтверждает эту информацию, что члены «Аль-Каида» и движения «Талибан» оказывают с территории Пакистана помощь в организации террористических актов в Кашмире, преследуя цель еще больше обострить отношения между Индией и Пакистаном.

Вряд ли может вызвать удивление реакция Индии на явно обостряющуюся ситуацию вдоль ее границ: в ответ на ракетные испытания и террористические действия в Кашмире премьер-министр Индии А.Б. Ваджпай заметил, что «терпение Индии имеет пределы», что его страна устала от пустых обещаний со стороны Исламабада, которые не выполняются. «Слова должны подтверждаться действиями», — считает индийский премьер-министр, продолжая обвинять Пакистан в поддержке кашмирских сепаратистов и мусульманских боевиков. Начиная с декабря 2002 г. Индия рассматривает вопрос о возможности нанесения военных ударов по лагерям исламских боевиков, расположенных на пакистанской территории, и это обстоятельство серьезно настораживает не только тех, кто находится по обе стороны от линии контроля.

Дели сохраняет жесткую позицию отказа как от вступления в переговоры с Пакистаном по вопросу о статусе Кашмира, так и от любого посредничества в урегулировании конфликта. В ходе конференции в Казахстане летом 2002 г., несмотря на усилия российского Президента В.В. Путина, А.Б. Ваджпай подтвердил, что встречаться напрямую с генералом П. Мушаррафом он не намерен, пока Пакистан не прекратит поддержку со своей территории исламских боевиков.

Несомненно, индийский премьер испытывает на себе давление со стороны коалиции Бхаратия джаната парти, которая неудачно выступила во время выборов в законодательные ассамблеи нескольких штатов. Представители самых крайних индуистских партий и групп напрямую призывают руководство страны воспользоваться ситуацией, применить силовые методы для возвращения всей территории Кашмира и раз и навсегда покончить с Пакистаном.

Таким образом, ситуация в Южной Азии остается взрывоопасной, и террористические действия на территории Джамму и Кашмира могут стать детонатором перерастания конфронтации в от-

крытый вооруженный конфликт, последствия которого непредсказуемы.

В конечном счете мировое сообщество, великие державы могли бы оказать содействие процессу урегулирования отношений между Индией и Пакистаном, не вмешиваясь в него непосредственно, развивая сотрудничество с обоими участниками конфликта, что может содействовать их сближению.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: The Hindustan Times. — 1996. — Sept. 13.
- 2 The Hindustan Times. — 1996. — May.
- 3 The Hindustan Times. — 1996. — Oct. 2–5.
- 4 Блокреницкий В., Москаленко В., Шаумян Т. Кашмир. Забрешит ли свет в конце туннеля? Круглый стол / Азия и Африка сегодня. — 1998. — № 3. — С. 29.
- 5 Там же. — С. 30.
- 6 Jasjit Singh. Pakistan's Fourth War. «Strategic Analyses». — New Delhi. — August 1999.
- 7 BBC Interactive. News // South Asia. — 1999. — 16 July; Online Network.
- 8 Pamela Constable and Kamran Khan. Islamabad Shies from Encouraging Wider War // International Herald Tribune. — Zurich. — 1999. — Aug. 16.
- 9 India says Kashmir strikes «effective» // World News. — New Delhi; CNN. — 1999. May 26; Asia: India. Indian Attack on Kashmir Guerilla Raises Alarm in Pakistan // Ibid.
- 10 India Says its 2 Downed Jets were in Indian Airspace. Pakistan says planes came down in Pakistani territory // Ibid. — 1999. — May 27.
- 11 Interview — Kashmir Group Says Fight in Final Phase. Reuters, 10 June 1999. CNN Custom News. World: News. Asia: India. Internet.
- 12 Pamela Constable. US Makes Breakthrough in India-Pakistan Conflict. But Both Leater will Face Protests at Home // International Herald Tribune. — L. — 1999. — July 6.
- 13 Mainstream. — New Delhi. — 1999. — July 24. — N 31. — P. 34.
- 14 См., например / Независимое военное обозрение. — 1999. — 13–19 авг. — № 31. — С. 2.
- 15 Там же.
- 16 Заявление для печати Министерства иностранных дел РФ, 17 июня 1999 г.
- 17 Kashmir Fighters Will Be Asked to Redeploy, Pakistan Army Chief Says // International Herald Tribune. — 1999. — July 7.
- 18 The Pakistan Times. — 1994. — Febr.
- 19 The Pakistan Times. — 1994. — Jan. 30.
- 20 См.: An Eyewitness Report. Jammu and Kashmir State Legislative Assembly Elections. — 2002. — Sept. 16, 24, Oct. 1, 8. Belgian Association for Solidarity with Jammu and Kashmir. Beveren, October 2002.
- 21 The Hindustan Times. — 2002. — Sept. 12.
- 22 The Hindustan Times. — 2002. — Sept. 10.
- 23 An Eyewitness Report. — P. 16.

Ядерное оружие в Южной Азии

В мае 1998 г. два государства Южной Азии — Индия и Пакистан — провели испытания своего ядерного оружия. Впервые за время существования в мире режима нераспространения в «ядерный клуб» фактически вошли новые члены. Появление у Индии и Пакистана ядерного оружия значительно усилило конфликтный потенциал южноазиатского субконтинента, самым серьезным образом сказалось на геополитической ситуации в регионе, осложнило индо-пакистанские отношения. При этом последствия данного события носили далеко не однозначный характер.

Появлению новых ядерных государств многие эксперты и наблюдатели придают исключительно важное значение. Так, известный российский политолог С.М. Рогов считает, что «ядерные испытания, проведенные Индией и Пакистаном, стали самым важным событием мировой истории со времени окончания холодной войны». «Вероятно, — отмечает он, — приход в ядерный клуб этих государств стал первым событием XXI века, позволяющим получить представление о конфигурации мировой политики и конфликтах будущего»¹.

По всей видимости, расширение «ядерного клуба» после развала биполярной системы мира является серьезным свидетельством тех сложностей и проблем, которые поджидают человечество в условиях нарождающейся новой системы организации мирового сообщества — многополюсности мира. И прежде всего чрезвычайно актуален вопрос: не будет ли государственно-политическая многополярность сопровождаться ядерной многополярностью? В связи с этим крайне важно определить: является ли приобретение Индией и Пакистаном статуса ядерного государства эпизодом, единичным случаем, или это может стать правилом в обстановке, когда вместо двух центров притяжения возникают и всеми доступными средствами будут отстаивать свои интересы десятки «центров силы»? Будет ли ядерное оружие в этих условиях выполнять функцию сдерживания, что являлось основой стратегической стабильности в период холодной войны, или роль его будет иной?

Разумеется, нахождение ответов на все эти вопросы не входит в задачу данного исследования, ограниченного региональными рамками. Но все же думается, что изучение истории возникновения

и процесса развития ядерной проблемы в Южной Азии, где произошел прорыв мирового режима нераспространения, может оказать определенную помощь в решении отмеченных выше вопросов, связанных с проблематикой ядерного оружия в новых геополитических условиях. Особенно, как кажется, важно выяснение причин, которые обусловили появление в данном регионе сразу двух новых членов «ядерного клуба». Это позволит не только объяснить, почему именно здесь произошел переход «ядерного порога», но и определить возможные пути выхода из возникшей ситуации и уменьшения ее конфликтного потенциала (иными словами, даст возможность ответить на традиционные вопросы: «кто виноват?» и «что делать?»). Естественно, данная проблема важна для России, поскольку новые ядерные центры расположены не так уж далеко от ее границ, не говоря уже о южных странах СНГ.

Причины возникновения проблемы ядерного оружия в Южной Азии

Прежде всего следует отметить, и это чрезвычайно важно, что появление ядерных государств в Южной Азии вызвано не одной какой-то причиной (как это довольно часто представляется), а целым комплексом факторов как внутреннего, так и внешнего характера. Отсюда вполне естествен вывод о том, что урегулирование возникшей проблемы не сводится к решению какого-либо одного, пусть самого острого вопроса, а представляет собой многоплановые мероприятия весьма разного характера и геополитического уровня.

Следует иметь в виду также, что основные причины возникновения и развития военных ядерных программ в Индии и Пакистане появились в начальный период существования этих государств. Однако впоследствии в этот «накопитель причин» добавлялись новые обстоятельства, что делало причинный комплекс более сложным и взаимозависимым. При этом, несмотря на развивающуюся и меняющуюся обстановку, прежние причинные факторы не исчезали — происходила лишь перестановка их по значимости.

Так, в начальный период огромную роль в возникновении в Индии и Пакистане стремления к обладанию ядерным оружием сыграла острая взаимная конфронтация, неоднократно (в 1947–1948, 1965, 1971 гг.) приводившая к вооруженным конфликтам между ними. В то время еще не было, как впоследствии, внушительного разрыва между военно-экономическими потенциалами обеих стран. Пакистан состоял из двух частей, нависших над Индией с северо-запада и северо-востока; сам он находился в тесном военно-экономическом альянсе с США, а затем и Китаем. В таких условиях обе южноазиатские страны реально представляли друг для друга главную военную

опасность, что стимулировало взаимное развитие средств «сдерживания и устрашения». Впоследствии ситуация заметно изменилась. Хотя конфронтационность индо-пакистанских отношений сохранилась, Пакистан уже не мог на равных противостоять Индии в военной сфере. Потеря им своей восточной части, сокращение более чем вдвое населения, значительно увеличившийся разрыв военных потенциалов, замораживание американо-пакистанского военного сотрудничества — все это лишило Пакистан статуса основного военного противника Индии. Заметим, что после 1971 г. между обеими странами не было вооруженных конфликтов; по всей видимости, Пакистан уже не мог решиться, как прежде, на подобный шаг, чреватый теперь для него самыми тяжелыми последствиями.

С 60-х годов наибольшую опасность Индии представлял Китай, отношения с которым у нее решительным образом испортились. Поражение в войне 1962 г., вступление Китая в мировой «ядерный клуб», наличие с ним спорных, прежде всего территориальных, проблем — все это явилось сильнейшим стимулятором для развития индийских ядерных программ. А это, в свою очередь, подтолкнуло к аналогичным действиям и Пакистан.

Здесь, кстати, мы сталкиваемся с одной из характерных черт ядерного взаимоотношения Индии и Пакистана. В связке «Индия—Пакистан» первый элемент играл определяющую роль. Именно индийская государственно-политическая система, получая внешние и внутренние сигналы, принимала соответствующие решения и осуществляла необходимые действия в ядерной сфере. Это передавалось другому члену дихотомии, вызывая его адекватную реакцию. Нечасто эта сторона предпринимала самостоятельные шаги в данной сфере, и поэтому импульсы в обратном направлении были редким явлением. Другими словами, в развитии ядерных программ Индия была ведущим элементом, Пакистан же в основном соответствующим образом реагировал и повторял ее действия.

Продолжая тему внешней опасности для Индии, отметим, что в последнее десятилетие Китай также уже не представлял для нее такой угрозы, как прежде. Позади остался период резких и непредсказуемых внешнеполитических действий Пекина; его внешняя политика, курс в отношении Индии приняли вполне цивилизованные формы. Китай провозгласил и твердо придерживается принципа неприменения первым ядерного оружия, поддерживает режим его нераспространения, присоединения к Конвенции о запрещении и уничтожении химического оружия, подписал Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Конфронтационность в китайско-индийских отношениях с начала 90-х годов стала уступать место мирному добрососедству, расширению сотрудничества между ними, улучшению обстановки и укреплению мер доверия на границе. Во время визита в Индию в 1996 г. китайского руково-

дителя Цзян Цзэминя обе стороны достигли соглашения о плановом сокращении войск и вооружений на границе, подтвердили взаимный отказ от каких-либо действий для обеспечения одностороннего преимущества в приграничных районах.

Разумеется, развитию ядерных программ в Южной Азии способствовала общая международная напряженность в период холодной войны и противостояния сверхдержав, гонка вооружения, накопление оружия массового уничтожения. Не так уж далеко от нее находились острые конфликтные ситуации, в которые были вовлечены в той или иной степени, вплоть до непосредственного участия, великие державы (Индокитай, Ближний Восток, Афганистан). В непосредственной близости от Индии и Пакистана расположены две ядерные державы. Воды Индийского океана бороздили иностранные военные корабли с ядерным оружием на борту. Такое же оружие находилось на базах, расположенных в океане. Все это представляло значительную угрозу национальной безопасности Индии и Пакистана и требовало соответствующих ответов, которые казались им наиболее эффективными.

Однако после окончания холодной войны, улучшения общей международной обстановки, урегулирования многих конфликтов подобная угроза уменьшилась, особенно это касается опасности со стороны оружия массового уничтожения (ОМУ). Несмотря на все трудности и неудачи, мировому сообществу удалось в этой области добиться серьезных достижений. Укрепляется режим Конвенции о запрещении биологического оружия путем создания ее контрольного механизма. Вступила в силу Конвенция о запрещении химического оружия (апрель 1997 г.). Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), подписанный в 1968 г. и вступивший в силу в 1970 г., приобрел универсальный характер. Через 25 лет по решению Конференции по пересмотру и продлению этого Договора он стал бессрочным. К этому моменту его участниками были 187 государств². Самым большим достижением режима нераспространения было то, что за время его существования не увеличилось число ядерных государств (естественно, до мая 1998 г.). Появившиеся после распада СССР «новые ядерные державы» — Украина, Белоруссия и Казахстан — отказались от этого статуса и присоединились к режиму нераспространения.

Уменьшилось число «пороговых стран», с пути создания ядерного оружия свернули такие страны, как Бразилия, Аргентина, ЮАР. До заключения ДНЯО многие государства, в том числе такие сегодняшние ревностные поборники нераспространения, как Австралия, Норвегия, Швеция и другие, всерьез подумывали о собственной атомной бомбе. Ядерная деятельность многих стран была поставлена под контроль Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ)³. Мировое сообщество достаточно убедительно отреагировало на вызовы

режиму нераспространения со стороны Ирака и КНДР: по решению Совета Безопасности ООН ядерная деятельность Ирака была свернута в принудительном порядке, а Северная Корея согласилась на придание своей ядерной программе исключительно мирного характера⁴. Зоны, свободные от ядерного оружия, охватывают ныне огромные регионы, целые континенты (Латинскую Америку, Африку, Антарктиду, Юго-Восточную Азию, южную часть Тихого океана). Укрепляются идеи создания безъядерных зон на Ближнем Востоке, в Центральной и Восточной Европе (от Черного моря до Балтийского), в Центральной Азии и на всем пространстве южного полушария.

Исключительно важное значение имело принятие на юбилейной 50-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 10 сентября 1996 г. Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). К середине 1998 г. Договор подписали представители 149 государств⁵. Роль ДВЗЯИ не сводится только к прекращению всех видов ядерных испытаний (с момента первого такого испытания, осуществленного США 16 июля 1945 г., в мире было проведено 2048 ядерных взрывов)⁶. Всеобъемлющий запрет на любые ядерные испытания практически приостанавливает качественное совершенствование ядерного оружия, ибо теоретически возможные его испытания в лабораторных условиях не могут сравниться с ядерными испытаниями «в натуре». ДВЗЯИ ставит заслон гонке ядерного оружия на конечном этапе данного процесса, тогда как готовящаяся Конвенция о запрещении производства расщепляющихся материалов для вооружений должна положить конец наращиванию запасов сырья для ядерного оружия и таким образом затруднить его производство на начальном этапе. Прекращение ядерных испытаний и производства сырья для ядерного оружия могут не только остановить рост этого вида ОМУ, но и повести к его сокращению. Еще одна важная черта ДВЗЯИ состоит в том, что участие в нем ядерных держав впервые вовлекает их в процесс ограничения ядерных вооружений, в котором до сих пор участвовали только СССР (Россия) и США.

Серия договоров между этими державами остановила количественный рост их ядерного оружия и повела к определенному его сокращению. Особенно важен Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов между Россией и США (он предусматривает понижение уровней ядерных боезарядов к 2012 г. до 1700–2200 единиц каждой из сторон). Было ликвидировано оружие средней дальности. Сократили свои ядерные силы, хотя и весьма скромно, Англия и Франция. Уменьшились арсеналы ядерного оружия на территории стран НАТО. Важно отметить также соглашения между РФ и США (1994 г.), РФ и КНР (1995 г.) и между США и КНР (1998 г.) о взаимном ненацеливании ядерных ракет друг на друга.

Ко всему сказанному следует также добавить, что функционирующий с 1987 г. режим контроля над экспортом ракетной технологии (РКРТ) в определенной мере обеспечил замедление процесса распространения баллистических ракет⁷. Важно также отметить, что после окончания холодной войны снизилось конфронтационное противостояние иностранных военных флотов в Индийском океане в непосредственной близости от южноазиатского субконтинента.

Таким образом, как на региональном, так и на глобальном уровнях угроза безопасности Индии, прежде всего ядерная угроза, хотя и медленно, но неуклонно снижалась. Тем не менее развитие ракетно-ядерного оружия в Индии, и соответственно в Пакистане, продолжалось. Конечно, немаловажную роль в этом процессе играла сила инерции — уже набранные темпы движения к ядерной цели.

Большое значение имела широкая поддержка в обеих странах официального курса на собственный «ядерный выбор», который рассматривался как основа обороноспособности и независимости страны и отступление от которого расценивалось как предательство национальных интересов. Правящая элита обеих стран в значительной степени становилась заложником своей политики и пропаганды, деятельность сменяющихся правительств по этому кардинальному вопросу была запрограммирована. Наконец, один из парадоксов международной обстановки после холодной войны состоит в том, что ликвидация биполярной системы мира не только не ослабила, но, напротив, усилила развитие ракетно-ядерных программ в Индии и Пакистане. Как известно, в период холодной войны Индия и Пакистан ориентировались на противостоящие сверхдержавы (СССР и США соответственно), имели с ними тесные союзнические отношения, а Пакистан с начала 60-х годов стал также развивать широкие коалиционные связи с КНР. Индия и Пакистан пользовались определенными гарантиями своей безопасности от угрозы нападения, в том числе ядерного, которые представлялись им их союзниками из числа великих держав. После прекращения глобального противостояния сверхдержав оба южноазиатских государства лишились подобных гарантий. Результатом этого и явилась активизация в этих странах действий по развитию ядерного оружия и средств его доставки.

Иначе говоря, на всем протяжении более чем 50-летней истории двух южноазиатских государств существовали внутренние и внешние (двусторонние, региональные и глобальные) причины их движения к ядерному оружию. На каких-то этапах сильнее проявлялись одни причинные обстоятельства, в иные временные промежутки усиливалась роль других факторов. Но в этом комплексе причин еще не названа одна, которая, на наш взгляд, является основной, которая действовала на протяжении всего рассматриваемого периода и продолжает действовать по настоящее время.

Здесь имеются в виду престижно-державные интересы Индии. Совершенно прав известный российский специалист-индолог Ф.Н. Юрлов, когда он говорит, что нельзя ядерную проблему Индии (как, впрочем, и всю ее военно-политическую стратегию) сводить только к региону Южной Азии и ограничивать их его рамками (именно это стремится в первую очередь сделать Пакистан). Такой подход не учитывает более широкие интересы Индии «как страны, стремящейся повысить свой статус до уровня мировой державы»⁸. Истории было угодно распорядиться так, что пять стран являются постоянными членами Совета Безопасности ООН и одновременно образуют элитный «ядерный клуб». И то, и другое дает им в качестве «великих держав» особое положение на международной арене, возможность значительного влияния на ход мировых событий. Индия лишена этого, что, естественно, рассматривается ею как величайшая несправедливость, как дискриминация древнейшей и крупнейшей державы мира, вызывает чувство ущемленной гордости. Индия стремилась и стремится повысить свой статус до уровня мировых держав, справедливо считая, что должна занимать достойное место в мировых делах, соответствующее ее положению, размерам и ресурсам.

Достижение подобного статуса (с учетом того, что, как отмечали индийские эксперты, необходимо принимать во внимание мировую военно-политическую обстановку, при которой ядерное оружие рассматривается как символ мощи)⁹, по мнению Дели, можно осуществить либо приобщением к «клубу ядерных держав», либо лишением их «ядерной исключительности». Вторую задачу можно решить на путях всеобщего и полного разоружения, первую — достижением статуса ядерной державы («китайский вариант»). Надо иметь в виду, что Индия не отдала предпочтения какому-либо одному пути, а двигалась к цели по обоим направлениям.

При этом, разумеется, не следует сводить упорную и благородную борьбу Индии за неядерный мир только к прагматическим целям. Не подлежит никакому сомнению, что эта борьба вдохновлялась гуманными соображениями, и в ее основе лежали гандистские принципы ненасилия. Но при этом по мере укрепления государственности молодой республики, усиления национальных интересов отмеченные выше престижно-державные цели все более вплетались в ткань внешнеполитической, особенно ядерной, политики Индии. Результатом стало причудливое сочетание гуманитарных и прагматических принципов. В ядерной политике это выражалось в том, что Индия решительно выдвигала и поддерживала те предложения, которые могли в кратчайшие сроки освободить планету от ядерного оружия (что отбечает коренным интересам человечества, но к достижению чего оно еще и до сих пор, к сожалению, не готово), и отвергала всякие частичные решения этой общей задачи, компро-

миссы, паллиативы и т.д. (т.е. то, что и возможно пока делать на длительном пути к безъядерному миру).

Очень часто Индия упорно поддерживала какое-либо антиядерное предложение, но, убедившись, что оно не соответствует ее общему подходу, столь же упорно начинала выступать против. Так, она поначалу решительно выступала в поддержку ДНЯО, ее представители участвовали в его подготовке. Индийская сторона рассчитывала, что этот Договор обеспечит скорейшую ликвидацию ядерного оружия. Когда же она пришла к выводу, что это не так, то превратилась в противника ДНЯО, считая, что он лишь закрепляет ядерную монополию «пятерки», а остальные страны лишает законного права на собственный «ядерный выбор». В Дели это было расценено как дискриминация подавляющего большинства стран, как «ядерный апартеид».

Еще в 1954 г. премьер-министр Индии Дж. Неру впервые в истории внес в повестку дня ООН вопрос о необходимости запрещения ядерных испытаний. К 1993 г. Индия была одним из ко-спонсоров предложения о выработке Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, надеясь, что этот Договор проложит путь к всеобщему ядерному разоружению. С этой целью индийская сторона стремилась включить в текст ДВЗЯИ специальную статью, определяющую точные сроки ликвидации всего ядерного оружия. Как отмечал тогдашний министр иностранных дел Индии П. Мукерджи, его страна хотела, чтобы ДВЗЯИ отражал мнение подавляющего большинства населения мира о том, что «ядерное оружие должно быть уничтожено строго по графику»¹⁰. Поскольку это предложение не было принято, Индия выступила против его одобрения на сессии Генеральной Ассамблеи в сентябре 1996 г. Кроме этих принципиальных возражений выступление Дели против ДВЗЯИ диктовалось еще и необходимостью (как это стало понятным после мая 1998 г.) проведения испытаний, чтобы определить свои ядерные способности и удостовериться в их надежности.

Разумеется, к перечисленным выше основным причинным обстоятельствам, обусловившим развитие ядерного оружия в Индии и Пакистане, можно добавить и некоторые другие. Движение Пакистана к ядерному оружию определялось его стратегическим курсом в отношении Индии, направленным на поддержание с ней определенного военного баланса. А поскольку соотношение в области обычных вооружений все больше изменялось в пользу Индии, то Исламабад надеялся, что появление у него оружия «сдерживания и устрашения» позволит остановить этот неблагоприятный процесс. Важным для Пакистана стимулом ядерного прогресса было то, что создаваемое им оружие рассматривалось в определенных кругах мусульманского мира как «исламское». Нельзя было не оправдать подобных ожиданий.

Обладание первой «исламской» бомбой означало немало для укрепления позиций Пакистана в мусульманском мире. Отметим, что после проведенных ядерных испытаний имели место приветствия и одобрение этого шага Пакистаном. Так, редактор каирской газеты «Аль-Ахрам» Ибрахим Нафия заявил, что превращение Пакистана в ядерное государство является «предметом гордости и источником силы для всей мусульманской уммы»¹¹. Некоторые мусульманские государства предоставили Пакистану материальную помощь, поскольку он оказался в весьма затруднительном финансово-экономическом положении из-за санкций, наложенных западными странами после ядерных испытаний¹². Длительная нестабильность в соседнем Афганистане также способствовала ядерному вооружению Пакистана.

Существенным фактором дрейфа Индии и Пакистана к ядерному оружию, конечно, были напряженность их взаимоотношений, нерешенность кашмирской проблемы, взаимная подозрительность. Пакистанская сторона этот фактор выдвигает в качестве главной причины ядерной гонки. Эту точку зрения разделяют многие иностранные специалисты¹³. В докладе американской исследовательской группы, посетившей страны Южной Азии в 1994 г., прямо указано: «В основе развития ядерного оружия в регионе лежит индо-пакистанская конфронтация»¹⁴. Индийская трактовка причинности ядерной проблемы значительно шире — здесь и общая неблагоприятная ситуация для Индии в связи с монополией пяти стран на ядерное оружие, опасности со стороны Китая и «порогового» Пакистана. Причем в разные периоды акцент делался на тот или иной фактор. Так, непосредственно перед проведением ядерных испытаний и в последующее время главной причиной, заставившей Индию сделаться ядерным государством, в Дели называлась «китайская угроза»¹⁵. Индийская точка зрения также разделялась за рубежом¹⁶. Думается, что различие взглядов в кругу иностранных специалистов объяснялась не только политическими мотивами, но и тем, что можно назвать «временным фактором» — резкие обострения индо-пакистанских отношений катастрофического характера, которые в наибольшей мере и привлекали внимание наблюдателей, действительно казались причиной всех бед на субконтиненте, тогда как периоды относительного затишья позволяли взглянуть на проблемы шире.

И наконец, появлению ядерного оружия в Южной Азии в значительной мере способствовала общая, крайне сложная конфликтогенная обстановка на субконтиненте. К сожалению, окончание холодной войны не внесло каких-либо позитивных перемен в жизнь региона¹⁷. Социально-экономическая и политическая напряженность, конфронтационность в межгосударственных отношениях, вооруженные конфликты и т.п. — все это продолжалось, поскольку,

как в прошлом, определялось не столько внешними, сколько внутренними факторами. Не изменился характер индо-пакистанских отношений, сохранилась во всей своей остроте кашмирская проблема, не прекратилась война на Шри-Ланке, продолжалось повстанческое движение на северо-востоке Индии и в районе племен в Бангладеш (лишь в мае 1998 г. окончательно достигнуто соглашение между правительством Дакки и руководством мятежников о прекращении военного противостояния)¹⁸. Не получили в Южной Азии существенного развития интеграционные процессы. Функционирующая многие годы Южноазиатская ассоциация регионального сотрудничества (СААРК) не отличается большими успехами¹⁹. Одной из главных причин низкого уровня интеграции в Южной Азии является комплекс проблем политических — взаимная подозрительность; с одной стороны, боязнь малых стран субконтинента преобладания Индии в любой кооперативной схеме, а с другой — опасение Индии объединения малых государств на антииндийской основе и установление ими связей с внешним миром.

Южную Азию захлестнула волна терроризма. В ноябре 1998 г. произошло печально знаменательное событие — в Бутане, который считался «абсолютно мирной территорией», совершен первый в истории страны теракт — взрыв мощной бомбы на центральном стадионе столицы Тхимпху²⁰. В 90-е годы в Шри-Ланке продолжалась острая борьба с движением сепаратистов. С середины 90-х годов в Непале резко усилилась террористическая деятельность повстанцев. В Индии и Пакистане широкого размаха и остроты достигли столкновения на религиозной и этнической почве. В теснейшей связи с событиями в Афганистане больших масштабов в регионе достиг наркобизнес, контрабанда оружия. Процветает коррупция; в соответствии с «индексом коррупции», определяемым международными организациями, Пакистан в 90-е годы находился в «почетной» тройке наиболее коррумпированных государств мира, недалеко от него по этому показателю ушли Бангладеш и Индия²¹.

В 90-е годы происходил переход от диктаторских режимов к буржуазно-демократическим системам в основных странах Южной Азии (естественно, кроме Индии). Переход этот совершался в сложной социально-политической обстановке, в условиях весьма слабых традиций парламентаризма и отсутствия четкого разграничения функций основных «ветвей власти». Отсюда — постоянная политическая нестабильность, острые кризисы, досрочные роспуски парламентов, смены кабинетов министров и т.д. В Пакистане результатом подобного развития событий стал очередной приход к власти военных в октябре 1999 г. во главе с генералом Первезом Мушаррафом. Индия переживала период сильного дробления политических сил. Ни одной партии не удавалось завоевывать большинства мест в парламенте, и во главе страны становились слабые и непрочные коалиции

многих партий с различными взглядами и интересами. В образованном по результатам всеобщих выборов в феврале 1998 г. парламенте ни одна партия не имела более трети мест. Правящая коалиция во главе с Бхаратия джаната парти (БДП), в союзе с которой выступало около 20 небольших региональных организаций, располагала большинством в пять–шесть мест. Широко распространено мнение как в Индии, так и за рубежом, что именно шаткое положение правительства А.Б. Ваджпай толкнуло его на проведение в мае ядерных испытаний, чтобы с начала своей деятельности укрепить позиции в стране (что на какое-то время сделать удалось). Результаты опроса, проведенного в Индии 26–27 мая 1998 г., показали, что более 80% респондентов одобрили решение правительства об испытаниях ядерного оружия (в более ранних опросах позитивно ответили 90% опрошенных). Но только 65% респондентов были согласны с тем, что ядерные испытания были проведены в интересах национальной безопасности; почти 30% опрошенных считали, что правительство руководствовалось получением политических выгод²².

Разумеется, многие конфликтные ситуации на поверхности политической и внешнеполитической жизни южноазиатских стран кроются в острых социальных проблемах региона, где проживают более 20% населения земного шара. Нет необходимости останавливаться на этой проблеме подробно. В самой общей форме можно сказать, что эти южноазиатские страны не могут обеспечить достойного жизненного уровня для своего огромного и растущего быстрыми темпами населения²³. Массы людей страдают от голода и болезней, безработицы, отсутствия нормальных жилищных условий, ухудшающихся экономических условий²⁴, неграмотности²⁵. На конференции министров финансов и планирования СААРК в апреле 2002 г. было отмечено, что 43% бедных всего мира проживают в Южной Азии²⁶.

Подобная социальная обстановка в немалой степени содействует росту экстремистских, сепаратистских, шовинистических и милитаристских настроений, негативно сказывается на внутренней стабильности и внешнеполитической деятельности южноазиатских государств, существенно осложняет их взаимоотношения, ухудшает перспективы решения существующих конфликтов. Естественным результатом подобной ситуации является милитаризация региона. Военные расходы здесь постоянно растут, и по этому показателю Южная Азия уступает только региону Ближнего Востока и Северной Африки. Причем львиная доля — более 90% общих расходов на военные нужды приходятся на Индию и Пакистан²⁷. В течение всего периода существования этих государств между ними имело место соперничество в военной сфере и происходила гонка вооружений, которая на определенном этапе стала сопровождаться и развитием ядерного оружия.

Таким образом, важно еще раз подчеркнуть, что движение Индии и Пакистана к «боевому атому» определялось сложным комплексом объективных и субъективных причин, причин внутреннего и внешнего характера, вызванных развитием событий на двустороннем, региональном и глобальном уровнях. Поэтому и процесс урегулирования чрезвычайно опасной ситуации в Южной Азии, вышедшей далеко за пределы региона, также должен представлять комплекс трудных решений, широких мер и действий, огромных усилий как самих южноазиатских стран, так и всего мирового сообщества. Главное, что потребуется, — это искреннее желание, добрая воля, стремление к нахождению приемлемого решения, и конечно, очень много времени.

Развитие программ ядерного оружия в Южной Азии

Тема эта — весьма обширна; ей посвящено большое количество разного рода публикаций, всесторонне обсуждалась она на многочисленных международных конференциях, семинарах, симпозиумах и т.д. Поэтому хотелось бы остановиться лишь на некоторых вопросах, имеющих, как представляется, самое непосредственное отношение к рассматриваемой в работе проблематике.

Прежде всего надо отметить, что в отличие от почти всех ядерных держав в Индии и Пакистане гражданская ядерная программа предшествовала военной. В ходе развития первой создавалась научно-техническая база и прочие необходимые условия для перехода к военной программе (тем более, что между ними, как известно, нет непреодолимой преграды). Развитие гражданской ядерной энергетики, особенно в первоначальный период, не встречало никаких препятствий на мировой арене; напротив, развитые страны оказывали всестороннюю помощь экономически отсталым государствам в приобщении к ядерной энергетике. Последние имели возможность приобретать необходимые материальные компоненты для своих мирных ядерных программ, использовать имеющиеся в мире достижения, опыт и т.д.

Многие индийские и пакистанские специалисты в течение ряда лет проходили курсы обучения и работали в соответствующих научных центрах и лабораториях Европы и Северной Америки. Так, будущий «отец пакистанской атомной бомбы» Абдул Кадир-хан знаний и опыта набирался в Голландии и некоторых других европейских странах. Несмотря на то, что Индия и Пакистан не поставили все свои ядерные объекты под контроль МАГАТЭ, они являются членами этой международной организации с момента ее образования в 1957 г. В разные периоды времени эти страны входили в состав Совета управляющих МАГАТЭ; их представители принимали актив-

ное участие в ее деятельности. Посланники Индии особенно активны были в области развития ядерной энергетики, образования и профессиональной подготовки в этой сфере, а также в области производства, использования и удаления накопленных запасов плутония.

Таким образом, военные ядерные программы Индии и Пакистана, как, впрочем, и других «пороговых стран», выросли из гражданских программ. Разумеется, это была не столько сознательная стратегия, сколько естественный процесс, определяемый объективными обстоятельствами. Ядерное оружие в этих экономически отсталых тогда странах не могло создаваться на пустом месте. Да об этом в то время в Индии и Пакистане и не помышляли. Дж. Неру, другие индийские руководители твердо заявляли, что их страна не намерена и не будет производить ядерное оружие. Индия выдвигала и упорно отстаивала предложения об использовании атомной энергии лишь в мирных целях, о прекращении ядерных испытаний, нераспространении ядерного оружия, о запрещении его использования и т.д. Однако развитие «мирного атома» создало определенный задел для его «воинственного собрата», и когда в обеих странах в силу отмеченных выше причин появилась потребность в развитии военных ядерных программ, то для этого уже имелась определенная база. Естественно, она была значительно больше у Индии, что и обеспечило на длительный период опережающее развитие ее ядерного оружия по сравнению с соперником. К тому же более продвинутая ядерная база Индии дала возможность ей осуществить переход на военные рельсы в основном за счет внутренних возможностей. Это было большим преимуществом Индии по многим параметрам, и особенно потому, что в это время мировое сообщество стало ужесточать меры по предотвращению возникновения и развития ядерного оружия в других странах, особое внимание обращая на проблему переключения «мирных» ядерных материалов и технологий на военные цели. Пакистан, который не имел такой ядерной основы, как Индия, и нуждался во многих элементах иностранного производства, оказался в тяжелом положении. Выход из него искался путями тайных сделок, незаконных операций и другими средствами, что нередко приводило к серьезным наказаниям в виде санкций.

Отметим, что переход значительной части ядерной энергетики на военные рельсы, видимо, может объяснить сравнительно невысокий уровень производства гражданской ядерной энергетики (хотя в обеих странах, особенно, конечно, в Индии, она развивалась довольно долго и имела относительно широкую сеть своих объектов). Так, в настоящее время по общей мощности ядерной энергетики Индия занимает 17-е место среди 31 страны, а Пакистан находится на предпоследнем месте. Доля ядерной энергетики в общем ее производстве составляет в Индии 3,7%; в Пакистане — 2,9%²⁸. Однако достаточно развитая ядерная энергетика Индии, видимо, вскоре

выведет ее на более высокое место, и по расчетам, составит в общем производстве энергии более 10% (нынешний уровень Аргентины)²⁹.

Развитие гражданской ядерной энергетики было вполне естественно для таких крупных освободившихся государств, как Индия и Пакистан, к тому же нуждающихся в дополнительных источниках энергии. Обе страны постоянно и в растущих размерах ввозили и ввозят нефть и нефтепродукты³⁰. По некоторым оценкам, Индии вскоре придется импортировать $2/3$ необходимого ей количества нефти, а еще через некоторое время ее собственные запасы практически будут исчерпаны. Пакистан вскоре будет в состоянии производить лишь половину нужной ему электроэнергии³¹. Так что принятая в самом начале гражданская программа ядерной энергетики имела широкую перспективу.

В Индии уже в 1948 г. была создана государственная Комиссия по ядерной энергии во главе с известным ученым-физиком Х.Дж. Бха-бха. Комиссия занималась проблематикой, связанной с использованием ядерной энергии, и консультировала по всем этим вопросам правительство. В ее обязанности входили также организация подготовки физиков-ядерщиков (главным образом, за границей) и изучение запасов сырья для атомной энергетики. В 1954 г. был создан Департамент по атомной энергии, непосредственно подчиненный премьер-министру. В 1955 г. в Тромбее (около Бомбея) был образован Центр по организации работ в области ядерной энергетики (в 1967 г. переименован в Центр атомных исследований им. Х.Дж. Бхабха); в 1956 г. там же при содействии Англии начал работать первый в стране исследовательский ядерный реактор. В 1960 г. в Тромбее вступил в строй исследовательский реактор, построенный при содействии Канады; для обеспечения его работы закупалась тяжелая вода в США. В 1971 г. в г. Калпаккам (южнее Мадраса) создан исследовательский центр ядерных реакторов, позднее названный Центром атомных исследований им. Индиры Ганди.

В Пакистане подобная работа довольно существенно отставала от индийской. Лишь в 1955 г. была создана Комиссия по атомной энергии, которая занималась примерно теми же проблемами, что и индийская комиссия. В 1965 г. в Пакистане начал работать небольшой исследовательский реактор, высокообогащенный уран для которого поставляли США; само предприятие находилось под контролем МАГАТЭ. В подобных условиях на первых индийских и пакистанских ядерных объектах вряд ли могла происходить разработка ядерного оружия, однако ученые и инженеры получали необходимый опыт, который мог быть использован при создании такого оружия. В дальнейшем ядерные объекты, как правило, не ставились под контроль МАГАТЭ. К тому же и те предприятия, которые находились под таким контролем, всячески затрудняли работу международ-

ных инспекций и даже уклонялись от них. Так, в 1972 г. с помощью Канады вступил в строй в Карачи реактор мощностью 125 *МВт*; топливо и сырье ему поставляли Канада и США. Над этим реактором был установлен контроль МАГАТЭ. Однако через несколько лет генеральный директор МАГАТЭ заявил, что Агентство не в состоянии удостовериться, что на карачинском реакторе не осуществляется переход с мирных целей на военные. И хотя Исламабад вынужден был согласиться с некоторыми требованиями МАГАТЭ, в частности на установку более современного оборудования для проверки, ситуация до конца выяснена не была³².

За годы независимости Индия создала значительную ядерную энергетику. К настоящему времени в стране на индийских АЭС действуют 14 энергоблоков общей мощностью в 2503 *МВт*; на разных стадиях строительства находятся еще 2 энергоблока мощностью 980 *МВт*³³. Только две АЭС — в Тарапуре и Раджастанхоне находятся под контролем МАГАТЭ. Атомная электростанция в г. Куданкулам (штат Тамилнад) по условиям контракта с Россией после введения в строй будет передана под контроль МАГАТЭ. В конце 1997 г. решено открыть для международных инспекций два ядерных реактора на АЭС «Какрапар» (штат Гуджарат). Видимо, это сделано для демонстрации высокой надежности и безопасности АЭС Индии, что должно содействовать расширению ее сотрудничества с иностранными партнерами в области использования ядерной энергии; кроме того, данный шаг призван был продемонстрировать мирный характер индийских ядерных программ незадолго до проведения испытаний ядерного оружия.

В стране насчитываются около 60 объектов, непосредственно связанных с ядерной энергией (подавляющее большинство которых находится вне международных инспекций)³⁴. Среди них предприятия по добыче урана и его обогащению, производству и отделению плутония (чему в Индии придается особое значение), тяжелой воды, трития. Имеются исследовательские реакторы, один из которых предназначен для производства изотопов для промышленных целей, медицины, сельского хозяйства, а также для наработок плутония. Ядерные предприятия Индии рассредоточены по всей территории страны (тогда как аналогичные объекты Пакистана расположены близ столичного округа Исламабад—Равалпинди).

После неудачной войны с Китаем в 1962 г. и испытания китайской атомной бомбы в 1964 г. в Индии началось развитие военной ядерной программы. Уже в 1965 г. правительство в принципе одобрило идею о проведении подземного ядерного испытания³⁵ (при этом отметим, что Индия и Пакистан присоединились к Договору о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой).

В результате принятых мер, огромных материальных затрат и благодаря уже имевшемуся «ядерному заделу» цель военной про-

граммы была успешно достигнута. Уже в 1974 г. Индия провела подземный ядерный взрыв мощностью в 12–15 килотонн (т.е. равной силе взрыва атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму). А в начале 90-х годов Индия была отнесена «к числу стран, неофициально обладающих ядерным оружием»³⁶.

Естественно, что все связанное с производством ядерного оружия, особенно в то время, когда Индия и Пакистан отрицали наличие готового оружия, находилось в условиях большой секретности. Данные, которые на этот счет все же имели место, представляли собой мнения ученых и экспертов, основанные на анализе возможностей и достигнутых уровней атомной энергетики в целом, точки зрения политических и общественных деятелей, публикуемые сведения иностранных разведслужб и т.д. Поэтому сведения о ядерном оружии различались между собой и порой довольно значительно. В целом считалось, что к середине 90-х годов Индия имела или могла иметь в соответствии с наличными запасами сырьевого материала от 30 до 100 единиц ядерного оружия³⁷. После ядерных испытаний стали появляться сообщения, что накопленных боезарядов было больше и что имеются весьма значительные возможности для их существенного роста. Так, в индийской печати со ссылкой на данные лондонского журнала «Jane's Defence Weekly» прогнозировалось производство в стране в недалеком будущем четырех с половиной сотен ядерных боеприпасов³⁸. Весьма существенно, что после майских испытаний ядерного оружия индийское правительство выразило согласие на участие в переговорах по подготовке Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов для вооружений, что со временем может закрыть возможность производить новые ядерные бомбы. И хотя это будет нескоро, и данное решение правительства в значительной мере носит пропагандистский характер, все же в какой-то степени оно свидетельствует об уже достигнутом в Индии уровне производства ядерного оружия и сырья для него.

Хотелось бы отметить, что после решения о развитии «боевого атома» происходило ускорение и диверсификация движения всего ядерного комплекса страны. Естественно, больше внимания стало уделяться созданию основных элементов атомного оружия, прежде всего обогащенного урана и отделению плутония. Но решение этой задачи было неразрывно связано с развитием соответствующих гражданских отраслей. Все же, видимо, по мере поднятия на новые уровни и усложнения военных программ стало проявляться их негативное воздействие на гражданское производство, что и обусловило отмеченный выше сравнительно невысокий уровень гражданской энергетики Индии к настоящему времени. Так, наряду со строительством гражданских энергетических реакторов началось создание энергетических установок для оснащения подводных лодок. Появлялись более сложные технологии военного характера. Было разра-

ботано и реализовано получение тяжелого изотопа водорода трития, который может использоваться для повышения мощности ядерных зарядов³⁹. Естественно, это отвлекало и внимание, и средства от гражданского производства.

В то же время именно военная направленность способствовала достижению важнейшей цели — независимости от внешних источников. Неучастие Индии в ДНЯО, ядерное испытание в 1974 г., подозрения относительно характера ее ядерных программ существенно ограничили или даже прервали прежнее сотрудничество западных стран с Индией. Выход из создавшегося положения был найден на путях достижения самообеспечения, на что, естественно, потребовались огромные средства. Чтобы обеспечить независимость от иностранных поставщиков, развернулись работы по созданию собственных реакторов, мощностей для получения тяжелой воды. Так, если в Индии долгое время существовал один завод по получению тяжелой воды и страна зависела от ее импорта, который постоянно колебался, то за период 1977–1991 гг. были введены шесть аналогичных предприятий, благодаря чему Индия не только достигла самообеспечения в этой области, но и стала экспортером тяжелой воды⁴⁰. Отказ Канады после индийского ядерного взрыва в 1974 г. от прежнего сотрудничества в сфере тяжеловодных реакторов привел к тому, что в дальнейшем такие реакторы стали создаваться индийскими специалистами самостоятельно. Сложности с поставками природного урана дали толчок к созданию реакторов на быстрых нейтронах⁴¹.

Результатом этой работы, потребовавшей огромного напряжения сил, внимания и средств, было достижение в целом самообеспечения в сфере ядерной энергетики. Зависимость Индии от иностранного оборудования на середину 90-х годов не превышала 10%⁴². Сейчас она, видимо, еще меньше. В этом — залог будущего быстрого развития индийской ядерной энергетики (включая, разумеется, и ее военную направленность).

Успешное выполнение военной ядерной программы в Индии сочеталось с решением проблемы средств доставки. Страна располагает большим числом военных самолетов, которые могут нести ядерные боезаряды (к ним относятся различной модификации МИГи, «Миражи», «Ягуары», Су и др.). Поэтому основная задача в этой сфере сводилась к производству ракет. Отметим, что Индия, как и Пакистан, находится вне рамок Режимы контроля над экспортом ракет и ракетных технологий (РКРТ), созданного в 1987 г. В настоящее время Индия входит в число стран, которые наиболее продвинулись в создании ракетного потенциала; Пакистан относится к тем государствам, которые в значительной степени зависят от иностранных поставок баллистических ракет и проявляют большой интерес к их приобретению⁴³.

Также как и ядерное оружие, боевые ракеты в Индии создавались на основе хорошо развитой технологии. Уже в начале 60-х годов началось изучение космического пространства. В 1980 г. Индия с помощью собственной четырехступенчатой ракеты вывела на околоземную орбиту свой спутник. Индия добилась такого результата первой среди развивающихся стран мира. Кстати, как отмечается в одном солидном издании, военные аспекты подобной деятельности «никогда не отрицались»⁴⁴.

В 1983 г. была принята Программа интегрированного ракетостроения. Она предусматривала создание ракет различного назначения, в том числе баллистических ракет меньшей дальности (РМД) мобильного базирования «Притхви» класса «земля—земля», противотанковых ракет третьего поколения «Наг», ракет «земля» («борт») — воздух «Тришул» и «Акаш» и др. В Программу позднее была включена и баллистическая ракета средней дальности (РСД) «Агни». Все эти виды ракет успешно развивались, прошли испытания. Ракеты «Притхви» в двух вариантах (дальность полета 150 и 250 км) уже находятся в войсках. Шли работы по созданию ракет «Сагарика» и «Пракаш», запускаемых с подводных лодок. В выполнении своей ракетной программы Индия использовала поддержку некоторых иностранных государств (СССР/Россия, ФРГ, Франция и др.). Но в основном ракетостроение опиралось на собственную научно-производственную базу.

Особенно большим достижением было создание ракеты «Агни» (радиус действия — 1500 км). Лишь несколько стран оказались в состоянии произвести своими силами РСД, которая по всем параметрам принципиально отличается от РМД⁴⁵. «Агни» на 95% является результатом отечественного производства⁴⁶. В конкретной геополитической и военной обстановке в Южной Азии между РМД и РСД имеется еще одно существенное различие — «Притхви» являются «ракетами для Пакистана», поскольку для них достижима значительная часть его территории (полетное время — менее 3 мин.), тогда как «Агни» достигает Китая.

После нескольких испытаний работы с ракетой «Агни» были заморожены в 1994 г. главным образом в результате давления со стороны США. После того как летом 1997 г. Пакистан начал испытания баллистической ракеты «Хатф-3» с радиусом действия более 600 км, работы, связанные с «Агни» возобновились, причем была поставлена цель увеличить дальность ее полета до 2500 км. Следующим этапом развития данного проекта должно стать создание ракет «Агни», имеющих дальность действия 4–5 тыс. км. Планы развития ракетных вооружений предусматривают создание межконтинентальной баллистической ракеты «Сурья» с дальностью действия от 8 тыс. до 12 тыс. км⁴⁷. Практически все перечисленные выше ракеты способны нести как обычные, так и ядерные боеголовки.

В Пакистане, разумеется, база для ракетно-ядерного оружия развита слабее. В стране долгое время действовала только одна АЭС, оснащенная одним энергоблоком мощностью в 125 МВт. Однако с китайской помощью недавно завершено строительство и введен в Чашма (близ Равалпинди) еще один энергоблок в 300 МВт; это предприятие открыто для международных инспекций. Также с помощью Китая ведется строительство еще одной АЭС мощностью в 200 МВт⁴⁸. Особенно важным ядерным объектом является завод по обогащению урана в Кахуте (возле Исламабада), на котором производится оружейный уран (объект вне контроля МАГАТЭ). Близ столицы (в Горла и Сихала) находятся два предприятия по обогащению урана (на них также не распространяются международные инспекции).

Основа ядерной программы Пакистана — высокообогащенный уран. Но есть и предприятия по производству и отделению плутония. Такие операции проводятся в Пакистанском институте ядерной науки и технологии (в Исламабаде), на заводах в Чашма, Хушабе и Равалпинди (все они не находятся под контролем МАГАТЭ). Имеются предприятия по добыче и первичной обработке урановых руд, по производству тяжелой воды (в Карачи и Мултани) и трития (близ Равалпинди), есть несколько исследовательских реакторов. Лишь несколько из примерно 20 объектов, связанных с производством ядерной энергии, находятся под контролем МАГАТЭ⁴⁹.

В создании базы пакистанской ядерной энергетики большую роль сыграли иностранные государства, прежде всего США, Канада, Китай, ФРГ, Голландия, Великобритания, Швейцария, Франция⁵⁰. Некоторые иностранные компании, особенно это касается западногерманских фирм, осуществляли поставки оборудования в обход существующих в их странах законов⁵¹.

Переход к военной ядерной технологии в Пакистане начался в середине 70-х годов, после проигрыша в войне 1971 г. и испытания индийского ядерного устройства в 1974 г. «Траву есть будем, — заявил тогдашний пакистанский лидер З.А. Бхутто, — но создадим свое ядерное оружие»⁵². Большую роль в создании пакистанского ракетно-ядерного потенциала сыграл А. Кадир-хан, вернувшийся в страну в конце 1974 г.

Первоначально вся работа в области ядерной энергетики (как гражданской, так и военной) шла под эгидой Комиссии по атомной энергии, в рамках которой действовали упомянутый выше Пакистанский институт ядерной науки и технологии, а также Комплекс предприятий национальной обороны — КПНО (его генеральный директор С.М. Манд принимал активное участие в проведении майских ядерных испытаний). Вскоре А. Кадир-хан и его сотрудники были выделены в самостоятельную организацию, главной задачей которой было обогащение урана. По словам самого А. Кадир-хана,

он пользовался полной поддержкой правительства и военных⁵³. В короткие сроки был создан комплекс ядерных предприятий в Кахуте. В 1985 г., уверяет ученый, все было готово для проведения ядерного взрыва. Не было лишь соответствующего политического решения⁵⁴. В разработке ядерного оружия и его испытаниях принимали участие и предприятия Комиссии по атомной энергии, тем более, что КПНО с самого начала занимался производством всех видов взрывчатых веществ.

После того как в решении задачи создания ядерного оружия были достигнуты определенные успехи, оба центра занялись ракетостроением. Комплекс Кахуты строит ракеты на твердом топливе, а КПНО — на жидком. Самым большим достижением первого комплекса, как и всего пакистанского ракетостроения, явилось создание и успешные испытания баллистической ракеты средней дальности (РСД) «Гхори» (радиус ее действия — 1500 км). В КПНО разработаны и находятся в производстве баллистические ракеты «Шахин-1» и «Шахин-2» (дальность полетов — 750 км и 2500 км соответственно). Все перечисленные ракеты способны нести и обычные и ядерные заряды⁵⁵.

Думается, что при относительно слабой базе ядерной энергетики Пакистана объединение всех занятых выполнением военной программы предприятий в две крупные группы, находящиеся в острой конкурентной борьбе между собой, во многом содействовало решению основной задачи в достаточно сжатые сроки. Важно также, что в одном месте создавались и ядерные боезаряды, и их носители. Очевидно, это облегчало и ускоряло «нуклеаризацию» средств доставки, то есть установку на них ядерных боеголовок. Отметим, что такое явление характерно и для ракетно-ядерных работ в Индии. Так, Организация оборонных исследований и развития, которую возглавлял «отец» индийской атомной бомбы А.П.Дж. Абдул Калам, занималась ракетостроением и сыграла важную роль в проведении майских (1998 г.) ядерных испытаний.

Что касается наличия у Пакистана готовых боезарядов, то как и в отношении Индии, и по тем же источникам наблюдается определенный разброс данных — от 10 до 30 единиц, а в будущем допускается возможным их доведение до 100. В целом перевес Индии определяется примерно в четыре раза. При этом надо иметь в виду, что на официальном уровне обоих государств наличие готового ядерного оружия никогда не признавалось. Первоначально вообще отрицался какой-либо военный характер ядерного развития, а в последующем, особенно незадолго до ядерных испытаний, в обеих столицах говорилось лишь о наличии потенциала, возможностей, технологии для производства ядерного оружия.

Количественное превосходство ядерного оружия у Индии обусловило выдвижение Исламабадом принципа «минимального ядер-

ного потенциала». В соответствии с ним Пакистану необходим лишь минимум сил сдерживания для обеспечения национальной безопасности. Как писал бывший секретарь МИД Пакистана А. Сат-тар, Пакистан «лишен амбиций великой державы, не стремится к региональному преобладанию или статусу ядерной державы, чтобы занять место постоянного члена Совета Безопасности». Поэтому Пакистан должен иметь минимум необходимого, руководствуясь принципом «большее не нужно, если меньшее достаточно»⁵⁶. Так изящно объяснялось существенное количественное различие ядерных арсеналов Пакистана и Индии.

У Пакистана по сравнению с Индией значительно меньше военных самолетов, которые могут нести ядерные боезаряды. Считается, что такую роль могут выполнять американские F-16 и французские

«Мираж-3» и «Мираж-5»⁵⁷. Значительно лучше обстоит дело с ракетами. В этой сфере большую помощь Пакистану оказал Китай, поставив ему несколько типов РМД — М-7, М-9 и М-11. С помощью Китая, а также КНДР (в обмен на пакистанскую помощь в развитии ядерной энергетики) Пакистан наладил собственное производство баллистических ракет «Хатф», сходных с индийскими «Притхви».

«Хатф-1» (дальность полета 80 км) прошла все испытания и находится в войсках; «Хатф-2» (радиус действия 280–300 км), по данным на середину 90-х годов, находилась еще в производстве⁵⁸. В июле 1997 г. имели место успешные испытания ракеты «Хатф-3» (дальность ее действия — 600 км), что вызвало, как отмечалось выше, большое беспокойство в Дели. Примерно в то же время имели место успешные испытания нового зенитно-ракетного комплекса «Анза» и управляемой противотанковой ракеты «Бактаршикан». Как уже отмечалось, в производстве находились баллистические ракеты «Шахин-1» и «Шахин-2». И наконец, большим успехом стало успешное испытание 6 апреля 1998 г. ракеты средней дальности «Гхори» (в зону ее поражения попадают Дели, Бомбей, многие крупные ядерные центры Индии). Через несколько дней после этого события А. Кадир-хан заявил, что будет вести работы по увеличению радиуса действия ракеты до 2000 км. Если испытания «Хатф-3» побудили Индию вернуться к работам над «Агни», то запуск «Гхори», несомненно, был одной из причин принятия в Дели решения о проведении ядерных испытаний.

Естественно, что собственная база для производства ракетно-ядерного оружия у Пакистана значительно меньше, чем у Индии. Так, Пакистан до сих пор не производит реакторы. Поэтому ограничения, введенные западными странами, особенно США, на экономические и военные отношения со странами, не присоединившимися к ДНЯО и не поставившими свои ядерные объекты под контроль МАГАТЭ, особенно сильно сказались на Пакистане. Не только США, но и Канада, Франция, Швейцария и другие страны резко

сократили свои связи с Пакистаном, прекратили сотрудничество в области ядерной энергетики. В 1990 г. США ввели в действие «поправку Пресслера» к Закону о предоставлении помощи иностранным государствам, согласно которой была прекращена вся военная и значительная часть экономической помощи Пакистану.

Выходу из создавшегося положения во многом содействовала созданная в Пакистане мощная и разветвленная структура, которая успешно осуществляла тайные закупки необходимых материалов за границей⁵⁹. В газетах довольно часто сообщалось о разоблачениях, связанных с попытками закупить в западных странах необходимые компоненты для производства и испытания ядерного оружия. Так, в 1984 г. в США был осужден пакистанец, пытавшийся незаконно вывезти партию крайтронов (специальные электронные устройства, используемые во взрывателях атомных бомб). Пакистанские официальные лица, ученые, отрицая все это, заявляли о возможности приобретения всего необходимого на мировом рынке⁶⁰. Большую помощь Пакистану в развитии ракетно-ядерной техники оказал Китай, причем значительная ее часть приходилась именно на период осложнения отношений Пакистана с Западом. В 1986 г. пакистано-китайское сотрудничество в сфере использования ядерной энергии было официально оформлено соответствующим соглашением. На его основании Китай стал оказывать помощь в строительстве АЭС в Чашма. В США неоднократно делались заявления о том, что еще в начале 80-х годов Пакистан получил от Китая уже испытанную схему производства ядерного оружия. Имелись сообщения также, что в мае 1983 г. на территории Китая было испытано пакистанское ядерное устройство⁶¹. В 90-е годы Пакистан приобрел у Китая кольцевые магниты (важный элемент для производства высокообогащенного урана). Весьма любопытным представляется интервью, которое дал «Независимой газете» пакистанский министр иностранных дел Гохар Айюб Хан летом 1997 г.; он, в частности, заявил: «У нас имеются собственные ядерные технологии, созданные при участии Китая»⁶². Значительной была помощь Китая Пакистану в создании ракетного арсенала. Пекин поставлял ракеты, отдельные ее элементы и технологии их производства⁶³. Китай содействовал строительству близ Исламабада завода по производству ракет «Хатф-3». За свое сотрудничество в ракетно-ядерной сфере Пакистан и Китай неоднократно подвергались санкциям со стороны США.

Несмотря на все ограничения, вводимые зарубежными странами, Пакистан создал свое ядерное и ракетное оружие. При этом репрессалии в определенной степени усиливали действия по созданию собственных производств. Последнее особенно относится к Индии; достаточно вспомнить, что запрет США на поставки ей мощных компьютеров привел в конечном счете к тому, что индийцы своими силами создали суперкомпьютер «Парам-10 000», способный осу-

шесть 100 млрд. математических вычислений в секунду (по некоторым данным, даже 1 трлн. таких операций)⁶⁴. Представляется, что этот момент следует иметь в виду при определении позиции и отношения к двум южноазиатским государствам, ставшим не так давно ядерными.

Ракетно-ядерные комплексы Индии и Пакистана — это огромная разбросанная по всей территории этих стран сеть промышленных предприятий, научно-исследовательских институтов и лабораторий, учебных центров и т.д. Некоторые представления о размере деятельности этой отрасли дают публикуемые отдельными частными центрами и группами сведения относительно числа компаний, так или иначе связанных с ракетно-ядерным развитием — участие в исследованиях, в производстве каких-либо деталей, используемых в ракетах и ядерных реакторах, находящихся вне контроля МАГАТЭ (другими словами, занимающихся военными программами). По данным одной из таких групп на лето 1997 г., подобных компаний в Индии было 127, а в Пакистане — 46. При этом в докладе специально оговаривалось, что список этот далеко не полный и число индийских компаний больше, по крайней мере, на 20⁶⁵.

Чрезвычайно важно иметь в виду, что развитие ракетно-ядерного потенциала Индии и Пакистана происходило и происходит в условиях общего роста вооружений. Военные расходы двух стран увеличиваются и составляют существенную долю ВВП⁶⁶. Растет уровень собственного военного производства, создаются новые и модернизируются имеющиеся образцы вооружений. В Южной Азии только Индия и Пакистан являются экспортерами оружия. Огромные средства идут на закупки новых видов военной техники⁶⁷.

В Индии особое внимание обращено на развитие военно-воздушных и военно-морских сил. Планируется создание боевого самолета по технологии «Стелс» и завершается создание системы «АВАКС». Начались работы по созданию новой космической ракетной системы многоразового использования, в которой будут сочетаться возможности ракеты и самолета. Военный флот пополняется новыми боевыми кораблями различных классов как собственной постройки, так и закупаемыми за рубежом, совершенствуется система управления разведки и связи.

В Пакистане в силу более ограниченных финансовых возможностей основное внимание обращено на приобретение, производство и модернизацию армейской техники — танков, артиллерийских установок, боевых машин пехоты, средств связи и т.д. При этом Пакистан активно внедряется на военные рынки бывших советских республик. В 1996 г. была заключена сделка с Украиной о продаже ему 320 танков Т-80 УД, а также с Белоруссией о поставке партии противотанковых ракет. О степени милитаризации страны дает представление тот факт, что примерно 800 частных компаний связаны

с военным производством, которое составляет 30–50% их общей производственной деятельности⁶⁸.

По данным на конец 1998 г., регулярные вооруженные силы Индии насчитывали почти 1,2 млн. человек. На вооружении в сухопутных войсках находились 3414 танка, 4175 артиллерийских орудий, 150 реактивных систем залпового огня (РСЗО), более 1200 минометов, 2400 зенитных орудий, 600 переносных зенитных ракетных комплексов (ПЗРК). ВВС насчитывали 772 боевых самолета. В морском флоте имелись 19 подводных лодок, 1 авианосец, 6 эсминцев, 6 ракетных катеров. В регулярных вооруженных силах Пакистана находились около 600 тыс. человек. На вооружении армии имелись 2120 танков, 1590 артиллерийских орудий, 45 РСЗО, 725 минометов, более 2000 зенитных орудий, 350 ПЗРК (включая «Стингеры»). 410 боевых самолетов составляли пакистанские ВВС. В ВМФ имелись 9 подлодок, 3 эсминца, 5 ракетных катеров⁶⁹.

Таким образом, вооруженные силы Индии имели существенный перевес в живой силе и технике. Следует иметь в виду, что такой перевес существовал всегда. И в этом — одна из причин стремления к ядерному оружию Пакистана, который считает, что оно уравнивает военные потенциалы обеих стран. По мнению Исламабада, ядерное оружие уже само по себе, независимо от количественных показателей, представляет мощное средство сдерживания противника от применения своего оружия из-за угрозы «ядерного возмездия». При этом Пакистан усиленно проводит идею, что любое вооруженное столкновение между двумя государствами примет ядерный характер.

Что касается двух других видов оружия массового уничтожения — химического и биологического, то обе страны располагают значительным потенциалом и возможностями для их производства, а в прошлом имели определенные наработки в этой области⁷⁰. Однако оба государства присоединились к Конвенции о запрещении биологического оружия и Конвенции о запрещении химического оружия и в настоящее время нет каких-либо свидетельств о нарушении ими требований этих международных соглашений⁷¹. Хотя, разумеется, на двустороннем уровне нет недостатка во взаимных обвинениях.

И наконец, следует отметить, что при всей жесткости противостояния Индии и Пакистана по ядерной проблеме все же имел место общий подход к некоторым вопросам. Так, в 1988 г. было подписано соглашение о запрете нападения на ядерные объекты обеих стран и об обмене списками данных объектов. Такой обмен впоследствии проводился, но постоянно сопровождался взаимными обвинениями о том, что списки эти — далеко не полные⁷².

Переход «ядерного рубикона» и последствия этого шага

В предшествующих разделах рассмотрены причины, побудившие Индию и Пакистан сделать «ядерный выбор», а также конкретные шаги по достижению намеченной цели. Ясно, что в течение определенного периода обе страны были в состоянии продемонстрировать свои достижения в данной сфере. Затягивание «порогового состояния» не отвечало принципиальным интересам как Индии, так и Пакистана. Для Дели, как уже отмечалось, ядерное оружие имело прежде всего политическое значение как средство повышения своего международного статуса. Пребывание «бомбы в подвале» ничего в этом смысле не давало. Исламабаду важно было продемонстрировать реальные достижения, по его мнению, военного паритета с Индией. «Ядерное ружье» должно было выстрелить, и оно выстрелило.

Первый шаг был сделан Индией. Пакистан, естественно, не мог отважиться на такое действие, он и здесь предпочел традиционную позицию «адекватного ответа». Решение о ядерных испытаниях приняло правительство, возглавляемое Бхаратия джаната парти, правой националистической организацией страны, которая еще в своем предвыборном манифесте обещала перейти пресловутый «порог». И хотя известно, как выполняются предвыборные обещания, данное было выполнено, и очень скоро.

Выше говорилось о сложном положении, в котором в начале 1998 г. оказалось правительство БДП, имевшее незначительное и неустойчивое большинство в парламенте. Из-за обвинений в коррупции и финансовых злоупотреблениях возникла реальная угроза правительственного кризиса. Нужно было действие, которое изменило бы обстановку. Таким действием и явились ядерные испытания (напомним, что потребность в них назрела давно). Их проведение было встречено в стране с огромным ликованием. Ведущие политические партии и организации, которые сами не решились сделать этот шаг, поддержали правительство. Внутренние разногласия в правящей коалиции временно отодвинулись на задний план. В атмосфере поднявшейся националистической волны позиции правительства укрепились.

Разумеется, были и другие факторы, повлиявшие на принятие решения о проведении ядерных испытаний. Одним из них было появление у Пакистана ракеты среднего радиуса действия, что представляет большое военно-техническое достижение и было достаточно неожиданно для Дели.

Отношения между Индией и Пакистаном перед ядерными испытаниями серьезно осложнились. Был прерван политический диалог, проводимый на уровне секретарей МИД обеих стран. Каждая сторона обвиняла другую в намерении провести ядерные испытания,

а также в развертывании своих баллистических ракет на границе с соседним государством. Сопровождалось это предупреждениями о принятии адекватных мер, обращениями к США, Совету Безопасности о необходимости соответствующих мер против «нарушителя спокойствия» и т.д. Соперники, естественно, отрицали все обвинения в свой адрес и вину возлагали на противоположную сторону. На самой границе и линии контроля в Кашмире постоянно происходили разного рода инциденты, столкновения, перестрелки и т.д.

В такой обстановке были проведены Индией первые в Южной Азии ядерные испытания. Прошли они в два этапа на полигоне Покхаран в Раджастане, где, кстати, был осуществлен ядерный взрыв в 1974 г. 11 мая 1998 г. были взорваны три ядерных устройства: одно (оно считается термоядерным) — мощностью 45 килотонн, другое — мощностью 15 килотонн и третье — менее килотонны.

13 мая испытанию подверглись два небольших заряда мощностью менее килотонны. Пакистан ответил не сразу, что породило определенные надежды, что, возможно, он откажется от «адекватных действий» и продемонстрирует свое миролюбие на фоне Индии, ставшей возмутителем в мире «ядерного спокойствия».

Однако ответ Пакистана был запрограммирован всем комплексом ядерных взаимоотношений с Индией. Исламабад лишь максимум использовал оставшееся до испытаний время для того, чтобы утвердить свое положение как вынужденного «ответчика» на содеянное «зачинщиком». На полигоне Чагаи в Белуджистане 28 мая были взорваны пять ядерных устройств: одно крупное (но не термоядерное) — мощностью 36 килотонн и четыре — малой мощности, примерно равных соответствующим индийским устройствам. Через день, 30 мая, был взорван заряд мощностью 12 килотонн⁷³.

Таким образом, Пакистан и на этот раз продемонстрировал приверженность принципу «равных ответных действий». Им было осуществлено шесть ядерных испытаний, столько сколько сделала Индия (с учетом взрыва в 1974 г.). Испытания были проведены в два дня; по мощности заряды были также приблизительно равны: по одному крупному и среднему и остальные — малые. На упрек, почему в Пакистане не оказалось термоядерного устройства, А. Кадир-хан заявил, что такое устройство будет скоро создано, ибо «если вы имеете атомную бомбу, то превращение ее в термоядерную — дело не очень трудное»⁷⁴.

Ядерные испытания, проведенные Индией и Пакистаном, имели широкий круг последствий военного и геополитического характера. Прежде всего они реально подтвердили наличие у обеих стран ядерного оружия и преобладание Индии (хотя и не такое, как можно было предположить). Испытания показали, что имеющееся ядерное оружие находится в боевой готовности, имевшиеся на этот счет сомнения в целом устранены. В результате каждая страна способна

нанести другой сокрушительный удар, который в условиях южно-азиатского субконтинента, огромного числа жителей и гигантской перенаселенности будет иметь катастрофические последствия.

Важным аспектом военного характера, переходящего в политический, является то, что испытания не выявили в полной мере, насколько современны испытанные ядерные устройства. Существует мнение, что мощности ядерных взрывов преувеличены, а уровень самого оружия существенно ниже уровня ядерного оружия великих держав⁷⁵. В таком случае дальнейшее развитие ядерного потенциала Индии и Пакистана будет сопровождаться значительным повышением его качественного уровня, а это, несомненно, потребует новых ядерных испытаний. И хотя в обеих странах твердо заверяют, что дальнейшее развитие и совершенствование их ядерного оружия возможно без проведения взрывов, не без основания возникает сомнение в этом и подозрение, что во многом такие заверения носят временно-пропагандистский характер, чтобы ослабить негативное впечатление, созданное ядерными взрывами, и репрессалии со стороны мирового сообщества.

Можно было не сомневаться, что после испытания ядерного оружия его развитие в обеих странах будет продолжаться. Важнейшее направление этого развития в Пакистане определено приведенным выше заявлением А. Кадир-хана. В стране увеличивается производство плутония, который является более мощной ядерной взрывчаткой, чем уран. В Индии заявляют о необходимости усиления взрывной мощи ядерных бомб (до 200 килотонн), есть сообщение о подготовке к созданию нейтронных бомб⁷⁶. В Индии запланировано создание нескольких атомных подводных лодок. В конце 1998 г. прошли стендовые испытания атомного реактора для таких подлодок⁷⁷. Продолжается создание средств доставки, особенно ракет.

Естественно, все, что связано с ядерным оружием, в обеих странах строго засекречено. Поэтому разные источники дают серьезно различающиеся между собой данные о современном численном состоянии ядерного оружия Индии и Пакистана. Часто вместо количества готовых «изделий» приводятся данные о запасах оружейного плутония и урана, и на этой основе делаются расчеты о размерах атомного оружия, которое можно получить из имеющегося сырья.

По умеренным оценкам экспертов, Индия имеет 30–35 ядерных боезарядов, а также определенное количество готовых компонентов, что позволит в течение нескольких дней собрать и разместить небольшое количество ядерных боезарядов. Запасы оружейного плутония оцениваются в размере от 225 до 370 кг, что достаточно для производства 50–90 ядерных боезарядов. Кроме того, в Индии имеется еще некоторое количество оружейного урана. По тем же данным, Пакистан имеет 18–25 ядерных боезарядов на основе урана, а также готовых компонентов, которые в течение нескольких дней

и даже часов могут быть собраны в небольшое количество ядерных боезарядов. Имеющихся запасов оружейного урана (585–800 кг) достаточно для производства 30–50 ядерных боезарядов, а из имеющегося плутония можно создать 3–5 таких боезарядов. Пакистанские ядерные боезаряды хранятся в разобранном состоянии — отдельно ядерные компоненты от неядерных⁷⁸.

По другим источникам, Индия имеет ядерных боезарядов от 45 до 95, а Пакистан — от 30 до 52. По другим сведениям, у Индии — 60, а у Пакистана — 25 зарядов. Есть данные, что ядерный арсенал Индии — от 60 до 100, а Пакистана — от 15 до 30–40 ядерных боезарядов⁷⁹.

Из этих весьма разнящихся фактов, тем не менее, можно сделать, по крайней мере, два вывода. Первый, после испытания ядерного оружия в 1998 г. в обеих странах продолжались работы по его количественному и качественному развитию. Несомненно, этот процесс будет продолжен и в дальнейшем. Об этом говорит, например, принятая в Пакистане и рассчитанная на 15 лет программа полного оснащения ядерным оружием трех основных родов войск. И второй: все имеющиеся данные о количественных параметрах ядерных сил Индии и Пакистана говорят о преимуществе, порой довольно значительном, Индии. Думается, что это преимущество будет сохранено в будущем и, по всей видимости, увеличится.

После ядерных испытаний в 1998 г. большое внимание в обеих странах было обращено на создание средств доставки, в первую очередь — ракет, а также на соответствующую подготовку и переоборудование самолетов, способных нести ядерное оружие. За прошедшие годы многократно проходили испытания баллистических ракет средней и меньшей дальности. Так, Индия осенью 2002 г. завершила серию испытаний ракет типа «Агни» — средней дальности (1500–2500 км) и меньшей (700 км), после чего началось их развертывание на предназначенных им позициях. Существуют планы увеличения дальности полета «Агни» до 5000 км. Именно «Агни» составляют ударную силу ракетной стратегической группировки Индии. Учитывая успешные запуски спутников, специалисты считают возможным создание в Индии баллистической межконтинентальной ракеты.

Что касается ракет малой дальности, то на вооружении индийской армии состоят «Притхви-1» (дальность 150 км). В частях ВВС имеются ракеты «Притхви-2» с дальностью 250 км. Морская версия «Притхви» под названием «Дхануш» (250 км) успешно прошла серию испытаний и принимается на вооружение ВМС (в перспективе ее полет планируется увеличить до 500 км). Интенсивно идут работы над ракетой морского базирования «Сагарика» с дальностью 250–350 км. Она предназначена для вооружения индийских атомных подводных лодок, процесс производства которых, однако, ис-

пытывает большие трудности. В серийном производстве находятся противокорабельные ракеты «БраМос». Они могут быть запущены с воздуха и моря на расстояние до 300 км и способны нести многозарядную боеголовку (работы по созданию «БраМоса» велись с 1999 г. совместно российскими и индийскими специалистами). Успешные испытания прошли ракеты «Акаш» класса «земля—воздух» (дальность до 25 км) и «Трешул» (ракета ПВО корабельно-го базирования с дальностью полета до 9 км); в войска поступят в 2003 г.

В Пакистане также были проведены испытания ракет средней дальности «Гхори-1» (1300 км) и «Гхори-2» (2000 км); эти ракеты приняты в армии. Ракеты меньшей дальности «Шахин-1» (750 км) находятся в войсках (как сообщалось, именно на этих ракетах устанавливались ядерные боеголовки во время Каргильского конфликта 1999 г.). РСД «Шахин-2» (2500 км) находится в производстве; впервые она была продемонстрирована в марте 2000 г. на военном параде в честь Дня Пакистана. Ракеты малой дальности «Хатф-1», «Хатф-2» и «Хатф-3» (соответственно 80, 300 и 600 км) развернуты в войсках. На вооружение пакистанской армии в начале 2003 г. были поставлены ракеты «Хатф-5» (дальность — 1300 км). Успешное испытание прошла ракета «Хатф-4» (800 км). Разрабатываются баллистические ракеты «Газневи» (2000 км) и «Типу» (до 4000 км). Пакистан постоянно заявляет, что он не ставит задачу создания межконтинентальной ракеты (тому же для этого у него нет и возможностей!). В 2001 г. было принято важное решение о слиянии предприятий Кахуты и Комиссии по ядерной энергетике в один центр — Комплекс ядерной обороны. Видимо, время конкурентной борьбы в условиях меньших возможностей прошло, и признано целесообразным на новой стадии развития ракетно-ядерного потенциала страны объединить все имеющиеся силы и ресурсы под единым руководством⁸⁰.

В августе 1999 г. в Индии был опубликован документ, носящий название «Ядерная доктрина Индии». Он создан Комитетом по разработке рекомендаций по вопросам национальной безопасности, действующим под эгидой правительственного Совета национальной безопасности. Данный материал формально представляет собой проект ядерной доктрины страны, который после широкого обсуждения и одобрения правительством станет важнейшим документом Индии.

Проект ядерной доктрины предусматривает последовательное движение Индии по пути превращения ее в полноценное ядерное государство. Важнейшая цель — создание ядерного арсенала, достаточного для отражения любой агрессии, для того, чтобы «любое ядерное нападение на Индию и ее вооруженные силы привело к адекватному ядерному возмездию, способному нанести агрессору

невосполнимый урон». В отношении самих ядерных сил Индии говорится, что они «должны быть эффективными, разнообразными, гибкими и оперативно отвечающими на возникающие потребности в соответствии с концепцией надежного минимума сдерживания». Эти силы будут основаны на триаде, состоящей из мобильных наземных ракетных установок, воздушных и морских средств доставки. «Способность ядерных сил к выживаемости будет повышена за счет сочетания многослойных систем защиты, мобильности, рассредоточения и маскировки»⁸¹.

Проект индийской ядерной доктрины был встречен в мире весьма настороженно, а в Пакистане — резко отрицательно. На официальном уровне было заявлено о «новой ситуации», возникшей после публикации этого документа, которую Исламабад будет учитывать при подходе к вопросам нераспространения, особенно к проблеме присоединения к ДВЗЯИ⁸².

Чрезвычайно важным для Индии и Пакистана было решение проблем, связанных с организацией и управлением нового вида оружия, структурой командования, а также комплекса вопросов по защите ядерных объектов и путей перемещения ракетно-ядерного оружия, повышению его эффективности, прежде всего точности попадания, обеспечению раннего предупреждения и воздушного наблюдения, недопущению несанкционированных запусков ракет, всякого рода ошибок и случайностей. В период создания ядерного оружия все внимание и средства были сосредоточены на решение этой задачи, а остальные проблемы оставались в тени. После достижения определенного уровня развития данного стратегического оружия в Индии и Пакистане стали заниматься и другими звеньями ракетно-ядерной цепи.

Разумеется, что создание отмеченной выше инфраструктуры ядерного потенциала обеих стран требует огромных средств, массы времени, высоких технологий. Последнее практически невозможно получить от иностранных держав, поскольку Индия и Пакистан имеют ядерное оружие и в то же время не являются членами ДНЯО. Сказанное относится даже к системе раннего предупреждения, несмотря на ее, казалось бы, оборонительный характер. Все, что так или иначе связано с военно-ядерным потенциалом, находится вне иностранной помощи и торговли. В такой ситуации определенное преимущество, безусловно, имеет Индия с ее более высокоразвитым ВПК. Как отмечал высокопоставленный пакистанский военный, «у нас нет технологий для многоуровневого подтверждения команды для запуска ракет; у Индии с этим дело обстоит лучше, но не настолько»⁸³. (Другими словами, в обеих странах велик риск случайных и несанкционированных ударов.) Следует отметить, что ни Индия, ни Пакистан не имеют национальных систем ПРО. В данной конкретной ситуации этот факт играет определенную сдерживающую

роль. Правда, в Пакистане есть подозрения, что в Индии готовятся к созданию такой системы (об этом в интервью газете «Время новостей» говорил пакистанский посол в РФ Ифтикар Муршед)⁸⁴.

В Индии долгое время ядерное оружие находилось в распоряжении командования трех видов вооруженных сил. Между ними, естественно, шла конкурентная борьба, что вносило определенные трудности в процесс развития нового вида оружия. В 2002 г. было решено передать ядерный арсенал в ведение созданного стратегического ядерного командования. Оно подчинено Объединенному комитету начальников штабов (ОКНШ) вооруженных сил Индии, который, в свою очередь находится под контролем правительства. В Пакистане ситуация была иная. Там с самого начала ядерное оружие находилось в ведении армейского командования. Это определялось не только тем, что армия является общепризнанной главной силой пакистанских вооруженных сил. Важно, что ее командующие (формально — начальники штаба армии) значительную часть периода создания и развития ядерного оружия в стране последовательно возглавляли установленный ими военный режим и одновременно занимали пост президента. В 2000 г. было создано командование ядерными силами (КЯС), находящееся под контролем главы военного режима генерала П. Мушаррафа. КЯС состоит из двух комитетов; один из них осуществляет контроль над развертыванием ракетно-ядерных сил (именно он принимает решение о применении ядерного оружия). Главой этого комитета является президент, его заместитель — председатель ОКНШ. Другой комитет контролирует развитие ракетно-ядерных сил. Его руководитель — премьер-министр. Для осуществления взаимодействия КЯС с ОКНШ при последнем сформирован отдел стратегического планирования.

В начале 2003 г. в Индии была проведена реорганизация структуры стратегических сил по подобию пакистанской. Создано объединенное командование стратегическими силами (ОКСС), костяк которых составляет ядерный потенциал страны. Через ОКНШ это командование находится под контролем Совета национальной безопасности страны, возглавляемого премьер-министром. Само ОКСС состоит из политического комитета во главе с премьер-министром. Задача комитета — принятие принципиальных стратегических решений, включая решение о нанесении ядерного удара. В ведение второго — исполнительного комитета — входит реализация решений политического комитета. Его руководитель — советник главы правительства по национальной безопасности.

Одновременно с этими мерами были изложены основные положения ядерной доктрины Индии. Подчеркнуто, что страна прибегнет к использованию ядерного оружия только в качестве ответной акции, если она подвергнется атаке с применением ядерного, химического или бактериологического оружия. Цель ответного удара —

нанести противнику «невосполнимые потери». Индия обязалась не использовать ядерное оружие первой и вообще не применять его против стран, не имеющих ОМУ. Важным направлением ядерной доктрины Индии объявлен строгий контроль за недопущением распространения ракетных и ядерных технологий и соблюдение моратория на ядерные испытания. Подтверждена необходимость иметь «минимальный уровень ядерного сдерживания»⁸⁵.

Одновременно в Индии и Пакистане происходит быстрое наращивание военных усилий. Сразу после ядерных испытаний военные расходы по бюджетам обеих стран были увеличены⁸⁶. В Индии был создан Совет национальной безопасности (СНБ) во главе с премьер-министром. В задачи СНБ входят изучение международной и региональной обстановки и выработка рекомендаций о возможных политических и военных действиях Индии в случае появления реальной угрозы ее безопасности. В рамках СНБ создана группа стратегического планирования. Важная функция Совета — укрепление взаимодействия между гражданским руководством и военными. Особое внимание в Индии обращается на создание обычных вооружений точного наведения, планируется полная компьютеризация всей армии, принято решение о создании нового современного авианосца. В качестве важнейшей задачи поставлено достижение к 2005 г. 70% обеспечения вооруженных сил отечественной боевой техникой⁸⁷.

У Пакистана, возможности которого более ограничены, важной задачей является приобретение техники для сухопутных войск и ВВС. Так, осуществляется закупка боевых самолетов и танков у Китая, а также их совместное производство по китайским лицензиям. У Франции приобретаются самолеты и подводные лодки. В Пакистане началось собственное производство артиллерийского и другого вооружения для танков «Аль-Халид» и Т-80 УД, поставленных Украиной. В Индии и Пакистане проведены учения с целью отработки боевых действий в условиях применения ОМУ. Они призваны проверить готовность выживания войск и проведения боевых операций при использовании ядерного, биологического и химического оружия.

Появление в Южной Азии ядерных государств и сопутствующие этому событию явления, естественно, серьезно усилили конфликтный потенциал региона. Уже само наличие ядерного оружия представляет большую угрозу. Учитывая, что оба ядерных государства находятся между собой в острой конфронтации, возникает опасность применения этого оружия, перерастание обычного столкновения в ядерное. Появление ядерного оружия в регионе породило еще одну опасность — возможность захвата его резко усилившимися в Пакистане исламскими радикалами. Исламистские настроения проникли в командный состав армии, научно-техническую среду, связанную

с ядерной энергетикой (видимо, здесь сказались общий подъем в стране традиционализма, а также длительное время вынашиваемая идея о том, что пакистанская ядерная бомба одновременно является и «исламской»). Правительство П. Мушаррафа провело чистку армейского комсостава, спецслужб и персонала, занятого в сфере ракетно-ядерного потенциала страны. В отставку были отправлены «отец» пакистанской ядерной бомбы А. Кадир-хан и председатель Комиссии по ядерной энергетике Ишфак Ахмад; имели место аресты крупных специалистов-ядерщиков и длительные их допросы относительно связей с местными исламистами и талибами. В целом Южная Азия представляет чрезвычайно опасный регион в мире.

Но именно потому, что индо-пакистанское противостояние приобрело ядерный характер и применение этого вида ОМУ будет иметь невиданные материальные и человеческие потери, иными словами, нанесет неприемлемый ущерб, возникает эффект «всеобщего страха», что делает невозможным применение этого оружия, создает некий паритет взаимного сдерживания и устрашения. Эти идеи получают довольно широкое распространение в Индии и Пакистане.

В обеих странах постоянно говорят о катастрофических последствиях от применения ядерного оружия, что в случае обмена ядерными ударами оба государства «превратятся в радиоактивные развалины»⁸⁸. Обращается внимание на географический момент — территориальную близость обоих государств, что делает опасным для них даже действие собственного оружия. Многие эксперты по этой причине считают невозможным применение тактических ракет с ядерным оружием.

И в Индии, и в Пакистане многие специалисты считают, что именно ядерная способность, наличие «недекларированного» ядерного оружия объясняют отсутствие крупномасштабных военных столкновений между Индией и Пакистаном после третьей войны между ними в 1971 г. Разумеется, что после «декларирования» наличия ядерного оружия этот фактор приобретает еще большее значение. Крупный индийский специалист К. Субраманиам отмечал, что после того, как владение ядерным оружием было обнаружено, «эффективность взаимного сдерживания увеличилась»⁸⁹. Один из пакистанских военных в отставке А. Раббани подчеркивал, что «мы обеспечили паритет с Индией, по крайней мере, на уровне устрашения, то есть возможности взаимного разрушения»⁹⁰.

Одновременно активно обсуждается проблема размеров ядерного арсенала. В обеих странах, исходя из многих факторов как чисто военного, так и экономического характера, все больше пробивается идея, что оба государства имеют достаточно ядерного оружия, чтобы они взаимно воздерживались от его применения. При этом ставится вопрос о «минимальной ядерной способности», то есть о необходимости иметь только такое количество ядерного оружия, которого

достаточно для сдерживания противника, для нанесения ему неприемлемого ущерба. Такой подход особенно поддерживает Пакистан, поскольку он уступает Индии по размерам ядерного арсенала и не имеет возможности и средств изменить это положение. Поэтому Исламабад твердо исходит из того, что само наличие ядерного оружия обеспечивает сдерживание Индии. Другими словами, Пакистан придерживается теории «экзистенциального сдерживания», в со-ответствии с которой эффект сдерживания проистекает из самого факта наличия ядерного оружия⁹¹. При этом выискиваются слабые места у противника, которые должны компенсировать меньшую военную мощь Пакистана. Так, в ответ на заявление индийских деятелей о ядерном превосходстве Индии их пакистанские коллеги утверждают, что, поскольку «Индия имеет города с огромной кон-центрацией населения, она пострадает больше в ядерном столкно-вении»⁹².

«Минимальная ядерная способность» — это категория не только военная, но и экономическая. В этом смысле обе страны в разной, конечно, степени имеют пределы для развертывания своих вооружений. Собственные социально-экономические проблемы являются значительным сдерживающим фактором в этом отношении.

Именно крайне тяжелое материальное положение широких масс населения, которое еще больше осложнилось (особенно это относится к Пакистану) после введения экономических санкций в ответ на ядерные испытания, явилось основной причиной того, что эйфория в обеих странах быстро спала и возросла оппозиция курсу правящих кругов. Весьма примечательно высказывание министра обороны Индии Дж. Фернандеса, сделанное им в интервью журналу «Far Eastern Economic Review» летом 1998 г. На вопрос корреспондента, что он как министр обороны считает самым большим вызовом обороне страны, Дж. Фернандес ответил: «Экономический вызов. Экономические мускулы — самое важное для нашей национальной безопасности»⁹³. Нечто близкое к этому заявил и главный пакистанский ядерщик и ракетчик А. Кадир-хан: «Мы не стремимся вкладывать все средства в создание ядерного оружия, для нас главное — достижение его минимального уровня»⁹⁴. Премьер-министр Пакистана Наваз Шариф предложил заменить гонку вооружений «гонкой экономического развития»⁹⁵.

Разумеется, минимум необходимого для страны ядерного оружия — величина довольно неопределенная и весьма зависящая от взглядов и подходов сторон. В Индии считают, что минимум для этой страны (иногда его определяют в 24–36 ядерных боеголовок) должен быть больше, чем для Пакистана. Напротив, в Пакистане считают, что поскольку Индия более крупная страна, то для ядерного удара с неприемлемым ущербом для нее потребуется больше оружия, нежели в противоположной ситуации. Много раз упомянутый А. Кадир-хан

прямо заявил однажды: «Пакистан может разрушить Индию пятью атомными бомбами, а Пакистан будет разрушен тремя индийскими ядерными зарядами»⁹⁶. Как бы то ни было, постановка вопроса о необходимом минимуме ядерного оружия, в нынешних условиях — несомненно, вещь позитивная, поскольку может сыграть роль некоторого ограничителя гонки ядерного оружия в Южной Азии, которая, к сожалению, весьма возможна.

Думается, что, несмотря на наличие у Индии и Пакистана ядерного оружия, вряд ли произойдет его применение. То, что ядерный конфликт в чистом виде (т.е. с первоначальным и исключительным обменом ядерными ударами) в нынешних геополитических условиях невозможен, — это очевидно. Но есть одна проблема, которую чрезвычайно трудно решить. Речь идет о возможности перерастания обычного вооруженного конфликта в ядерный. По этому вопросу идут острые дискуссии.

При этом индийская сторона не считает такое перерастание неизбежным, тогда как пакистанская — полностью стоит на противоположной точке зрения. При этом особенно опасным в Исламабаде называют кашмирский вопрос, который в случае его сохранения неизбежно приведет к ядерной войне. Позицию пакистанцев понять нетрудно. Они пытаются использовать нынешнюю ситуацию для активизации борьбы за Кашмир. Обстановка после ядерных испытаний в отношении этого вопроса стала для Пакистана более благоприятной. До этого он как-то потерял актуальность, остроту, к нему все привыкли, звучание его на международной арене ослабло. После того как Индия и Пакистан стали ядерными государствами, положение изменилось. Из просто спора между двумя странами он превратился в конфликт между ядерными государствами, способный вызвать ядерное столкновение. Естественно, интерес к кашмирской проблеме резко усилился и она вновь заняла приоритетное положение на международной арене. Иностранные государства, международные организации выступают с настоятельными требованиями решить кашмирскую проблему и предлагают для этого различные меры. Самым благоприятным для Пакистана являются предложения о посредничестве и вообще об участии иностранных представителей в урегулировании кашмирского вопроса (что абсолютно неприемлемо для Индии). Ход рассуждений сторонников таких предложений довольно логичен — более чем за 50 лет две страны не смогли урегулировать проблему, которая в настоящее время может привести к ядерному конфликту. Поэтому нужны решительные и широкие меры для решения кашмирского вопроса. Кстати, индийская оппозиция выдвигала в адрес правительства как раз то обвинение, что после ядерных испытаний мнение мирового сообщества в отношении кашмирской проблемы изменилось в пользу Пакистана.

Возвращаясь к проблеме перерастания обычного военного столкновения между Индией и Пакистаном в ядерный конфликт, можно допустить вероятность такого перерастания. Очень уж трудно, находясь в критическом положении, удержаться от соблазна использовать против ненавистного противника-победителя последнее, что у тебя есть. Но в современных геополитических условиях с учетом опыта действий мирового сообщества, его влияния на взаимоотношения Индии и Пакистана представляется маловероятным широкомасштабное военное столкновение этих двух государств, которое чревато ядерной катастрофой. Более чем 30-летнее существование без войн, когда назревшие конфликты решались мирным путем, свидетельствует о том, что Индия и Пакистан не обречены на войну. Но, разумеется, полной гарантии в этом вопросе быть не может до тех пор, пока не будет ослаблена напряженность индо-пакистанских отношений (которая являлась, как отмечалось выше, одной из причин возникновения ядерной проблемы в Южной Азии). Об этом свидетельствуют боевые действия, которые произошли летом 1999 г. на линии контроля в Кашмире (их значение в контексте ядерной проблематики будут рассмотрены ниже).

Примечательно, что после вполне естественного ухудшения индо-пакистанских отношений сразу же после ядерных испытаний началась некоторая их нормализация, что повело к восстановлению между ними переговорного процесса. Кстати, процитированный выше индийский эксперт К. Субраманиам, анализируя обстановку сразу же после взрывов, пришел к довольно парадоксальному для того времени выводу, что «ядерные испытания открывают новые перспективы для переговоров»⁹⁷.

Уже в конце июня 1998 г. в Коломбо во время конференции руководителей государств и правительств стран—членов СААРК состоялась встреча глав правительств Индии и Пакистана А.Б. Ваджпай и Наваз Шарифа. Затем они встретились в сентябре в Нью-Йорке во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Была достигнута договоренность о возобновлении диалога между двумя странами для урегулирования существующих взаимных проблем и образовании рабочих групп по отдельным спорным вопросам. Был достигнут важный компромисс: Пакистан согласился на обсуждение Кашмирского вопроса наряду с другими проблемами, а Индия пошла на создание специальной группы по Кашмиру и мерам доверия, что раньше было немыслимо. В дальнейшем все группы встречались и обсуждали широкий круг взаимоотношений в гуманитарной области, в сфере борьбы с терроризмом и контрабандой, в области промышленности и торговли и т.д.

Таким образом был налажен широкий переговорный процесс по основным проблемам индо-пакистанских отношений. В феврале 1999 г. А.Б. Ваджпай нанес визит в Пакистан (в г. Лахор он прибыл

на «рейсовом» автобусе, открыв тем самым автобусное сообщение между двумя странами). По итогам его переговоров с Наваз Шарифом была подписана Лахорская декларация, в которой обе стороны выразили готовность принять меры доверия с целью предотвращения вооруженного конфликта между двумя государствами, а также активизировать усилия по урегулированию кашмирской проблемы. Стороны обязались «предпринять немедленные шаги для ослабления риска случайного или несанкционированного использования ядерного оружия»⁹⁸. Было достигнуто соглашение, которое в будущем соблюдалось, о предварительном извещении друг друга в случае намерения провести ракетные испытания.

Ситуация резко изменилась, когда в мае—июле 1999 г. развернулись вооруженные столкновения на линии контроля в Кашмире, в районе Каргила. В широком смысле это событие продемонстрировало, что ядерное оружие не изменило сущность взаимоотношений Индии и Пакистана. Оно показало также, что не произошло перерастания приграничного конфликта в полномасштабную войну между двумя государствами, и тем более — в их ядерное столкновение, и что по-прежнему действует и решает все превосходство обычного вооружения, которое, как и раньше, — на стороне Индии.

Среди комплекса причин, побудивших пакистанское руководство бросить военный вызов Индии, было стремление оценить новую обстановку, сложившуюся после ядерного вооружения соперников; осуществить своеобразную «разведку боем», чтобы выяснить, как поведет себя противник в этой обстановке. В Исламабаде питали надежду, переходящую под влиянием многих специалистов в уверенность, что в новых условиях Индия, опасаясь превращения обычного конфликта в ядерный, не пойдет на решительные меры противодействия, что даст возможность Пакистану «хозяйничать» в Кашмире. Действительность показала тщетность этих надежд. Каргильский конфликт укрепил позицию Индии относительно возможности избежать ядерного конфликта между двумя странами. В Пакистане же это рассматривается как «великая иллюзия Индии» и подчеркивается, что «пока не будет решена проблема Кашмира, опасность возникновения ядерного конфликта остается»⁹⁹.

Каргильский конфликт оказал самое негативное воздействие на индо-пакистанские отношения, которые вновь резко ухудшились. Был прерван и отброшен назад переговорный процесс. На линии контроля и на государственной границе постоянно происходят разного рода нарушения, столкновения, перестрелки и т.д. Мировое общественное мнение негативно отнеслось к действиям Пакистана.

Уже отмечалось, что урегулирование взаимоотношений этих двух стран, ослабление их конфронтации существенно зависят от внутренней обстановки, социальной ситуации, политической стабильности. Мировому сообществу следует обратить на это особое вни-

мание. Думается, что постепенно, на смену санкциям должны прийти широкие, хорошо продуманные международные программы содействия проводимым в обеих странах экономическим реформам, социальному оздоровлению, а также развитию экономического сотрудничества Индии и Пакистана. Важную роль в этом последнем могла бы сыграть прокладка нефте- и газопроводов из Туркмении в Пакистан и Индию, что создало бы полезную взаимозависимость этих стран в отношении обеспечения их столь необходимым сырьем. Проблема эта долгие годы не могла быть решена из-за ситуации в Афганистане.

После ядерных испытаний и Индия, и Пакистан предприняли шаги, которые свидетельствовали об их стремлении учесть требования и пожелания мирового сообщества. Индия заявила о моратории на проведение ядерных испытаний, о возможности присоединения к ДВЗЯИ, изменила прежнее отрицательное отношение к Договору о запрещении производства расщепляющихся материалов и выразила готовность участвовать в его подготовке, а также объявила об обязательстве не применять первой ядерное оружие и призвала Пакистан и другие заинтересованные страны подписать с ней соответствующие соглашения. В ноябре 1998 г. Индия внесла на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН резолюцию, предусматривающую меры по снижению риска несанкционированного и случайного применения ОМУ; в ней, в частности, предлагалось снятие с боевого дежурства баллистических ракет с ядерными боеголовками всеми державами, располагающими этим оружием. Она также выступила в поддержку повышения эффективности экспортного контроля над ядерными материалами и технологиями. Индия предложила начать международные переговоры о полном уничтожении ядерного оружия во всем мире.

Пакистан также объявил односторонний мораторий на ядерные испытания, выразил желание подписать ДВЗЯИ, даже если этого не сделает Индия, предложил ей заключить двусторонние соглашения по запрещению проведения ядерных испытаний, а также договор о ненападении. Исламабад выразил готовность прекратить получение расщепляющихся материалов и ввести запрет на передачу ядерной технологии за пределы страны, а также желание участвовать в подготовке Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов. Кроме словесных заявлений Пакистан сделал и практический шаг — открыл два ядерных объекта для международных инспекций.

Нетрудно заметить, что все перечисленные инициативы обеих стран носят довольно ограниченный и декларативный характер, в них просматриваются прежние подходы к ядерным проблемам: глобальный — у Индии и региональный — у Пакистана. Некоторые предложения одной стороны не нашли поддержки у другой. Так, Индия отказалась от двустороннего соглашения о запрещении ядер-

ных испытаний, а Пакистан — от договора об обязательстве государств не применять первым ядерное оружие. Думается, однако, что, несмотря на все недостатки рассмотренных выше предложений, они все же свидетельствовали об определенном позитивном сдвиге в позициях двух стран по ядерной проблематике.

К сожалению, в дальнейшем произошло определенное ужесточение отношения обоих государств к некоторым ядерным проблемам, особенно касающимся запрещения ядерных испытаний. Выше отмечалось, что Индия и Пакистан объявили мораторий на такие испытания и дали понять о возможности их присоединения к ДВЗЯИ.

Однако вскоре каждая страна разъяснила, что односторонний мораторий остается в силе только до тех пор, пока другие государства также не будут осуществлять ядерные взрывы; стало также ясным, что это правило будет соблюдаться и в случае присоединения Индии и Пакистана к ДВЗЯИ. Обе стороны не скрывали намерений проводить соответствующие лабораторные испытания. Более решительным сторонником присоединения к ДВЗЯИ с самого начала был Пакистан. Он намеревался сделать это даже в одностороннем порядке, то есть вне зависимости от решения Дели; Наваз Шариф в сентябре 1998 г. обещал подписать ДВЗЯИ через год, в сентябре 1999 г. на 54-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Но затем Пакистан стал выдвигать условия для такого действия — одновременное вступление в ДВЗЯИ Индии, отмена санкций, наложенных на Пакистан рядом держав после ядерных испытаний в мае 1998 г. На сессию ГА ООН глава пакистанского правительства вообще не поехал, вместо него туда отправился министр иностранных дел. В дальнейшем уже новые власти Пакистана заявили, что необходимым условием присоединения Пакистана к ДВЗЯИ станет выработка национального консенсуса по данному вопросу. За достижение общенационального согласия для подписания Договора выступает и Индия. Нетрудно понять, что присоединение Индии и Пакистана к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, в лучшем случае, откладывается на довольно длительное время.

Разумеется, большую роль в активизации позитивных процессов в ядерных проблемах Южной Азии призвано сыграть мировое сообщество. Благоприятным сдвигам в высшей степени содействовал бы процесс значительного сокращения ядерного оружия у США и России, а затем и у других ядерных стран. Настоятельно необходимо укрепление глобального мирного потенциала, урегулирование острых конфликтов, недопущение действий, подобных натовским, в Югославии, борьба с терроризмом. Не способствовали позитивному ходу событий такие факты, как отказ американского Сената ратифицировать ДВЗЯИ, затягивание Государственной Думой России ратификации Договора СНВ-2, выход США из Договора по ПРО и заявление КНДР о выходе из ДНЯО.

Необходимы строгие меры по предотвращению экспорта из Индии и Пакистана материалов и технологий по производству ОМУ и ракетных систем, а также их импорта из других стран. Большое значение имело бы установление контроля МАГАТЭ над всеми объектами Индии и Пакистана, которые, как известно, являются членами этой международной организации. Наряду с мерами принудительного и даже репрессивного характера необходимы также и такие действия мирового сообщества, которые поощряли бы эти страны на позитивные шаги, стимулировали бы их вовлечение в общее русло борьбы за нераспространение ядерного оружия. Необходимы помощь и содействие в решении основных проблем индо-пакистанских отношений.

Чрезвычайно конструктивным стало бы установление равных и справедливых отношений нерегиональных стран, особенно великих держав, с южноазиатскими странами. Ориентация на одну сторону в конфликте неизбежно усиливает этот конфликт; сотрудничество с обеими враждующими странами может стать важным фактором их примирения. В этом плане весьма плодотворным было бы развитие китайско-индийских отношений и российско-пакистанского сотрудничества.

Основной причиной ядерного развития Индии, дальнейшего движения ее в этом направлении был и остается фактор престижа, то есть положения в структуре международных отношений. Ныне Индия и Пакистан являются обладателями ядерного оружия, и будут таковыми вплоть до завершения процесса всеобщего уничтожения ядерного оружия — довольно долго. В этой связи нам кажется, что обеим странам следует предоставить официальный статус ядерных держав. Другого варианта просто нет; не может же бесконечно продолжаться нынешнее их неопределенное состояние — реальное и формальное. Мировому сообществу, видимо, придется все-таки пойти на решение этой проблемы (например, путем принятия соответствующего дополнения к ДНЯО). В этом случае не только прекратится нынешняя неопределенность, но будут и существенные позитивные последствия. Индия и Пакистан присоединятся к ДНЯО, что будет иметь большое значение для укрепления режима нераспространения. Должен быть повышен и международный статус Индии (как максимум — полноправный член Совета Безопасности, как вариант — постоянный член СБ без права вето). В этом качестве Индия сможет более широко и активно участвовать в общемировых делах, что представляет безусловно позитивный момент, учитывая весь комплекс ее подходов к международным проблемам. Особенно положительно скажется изменение статуса Индии в Южной Азии, где ее поведение, безусловно, станет более ответственным и взвешенным, и она в своей политике в регионе в большей мере, чем прежде, будет руководствоваться глобальными интересами.

В противном случае Индия и Пакистан, не имея определенного официального статуса и не являясь участниками ДНЯО, формально не имеют никаких прав и обязательств перед мировым сообществом в отношении режима нераспространения.

И наконец, последнее. Ядерные испытания в Южной Азии вызвали большую тревогу в мире. Возникли опасения за судьбу режима нераспространения. Не без основания предполагалось, что события в Южной Азии будут стимулировать к аналогичным действиям другие «пороговые страны», которые одна за другой станут переходить этот «порог». То, что пакистанскую атомную бомбу часто рассматривают как «исламскую», как достижение всего мусульманского мира могло насторожить Израиль и толкнуть его на определенные шаги в ядерной сфере. Это, в свою очередь, вызвало бы соответствующую реакцию Сирии, Ливии, Ирана, Ирака. В негативную сторону могли измениться позиции таких стран, как Алжир, Южная Корея, Тайвань, имеющих гипотетические ядерные возможности.

После «ядерного грома» в Южной Азии и под его воздействием действительно имели место тревожные события. Северная Корея ужесточила позицию по поводу реализации прежних договоренностей об отказе от осуществления ядерной военной программы и провела испытания своей баллистической ракеты. Это, в свою очередь, дало повод к активизации американо-японских устремлений к созданию региональной системы противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД) с участием Южной Кореи и Тай- в аня. Летом 1998 г. прошли испытания иранской РСД «Шехаб-3», после чего Израиль объявил об увеличении военных расходов. Уже- сточилась позиция Ирака в отношении международных инспек- ций его подозрительных объектов. В Турции усилилось стремление к увеличению военных приготовлений, появились призывы к созданию ракетно-ядерного оружия. После индо-пакистанского «обмена» ракетными испытаниями Иран провел испытания ракеты типа «земля—земля».

Однако более серьезных действий против режима нераспространения сделано не было. Массовый переход «ядерного рубикона» не начался. В этом смысле, отвечая на поставленный в начале работы вопрос, можно сказать, что переход к многополярному миру не сопровождается (во всяком случае, пока) ядерной многополярностью. Почему же не произошел «ядерный обвал»? Здесь, конечно, надо отметить решительные действия мирового сообщества против нарушителей, ужесточение правил экспорта и импорта ядерных и ракетных технологий, меры по укреплению ДНЯО и подготовке Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов. Сильный голос подала мировая общественность. Во всем мире происходили различные международные форумы, на которых резко осуждались действия Дели и Исламабада и решительно предупреждались их

возможные последователи. Но отсутствие таких последователей обусловлено, на наш взгляд, тем, что только у Индии и Пакистана были наиболее глубокие и многообразные причины, породившие в этих странах такое стремление к ядерному оружию. Нам кажется, ни в одной из нынешних «пороговых стран» нет такого, как у Индии и Пакистана, сложного и многопланового комплекса причин глобального, регионального и двустороннего характера. В этом смысле можно, очевидно, говорить об исключительности и нетипичности превращения двух южноазиатских стран в ядерные государства.

В заключение подчеркнем, что военный потенциал Южной Азии, который включает и ядерное оружие, весьма значителен и имеет тенденции к росту. В то же время есть основания предположить, что этот потенциал не будет востребован, что ядерное оружие в современных условиях будет выполнять здесь функцию сдерживания. Однако процесс этот не будет идти сам по себе, развиваться стихийно; для такого течения событий необходимы целеустремленное воздействие всего мирового сообщества, великих держав, региональных соседей и, разумеется, добрая воля самих южноазиатских стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 **Рогов С.М.** Ядерное оружие в многополярном мире // Независимая газета. — М. — 1998. — 5 июня.
- 2 SIPRI Yearbook 1997. — Oxford University Press. — 1997. — P. 534.
- 3 Бюллетень МАГАТЭ. — Т. 40. — Вена. — 1998, сент. — № 3. — С. 41.
- 4 Разоружение и безопасность. 1997–1998. Россия и международная система контроля над вооружениями: развитие или распад. — М. — 1997. — С. 117.
- 5 Бюллетень МАГАТЭ. — Т. 40. — Вена. — 1998, июнь. — № 2. — С. 50.
- 6 SIPRI Yearbook 1997. — P. 434–435.
- 7 Разоружение и безопасность. 1997–1998. Россия и международная система контроля над вооружениями: развитие или распад. — С. 143, 145.
- 8 **Юрлов Ф.Н.** Россия и Индия в меняющемся мире. — М.: ИВ РАН, 1998. — С. 150.
- 9 Подробнее см.: **Юрлов Ф.Н.** Россия и Индия в меняющемся мире. — С. 143–144.
- 10 Asian Survey. — Berkeley. — 1996, Febr. — N 2. — P. 177–178.
- 11 Pakistan Observer. — Islamabad. — 1998. — June 25.
- 12 Dawn. — Karachi. — 1998. — June 2, Aug. 1.
- 13 Nuclear Weapons and Arms Control in South Asia After the Test Ban. — SIPRI Research Report. — N 14 / Ed. E. Arnett. — Oxford Press. — 1998. — P. 86.
- 14 South Asia and the United States After the Cold War. — A Study Mission. The Asia Society. — N.Y. — P. XII.

- 15 Hindustan Times. — New Delhi. — 1992. — June 12; The News. — Islamabad-Rawalpindi. — 1998. — May 24; Foreign Affairs. — N.Y. — 1998. — Sept.—Oct. — P. 140–141.
- 16 См.: Nuclear Weapons and Arms Control. South Asia after the Test Ban. — P. 88; Foreign Affairs. — 1998. — Nov.—Dec. — P. 186–187.
- 17 South Asia After Cold War. International Perspectives // Ed. K.P. Bajpai and St.P. Cohen. Boulder: Westview Press. — 1993.
- 18 The News. — 1998. — May 26.
- 19 Asian Affairs. New Delhi. — 1998. — Aug. — P. 14.
- 20 Times of India. — New Delhi. — 1998. — Nov. 23.
- 21 The Nation. — Islamabad. — 1996. — June 4.
- 22 The Sunday Times of India. — New Delhi. — 1998. — May 31; см. также: Foreign Affairs. — 1998. — Nov.—Dec. — P. 189.
- 23 The World Bank. World Development Report. — Washington, 1996. — P. 181.
- 24 World Military and Social Expenditure 1996. — 16th Ed. — Washington, 1996. — P. 50.
- 25 The World Bank. Word Development Peport. — 1996. — P. 188.
- 26 Dawn. — 2002. — Apr. 7.
- 27 Military Balance 2000–2001. — L., 2000. — P. 296–297; Asian Survey. — 2001, May. — N 5. — P. 750.
- 28 Бюллетень МАГАТЭ. — Т. 44. — 2002, май. — № 1. — С. 33.
- 29 Бюллетень МАГАТЭ. — Т. 40. — 1998, июнь. — № 2. — С. 52.
- 30 India Economic Survey 1997–1998. — New Delhi, 1998. Statistics. — P. S-33, S-82, S-83, S-84; Pakistan Economic Survey 1997–1998. — Islamabad, 1998; Statistical Appendix. — P. 176–178.
- 31 **Якунин В.** «Россия призывает Дели и Исламабад к отказу от ядерного выбора» // Международная жизнь. — М. — 1998. — № 8. — С. 39; Эксперт. — М. — 1998, 23 февр. — № 7. — С. 73.
- 32 **Чуфрин Г.И., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л.** Ядерный фактор как источник новых конфликтных ситуаций и угроз национальной безопасности России на южном направлении. — М., 1994. — С. 48, 55–56.
- 33 Бюллетень МАГАТЭ. — Т. 44. — 2002, май. — № 1. — С. 33.
- 34 **Spector L.S., McDonough M.G., Medeiros E.S.** Tracking Nuclear Proliferation. Carnegie Endowment for International Peace. — 1995. — P. 93–94.
- 35 **Smith Ch.** India's Ad Hoc Arsenal. Direction or Drift in Defence Policy? SIPRI. — Oxford University Press, 1994. — P. 180.
- 36 Новый вызов после холодной войны: распространение оружия массового уничтожения. — М.: Служба внешней разведки Российской Федерации. — 1993. — С. 81.
- 37 Nuclear Weapons and Arms Control. — P. 2; Smith Ch. Op. cit. — P. 120; Economist. — L. — 1995. — March 25. — P. 26.; The Sunday Times of India. — 1988. — March 31; The New York Times. — N.Y. — 1998. — May 12; Независимое военное обозрение (приложение к «Независимой газете»). М. — 1997. — 13 июня; Эксперт. — 1998, 23 февр. — № 7. — С. 73 и др.
- 38 См.: Глобус. ИТАР—ТАСС. Дайджест иностранной информации. — М. — 1998. — С. 38.
- 39 Зарубежное военное обозрение. — М. — 1998. — № 8. — С. 4–5.

- 40 **Spector L.S., McDonough M.G., Medeiros E.S.** Op. cit. — P. 95.
- 41 Зарубежное военное обозрение. — 1998. — № 8. — С. 2–4.
- 42 Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления.
М.: Служба внешней разведки Российской Федерации. — 1995. — С. 48.
- 43 Разоружение и безопасность. 1997–1998. Россия и международная
система контроля над вооружениями: развитие или распад. — С. 143.
- 44 **Smith Ch.** India's Op. cit. — P. 201.
- 45 Ядерный контроль. — М. — Т. 37. — 1998, янв.—фев. — № 1.
— С. 38–39.
- 46 Military Capacity and the Risk of War. China, India, Pakistan and Iran /
Ed. E. Arnett. SIPRI. — Oxford University Press, 1997. — P. 128.
- 47 Зарубежное военное обозрение. — 1998. — № 8. — С. 6.
- 48 Бюллетень МАГАТЭ. — Т. 40. — 1998, июнь. — № 2. — С. 52; Pakistan
Yearbook 1994–1995. — Karachi. 1995. — P. 620–621.
- 49 **Spector L.S., McDonough M.G., Medeiros E.S.** Op. cit. — P. 97–102.
- 50 Новый вызов после холодной войны: распространение оружия мас-
сового уничтожения. — С. 98–100.
- 51 Там же. — С. 98–99.
- 52 Цит. по: Nuclear Weapons and Arms Control in South Asia after the Text
Ban. — P. 59.
- 53 См.: А. Кадир-хан под претенциозным названием «Без Кахуты ничего
бы сделано не было» // Herald. — Karachi. — Vol. 29. — 1998, June. —
N 6. — P. 28.
- 54 Ibid.
- 55 Ibid. — P. 26–27, 29.
- 56 The News. — 1997. — June 6.
- 57 Nuclear Weapons and Arms Control. — P. 2.
- 58 Military Capacity and the Risk of War. China, India, Pakistan and
Iran. — P. 176.
- 59 Подробнее см.: Новый вызов после холодной войны: распространение
оружия массового уничтожения. — С. 99.
- 60 The News. — 1998. — Apr. 16.
- 61 См.: **Чуфрин Г.И., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л.** Указ. соч.
— С. 60.
- 62 Независимая газета. — М. — 1997. — 11 июля.
- 63 Pakistan. Afghanistan. Country Profile. 1996–1997. — L.: The Economist
Intelligence Unit, 1997. — P. 10.
- 64 Индия. Перспективы. — Дели. — 1998. — Авг. — С. 20.
- 65 The Telegraph. — Calcutta, 1997. — June 3.
- 66 SIPRI Yearbook 2001. — P. 267, 280.
- 67 The Military Balance 1997–1998. — L., 1997. — P. 147, 148, 150, 153–
256, 159–161, 266; Military Capacity and the Risk of War. China, India,
Pakistan and Iran. — P. 1–25, 37–38, 84–194, 243–345.
- 68 Military Capacity and the Risk of War. China. India, Pakistan and
Iran. — P. 173.
- 69 The Military Balance 1998–1999. — P. 155–157, 160–161; Зарубежное
военное обозрение. — 1999. — № 1. — С. 46, 54–55.
- 70 См.: Новый вызов после холодной войны: распространение оружия
массового уничтожения. — С. 82–83, 100–101.

- 71 Military Capacity and the Risk of War. China, India, Pakistan and Iran. — P. 273.
- 72 **Spector L.S., McDonough M.G., Medeiros E.S.** Op. cit. — P. 98, 99.
- 73 Mainstream. New Delhi. — 1998. — June 6; Newline. — Karachi.
- Vol. 9. — 1998, June. — N 12. — P. 25–26; Herald. — 1998. — June. — P. 26.
- 74 Herald. — 1998. — June. — P. 29.
- 75 Зарубежное военное обозрение. — 1998. — № 9. — С. 57.
- 76 Информационное телеграфное агентство России ИТАР—ТАСС. Ежедневный бюллетень информации «Пульс планеты». Азиатско-Тихоокеанский регион. — 1998. — 1 дек. — АК-10.
- 77 Зарубежное военное обозрение. — 1999. — № 3. — С. 58.
- 78 **Cirincione J.** Deadly Arsenals. — Wash., 2002. — P. 80-82, 191, 210-213.
- 79 Daily Telegraph. — L. — 2001; www. global security newswire. — 2002. — Febr. 25.
- 80 **Cirincione J.** Deadly Arsenals. — P. 93–95, 196–199, 207, 213–215; Зарубежное военное обозрение. — 2002. — № 1. — С. 47, 55.
- 81 Mainstream. — New Delhi. — 1999. — Sept. 4.
- 82 Dawn. — 1999. — Sept. 5.
- 83 www.global security newswire. — 2002. — Febr. 25.
- 84 Время новостей. — М. — 2001. — 29 авг.
- 85 The Hindu. — New Delhi. — 2003. — June 27; The News. — 2003. — May 1.
- 86 Pakistan Observer. — 1998. — June 27; Сегодня. — М. — 1998. — June 11.
- 87 Компас. Вестник иностранной информации ИТАР—ТАСС. — М. — 1999, 1 апр. — № 14. — С. 26.
- 88 The Sunday Times of India. — 1998. — May 31.
- 89 Ibid.
- 90 Pakistan Observer. — 1998. — June 23.
- 91 Тимурбаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. 1945–1965. — М., 1999. — С. 154.
- 92 The Sunday Times of India. — 1998. — May 31.
- 93 Far Eastern Economic Review. — 1998, July 16. — N 29. — P. 20.
- 94 Pakistan Observer. — 1998. — Nov. 2.
- 95 The Moscow Times. — 1999. — Apr. 15.
- 96 The News. — 1998. — May 24.
- 97 The Sunday Times of India. — 1998. — May 31.
- 98 Dawn. — 1999. — Febr. 21.
- 99 Dawn. — 2002. — Apr. 7.

ГЛАВА 8

Глобализация и страны Южной Азии

Индия играет видную роль в современных процессах сближения стран и народов мира, превращения земного шара в единое поле экономических, политических и гуманитарно-информационных контактов. Такое ее место определяется размерами народонаселения, объемом производимых товаров и услуг, авторитетом государственных и общественных деятелей, вкладом в мировую культуру. В Индии, занимающей второе после Китая место по величине населения, проживает примерно шестая часть жителей планеты — один миллиард из шести. Причем по площади (3,3 млн. кв. км) Индия в три раза уступает КНР, а по плотности населения — почти втрое превосходит.

Республика Индия на рубеже веков занимала 11-е место среди наиболее крупных в экономическом отношении государств мира (валовой внутренний доход в 2000 г. равнялся почти 500 млрд. долл. в пересчете по официальному курсу обмена местной валюты, индийской рупии). Объем ее экономики с учетом покупательной способности рупии был в 5,2 раза больше и составлял почти 2,5 трлн. долл. С этим показателем Индия находилась на четвертом месте в мире после США, Китая и Японии¹. По стоимости промышленного производства (согласно обменному курсу) Индия находилась в числе 15 ведущих стран, располагая достаточно развитой тяжелой индустрией, а также энергетикой, в том числе атомной, военно-промышленным и космическим комплексами вместе с обслуживающими их «большой наукой» и высшим образованием.

Весьма заметна во многих частях света роль индийской диаспоры. В США и Канаде, а также в Англии, Австралии и ряде других стран — членов Содружества наций (британского) значительная часть выходцев из Индии органично влилась в ряды высококвалифицированных специалистов — ученых, преподавателей, врачей, инженеров, программистов и т.п. Число индийцев, осевших в Северной Америке, превышает 2 млн. человек, и многие из них относятся там к числу преуспевающих представителей «среднего класса» — врачам и профессуре, инженерам и менеджерам. Особенно заметно их

присутствие среди специалистов по компьютерным программам. Немаловажное место индийцы заняли и в международном бизнесе, а также в сфере мировых отношений, соответствующей нынешней их фазе глобализации. Эта сфера представлена, как известно, межправительственными (ООН, Всемирным банком, др.) и неправительственными (Красный Крест, Гринпис и т.д.) политико-правовыми, экономическими и культурно-гуманитарными организациями².

Конец XX — начало XXI века отмечены стремлением Индии увеличить свою долю в мировой торговле и движении частных капиталов. Однако в этом отношении Индия остается далеко позади Китая и новых индустриальных государств Юго-Восточной Азии. Так, например, ее внешнеторговый оборот в середине минувшего десятилетия едва превышал 50 млрд. долл., между тем как общемировой был больше 7 трлн. Удельный вес Индии в товаропотоках равнялся приблизительно 0,6%. Для сравнения укажем, что экспорт Китая достигал 120 млрд. долл. и превосходил индийский почти в 6 раз³. К 2000 г. индийский товарный экспорт и импорт в сумме выросли по стоимости почти вдвое, до 92 млрд., но общемировая торговля во второй половине 90-х годов увеличивалась также весьма динамично и составила почти 13 трлн. долл. Доля Индии возросла до 0,7% (в мировом импорте — до 0,8%). Показательно, что торговля Китая с другими странами возрастала очень быстро, почти достигнув в 2000 г. отметки 500 млрд. долл. По удельному весу в мировой торговле (3,7%) КНР обгонял Индию более чем в пять раз⁴.

Еще большим был контраст в плане привлечения частного капитала из-за рубежа. За первую половину 90-х годов валовые иностранные инвестиции в экономику Индии составили 5 млрд. долл. (значительный прогресс по сравнению с предшествующими периодами), в то время как в национальное хозяйство КНР было вложено 84 млрд. долл. внешних средств⁵. По оценкам на 1999 г., величина прямых иностранных инвестиций в экономику Индии равнялась округленно 2,2 млрд., а Китая — 39 млрд. долл.⁶

Несмотря на этот контраст с другим азиатским гигантом, прогресс, достигнутый Индией, впечатляет. Можно сказать, что Индия в конце концов вырвалась из «оков» своего Южноазиатского региона и в начале XXI столетия предстает как крупнейшая общеазиатская и ведущая глобальная держава. Что касается ее места в Южной Азии, то оно характеризуется на 2000 г. такими цифрами: на Индию приходится 76,5% населения, 77,4% национального дохода в номинальном исчислении (по курсу обмена валют) и 80,6% в паритетном выражении (с учетом покупательной способности местных валют)⁷.

Экономическому потенциалу Индии в общем и целом соответствует ее военная мощь. Регулярные части индийских вооруженных сил насчитывают 1,26 млн. человек (четвертое место в мире после

Китая, США и России)⁸. С учетом резерва в полмиллиона и различных военизированных формирований (свыше 1 млн.) военные силы составляют около 3 млн. человек. На четвертом месте среди государств мира Индия находится и по мощи своих ВВС (около 800 боевых самолетов) и ВМС (60 боевых кораблей, из них 17 подлодок). В начале 2003 г. создано командование стратегическими ракетно-ядерными силами, на боевое дежурство поставлены тактические ракеты и планируется передача стратегических ракет. Военно-промышленный комплекс включает примерно 40 достаточно крупных оборонных предприятий и 10 научно-исследовательских учреждений, на которых заняты сотни тысяч специалистов и техников⁹.

Индия — одна из немногих стран на планете, которая воплощает целую цивилизацию — древнюю, совершенно самобытную и мощную. С ней может быть сопоставлен в этом плане опять же, пожалуй, только Китай. В то же время не об одной Индии, но и о многих других странах Востока принято говорить, что это суть «старые общества и молодые государства». И действительно, Индия появилась как независимое государственное образование чуть более полувека назад, 15 августа 1947 г. До этого она два века пребывала в составе Британской колониальной империи, являясь самым крупным заморским владением Англии.

Современную историю Индии с точки зрения втягивания ее в процессы глобализации и поиска национальной идентичности можно разделить на три крупных периода: первый охватывает примерно 20-летие с обретения независимости до середины 60-х годов; второй заканчивается во второй половине 80-х годов, а третий период начался с рубежа 80–90-х годов.

На первом этапе Индию характеризовала еще очень слабая вовлеченность в процессы, которые стали основой нынешней глобализации как революции в средствах и формах мирового общения. Главной проблемой первых лет независимости было становление государственности. В течение двух с половиной лет вплоть до 26 января 1950 г. Индия имела статус британского доминиона, пост генерал-губернатора некоторое время занимал последний вице-король лорд Л. Маунтбеттен, а на многих высших должностях в армии и гражданской администрации оставались англичане. Наряду с «индианизацией» бюрократического аппарата в первые два года не без трудностей и осложнений в отношениях с «отколовшимся» Пакистаном шел процесс политико-административного объединения с основной частью страны многочисленных династийных владений (так называемых «индийских княжеств», числом около 600), разрабатывалась Конституция, провозгласившая Индию республикой парламентского типа. При этом Учредительное собрание приняло решение сохранить членство в Британском содружестве наций.

Ориентация на Англию еще долго оставалась преимущественной во внешнеполитических связях независимой Индии. Официальный Дели с самого начала относился с долей отчужденности к ведущей державе Запада, США, и постарался сплотить вокруг себя группу молодых государств Азии и Африки.

В качестве крупнейшего по численности населения, культуре и традициям нового государства незападного мира независимой Индии нетрудно было утвердить на первых порах свою национальную идентичность. Этому способствовала известность, приобретенная в мире ведущими деятелями индийской культуры, такими как нобелевский лауреат писатель Рабиндранат Тагор, а также лидерами нации — Махатмой Ганди и Джавахарлалом Неру. Моральный авторитет Ганди с его идеями «сатьяграхи» (упорства в истине), ненасильственной борьбы с колонизаторами, гражданского неповиновения властям и т.п. был в период между мировыми войнами исключительно велик не только в Индии, но и за ее пределами. Дж. Неру сочетал в своих представлениях веру в великое историческое предназначение Индии как одной из колыбелей человеческой цивилизации с убежденностью в непреложности экономического и социального прогресса. Основательно познакомившись с европейской культурой и мировой политикой времени после окончания Первой мировой войны, он встал на позиции леволейбористского (фабианского) социализма. Он в целом с симпатией, хотя и не закрывая глаза на издержки, отнесся к советскому опыту. Осуждая фашизм и нацизм, Неру воспринял критическое отношение левых кругов западной интеллигенции к империализму как порождению капиталистической системы и к США как наиболее могущественной империалистической державе. Эти принципы его мировоззрения легли в основу внешнеполитического курса независимой Индии, а также программы социально-экономических преобразований, к которым страна приступила в 50-е годы.

На протяжении первого периода самостоятельного развития Индии, известного как «эпоха Неру», завершилось становление основ ее государственности, определились и были закреплены на практике и благодаря создаваемой ею традиции функции президента, избираемого членами парламента и законодательных собраний штатов, а также исполнительной, законодательной и судебной властей. Сложилась федеративная система с делением на этнолингвистические штаты. При этом был ликвидирован особый статус бывших княжеств, присоединены колониальные владения Франции (крупнейшее — Пондишери) и Португалии (Гоа), просуществовавшие в качестве анклавов на прибрежной части полуострова Индостан в XVI–XVIII веках. Предоставив активные избирательные права всему взрослому населению страны, государству удалось добиться высокой степени его участия в голосовании.

В ходе первых выборов в нижнюю палату парламента (в «Лок сабха», т.е. Народное собрание) и законодательные собрания штатов, состоявшихся в 1951/1952, 1957 и 1962 гг., утвердилась многопартийная система. Победу на первых выборах неизменно и с большим отрывом от остальных партий одерживала старейшая из политических организаций, Индийский национальный конгресс (ИНК), основанный еще в 1885 г. Центральное правительство Индии с 1947 г. вплоть до самой смерти в 1964 г. возглавлял лидер ИНК Дж. Неру. Роль фактора значительной внутривластической стабильности в первый период умаллялась необеспеченным продовольственным положением страны. Хотя массовые голодовки и глубокая нищета огромных масс населения были явлением традиционно характерным для Индии, острая нехватка продовольствия (в конце 40-х годов и в отдельные годы первой половины 50-х) при избытке в других странах, тех же США, заставляли индийское руководство обращаться за помощью, что наносило ущерб престижу страны.

Стремясь обеспечить свободу внешнеполитического маневра и укрепить самостоятельность в экономическом развитии, Индия обратилась к опыту пятилетних планов СССР и с середины 50-х годов приступила при его поддержке к проведению курса на форсированную индустриализацию, то есть создание базы тяжелой промышленности — металлургии и машиностроения. Успех второго пятилетнего плана (вторая половина 50-х годов), видимо, способствовал тому, что задания третьего плана оказались завышенными. Форсированное развитие индустрии «опередело» эволюцию аграрной сферы и вызвало кризисные явления в середине—конце 60-х годов. Осуществление политики импортозамещения, ориентации на самодостаточность национальной экономики имело результатом замедленную интеграцию в общемировые экономические процессы. Доля Индии в мировой торговле падала.

В геополитическом отношении Индия в первый период своего независимого существования оказалась в удалении от главных узлов противоречий, которые охватывали Южную Европу и Дальний Восток (Греция—Турция; Китай—Корея) и лишь позднее стали перемещаться географически ближе к ее границам (Ближний Восток; Индокитай).

Кризису «курса Неру» способствовала выявившаяся в начале 60-х годов неудача в ориентации на союз с Китаем как основу системы азиатско-африканской солидарности. Умозрительные представления творцов индийской внешней политики о родстве двух великих государств-цивилизаций Востока, Индии и Китая не выдержали проверку реальной политикой. Не помогли уступки Дели в вопросе о Тибете, прокитайская позиция на завершающем этапе Корейской войны (1950–1953 гг.), предоставление Пекину место «солидера» азиатско-африканского мира на конференции в Бандунге в 1955 г.

С 1959 г. отношения между двумя «гигантами» азиатского континента, к счастью, разделенными высочайшими горными вершинами Гималаев, обострились, а осенью 1962 г. произошел военный конфликт, завершившийся полной победой Китая. Китайские войска перешли горную границу на северо-востоке Индии и могли выйти к долине р. Брахмапутры в Ассаме. Пекин, однако, предпочел остановить наступление и пойти на перемирие с восстановлением прежних позиций сторон. Горечь поражения бросила Индию на какое-то время «в объятия» США и Англии, но не привела к отказу от самостоятельной и сбалансированной внешней политики (подробнее см. выше).

После смерти Неру Индия вступила в переходный этап внутриполитического развития, осложненный в сентябре 1965 г. новым военным столкновением на границах с другим соседом, теперь уже по своему «естественному» Южноазиатскому региону — Пакистаном. Индо-пакистанская война не дала существенных преимуществ кому-либо, а прекращение огня было закреплено в декларации, подписанной лидерами двух стран в Ташкенте в январе 1966 г.

В 1965–1967 гг. драматически обнаружилось вышеотмеченное отставание в темпах преобразования сельского хозяйства, когда двухлетняя засуха привела к массовому голоду в ряде густонаселенных штатов страны (Бихаре, Уттар-Прадеш, Ориссе и др.). На фоне внешнеполитических и экономических неудач во второй половине 60-х годов резко обострилась борьба за лидерство в ИНК, ведущей (несмотря на ослабление его позиций на выборах 1967 г.) политической организации. Хотя дочь Неру Индира Ганди возглавила Конгресс еще в начале 1966 г., ей удалось утвердиться в качестве бесспорного лидера партии и страны только в 1969–1971 гг. после раскола в партийных рядах и убедительной победы ИНК на внеочередных выборах.

Второй период развития независимой Индии, охватывающий 70-е и 80-е годы, ознаменовался продолжением прежних и появлением новых тенденций. В экономической области Индия по-прежнему ориентировалась на создание в значительной степени самодостаточного национального хозяйства, прибегая к поощрению импортозамещающих отраслей и защите внутреннего производства высокими тарифами (импортными пошлинами), а также количественным ограничением ввоза. Национализация крупнейших коммерческих банков и страховых компаний в 1969 г. усилила государственный контроль над экономикой. Быстро создавался мощный государственный сектор в промышленности за счет направления туда бюджетных ассигнований на цели развития. После паузы (конец 60-х годов) возобновилась и получила высокий общественный статус работа по составлению и выполнению среднесрочных (пятилетних) планов развития. Смешанная государственно-частная экономика стала во-

площением социал-демократической модели, получив название индийского социализма.

Исключительно важное значение для дальнейших судеб Индии имел сдвиг в экономической области, напрямую не связанный с курсом на индустриализацию, но соответствующий общеэкономической модернизации. Речь идет об успехе «зеленой революции», повышении урожайности главных продовольственных культур, прежде всего пшеницы. Он оказался возможен в результате применения новых высокоурожайных сортов семян, увеличения объема воды для полива и количества использованных удобрений и средств борьбы с вредителями. Рост трудоинтенсивности сельскохозяйственных работ и повышение их эффективности помог решить сразу две «вечные» проблемы Индии — голода и хронической сельской недозанятости, превратив ее в страну, обеспечивающую себя продовольствием.

В 1971 г. Индии удалось кардинально решить крупную задачу в области региональной внешней политики. Она воспользовалась слабостью пакистанского военного режима и, оказав содействие борьбе восточнобенгальских националистов за отделение от Пакистана его восточного «крыла», добилась не только блестящей военной победы над давним соперником, но и его расчленения с устранением угрозы своей безопасности, до того исходившей как с запада, так и с востока южноазиатского субконтинента. Этот военно-политический успех объяснялся не только благоприятными внешними условиями, но и достижениями в области укрепления вооруженных сил. Особую роль здесь сыграла помощь СССР. Он не только продавал оружие и военную технику, но и содействовал закладке основ развитого ВПК. В 1974 г. Индия произвела пробный взрыв ядерного устройства, но от создания атомного оружия воздержалась. Тем не менее она продолжала наращивать военный потенциал и к концу периода превратилась во внушительную региональную военную державу.

Взросшей военной мощи соответствовала линия на регионально-политическое доминирование. Она нашла отражение в отношениях с ближайшими соседями — Пакистаном, который был вынужден смириться с решением на ее условиях (хотя и не окончательным) спора вокруг Кашмира, и Шри-Ланкой, согласившейся в 1987 г. на дислокацию индийских войск на острове с целью содействия в разрешении внутреннего межэтнического (сингало-тамильского) конфликта.

Глобальная внешняя политика Индии отражала растущую уверенность Дели в своих силах и возможностях. Перенеся центр тяжести усилий в международной области с азиатско-африканских стран на более широкую общность неприсоединившихся и менее развитых (развивающихся) государств, Индия заняла в 70–80-х годах положение ее бесспорного лидера. Происходившее в тот исто-

рический период «размывание» жесткого деления мира на два лагеря — капиталистический и социалистический — позволило ей укрепиться в промежуточной зоне, в так называемом «третьем мире». Участие индийского государства в делах «стягивающегося», но геоидеологически еще разобченного мира было формой его вовлечения в мировые процессы на этапе, предшествующем нынешней эпохе глобализации. Оно сопровождалось усилением в массах населения страны чувства обретенной национальной гордости.

Между тем, за фасадом «истории успеха» обнаружились негативные черты. Как правило, они были оборотной стороной медали, продолжением достоинств, переходивших в недостатки. Сильная государственная власть, мощный госсектор помогли мобилизовать внутренние финансовые ресурсы, необходимые для программы трансформации традиционной экономики в современную. Конкуренция государственного сектора лишила крупный частный капитал монополии на внутреннем рынке, а государственный контроль способствовал тому, что хозяева не могли злоупотреблять беззащитностью рабочих. Вместе с тем планирование и распределение ассигнований, превратившись в громоздкую бюрократическую систему, утратили эффективность. Получившее широкое развитие лоббирование интересов политико-бюрократических (региональных и отраслевых) корпоративных групп способствовало распространению коррупции, то есть взяточничеству и обману среди чиновников. Бюрократизация охватила также сферу отношений между трудом и капиталом, содействовала искусственному сокращению спроса на рынке квалифицированных услуг в организованном (формальном) секторе экономики.

Тред-юнионизм не только способствовал замедлению темпов роста производительности труда в современном секторе национального хозяйства, но и превратился в фактор усиления политической нестабильности. Пытаясь справиться с разгулом политической стихии, руководство правящей партии ИНК во главе с И. Ганди прибегла в 1975–1977 гг. к беспрецедентным для Индии «чрезвычайным» мерам авторитарно-централистского порядка. Именно на этом этапе наблюдается отход Индии от системы буржуазно-либеральной демократии (при всей ее индийской и даже общевосточной специфике) в пользу модели «авторитарного парламентаризма». После выборов 1977 г., завершившихся первым поражением ИНК, имел место отказ от последней, хотя ее элементы, подпитываемые продолжавшейся бюрократизацией, не были полностью устранены. В дальнейшем этому препятствовало то, что монополия на политическую власть в результате вторых внеочередных выборов 1980 г. вновь вернулась к ИНК и ее харизматическому лидеру Индире Ганди.

Побочным следствием бюрократизации и централизации явилось ослабление секуляристской базы государства. Коммунизм как

форма проявления противоречий между представителями двух главных религиозных общин страны — индуистов и мусульман, а также сикхов справил свой страшный бал в период раздела колониальной империи и становления индийской и пакистанской государственности, унеся жизни сотен тысяч и лишив крова и собственности миллионы людей. С начала 60-х годов он вновь поднимает голову уже в независимой Индии. Частыми становятся мусульманские погромы и индуско-мусульманские столкновения, укрепляются позиции умеренных и радикальных индуистских политических и общественных организаций. Собиравшая в 50-е годы лишь 3% голосов коммуналистская партия Джан сангх в конце 70-х годов становится ядром правящей коалиции, а в конце 80-х трансформируется в ведущую политическую силу Бхаратия джаната парти (БДП).

Отношения между общинами индусов и неиндусов, в первую очередь мусульман, особенно обострились с начала 80-х годов¹⁰. Тогда по стране прокатилась волна кровавых погромов и столкновений. Чтобы удержаться у власти, ИНК стала учитывать рост религиозного фактора, хотя и не отказалась от осуждения крайних форм индуистского фундаментализма и шовинизма. В дополнение к индуско-мусульманским межобщинным трениям с начала 70-х годов обострились противоречия между сикхами и индусами Пенджаба, одного из самых продвинутых с точки зрения аграрного производства северных штатов. Попытка радикальных политических групп среди сикхов развернуть движение за создание сикхского государства Халистан заставила центральное правительство отдать приказ летом 1984 г. штурмовать цитадель вооруженных сепаратистов, святыню сикхов, Золотой храм в г. Амритсар. Результатом была гибель экстремистских лидеров и большого числа их сторонников. Ответом сикхских радикалов было убийство премьер-министра И. Ганди осенью того же года, за которым последовала волна массовых погромов сикхов в Дели и ряде других городов¹¹.

Решительные полицейско-армейские акции применялись в 80-х и начале 90-х годов не только в Пенджабе, но и в другом северном штате Джамму и Кашмир, сохранившим свой особый конституционный статус в связи с нерешенностью спора о государственной принадлежности бывшего одноименного княжества. Острые сепаратистско-автономистские выступления периодически нарушали спокойствие также и в северо-восточной части Индии близ ее границ с Китаем. Следует отметить, что особенности политической культуры страны сделали возможным появление в 80-х годах нового национального лидера из той же «некоронованной династии» Неру — Ганди. Сын Индиры Раджив, «унаследовав» бразды управления ИНК, привел старейшую партию к новой бесспорной победе на выборах 1984 г. Понимая необходимость изменений, он, однако,

не смог преодолеть инерцию и вскоре вернулся к методам и формам «авторитарно-демократического» управления. Успехи на внешне-политическом поприще, растущая державная мощь сыграли с ним плохую шутку. Он согласился на упоминавшийся выше ввод индийских регулярных частей в Шри-Ланку в надежде, что они помогут местному правительству справиться с сепаратизмом тамильских экстремистов, но просчитался. Через три года завершилась эвакуация с острова последних индийских солдат (их численность в ходе операций по борьбе с сепаратистами достигала 50 тыс.), а позже в разгар предвыборной кампании 1991 г. Р. Ганди погиб от рук тамильских мстителей за акт вмешательства.

Нужно, впрочем, подчеркнуть, что во второй половине 80-х годов Индия сделала несколько шагов по пути реформирования централизованной государственно-капиталистической системы хозяйствования, проявила заинтересованность в развитии контактов с Западом в области передовой техники и технологии, приняла некоторые меры по либерализации экономической политики. Несмотря на увеличение темпов экономического роста, превысивших, например, в 1988 г. 8%, ИНК на выборах 1989 г. потерпела второе поражение, которому предшествовал еще один раскол в ее рядах и громкие скандалы с обвинениями высших правительственных функционеров в коррупции, в частности в получении крупных взяток от шведского военного концерна «Бофорс»¹².

Итак, на втором этапе политической эволюции Индии ее образ морального лидера «третьего мира», символа демократической Азии несколько потускнел, зато укрепился авторитет умеющей за себя постоять нации. Идентичность Индии как светского государства оказалась в какой-то мере размытой, но не поколебленной.

На рубеж 80–90-х годов приходится окончание второго и начало третьего, текущего периода в развитии Индии. Приход к власти после выборов 1989 г. правительства Национального фронта, объединившего ряд центристских партий, внес небольшие коррективы в экономическую, политическую и внешнеполитическую стратегии. Власти не смогли успешно справиться с вызовами сложной переходной эпохи, какую переживала тогда вся геополитическая система мира. Уход советских войск из Афганистана в феврале 1989 г. в качестве одного из побочных результатов имел обострение ситуации в Кашмире, связанное с подъемом политического ислама. Угроза новой войны с Пакистаном в 1990 г. усугубила межобщинную ситуацию и помогла радикально настроенным культурно-религиозным силам существенно укрепить позиции. Апофеозом индуско-мусульманского противостояния явился конфликт вокруг мечети Бабура (Бабри масджид) в г. Айодхья, которую индуистские экстремисты разрушили в декабре 1992 г. Разразившийся в 1991 г. валютный кризис (истощение золотовалютных резервов, произошедшее в нема-

лой степени из-за войны в Заливе) сопровождался ухудшением всех макроэкономических показателей и подготовил почву для принятия новым правительством Индии, пришедшим к власти после третьих внеочередных выборов того года, программы либеральных преобразований.

На протяжении 1991–1996 гг. федеральное правительство контролировалось победившим на выборах, но уже далеко не бесспорно, Индийским национальным конгрессом. С именем премьер-министра П.В. Нарасимха Рао и членами его кабинета, такими как Манмохан Сингх, связывают переход Индии от политики относительной изоляции от мирового рынка к интеграции в него за счет поощрения экспорта, в том числе путем его удешевления через девальвацию национальной валюты и снижение импортных пошлин (тарифов). Экономический курс намечал также денационализацию части государственной собственности, акционирование ряда предприятий государственного сектора в целях повышения эффективности и увеличения поступлений в бюджет. Наряду с расширением возможностей для частных инвестиций важной составляющей частью реформ стало довольно широкое открытие внутреннего рынка для иностранных инвестиций¹³.

Результаты новой экономической политики начали сказываться в основном с 1993 г. За последующие четыре года существенно выросли размеры иностранных инвестиций, стабильными темпами, на уровне в среднем 6% прироста в год увеличивался национальный доход, заметно вырос экспорт¹⁴.

Несмотря на бесспорные успехи, Индии не удалось все же добиться глубоких, системных перемен. Как выше уже отмечалось, степень участия Индии в процессах экономической глобализации далеко уступала показателям ряда других государств Азии. Не в полной мере удовлетворяло положение в энергетической сфере и в отраслях инфраструктуры, в том числе обслуживающих внешнюю торговлю. Рост экспорта в 90-е годы был достигнут за счет немногих отраслей, среди которых, впрочем, выделялось своей современностью производство средств программного компьютерного обеспечения.

Прогресс Индии в области информационной технологии отражал не только открытость внешнему рынку, характерную для нового этапа ее развития, но был следствием предпринятых в предыдущие десятилетия усилий государства по повышению общеобразовательного уровня населения и вложений в «большую» науку и технологию.

На фоне экономических реформ в 90-е годы наблюдались заметные подвижки в социальной сфере, повышение статуса традиционно низких кастовых (кастово-джатных) групп, особенно на севере страны, в самом сердце индуистского массива. В социополитическом

плане это нашло отражение в выходе на первые роли в управлении ряда штатов (прежде всего, крупнейшего в стране — Уттар-Прадеш) представителей верхушки сельских и полугородских слоев, в таком явлении, как «кастеизация» (борьбе расслоившихся по кастовому признаку сил и организаций), в растущей специфичности ситуации в разных штатах и регионах страны, в углублении полицентризма и регионализма, в усилении религиозного, в первую очередь индуистского, фундаментализма¹⁵.

Следствием всех этих процессов был «патовый» результат очередных всеобщих выборов 1996 г., формирование коалиционного правительства меньшинства, очередной политический кризис и новые, четвертые по счету, внеочередные выборы февраля—марта 1998 г. Наибольшего успеха на этих выборах добилась БДП. Эта партия, призывающая к превращению Индии в «индуистское государство», возглавила коалиционное правительство, которое в мае 1998 г., как выше уже неоднократно отмечалось, пошло на проведение подземных ядерных испытаний. Это вызвало беспокойство в мире и привело к введению экономических санкций против Индии со стороны США, Японии и ряда других стран Запада. Индийское правительство согласилось рассмотреть вопрос о присоединении к ДВЗЯИ при условии отмены санкций. В феврале 1999 г. премьер-министр А.Б. Ваджпай совершил поездку в пакистанский город Лахор, где провел дружественные переговоры с пакистанским премьером Н. Шарифом и подписал с ним совместную декларацию. Однако в апреле правительство Индии не получило вотума доверия в парламенте и оставалось у власти как переходное вплоть до проведения новых выборов. 13-е выборы в нижнюю палату индийского парламента состоялись в сентябре—октябре 1999 г. и принесли победу Национальному демократическому альянсу во главе с БДП. Кабинет Ваджпай, опираясь на прочное большинство в парламенте, получил таким образом новый мандат на осуществление исполнительной власти.

Отношения с Пакистаном в мае—июле 1999 г. резко ухудшились из-за нового вооруженного конфликта в Кашмире и до начала 2003 г., по существу, не наладились. Дели обвиняет Исламабад в пособничестве сепаратистам и террористам. Теракты, совершенные в Нью-Йорке и Вашингтоне радикалами-исламистами, связанными с организациями укрывшегося в Афганистане У. бен Ладена, казалось бы, могли привести к сближению позиций двух стран, так как и Индия, и Пакистан присоединились к международной антитеррористической кампании. Но этого не произошло. Продолжение террористической войны в Кашмире, а также перенос ее в Дели и ряд других городов Индии привели к решению индийского правительства сконцентрировать на границах с Пакистаном более чем полумиллионную армию. Ответные действия Исламабада поставили стороны в мае—

июне 2002 г. на грань новой и на этот раз весьма масштабной войны. Усилиями местных элит и международных сил, в том числе России, угрозу конфликта удалось отвести, и осенью 2002 г. стороны отвели войска на исходные позиции.

Если говорить в целом о текущем этапе, то Индия во внешнеполитической области пыталась приспособиться к условиям постбиполярного мира, непривычным для своего традиционного курса. Она тяжело пережила распад СССР, который долгое время оставался ее главным военно-стратегическим и выгодным торгово-экономическим партнером. Болезненным было для нее умаление роли Движения неприсоединения (ДН), которому грозило в начале 90-х годов полное исчезновение. К достижениям в области внешней политики следует отнести то, что Дели удалось, во-первых, не допустить ликвидации ДН, во-вторых, поднять уровень отношений с Западом, в частности с США, прочно утвердившимися в качестве основного торгово-экономического партнера, а в-третьих, отрегулировать связи с главным правопреемником СССР — Россией, сохранив Москву в качестве ведущего источника поставок военной техники.

Главный результат современного периода с точки зрения места Индии в мире — это завершившаяся в основном ее трансформация из государства, претендующего по преимуществу на особую морально-политическую роль, в одну из глобальных держав, мощный центр силы без отказа от ряда традиционных функций прежде всего одного из лидеров менее развитых государств (Юга) в отстаивании их особых интересов на фоне позиции развитых стран (Севера).

Во внутривнутриполитической сфере произошло укрепление сил культурно-религиозного, индусского национализма¹⁶. Его олицетворяют умеренные круги правящей БДП и ее союзников по правительственной коалиции. Государство при этом не потеряло светского характера, а политическая система — всех признаков демократии. Вместе с тем фундаментализм и шовинизм остаются важным фактором политической жизни. А ситуация в целом, в громадной многонаселенной стране, разнообразной в культурно-историческом и природно-экологическом плане, сильно различается по регионам, штатам и местностям.

Прежде чем коснуться в заключительных параграфах главы будущих перспектив Индии, рассмотрим место других стран Южной Азии в процессах глобализации, в контексте регионального развития и с учетом проблем, традиционных для каждого из национально-страновых комплексов.

Наиболее крупное из них по населению (свыше 140 млн. человек), территории (800 тыс. кв. км), экономическому и военному потенциалу — Исламская Республика Пакистан. Это государственное образование появилось одновременно с самостоятельной Индией в августе 1947 г. в результате сопровождавшего уход Англии раз-

дела ее колонии на два доминиона. Становление государственности заняло в Пакистане больше времени, чем в Индии. Статус доминиона он сохранял до 1956 г. Лишь 23 марта того года вступила в действие принятая Учредительным собранием Конституция, провозгласившая Пакистан Исламской республикой парламентского типа с федеративным устройством. Однако в отличие от индийской Конституции 1950 г. ей не суждена была долгая жизнь. Через два года в стране произошел военный переворот, в результате чего утвердился военно-бюрократический режим во главе с президентом генералом М. Айюб Ханом. В 1962 г. была принята новая Конституция, а в 1973 г. — еще одна, действующая с поправками и изменениями до сих пор.

Раздел колониальной Индии на два государства произошел по религиозно-коммуналистскому принципу. Значительная часть общины индийских мусульман (лидеры которой до 1920-х г. не противопоставляли себя другим деятелям национально-освободительного движения в колонии) в годы Второй мировой войны превратилась в массовую опору партии Всеиндийская мусульманская лига, заявившей в 1940 г. о решимости добиться отдельного государственного статуса для провинций Британской Индии, где мусульмане составляли большинство. Через семь лет руководитель Лиги М.А. Джинна стал первым генерал-губернатором доминиона, очертания и название которого возникли, что называется, «на кончике пера». Не имея за собой традиции территориального государства, поставленный перед фактом неподготовленного и в спешке организованного англичанами раздела, Пакистан представлялся многим современникам мертворожденным государством. Первоначальная идея его «отцов-основателей» состояла вовсе не в том, чтобы создать страну исключительно для мусульман. Джинна был убежденным секуляристом-англофилом, против его проекта активно выступали укрепившиеся в 40-е годы исламско-фундаменталистские организации, прежде всего такие как «Джамаат-и ислами». В связи с тем, что проект Джинны оказался в полной мере нереализованным и в состав Пакистана были включены как его главные элементы не крупные многоконфессиональные провинции, а разделенные по признаку религиозной принадлежности большинства населения Пенджаб (западный) и Бенгалия (восточная), страна приобрела черты моноконфессиональности, что в дальнейшем способствовало ее эволюции по исламистскому пути.

Национально-государственной интеграции в 40–50-х годах сильно мешала ее территориальная разобщенность на западную и восточную части, отделенные друг от друга 1,5 тыс. км индийской территории, а также заметные социокультурные различия между их населением. Сказалось, кроме того, что Пакистан не имел развитой промышленно-городской базы, вынужден был принять и поза-

ботиться о размещении и трудоустройстве почти 6 млн. беженцев из Индии (им был примерно каждый десятый житель).

Возникнув как отпочковавшееся государство в произвольно установленных границах и испытывая многочисленные трудности становления, Пакистан (т.е. его руководство и общественное мнение) с самого начала был охвачен страхом за свою судьбу. Главная угроза исходила от Индии, лидеры которой долго не могли примириться с расчленением единой, как они считали, национальной общности. Споры и конфликты между двумя доминионами начались, по существу, сразу после их образования и вылились в первую войну 1947–1948 гг. в Кашмире. Вопрос о государственном статусе северного княжества на границе между Восточным Гиндукушем и Гималаями превратился в «яблоко раздора» между соседями, и еще трижды (в 1965, 1971 и 1999 гг.) линия противостояния пакистанских и индийских сил в Кашмире становилась театром боевых действий.

Страх перед Индией, стремление не потерять свою национальную идентичность и не утратить тем самым право на самостоятельное существование заставили Пакистан следовать в глобально-политических делах иной, чем Индия, дорогой. Сначала это был курс на культивирование отношений преимущественно с мусульманскими государствами Ближнего Востока, а с середины 50-х годов, под влиянием отказа Индии присоединиться к политике США по сколачиванию антикоммунистических блоков, ведущей составляющей внешней и внутренней политики стало участие в них и наращивание военного потенциала. Американская помощь позволила Пакистану уравнивать военную силу с возможностями Индии и свести в основном к «ничьей» войну 1965 г. Однако к рубежу 60–70-х годов Пакистан подошел ослабленным внутривластной нестабильностью, кризисом авторитарного режима власти.

Произведенный им маневр в геополитической области, а именно отход от преимущественной ориентации на США при раздражавшем долгое время Вашингтон курсе на развитие отношений с КНР, оказался на поверку неудачным.

Культурно-политические различия между Западным и Восточным Пакистаном обнажились, когда правящие круги попытались перейти от военно-авторитарного к парламентскому типу правления, проведя первые всеобщие выборы в конце 1970 г. Подавление военными в марте 1971 г. попытки победивших на выборах восточнобенгальских политических сил воспользоваться плодами electoralного успеха и добиться реального перераспределения прав и полномочий в пользу своей провинции привело в действие механизм борьбы за отделение от Пакистана и образование «страны бенгальцев» — Бангладеш. Индия в декабре того года сыграла решающую роль в создании нового государства, заставив капитулировать почти 100-тысячную пакистанскую армию, расквартирован-

ную в Восточной Бенгалии. Пакистан оказался в результате расколотым надвое. Потеряв восточное «крыло», он приобрел территориальную компактность и занял положение на западном рубеже Южноазиатского региона. Во внешнеполитической области он вернулся в сторону государств Аравийского полуострова и Персидского залива.

Этот поворот стал особенно заметным с конца 70-х годов, когда военные, совершив государственный переворот, использовали комплекс мер по «исламизации» пакистанской политики и экономики для придания легитимности своему пребыванию у власти. Он усилился и вследствие тесной вовлеченности Пакистана в афганские дела с рубежа 70–80-х годов, не вступая до окончания периода холодной войны в противоречие с вновь вышедшим на первый план альянсом с США и «традиционным» союзом с Китаем.

В экономической области Пакистан следовал путем, похожим на индийский. Однако государственные планы индустриализации, осуществлявшиеся также в рамках среднесрочных (пятилетних) программ, имели усеченный вид вследствие в несколько раз меньших, чем у Индии, размеров экономики и слабой обеспеченности полезными ископаемыми. Сельскохозяйственными ресурсами Пакистан, напротив, более богат. «Зеленая революция» позволила ему еще раньше Индии добиться самообеспечения продовольствием и лучше нее в 60–80-х годах справляться с проблемой крайней нищеты. Доход на душу населения (без коррекции на покупательную способность валют) еще в середине 90-х годов оставался в Пакистане на 25% выше, чем в Индии¹⁷.

Открытость экономики внешнему рынку до рубежа 80–90-х годов оставалась крайне невысокой. Стена тарифных барьеров была особенно «непреступной» в 70–80-х годах в период режима парламентского авторитаризма, возглавляемого З.А. Бхутто, и военно-бюрократического правления генерала М. Зия-уль-Хака. С конца 80-х годов после установления президентско-парламентской системы власти (при сохранении традиционно сильного влияния генералитета) предпринимались шаги по приватизации государственных компаний, снижению высоты импортных тарифов, отмене лицензирования промысловых инвестиций. Дважды сменявшие друг друга правительства Беназир Бхутто и Наваз Шарифа, а также переходные администрации, назначаемые на срок в три месяца после роспуска парламента президентскими указами в 1990, 1993 и 1996 гг., проводили в общем схожую политику, но решительных успехов в экономической либерализации достичь не смогли. Слабо продвинулась приватизация крупных объектов в области индустрии, финансов и коммуникаций, медленно увеличивался приток иностранного капитала. Контроль бюрократии над рынком сохранился, и на этом фоне расцвела коррупция, затронувшая, судя по всему,

некоторых видных деятелей политических партий и министров, в частности мужа Б. Бхутто, руководившего одно время министерством по делам инвестиций.

Не меньшие подозрения в коррупции вызвала и деятельность правительства Н. Шарифа, пришедшего к власти в 1997 г. после внеочередных парламентских выборов. Авторитарный стиль действий премьер-министра привел к дискредитации правительства в политических кругах. Страна к тому же вступила в полосу экономической депрессии, обострились межсектантские и межэтнические проблемы. В октябре 1999 г. власть в Пакистане взяли военные во главе с генералом Первезом Мушаррафом.

Замедление темпов экономического роста Пакистана в 90-е годы (а он со среднегодовым приростом в 3,7% оказался на последнем месте среди стран Южной Азии) было результатом ослабления усилий по индустриализации экономики и акцента, сделанного на торговлю и сферу услуг. Не случайно импортная квота (импорт товаров к валовому доходу) в Пакистане в 2000 г. составила 17% по сравнению с 11% в Индии¹⁸.

Из-за низких показателей экономической динамики Пакистан к рубежу веков растерял свое преимущество перед Индией. Его национальный доход в расчете на душу населения еще равен индийскому, но более показательный в данном случае паритетный душевой доход отстает от индийского почти на 20¹⁹. Примерно на столько же Пакистан отстает от Индии и по индексу бедности, рассчитанному Программой развития ООН²⁰. При этом если в Индии в 90-е годы показатели распространения нищеты имели в целом тенденцию к снижению, то в Пакистане, — наоборот, к росту²¹.

Проблема поиска национальной идентичности всегда была для Пакистана исключительно важной. Государство, созданное во имя ислама, естественно, поставило служение ему в центр национальной консолидации и постаралось зарекомендовать себя в мире как образцовое мусульманское сообщество. Страну к тому же отличает расколотость на несколько крупных этнолингвистических групп — пенджабцев, синдхов, пуштунов и др. С целью не допустить центробежных тенденций правящий политический класс поддерживает идею единства мусульман, пропаганду ислама и исламских ценностей.

Религия, особенно с 70-х годов, превратилась в основу так называемой пакистанской идеологии. Инициированная военным режимом М. Зия-уль-Хака «исламизация сверху» поставила культурно-религиозный национализм в центр политической и общественной жизни Пакистана «на такт» раньше, чем в Индии. При этом вопрос о характере государства остается дебатиремым. По Конституции ислам является государственной религией и главой государства может быть только мусульманин. Вместе с тем в Пакистане в отличие от Ира-

на исламские священнослужители не находятся у власти, а демократия носит базовые черты британской, вестминстерской модели.

Как бы то ни было, усиление с конца 70-х годов исламского характера государства и общества сопровождалось в Пакистане появлением новых трещин, в частности антагонизмом между политическими силами, представляющими два основных течения в исламе — суннизм и шиизм (последователи последнего составляют меньшинство в 20–25%). Экстремистские организации суннитов и шиитов организовали в середине 90-х годов длинную череду кровавых «разборок», осложнив и без того тяжелое положение в стране.

Если Пакистан играет геополитическую роль, выходящую по ряду аспектов за рамки Южноазиатского региона, то остальные его страны, включая такую крупную по величине населения, как Бангладеш (свыше 130 млн. человек), замкнуты в основном на региональные проблемы. Созданная при непосредственном участии Индии Народная Республика Бангладеш вот уже более четверти века существует в режиме «притяжения—отталкивания» от нее. Окруженная по существу со всех сторон индийской территорией (граница в 200 км с Мьянмой проходит по редкозаселенным горам), небольшая по площади (всего 140 тыс. кв. км) Бангладеш отличается исключительно высокой плотностью населения, приближающейся к 1000 человек на 1 кв. км. В выделяемой международной статистикой группе наименее развитых государств Бангладеш является самой большой по числу жителей. Душевой доход там примерно на треть ниже, чем в Индии. Нищета и бедность охватывают свыше 40% семей²²

Чередование гражданских и военных бюрократических режимов, при смене которых были убиты первый лидер страны Муджибур Рахман в 1975 г. и президент, генерал Зияур Рахман в 1981 г., завершилось в начале 90-х годов утверждением парламентской системы, отягощенной, впрочем, наследием прежней политической системы. Деятельность политических партий и ответственных перед парламентом правительств ограничивается закулисным контролем армейской верхушки и высших гражданских бюрократов, способных мобилизовать для достижения своих целей оппозиционный потенциал городских масс.

Несмотря на это, на протяжении последних свыше 15 лет в Бангладеш сохраняется парламентский строй. Три раза — в 1991, 1996 и 2001 гг. — проходили всеобщие выборы. При этом вполне сложилась двухпартийная система — две главные партии, Националистическая и Авами лиг, сменяют друг друга в качестве правящих. Последняя из них опирается на более «левое» политическое наследие М. Рахмана, а возглавляет партию его дочь Хасина Вазед. Левоцентристскому внутривнутриполитическому курсу правительства Авами лиг

в 1996–2001 гг. соответствовала благожелательная в отношении Индии внешняя региональная политика. Националистическая партия унаследовала традиции генерала З. Рахмана. Во главе нее стоит вдова генерала Халида Зия, и при ее правительстве, в 1991–1996 гг. и в последние годы, отношения Бангладеш с Индией далеко не безоблачны. На последних выборах националисты выступали в коалиции с двумя исламскими партиями, и их успех продемонстрировал продолжение начавшегося еще в конце 70-х годов подъема исламского национализма, отчасти затмевающего бенгальский.

Бангладеш с начала 90-х годов вступила на путь проведения либеральных реформ в экономике, поощрение экспортных отраслей и частных иностранных инвестиций. Упор был сделан также на развитие малых форм бизнеса и предпринимательской инициативы на базе семейно-соседской кооперации. Благодаря этой политике несколько увеличились темпы экономического роста, сократились темпы инфляции и размеры фискального дефицита, была приостановлена тенденция к расползанию «пятна бедности». Однако крупных сдвигов достичь не удалось. Экономика Бангладеш остается по большей мере аграрной и замкнутой на себя. Впрочем, к традиционным экспортным товарам — джуту и изделиям из него — в последнее время прибавились (благодаря иностранным вложениям и исключительно дешевой местной рабочей силе) готовая одежда и продукты моря. Но по-прежнему большую роль играет оказываемая ей международная помощь, поступающая по официальным каналам. А по размерам внешнеторгового оборота (7–9 млрд. долл. в 1995 г., 12–14 млрд. в 2000 г.) Бангладеш находится на одном уровне с Шри-Ланкой, население которой приблизительно в семь раз меньше²³.

Республику Шри-Ланка (бывший Цейлон) можно считать главной морской составляющей Южноазиатского региона. С 1983 г. на острове не прекращается вооруженная борьба между правительственными войсками и экстремистами из организации «Тигры освобождения Тамил Илама» (ТОТИ). Они выступают от имени тамильского этноконфессионального меньшинства (тамилы-индуисты составляют около 16% из 20-миллионного населения, в большинстве состоящего из сингалов-буддистов) и требуют создания на севере и северо-востоке острова самостоятельного тамильского государства или предоставления тамильским провинциям широкой автономии. В ходе боев и военных столкновений, продолжавшихся до 2001 г., погибли около 65 тыс. человек. Переговоры между правительством и ТОТИ, начатые затем при посредничестве дипломатов из Норвегии, дали острову передышку и принесли некоторые надежды на успех в разрешении многолетнего конфликта.

Несмотря на военные действия и постоянное отвлечение крупных бюджетных средств на связанные с этим непроизводительные нужды,

экономика «Шри Ланка» развивалась в 90-е годы достаточно быстро. Этому способствовала политика либерализации, инициированная правительством Объединенной национальной партии (ОНП), уступившей власть в 1994 г. Партии свободы Шри-Ланки.

Нужно отметить, что в Шри-Ланке, как и в Бангладеш, сложилась в основном двухпартийная система, причем произошло это значительно раньше, уже в 50-х годах. Тогда стоящая на более правых, прозападных позициях ОНП впервые уступила власть левоцентристской Партии свободы, отстаивавшей нейтралистский курс во внешней политике. ПС находилась у власти с небольшим перерывом вплоть до конца 70-х годов, после чего ее сменила у руля правления ОНП. В декабре 1999 г. на выборах президента, являющегося по Конституции главой исполнительной власти, вновь победила кандидат от Национального альянса, основу которого составляет ПС, Ч. Кумаратунга. Однако выборы в парламент осенью 2000 г. дали возможность сформировать правительство лидеру ОНП Р. Викремасингхе. С тех пор поддерживается шаткое равновесие, при котором опирающееся на парламент правительство играет ведущую роль в осуществлении властных полномочий.

Шри-Ланка по многим параметрам не является типичной южно-азиатской страной. Как и у расположенной к югу от нее островной Мальдивской Республики, существенную роль в ее экономике играют транзитные, реэкспортные и туристические функции. По величине душевого дохода Шри-Ланка существенно, в полтора — два раза, опережает своих основных соседей по региону, уступая только Мальдивам с населением менее 300 тыс. человек. Номинальный доход в Шри-Ланке в 2000 г. равнялся почти 900 долл. на человека, а паритетный — приближался к 3500 долл. Экспортная квота (33%) была более чем вдвое выше, чем у Индии, Пакистана и Бангладеш (12–15%).

В отличие от морских, высокогорные государства Южной Азии — Непал и Бутан — остаются по большей части заповедной, слабо развитой зоной с традиционным хозяйством и исключительно бедным населением. Сказываются труднодоступность и изолированность горных королевств. Непал по численности людей (25 млн.) близок к Шри-Ланке, а по площади (147 тыс. кв. км) — к Бангладеш. Страна с 1990 г. является конституционной монархией, оставаясь единственным в мире индусским королевством. В июне 2001 г. король Бирендра вместе с рядом других членов семьи был убит своим сыном и наследником престола, который покончил с собой. Новый монарх, Гьянендра, осенью 2002 г. распустил парламент и временно взял на себя функции главы исполнительной власти.

Современные тенденции экономической либерализации в 90-е годы едва коснулись Непала. О реформах в этом направлении заговорили лишь после прихода к власти осенью 1995 г. коалиционного

правительства во главе с Непальской конгрессистской партией, но изменений по сути это не принесло. Вместе с тем с 1996 г. в стране началась вооруженная борьба левых радикалов, маоистов, с правительственными силами, в результате которой погибли более 6 тыс. человек.

Как и небольшое (менее 2 млн. жителей) Королевство Бутан, Непал экономически в решающей степени зависит от Индии. Культурно-исторически обе монархии принадлежат не только к индийскому, но и тибето-бирманскому региону, а геополитически находятся в перекрестном пространстве между Индией и Китаем. Это накладывает свой отпечаток на внутреннее положение и внешнюю политику двух стран, между которыми имеются свои проблемы — свыше 90 тыс. беженцев из Бутана проживают на территории Непала.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в Индии и других странах Южноазиатского региона в начале XXI века отчетливо проявляется борьба двух тенденций — государственно-бюрократической и частно-предпринимательской, автократической и либеральной. Последняя ориентирована на беспрепятственную интеграцию в процессы экономической и информационной глобализации, первая — на сохранение (разумеется, с определенными коррективами) сложившегося в годы независимости курса на самодостаточность, известную отгороженность от стихии мирового рынка.

От исхода борьбы этих тенденций зависит, каким образом государства Южной Азии отреагируют на вызовы глобализации. С ним связан также выбор модели национальной идентичности. Победе линии на большую автаркию, очевидно, соответствует усиление национализма агрессивно-защитного типа с упором на религиозный радикальный фундаментализм или этнический (этноконфессиональный) шовинизм. Этим тенденциям сопутствует обычно обострение внутривнутриполитической ситуации, рост движений за автономию, а также усиление таких болезненных явлений, как экстремизм и терроризм. Успех либеральных реформ и растущая интеграция в мировой рынок также сопряжены с усугублением ряда экономических и социальных проблем, таких как структурная безработица. Однако трудности приспособления к современным производственным стандартам могут в более или менее отдаленной перспективе привести к увеличению эффективности национального хозяйства, повышению жизненного уровня большинства, расширению «среднего класса», то есть группы достаточно обеспеченных и образованных людей, и на этой основе — углублению процессов демократизации и поиска адекватного национальной системе места во все более взаимосвязанном мире.

- 1 World Development Report 2002. — N.Y.: Oxford University Press, 2002. — P. 232–233.
- 2 Об этом см., например: Цыганков П.А. Теория международных отношений. — М.: Гардарики, 2002. — С. 228–253.
- 3 World Development Report 1996. N.Y.: Oxford University Press, 1996. — P. 216; World Economic and Social Survey 1995. — N.Y.: Oxford University Press, 1995. — P. 312–313.
- 4 World Development Report 2002. — P. 238–239.
- 5 Asian Development Outlook 1996 and 1997. N.Y.: Oxford University Press, 1996. — P. 20, 128.
- 6 World Development Report 2002. — P. 238.
- 7 Ibid. — P. 232–233.
- 8 World Development Indicators 2001. — Wash.: The World Bank, 2001. — P. 294–296.
- 9 Независимая газета. — 2002. — 22 мая. — С. 6.
- 10 Политическая культура стран Азии и Африки. — М.: МГИМО, 1996. — С. 104–105.
- 11 **Бельский А.Г., Фурман Д.Е.** Сикхи и индусы: религия, политика, терроризм. — М.: Наука, 1992. — С. 89–91.
- 12 Политическая история государств Азии и Северной Африки. XX век. — Т. 1. — М.: Магистр. — 1996. — С. 228.
- 13 Подробнее. см: Брагина Е. Экономические реформы в Индии. — МЭИМО, 8, 1998. — С. 148–151.
- 14 World Development Report 1996. — N.Y., 1996. — P. 216.
- 15 **Володин А.** Индия: местные выборы и развитие системы полицентричного типа — Год Планеты 1994. — М., 1994. — С. 297–299.
- 16 **Куценков А.А.** Демократический процесс и традиционная культура. Индия: достижения и проблемы. — М.: Институт востоковедения РАН. — С. 18–19.
- 17 World Development Report 1996. — P. 188.
- 18 World Development Review 2002. — P. 232–233, 238–239.
- 19 Ibid. — P. 232–233.
- 20 Overcoming Human Poverty. United Nations Development Programme Poverty Report 2000. — N.Y.: UNDP, 2000. — P. 108.
- 21 World Development Report 2002. — P. 234–235.
- 22 Asian Development Outlook. — P. 115–116.
- 23 Ibid. — P. 116, 143; World Development Report 2002. — P. 238–239.

Политика Пакистана и Индии в афганском вопросе

ПАКИСТАН. Крайне сложный и противоречивый характер отношений между этими двумя соседними мусульманскими странами обусловлен рядом факторов, прежде всего «проблемой Пуштунистана». Возникла она еще до появления независимого пакистанского государства и досталась ему по наследству от колониального периода. Как известно, в конце XIX века английские власти отделили Британскую Индию от Афганистана так называемой «линией Дюранда», которая разделила проживающие на северо-западе субконтинента пуштунские племена на две примерно равные части. Когда встал вопрос о создании Пакистана, афганская правящая элита пыталась добиться пересмотра «линии Дюранда», однако безуспешно. Поэтому в Пакистан вошли все заселенные пуштунами земли, бывшие в составе колониальной Индии, а «линия Дюранда» превратилась в фактическую границу между двумя соседними государствами. Афганистан решительно протестовал против этого и был единственным государством, которое осенью 1947 г. голосовало против приема Пакистана в ООН. Афганские правящие круги никогда не признавали существование государственной границы с Пакистаном по «линии Дюранда», поддерживали борьбу пакистанских пуштунов за создание независимого Пуштунистана. В свою очередь, и Пакистан оказывал помощь оппозиционным элементам в Афганистане. Противники правящих режимов в Афганистане и Пакистане находили политическое убежище в соседнем государстве.

Естественно, что в подобных условиях отношения между двумя странами развивались крайне неровно. Резкие обострения, вплоть до вооруженных столкновений на границе, сменялись относительным затишьем и нормализацией ситуации. Так, в связи с обострением пуштунской проблемы в сентябре 1961 г. последовал разрыв афгано-пакистанских дипломатических отношений. Нарушение традиционных торговых связей причинило обеим странам серьезный экономический ущерб, поскольку значительная часть афганского импорта и экспорта осуществляется через пакистанский порт Карачи.

Уже в начале 1963 г. в результате проведенных переговоров были достигнуты соглашения о восстановлении дипломатических, торговых и иных отношений между Афганистаном и Пакистаном. В это же время пакистанский президент М. Айюб Хан выступил с идеей создания афгано-пакистанской конфедерации, что, разумеется, не было принято афганской стороной. В последующие годы афгано-пакистанские отношения носили более или менее ровный характер. Подобное течение было резко нарушено революционным переворотом в Кабуле в апреле 1978 г. и последующими событиями.

Пакистан признал новое правительство в соседней стране (5 мая 1978 г.). Его руководители заявили, что происшедшее в Афганистане — это его внутреннее дело и что Пакистан будет продолжать развивать с ним двусторонние отношения¹. Видя растущие трудности кабульского режима, Исламабад стал активно склонять его к широкому сотрудничеству на основе признания государственной границы и решения таким образом вопроса о Пуштунистане. Отсюда — настойчивое стремление Пакистана к расширению связей с Афганистаном, демонстрация искренности своих призывов к взаимовыгодному двустороннему сотрудничеству.

Уже в сентябре 1978 г. Афганистан посетил глава исламабадского режима генерал М. Зия-уль-Хак. В декабре того же года во время визита в Кабул одного из пакистанских министров было решено создать совместную комиссию для развития торговли между двумя странами. В сентябре 1979 г. состоялась встреча афганского лидера Н.М. Тараки и М. Зия-уль-Хака в Гаване во время Конференции руководителей неприсоединившихся государств. На проходившей в Кабуле в мае 1979 г. международной конференции министров промышленности развивающихся стран Пакистан выразил готовность оказать Афганистану содействие в подготовке кадров и направить своих специалистов в различные отрасли промышленности². Объем торговли между двумя странами в 1978/1979 г. значительно превосходил соответствующие показатели за предшествующие годы³. Значительными были дипломатические контакты на различном уровне. Трудно представить, до какой степени пакистанцам, пользуясь исключительно тяжелым положением правительства Х. Амина, удалось склонить его к выгодному для Пакистана решению вопроса о государственной границе. По свидетельству очевидцев событий, в Исламабаде были уверены в готовности афганских властей признать «линию Дюранда» в качестве официальной границы между двумя государствами⁴. Можно представить раздражение и ярость Исламабада, когда удачное для него течение событий оказалось прерванным из-за происшедших в Кабуле в конце декабря 1979 г. государственных-политических перемен и ввода советских войск.

Поведенческая линия Пакистана в отношении Афганистана изменилась существенным образом. Теперь основная задача состояла

в максимально жесткой конфронтации с кабульским режимом, в широкой и всесторонней поддержке афганской оппозиции, обеспечении ее победы и установлении в этой стране дружественного для себя режима. В рамках решения этого главного вопроса предполагалось урегулирование проблемы Пуштунистана, а также обеспечение прочного тыла в борьбе с основным противником Пакистана — Индией.

Пакистан занял самую жесткую позицию в отношении пришедшего к власти в конце 1979 г. режима во главе с Б. Кармалем. Он не признал новое правительство Афганистана и прервал с этой страной дипломатические отношения. Миллионам афганских беженцев было предоставлено политическое убежище. На территории Пакистана были созданы базы и лагеря по подготовке военных формирований афганской оппозиции. Они обеспечивались доставляемым из-за границы оружием. В пакистанском городе Пешаваре обосновались штаб-квартиры основных политических партий и организаций, выступавших против кабульского режима. Здесь же в феврале 1988 г. оппозицией было создано временное правительство Афганистана. Пакистан сделался таким образом главным плацдармом для ведения войны против афганских властей и поддерживающих их советских войск. Использовали этот плацдарм не только афганцы, но и многие муджахиды из других, главным образом арабских стран, включая известного террориста Усаму бен Ладена.

На международной арене Пакистан стал одним из основных инициаторов действий, направленных против кабульского правительства. В январе 1980 г. Исламабад потребовал срочного созыва Совета Безопасности для обсуждения афганского вопроса. По инициативе Пакистана и Саудовской Аравии в течение месяца была созвана чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи ООН для обсуждения положения в Афганистане. В дальнейшем на ежегодных сессиях Генеральной Ассамблеи пакистанские представители играли активную роль в принятии резолюций, направленных против правящих в Кабуле сил. Такую же роль играл Пакистан и в других международных организациях.

Поддерживая афганскую оппозицию в целом, Исламабад в то же время упор делал на фундаменталистскую группировку «Хезбе ислами» (Исламскую партию Афганистан), возглавляемую Г. Хекматъяром. Подобная ориентация совпадала с линией США в афганском вопросе. Для Пакистана крайне важным было то, что данная организация провозглашала приоритет ислама над всеми другими ценностями и в меньшей мере была подвержена националистским настроениям. Она была идейно родственна ведущей фундаменталистской организации Пакистана «Джамаат-и ислами», которая играла важную роль в политической жизни Пакистана в 80-е годы — в период правления Зия-уль-Хака, настойчиво проводившего политику исла-

мизации в Пакистане. Наконец, следует иметь в виду, что в то время группировка Г. Хекматяра являлась наиболее значительной военной силой.

Курс Пакистана в отношении Кабула обеспечил ему большие политические, экономические и прочие выгоды. Повысилась значимость Пакистана на международной арене. Роль «прифронтового государства», активная вовлеченность в конфликт, который приобрел глобальное значение, сделали Пакистан важным действующим лицом мирового масштаба. Никогда до этого Пакистан не играл столь значительной роли в международных делах на макроуровне. Исключительно благоприятным было отношение к Пакистану со стороны западных стран, международных финансово-экономических организаций. Были резко увеличены разнообразная помощь Пакистану, поставки оружия. Возродился военно-экономический альянс Пакистана и США. Вашингтон после свержения шахского режима в Иране сделал Пакистан основным проводником своих интересов в регионе. В 1981 г. было подписано американо-пакистанское соглашение о предоставлении Пакистану в течение пяти лет военно-технической помощи в сумме 3,2 млрд. долл. По истечении данного срока в 1987 г. было принято решение о новом американском займе на шесть лет в размере 4,02 млрд. долл. (57% общей суммы составляла экономическая помощь, остальные средства шли на поставки оружия на весьма льготных условиях)⁵. Пакистан значительно укрепил свои позиции в исламском мире. На многих международных форумах, включая Генеральную Ассамблею ООН, Пакистан выступал в качестве представителя мусульманских стран. Значительно расширились его связи с такими странами, как Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ и другие, которые щедро предоставляли Пакистану финансовую и экономическую помощь. Афганская проблема приносила исламским властям и большие выгоды внутреннего порядка. Помощь «борцам за веру» в какой-то мере легитимизировала военный режим Зия-уль-Хака, способствовала продлению его существования⁶. Всякие непопулярные действия властей (повышение налогов, увеличение военных расходов и др.) оправдывались «чрезвычайными условиями», «ситуацией на границах Пакистана»⁷.

Однако политика в отношении Афганистана имела для правящих кругов Пакистана и отрицательные последствия. В стране усиливалась инфляция, росли цены, увеличивался внешнеторговый дефицит. Быстро росла внешняя задолженность Пакистана: к 1983 г. она составила 12 млрд. долл.⁸ Серьезные проблемы экономического, социального, политического и даже экологического порядка возникли в результате пребывания на пакистанской территории большого числа афганских беженцев (свыше 3 млн. человек). В местах их размещения происходили столкновения между ними и местными жителями из-за земли, пастбищ, водоемов; пришельцы вырубали леса

и кустарники, распахивали луга, что наносило ущерб окружающей среде. Пользуясь разного рода льготами, афганцы успешно конкурировали с местными жителями в различных сферах хозяйственной жизни и даже вытесняли их из таких отраслей, как транспорт, производство ковров и т.д. Все это усложняло внутриполитическую ситуацию в стране. Необычайной остроты достигла проблема наркомании, до этого практически не существовавшая в Пакистане. Он превратился в одного из основных участников международной контрабандной торговли наркотиками. Наконец, Пакистан оказался буквально наводнен оружием. Наличие огромного пространства нестабильности у северо-западных границ Пакистана негативно влияло на политическую ситуацию в стране, особенно в пуштуно-белуджских районах.

Воздействие всех отмеченных факторов обусловило сложный характер политической линии Пакистана в отношении Афганистана. Конечно, эта политика исходила из поддержки афганской оппозиции и оказания ей всемерной помощи, но все же имели место определенные колебания при ее проведении. Да и сама эта поддержка не была столь последовательной и жесткой, как того хотели афганские оппозиционеры и определенные круги в США⁹. Помимо всего прочего, имело место и стремление Пакистана к определенной самостоятельности своего курса. В самом Пакистане не было полного единства по поводу его афганской политики. Наиболее жесткую позицию занимали президентская группировка, фундаменталистские партии и Объединенная военная разведка (ОВР), которая в период правления Зия-уль-Хака приобрела огромную силу и влияние (ее называли «государством в государстве»). ОВР координировала всю военную деятельность Пакистана и афганской оппозиции, занималась распределением среди афганских группировок поступавшего в Пакистан оружия, подготовкой боевиков и т.д. За определенную гибкость выступали представительные органы, правительство, многие общественные организации и политические партии.

Конкретным проявлением всех отмеченных обстоятельств явилась непоследовательность Исламабада в отношении переговорного процесса с Кабулом. Первые годы он отвергал какие-либо переговоры, но затем (в 1982 г.) согласился на такие переговоры в Женеве при посредничестве специального представителя Генерального секретаря ООН. Первоначально Пакистан стремился свести эти переговоры к достижению соглашения о выводе советских войск из Афганистана. Однако затем принял комплексный характер формулы, включающей обязательства Пакистана о невмешательстве во внутренние дела своего соседа. (Кстати, перед самым концом переговоров в начале 1988 г. Исламабад попытался оказать давление на Кабул в отношении проблемы государственной границы, поставив ее решение в качестве условия подписания уже готовых доку-

ментов, но эта попытка не увенчалась успехом.) На заключительном этапе подготовки Женевских соглашений президентская группировка сделала попытку сорвать подписание подготовленных документов. Возникшие внутри пакистанского правящего блока расхождения по этой проблеме явились одной из причин острого политического кризиса в стране и увольнения в отставку правительства М.Х. Джунеджо.

После того как Женевские соглашения вступили в действие (май 1988 г.) и в соответствии с ними осуществился вывод советских войск из Афганистана (февраль 1989 г.), был пройден важный рубеж по достижению основной стратегической цели Пакистана. Следующим этапом в этом движении становится приход к власти в Афганистане муджахидов. Поэтому, провозгласив «преемственность» курса в отношении Афганистана, новые пакистанские правительства Беназир Бхутто (ноябрь 1988 — август 1990 гг.) и Наваз Шарифа (октябрь 1990 — июль 1993 гг.) продолжали оказывать поддержку афганской оппозиции, что было нарушением принятых Пакистаном в соответствии с Женевскими соглашениями обязательств о прекращении и невозобновлении вмешательства в дела Афганистана. Кроме материальной помощи Исламабад предпринял большие усилия по сплочению рядов оппозиции, ослаблению существующих в ней противоречий, сосредоточению всех усилий на устранении «коммунистического правительства» в Кабуле и захвате власти в стране. Для достижения этих целей руководящие правительственные деятели, высшие государственные чиновники, лидеры политических партий Пакистана проводили встречи с представителями афганской оппозиции на двусторонней и многосторонней основе. Именно этой проблеме была посвящена встреча премьер-министра Пакистана Наваз Шарифа 24 октября 1991 г. в Исламабаде с представителями всех групп афганских муджахидов¹⁰.

С падением в апреле 1992 г. правительства М. Наджибуллы и захватом муджахидами Кабула был пройден еще один этап по реализации стратегического плана Исламабада. (Весьма показательно, что сразу же после этого события состоялась поездка в Кабул Наваз Шарифа.) Теперь, казалось, оставалось совсем немного — образование коалиционного правительства муджахидов, в котором фаворит Пакистана — группировка Г. Хекматъяра, опираясь на свой военно-политический вес, роль в прошедшей войне и располагая поддержкой США, Пакистана, других стран, займет преобладающее положение. Однако именно решение этой задачи оказалось делом наиболее сложным и практически недостижимым.

Сразу же после взятия Кабула в стане победителей развернулась ожесточенная вооруженная борьба за преобладание, за власть, за ключевые государственные посты. Вступив в Кабул, муджахиды поделили его на зоны контроля, поступив так же затем и со всей

территорией страны. Постоянно создавались и рушились направленные друг против друга коалиции бывших «борцов за веру».

В такой ситуации пакистанское руководство предприняло меры по примирению противников, одновременно оказывая поддержку своему протезе — Г. Хекматъяру¹¹. Многие пакистанские деятели — как официальные, так и отставные генералы, руководители фундаменталистских партий (как, например, лидер «Джамаат-и ислами» Кази Хусейн Ахмед) приезжали в Афганистан, пытались примирить вчерашних союзников «во имя исламской солидарности». Им удалось добиться прекращения огня между войсками Г. Хекматъяра и президента Б. Раббани в феврале 1993 г., а генерал А. Дустом присоединился к кабульскому правительству лишь после того, как побывал в Исламабаде. В марте вожди враждующих группировок собрались в столице Пакистана; в ходе переговоров было достигнуто соглашение о перемирии и предоставлении Г. Хекматъяру поста премьер-министра. Поскольку это перемирие было вскоре сорвано, через несколько месяцев в мае произошла очередная встреча лидеров муджахидов в Джелалабаде, на которой было сформировано новое правительство во главе с Г. Хекматъяром, но и оно оказалось недееспособным. Были и другие встречи и решения, которые также не имели позитивного результата.

Следует обратить внимание на то, что, делая ставку на «Хезбе ислами», пакистанское руководство стремилось развивать контакты и с другими сторонами, включая группировки Б. Раббани и А. Дустома¹². У последней для Пакистана было привлекательным то, что в документах созданной и руководимой А. Дустомом партии Национальное исламское движение Афганистана (НИДА) декларировалось признание границ, установленных между государствами. Диверсификация связей Исламабада с различными представителями спектра политических сил Афганистана росла по мере военного и политического ослабления группировки Г. Хекматъяра. Без сомнения, Пакистан в тот период оказывал наибольшее воздействие на внутриафганский политический процесс по сравнению с другими внешними силами, так или иначе связанными с событиями в Афганистане.

Вскоре, однако, стало очевидно, что в существующих в Афганистане условиях невозможно не только установление в стране дружественного Пакистану режима, но и вообще прекращения вооруженных конфликтов. А именно в этом Пакистан был теперь больше заинтересован, чем прежде. В изменившихся международных условиях афганский конфликт утратил свой глобальный характер, а Пакистан, соответственно, потерял былую значимость для Запада, следствием чего явилось резкое сокращение ему материальной помощи. США с 1990 г. прекратили военную и почти всю экономическую помощь Пакистану. А последнему приходилось по-прежнему

нести большие расходы на содержание беженцев, которые не хотели возвращаться на объятую пламенем гражданской войны родину, на поддержку различных афганских группировок. Огромное пространство нестабильности, в течение длительного периода времени существующее в непосредственной близости от Пакистана, оказывало негативное воздействие на его внутреннее положение. Многие террористические акты в стране имели «афганский след». Попытки пакистанских властей удалить из страны наиболее экстремистски настроенных муджахидов не увенчались успехом и лишь обострили ситуацию. Огромный поток контрабанды и наркотиков наносил ущерб экономике, другим сферам жизни пакистанского общества, его международному положению.

Заинтересованность Исламабада в мирном урегулировании ситуации в Афганистане усилилось после важных геополитических изменений в регионе, прежде всего связанных с появлением новых независимых государств в Центральной Азии. Географическое положение Пакистана дает ему важное преимущество как кратчайшего и удобного пути для центральноазиатских стран к побережью Индийского океана. Однако обстановка в Афганистане не позволяла Пакистану воспользоваться этим преимуществом. Многочисленные договоры и соглашения о прокладке железнодорожных и шоссейных магистралей, нефте- и газопроводов из Центральной Азии через Афганистан в Пакистан оставались нереализованными. (Здесь прежде всего следует назвать неудачу с крупным проектом создания газовой, а затем и нефтяной магистрали из Туркмении в Пакистан и далее — в Индию. В осуществлении этого проекта помимо Туркменистана и Пакистана должны были участвовать иностранные фирмы во главе с американской компанией «Юнокал».) Этим пользуются основные конкуренты Пакистана — Иран и Турция — для выполнения альтернативных вариантов. Длительное состояние неурегулированности в Афганистане могло лишить Пакистан прямого выхода в Центральную Азию; основные магистральные линии пройдут в стороне от него, и он окажется отрезанным от рынков Центральноазиатского региона.

Стремление Пакистана к решению афганской проблемы определяется еще одним важным обстоятельством. Вот уже долгие годы Пакистан зажат между двумя кризисными ситуациями — кашмирской (и шире — конфронтацией с Индией) и афганской. Такое положение самым негативным образом сказывается на его внутренней обстановке и международной деятельности и требует радикального изменения (даже Индия, в прошлом находившаяся в подобной ситуации, пошла на нормализацию отношений с Китаем, что дало ей возможность сконцентрировать усилия на «пакистанском фронте»).

Потребность в скорейшем и благоприятном для себя решении афганского конфликта и невозможность достижения этого при су-

ществовавшем тогда раскладе военно-политических сил заставили Пакистан серьезно изменить свою линию в отношении внутренней ситуации в Афганистане: Исламабад практически отказался от поддержки своих бывших афганских союзников и сделал ставку на новое действующее лицо в афганской трагедии — движении «Талибан», появлению которого в 1994 г. он активно содействовал. Костяк этого движения составили учащиеся (талибы) религиозных школ в Пакистане для афганских беженцев. Среди талибов — немало бывших муджахидов, отставных и находившихся на действительной службе пакистанских военных¹³.

Талибов поддержала Саудовская Аравия и на первом этапе — США. Для Америки в то время важна была антииранская позиция «Талибана». С помощью этой силы Вашингтон также рассчитывал обеспечить благоприятные условия для американских нефтегазовых компаний по сооружению трубопроводов из Центральной Азии к побережью Индийского океана. (Весьма примечательно в этой связи нашумевшее интервью премьер-министра Пакистана Б. Бхутто в октябре 1996 г. корреспонденту Би-би-си, в котором было сказано о причастности к возникновению, формированию и вооружению движения талибов США, Саудовской Аравии и Англии¹⁴). Основного противника талибов — кабульский режим Б. Раббани в силу различных (в т.ч. культурно-исторических) факторов поддерживал Иран. На их стороне были Россия и Индия, к ним был близок и Китай. Позиции этих трех держав помимо ряда специфических для каждой из них причин определялись опасениями, связанными с распространяемым талибами исламским экстремизмом, с учетом наличия в этих странах значительного мусульманского населения.

Наиболее активными в этих двух коалиционных группировках были Пакистан и Иран. Первый опирался на основную военную силу в Афганистане — талибов, а Иран стал выразителем интересов анти-талибских сил как в самой стране, так и за ее пределами (имеются в виду, прежде всего, граничащие с Афганистаном и опасющиеся исламского экстремизма центральноазиатские государства). Отношения между Пакистаном и Ираном заметно осложнились; в дальнейшем этому содействовали усилившиеся в Пакистане под влиянием суннизма талибов суннитско-шиитская рознь, кровавые столкновения на этой почве, убийства иранских представителей, а также враждебность отношений между Ираном и движением «Талибан».

Естественно, в наибольшей степени обострились отношения между Исламабадом и Кабулом. Администрация Б. Раббани возложила на Пакистан всю ответственность за действия талибов и обвинила его во вмешательстве в ход гражданской войны в Афганистане. 6 сентября 1995 г. в Кабуле было разгромлено посольство Пакистана. Вслед за этим Пакистан закрыл свою дипломатическую миссию

в Кабуле и отозвал персонал; из страны была выдворена большая группа афганских дипломатов — сотрудников посольства Афганистана в Исламабаде и консульств в Карачи, Кветте, Пешаваре. На территории Пакистана были закрыты представительства афганских группировок, выступающих на стороне президента Б. Раббани. Отвергнув все обвинения в свой адрес, Исламабад заявил о поддержке и помощи кабульскому режиму со стороны Ирана и Индии.

С момента выхода талибов на политическую арену Афганистана им удалось достичь крупных военных успехов. Под их контролем оказалось почти 90% территории страны, включая Кабул, взятый в сентябре 1996 г. Все это время Пакистан оказывал движению «Талибан» всестороннюю помощь — как материальную, так и политическую; объем торговли между двумя странами после прихода в Кабул талибов значительно возрос¹⁵. Эмиссары Исламабада вели настойчивую работу с руководителями различных афганских группировок, склоняя их к поддержке талибов. По свидетельству некоторых иностранных экспертов, пакистанские спецслужбы проводили работу по развалу антиталибской коалиции, в частности по изоляции А. Дустома от других участников коалиции и усилению генерала А. Малика и в определенной мере способствовали известным событиям в мае 1997 г. в Северном Афганистане, которые обеспечили тогда талибам военный успех¹⁶.

После падения Кабула представители Пакистана на разного рода международных форумах призывали оказать поддержку новому руководству Афганистана, стремились обеспечить его представительство в различных организациях, прежде всего в ООН, или, по крайней мере, старались добиться отстранения от работы в них представителей Б. Раббани. Высшей формой политической поддержки движения «Талибан» следует считать официальное признание Пакистаном 27 мая 1997 г. правительства талибов. Исламабад рассчитывал, что этот его шаг, как и аналогичные действия Саудовской Аравии и ОАЭ, побудит другие страны, во всяком случае исламские, сделать то же. Однако этого не произошло и больше ни одна страна не признала правительства талибов. Пакистан оказался в весьма неприятной изоляции. Грубое нарушение прав человека в Афганистане, покровительство властей международному террористу У. бен Ладену, крайний экстремизм талибов, широкий размах наркобизнеса на их территории¹⁷ практически свели на нет бывшее расположение к ним Вашингтона, усилили негативное отношение со стороны мирового сообщества.

Так, пакистанская газета «Ньюс» писала: «Исламабад предпочел идентифицировать себя с обскурантистским режимом и оказывать поддержку этому режиму, который, хотя и контролирует значительную часть страны, не смог ни установить в ней мир, ни создать хотя бы видимость современного, хорошо функционирующего управле-

ния. Это привело к большому ущербу для Пакистана в дипломатической области, создав напряженность с Ираном, с большинством центральноазиатских республик и Россией»; все это, по мнению газеты, повело к изоляции Пакистана в регионе, ослабило его позиции в противостоянии с Индией¹⁸. Усиление талибов содействовало укреплению милитаристских настроений в Пакистане, росту политического влияния армии, ослаблению конституционно-парламентских институтов, что в конечном итоге, в комплексе с другими факторами, привело к взятию власти верхушкой пакистанских вооруженных сил в октябре 1999 г.

Постоянная напряженность в Афганистане негативно сказывалась на внутренней ситуации в Пакистане. В стране осталась основная масса беженцев (ок. 2 млн. человек), деятельность которых по-прежнему наносила серьезный ущерб социально-экономической жизни Пакистана. Богатые беженцы скупали в городах дома, теснили на рынках местных торговцев, рядовые переселенцы занимались контрабандной торговлей наркотиками и оружием, кражами и грабежами. Попытки пакистанских властей добиться какого-либо контроля над приграничной торговлей, вытеснить из страны чужаков не увенчались успехом и только осложнили обстановку¹⁹. В целом постоянная связь с бурлящим афганским котлом вносила большой «вклад» в усиление нестабильности в Пакистане, результатом которой явились следующие один за другим политические кризисы, падения правительств, роспуски парламента.

Успехи талибов — носителей экстремистского ислама — содействовали росту в Пакистане исламистских сил. Власти отступали под их напором, в законодательном порядке вводя те или иные традиционные положения. Военный переворот, роспуск парламента в октябре 1999 г. прервал находившийся на завершающей стадии процесс объявления шариата основным законом страны. Однако в северо-западных районах Пакистана, где формировались подразделения талибов и где их влияние особенно значительно, шариатский закон фактически был введен. Одновременно в стране резко возрос исламский радикализм, деятельность экстремистских организаций, что сделалось важной составляющей политической ситуации в стране²⁰. Религиозно-коммуналистские организации требовали превратить Пакистан в «подлинно» мусульманское государство, установить государственно-правовую систему подобную той, которая существовала у талибов в Афганистане. Мусульманские экстремисты были организаторами антииндийских выступлений и акций против своего правительства в Лахоре в феврале 1999 г., где состоялась встреча премьер-министров Индии и Пакистана. Незадолго до этого в январе религиозные фанатики совершили попытку покушения на тогдашнего главу пакистанского кабинета министров М.М. Наваз Шарифа. Мусульманские фундаменталисты выступают за расши-

рение вооруженной борьбы в Кашмире, Пакистане, Афганистане, Чечне, за развертывание джихада на всех континентах планеты. Религиозные экстремисты в значительной мере ответственны за подготовку и осуществление вооруженного столкновения в Каш- мире летом 1999 г.

Поскольку талибы представляют суннитское направление ислама, то их успехи содействовали радикализации исламизма в Пакистане именно в суннитской форме, росту экстремистских суннитских группировок и расширению их разрушительной деятельности, направленной против пакистанских шиитов. Естественно, это вызвало с их стороны ответную реакцию. Все это сопровождалось рез- ким обострением суннитско-шиитского противостояния, кровавы- ми столкновениями между ними и многочисленными жертвами, среди которых были и иранские граждане, находившиеся в Пакистане. Надо также иметь в виду, что движение «Талибан» в этниче- ском плане — по преимуществу пуштунское. Его успехи содейст- вовали росту пуштунского национализма в Пакистане, осложняя тем самым и межнациональные отношения в стране²¹.

Волна насилия в Пакистане особенно поднялась осенью 1999 г. Пакистанские власти объявили о причастности к этому боевиков, проникших из соседнего Афганистана, где они прошли соответ- ствующую подготовку в лагерях на территории, подконтрольной движению «Талибан». Исламабад довел до сведения своих союзников — талибов — «серьезную озабоченность» по поводу участия афганских боевиков в террористических актах в Пакистане и решительно призвал руководство «Талибан» ликвидировать центры боевой подготовки террористов на подконтрольной ему афганской территории²². Негативное воздействие афганской ситуации на внут- риполитическое положение в Пакистане усиливало политическую нестабильность в этой стране и содействовало смене власти. Хотя официально руководство «Талибан» заявило, что военный переворот в Пакистане — внутреннее дело этой страны, в Кабуле выражалась уверенность в укреплении «братских отношений с Пакистаном». Международные исламские организации, базирующиеся в Афгани- стане, включая окружение У. бен Ладена, приветствовали военный переворот в Исламабаде и расценили действия новых властей как шаг к созданию «подлинного исламского режима», что может при- вести к объединению «мусульманских земель Афганистана и Па- кистана»²³.

Вовлеченность Пакистана в афганские дела серьезно влияла и на его международные позиции. Исламабад, как отмечалось выше, поддерживал с Кабулом дипломатические отношения. В Пакистане находилось посольство Исламского Эмирата Афганистан, в Пеша- варе — его генконсульство. В этом же городе был расположен центр движения «Талибан», который проводил работу по формированию

отрядов, направляемых в Афганистан; именно Пешаварский центр талибов сыграл важную роль в организации их движения. Исламабад и Кабул поддерживали друг друга по проблемам, имеющим важное значение для каждой из стран. Руководство талибов осудило Индию за ядерные испытания в мае 1998 г., заявив, что Пакистан имел полное право ответить на этот вызов. Кабул полностью поддержал Исламабад во время пакистано-индийского вооруженного конфликта в Кашмире летом 1999 г. По некоторым данным, талибы участвовали в боевых действиях против индийских войск²⁴.

Для афганской администрации тесные связи с Пакистаном были чрезвычайно важны, поскольку они в определенной мере легитимизировали кабульский режим. Пакистан являлся главным предателем Кабула в мировом сообществе, выразителем его интересов на международной арене. Он доводил до членов сообщества точку зрения Кабула по тем или иным вопросам, усиливал его голос в информационном пространстве. Пакистан поддерживал талибов и по многим конкретным вопросам. Так, Исламабад осудил проведенный США 20 августа 1998 г. ракетный обстрел предполагаемых мест расположения баз боевиков У. бен Ладена на территории Афганистана. Намерение Совета Безопасности ООН ввести режим ограничений против Кабула в случае отказа выдать международного террориста У. бен Ладена вызвало заявление Исламабада о том, что Пакистан — против любых санкций и считает их «контрпродуктивными».

Линия Пакистана в отношении кабульской власти во многом зависела от внешних обстоятельств. Ситуация в этом плане осложнилась, когда ухудшились отношения США с движением «Талибан». Исламабад, естественно, не мог не учитывать этого момента. Обстановка особенно обострилась, когда Вашингтон стал настойчиво требовать от Кабула выдачи У. бен Ладена. При этом американцы потребовали от Пакистана, чтобы он оказал соответствующее давление на талибов. Заверения Пакистана, что он не обладает таким влиянием на Кабул, американской стороной не принимались²⁵. Пакистан, таким образом, оказывался в положении, вызывающем недовольство обеих сторон. Острые, конфронтационные отношения Афганистана с Ираном, чуть не доходившие до вооруженного конфликта, заставляли Пакистан в определенной степени дистанцироваться от позиции своих союзников. Что касается талибов, то их отношение к Исламабаду прежде всего зависело от их успехов в борьбе за власть в Афганистане. По мере побед пакистанское влияние уменьшалось, талибы становились более самостоятельными и менее управляемыми, чем в период неудач. Исходя из своих интересов, в том числе и необходимости создания соответствующего международного имиджа, Исламабад выступал за введение полного эмбарго на поставку оружия всем противоборствующим афганским группировкам, за решение афганской проблемы путем образования правительства на ши-

рокой коалиционной основе. Это не соответствовало интересам талибов, поскольку претворение в жизнь данных предложений делало невозможным достижение главной цели — установление своего единовластия по всей стране. Естественно, это не могло не отражаться на их отношениях с Исламабадом.

Осложнение отношений между руководством «Талибан» и Исламабадом происходило в связи с тем, что на талибов усиливалось влияние международного исламского радикализма, и их поведение становилось все более экстремистским, тогда как Пакистан стремился сохранить имидж умеренного мусульманского государства.

Исламабад выступил против таких варварских действий талибов, вызвавших негодование в мире, как разрушение статуй Будды в Бамиане, приказ проживающим в Афганистане индуистам носить на рукаве оранжевую повязку, запрет пользоваться сетью Интернет, резкое ограничение прав женщин и др.

Исламабад неоднократно доводил до сведения Кабула «серьезную озабоченность» по поводу участия афганских и пакистанских боевиков в террористических актах в Пакистане и призывал руководство «Талибан» ликвидировать центры боевой подготовки террористов «для Пакистана» на подконтрольной ему территории. «Талибан» отказал в просьбе Китая, поддержанной Пакистаном, не принимать в ряды боевиков уйгуров из Синьцзяня. В Афганистане скрывались от пакистанского правосудия несколько десятков человек, подозреваемых в организации террористических актов в Пакистане. Крайнее недовольство в Исламабаде вызвало то, что из-за несговорчивости талибов остался нереализованным суливший большие выгоды проект прокладки газовой, а затем и нефтяной магистрали из Туркменистана через Афганистан в Пакистан и далее — в Индию. Но самое главное заключалось в том, что талибы, несмотря на весь свой исламский фундаментализм, безразличный к национальным перегородкам между «правоверными», проявили себя пуштунскими националистами и не признали, как, впрочем, и все предыдущие афганские правительства, «линии Дюранда» в качестве государственной границы между двумя соседними странами, чего всегда добивался Исламабад. К тому же в Пакистане оставались несколько миллионов афганских беженцев, что тяжело сказывалось на и без того расстроенной пакистанской экономике. В стране продолжала распространяться наркомания.

Талибы отказались избавиться от У. бен Ладена, несмотря на все уговоры Исламабада, который как бы предчувствовал, что от «террориста номер один» зависит судьба всей афганской кампании. И действительно, сначала бен Ладен «развел» «Талибан» и США, превратив последних из сторонников движения в его непримиримых противников. Затем он «развел» Кабул и Исламабад и, наконец, привел к краху кабульский режим.

Талибы отвергали все предложения Пакистана сделать свою политику более приемлемой для мирового сообщества. Руководство «Талибан» все больше подпадало под влияние бен Ладена и его международной террористической организации «Аль-Каида». В Афганистане росло число лагерей и баз, где проходили подготовку арабские боевики, уйгурские и чеченские террористы, «борцы за ислам» в Кашмире. В стране увеличались отряды арабских наемников, которые составляли элитные охранные и воинские подразделения. По разным данным, их насчитывалось от 6 тыс. до нескольких десятков тысяч человек. Держались они обособленно, к населению относились свысока и дерзко. Их опасались даже талибы. В частных беседах афганцы выражали недовольство и возмущение поведением и самим пребыванием арабов, говоря: «Мы стали их заложниками, они разрушили наше государство, и мы ничего не можем сделать»²⁶.

На протяжении всего периода внутренней борьбы в Афганистане Пакистан стремился поддерживать контакты с основными участниками этой борьбы, хотя основной его опорой была какая-то одна группировка. После появления движения «Талибан» именно эта группировка стала его союзником в Афганистане. Он имел контакты и с другими участниками гражданской войны, что давало ему возможность быть посредником между ними, и даже арбитром. Исламабад был местом переговоров представителей различных политических сил Афганистана, встреч официальных лиц иностранных государств с деятелями тех или иных афганских политических партий и организаций. Так, в январе 1997 г. в Исламабаде состоялись переговоры между представителями основных воюющих группировок в Афганистане. Со своей стороны, высокопоставленные пакистанские деятели посетили Кабул, Мазари-Шариф и Кандагар и встретились с А. Дустомом, К. Халили, А.Ш. Масудом, Г. Хекматъяром и с лидерами талибов. В конце декабря 1997 г. в Исламабад прибыл Б. Раббани. Он провел переговоры с пакистанскими руководителями, а также встретился с послами США, Англии и Саудовской Аравии. В январе 1998 г. секретарь пакистанского МИД Ш. Ахмад имел встречу с одним из руководителей талибов муллою М. Раббани и призвал его к переговорам с другими афганскими группировками «ради восстановления мира в Афганистане»²⁷.

Процесс политической поляризации в Афганистане, превращение внутреннего конфликта главным образом в противостояние двух военно-политических сил — движения «Талибан» и оппозиционно-го ему Северного альянса во главе с Б. Раббани и А.Ш. Масудом существенно затруднили Исламабаду проведение прежней политики, тем более, что антиталибская группировка, как уже отмечалось, ориентировалась на такого сильного соперника, как Иран. Тем не менее Пакистан пытался, и в определенной мере ему это уда-

валось, поддерживать контакты с противниками талибов. На официальном уровне, в пропаганде Исламабад постоянно отрицал свою одностороннюю ориентацию на талибов и помощь им, особенно военную, и заявлял о нейтралитете в отношении внутренних дел в Афганистане²⁸. Пакистан содействовал установлению контактов между противоборствующими афганскими группировками. Вместе с Ираном была образована объединенная комиссия на уровне заместителей министров иностранных дел, которая на регулярной основе встречалась с лидерами конфликтующих афганских сторон в целях проведения между ними мирных переговоров. В мае 1998 г. в Алма-Ате, во время саммита Организации экономического сотрудничества (в нее входят Афганистан и Пакистан), состоялась встреча Наваз Шарифа и Б. Раббани. В Исламабаде находилось представительство Северного альянса. Весьма примечательно, что в августе 1999 г. официальный представитель Северного альянса передал Исламабаду обращение руководства Альянса к международному сообществу с просьбой оказания срочной гуманитарной помощи, так как большое число беженцев из других регионов страны крайне нуждалось в продовольствии, медикаментах, питьевой воде. Нет сомнения, что эти действия, помимо определенной пропагандистской нагрузки, были направлены на то, чтобы придать просьбе больший вес.

Пакистан играл важную роль в деятельности международного сообщества, связанной с афганской проблемой и усилиями по ее урегулированию. Исламабад оставался благоприятным местом для разного рода международных встреч, переговоров и т.д., особенно если в них принимали участие талибы. Именно в Исламабаде в начале февраля 1999 г. прошли переговоры делегации государственного департамента США и официальных представителей кабульской администрации, на которых прежде всего обсуждался вопрос о депортации У. бен Ладена из Афганистана. В течение 1999 г. подобных встреч было несколько. Пакистан при этом занимал нейтральную позицию, не становясь ни на чью сторону. Примерно в то же время в Исламабаде прошли переговоры английского государственного министра иностранных дел и по делам Содружества Д. Фетчетта с представителями талибов. Последние призвали Лондон признать правительство Кабула, британская сторона потребовала прекращения контрабанды наркотиков, а также подняла вопрос о пребывании У. бен Ладена. В тех же случаях, когда высокопоставленные западные представители все же ездили в Афганистан, то перед этим, как правило, они посещали Исламабад.

Пакистан играл важную роль в деятельности ООН в Афганистане. Он активно содействовал спецпредставителю ООН по налаживанию и проведению диалога между талибами (после взятия ими Кабула в сентябре 1996 г.) и оппозицией по принципу «3+3» (три представителя талибов и по одному от трех основных противостоящих

им тогда группировок), который проходил в Пакистане. Затем пакистанское руководство приложило много усилий по налаживанию переговорного процесса по формуле «6+2» (шесть граничащих с Афганистаном государств и две великие державы — Россия и США). Причем особая активность Исламабада в этой работе в значительной мере определялась тем, что при таком принципе организации главного переговорного процесса по Афганистану от него отстранялась Индия. Подчеркнем при этом, что, активно участвуя в миротворческой деятельности ООН и других международных организаций, Исламабад всячески стремился усилить свою роль в афганских делах, выступать с собственными инициативами, осуществлять самостоятельные действия. В этих целях, например, в январе 1999 г. в Исламабад были приглашены главы внешнеполитических ведомств Ирана, Казахстана, Киргизии и Туркменистана для обсуждения координации действий этих стран с целью придания импульса усилиям по восстановлению мира в Афганистане. Там же состоялась встреча специально прибывшей в Исламабад делегации талибов с представителями Туркменистана. В сентябре 1999 г. в столице Пакистана провела переговоры делегация киргизской Комиссии по правам человека с представителями талибов на предмет помощи последних в деле освобождения заложников, захваченных вооруженными боевиками на юге Киргизии.

Значимость Пакистана в афганских делах признавалось мировым сообществом. Страны, даже весьма отдаленно связанные с афганской трагедией, обязательно контактировали с Пакистаном. Практически все официальные встречи и переговоры с иностранными государствами (а объем дипломатической деятельности Пакистана был достаточно велик) включали в качестве важнейшей составной части афганскую проблематику (даже когда происходили контакты с представителями таких довольно далеких от проблем Афганистана стран, как Австрия, ФРГ, Япония). Вовлеченность Исламабада в афганские дела повышала роль Пакистана на международной арене, способствовала развитию его международных связей.

Ситуация в Афганистане оказывала сложное, противоречивое влияние на отношения Пакистана с другими государствами, вовлеченными в афганские дела. С одной стороны, различие целей и подходов к афганской проблеме серьезно осложняли эти отношения; с другой — заинтересованность в ослаблении общей опасности от находящегося в непосредственной близости кипящего афганского котла, необходимость выработки общих принципов (например, относительно эмбарго на поставки оружия), участие в одних и тех же операциях, особенно по линии ООН, обуславливали необходимость постоянного контакта, взаимных согласованных действий, другими словами, не давали соперникам замыкаться надолго и занимать угрожающие по отношению друг к другу позиции.

Наиболее отчетливо эта тенденция проявилась в процессе взаимоотношений Пакистана и Ирана, ориентирующихся на противоположные стороны афганского конфликта. Выход талибов на военнополитическую арену, их успехи, взятие Кабула вызвали огромное недовольство Тегерана, обвинявшего Пакистан в поддержке этой силы. Соответствующим было и поведение Пакистана. Однако постепенно ирано-пакистанские отношения нормализовались. Иранская сторона поняла, что необходим определенный уровень отношений с Пакистаном. Последний, в свою очередь, осознал, что игнорирование Ирана в международных делах может привести к тому, что он вообще «отстанет от поезда» и останется за рамками усилий мирового сообщества. Думается также, что обе стороны поняли, что именно их совместное участие в афганском урегулировании как особо влиятельных участников этого процесса усиливает позиции и значимость каждого из них.

В практическом плане эти моменты проявились в широком и довольно плодотворном переговорном процессе между Ираном и Пакистаном. Отметим визит в Иран в декабре 1999 г. главы пакистанской администрации П. Мушаррафа. Исламабад предпринял большие усилия по предотвращению военного столкновения в 1998 г. между Ираном и талибами, в котором он сам был крайне не заинтересован, поскольку подобный конфликт ухудшил бы его отношения с Тегераном и одновременно серьезно ослабил бы его афганского союзника. Пакистан фактически выступил в роли посредника; его задача облегчалась тем, что обе противостоящие стороны стремились к компромиссу.

«Афганская политика» Пакистана, преследуя главную цель — установление в Афганистане дружественного режима, мало зависела от того, кто осуществляет власть в Исламабаде. Поэтому после военного переворота в октябре 1999 г. и установления правления военных во главе с командующим сухопутными силами генералом П. Мушаррафом политика в отношении Афганистана практически не изменилась. Новый пакистанский режим, как и прежде, являлся главным представителем Кабула на международной арене, выразителем его интересов. Он доводил до членов мирового сообщества точку зрения Кабула по тем или иным вопросам, предоставлял место для важных международных форумов по афганской проблеме, помогал налаживанию контактов талибов с заинтересованными странами и лицами. Новые пакистанские власти, обязавшиеся выполнять решения Совета Безопасности от 15 октября 1999 г. о введении санкций против талибов, в то же время расценили это решение как несправедливое, контрпродуктивное, лишь усиливающее «гуманитарную трагедию народа Афганистана». Новое решение Совета Безопасности от 19 декабря 2000 г. о введении военного эмбарго против Кабула Пакистан рассматривал как «одностороннее», как наказание

только одного участника конфликта и как результат «отсутствия беспристрастности со стороны ООН». Одновременно продолжались и военные формы сотрудничества с талибами²⁹. Многие пакистанские политические и религиозные партии подвергли резкой критике ООН, которая «в отношении Афганистана ведет жесткую линию, забывая при этом о реализации своих решений по Кашмиру и Палестине». Особое недовольство вызвало намерение разместить в Пакистане наблюдателей ООН для контроля за соблюдением санкций в отношении Афганистана. Раздавались призывы к всеобщему сопротивлению этим «принудительным мерам со стороны ООН»³⁰.

Талибы ответили на введение санкций тем, что стали отвергать всякое участие ООН в попытках достичь мира. Они были против присутствия представителей ООН на любых переговорах. Практически были закрыты все представительства ООН в Афганистане, а также прекращена гуманитарная деятельность организаций (медицинских, продовольственных и т.д.), если они были каким-то образом связаны с ООН. В условиях усиливавшейся международной изоляции талибов все большее значение для них приобретал Пакистан как средство выхода за созданный ими же «железный занавес»³¹.

Пакистан был самым близким союзником Афганистана в силу разных обстоятельств — исторических и культурных связей, близости пуштунов обоих государств. Многие из них имели «за границей» родственников, часто навещали их, поддерживали постоянные контакты. Видимо, не только государственно-политическими мотивами объясняется тот факт, что лидер талибов, пуштун Мулла Мухаммад Омар не был ни в одной стране мира, кроме Пакистана. Талибский Афганистан был крайне заинтересован в Пакистане, особенно по мере усиления международной блокады. Пакистанские спецслужбы, в частности могущественная ОВР, имели с талибами давно налаженные связи. Находясь в определенной мере под влиянием «Талибан»³², они изыскивали возможности поставок на север оружия и боеприпасов, материальной помощи, вооруженных боевиков с помощью фундаменталистских организаций, особенно таких, как «Харакат уль-муджахедин», «Лашкар-и-Джангви» и др. Ежегодно в различных пакистанских или афганских городах происходили закрытые встречи и совещания представителей «Аль-Каиды» и талибов с руководством наиболее экстремистских пакистанских военизированных организаций. Участвовали в них и лидеры террористических группировок из Центральной Азии, например Исламского движения Узбекистана. В январе 2001 г. в знаменитом пакистанском религиозном учебном заведении «Хаккания» основные исламистские партии Пакистана сформировали Совет в защиту Афганистана. В него вошли примерно 30 религиозно-политических партий для

оказания разносторонней помощи талибам. Среди первых решений Совета был призыв к бойкоту американских товаров.

Пакистан предоставлял талибам и другую помощь, но, пожалуй, наиболее существенной в то время была политико-дипломатическая поддержка Исламского Эмирата, особенно на фоне ее ослабления другими странами, даже такими, как Саудовская Аравия и ОАЭ.

Уже отмечалось, что Исламабад, по сути, представлял интересы талибского режима на мировой арене, осуществлял необходимые ему дипломатические контакты. Эта функция особо стала важной, когда «Талибан» отказался от всяких связей с ООН. В Пакистане озвучивались официальные заявления руководителей Кабула. Так, первая реакция талибов на решение ООН о санкциях в декабре 2000 г.

поступила из Исламабада. На международной конференции богословов в начале апреля 2001 г. в Пешаваре было распространено обращение М. Омара, в котором он называл ООН «инструментом Вашингтона» и призвал все исламские страны покинуть эту международную организацию³³. Функция представительства талибов Исламабадом на международной арене была существенно ограничена трудным положением на мировой арене самого Пакистана, в которое он попал в результате испытаний ядерного оружия, каргильского вооруженного конфликта с Индией, прихода к власти военных, а также союзнических отношений с талибами. В некоторых международных организациях было приостановлено его членство. Резко сократилось число иностранных государственных визитов. Руководители многих государств старательно обезжали столицу Пакистана. В таких условиях сотрудничество с талибами компрометировало Пакистан, и он старался уменьшить его, сделать менее заметным. Оставались отмеченные выше проблемы в отношениях Исламабада с талибами. У последних также были претензии к своему соседу.

Исламабад обвинялся ими в недостаточной помощи своему союзнику, в излишнем следовании «антиафганскому курсу США», в недружественном отношении к «гостю» Афганистана У. бен Ладену. В апреле 2001 г. руководство Кабула официально предъявило Исламабаду жалобу на плохое обращение с афганскими беженцами в этой стране. В послании указывалось, что в Карачи, Пешаваре и Кветте афганские беженцы подвергаются всевозможным преследованиям со стороны местных властей. В плохом обращении с беженцами обвинялись и пакистанские пограничники.

Трудно сказать, как развивались бы отношения между Пакистаном и режимом талибов в будущем. По всей видимости, они бы ухудшались. Впрочем, эта проблема не имеет большого значения, поскольку после 11 сентября 2001 г. резко изменился ход событий в регионе, была создана мощная антитеррористическая и анти-талибская коалиция государств, в рядах которой оказался и Пакистан.

Изменение афганской политики, поворот ее на 180 градусов был для Пакистана далеко не простым делом. Вчерашние друзья и союзники становились врагами, а с прежним врагом — Северным альянсом — надо было налаживать отношения, также как и со стоящими за ним Индией и Ираном. Нужно было позаботиться и о внутренней обстановке в стране, ибо подобная быстрая смена ориентиров вызвала сильнейший взрыв недовольства мусульманского населения Пакистана.

Поэтому переход на новые позиции Исламабад осуществил не сразу. Он еще пытался отделить талибов от У. бен Ладена и его «Аль-Каиды» и тем самым спасти первых. Вскоре после 11 сентября в Афганистан были посланы две делегации — официально-государственная и духовных лиц. Они вели переговоры с политическими лидерами и религиозными деятелями Кабула, буквально умоляя их понять серьезность ситуации и избавиться от столь сильного раздражителя США и тем самым предотвратить «акцию возмездия» против самих талибов. Но все было напрасно. Талибы вновь и вновь отказывались выдворить бен Ладена.

После этого пакистанцы пытались в какой-то мере уберечь талибов от полного разгрома и ослабить значение Северного альянса. Была выдвинута идея о привлечении к власти так называемых «умеренных талибов», которые заменят старое, негибкое, неспособное ни к каким переменам руководство движения «Талибан». В какой-то мере эту идею поддерживали США, которые также не хотели единовластия Северного альянса. В западной прессе много говорилось о тайном пребывании в октябре представителей «умеренных талибов» во главе с В. Мутаваккилем и о встрече их с находившимся тогда в Пакистане госсекретарем США К. Пауэллом³⁴. В дальнейшем Пакистан и США, опасаясь усиления Северного альянса, выступали против взятия ими Кабула до создания новой власти, а затем — за его демилитаризацию. Обе страны при образовании временной афганской администрации прилагали усилия по ослаблению в ней позиций Северного альянса. Пакистан после краха талибов и неудач с привлечением «умеренных талибов» держал курс на усиление позиций пуштунов. Он поддержал бывшего короля Захир Шаха и положительно отнесся к утверждению главой временной афганской администрации одного из пуштунских лидеров Хамида Карзая.

Пакистанское правительство стремилось также установить контакты и с другими афганскими политическими группами, прежде всего с наиболее сильной из них — Северным альянсом. В ходе конференции в Бонне представителей основных политических сил Афганистана (конец ноября — начало декабря 2001 г.), где формировалась временная афганская администрация, П. Мушарраф зая-

вил о поддержке создания в Афганистане правительства на широкой основе и о признании Северного альянса и всех групп, входящих в него. Несколько раньше появились сообщения, что Северный альянс и Пакистан вступили в диалог. Контакты между ними были инициированы при посредничестве Ирана и Турции и получили одобрение США³⁵.

В феврале 2002 г. состоялся первый визит Х. Карзая в Пакистан, в ходе которого он призвал «забыть прошлые обиды и начать новую эру сотрудничества между Афганистаном и Пакистаном». В самом начале апреля последовал визит П. Мушаррафа в Афганистан. В ходе переговоров стороны подтвердили намерение не позволять использовать свои территории друг против друга. Были достигнуты соглашения о совместной борьбе с производством и сбытом наркотиков, а также с терроризмом. Обсуждены были проблемы восстановления воздушного сообщения, организации транзитной торговли, участия Пакистана в восстановлении инфраструктуры и энергосистемы соседнего государства.

Хотя Пакистан осудил террористические акты против США как «жесточайший акт насилия», он не сразу во всем поддержал США и некоторое время пытался занимать некую «среднюю линию». Однако вскоре официально Пакистану пришлось отказаться от этого и перейти к активному участию в акциях мирового сообщества против талибов и «Аль-Каиды». Этому содействовали широкие солидарные международные усилия по проведению антитеррористической кампании в Афганистане, с одной стороны, и довольно вялая реакция на эти действия со стороны руководства многих мусульманских стран — с другой. Кроме того, участие Пакистана в антитеррористической кампании открывало перед ним перспективы широкого сотрудничества с западным миром и освобождение от тяжелых финансово-экономических и торговых ограничений. В конце сентября 2001 г. Дж. Буш объявил о снятии санкций с Пакистана и Индии. Тем самым Вашингтон продемонстрировал приоритет борьбы с терроризмом по отношению к проблеме нераспространения ядерного оружия. США объявили об отсрочке выплаты процентов по пакистанскому внешнему долгу и предоставили несколько льготных займов. В Пакистане начал работать Импортно-экспортный банк США. Америка открыла свои рынки для пакистанской продукции. Вслед за США соответствующие шаги сделали и другие доноры Пакистана — Япония, Канада, МВФ и др. В результате улучшилось финансово-экономическое положение страны. Несколько сократилось число афганских беженцев. Стали рассматриваться планы прокладки нефте- и газопроводов из Ирана и Туркменистана в Пакистан через Афганистан. В свою очередь, Исламабад оказывал антитеррористической коалиции значительную поддержку. Он блокировал поставки в Афганистан нефтепродуктов, прекратил транзитную тор-

говлю, заморозил банковские счета высокопоставленных талибских деятелей, военных командиров, духовных лиц. Была закрыта граница с Афганистаном (насколько это возможно, учитывая ее длину — около 2500 км и сложный характер местности). Было налажено сотрудничество американских и пакистанских спецслужб, что выгодно обеим сторонам: информация пакистанской разведки была крайне полезной, поскольку эта разведка долгие годы сотрудничала с талибами, а ЦРУ, хорошо знавшее ситуацию в Пакистане, «наводило» его контрразведчиков на деятелей, так или иначе связанных с исламистами. В начале 2002 г. имел место крупный успех совместной акции двух спецслужб — задержание в Пакистане второго по значению человека в «Аль-Каиде» — Абу Зубейды.

Кроме всего отмеченного выше, Пакистан предоставил США свободу действия в своем воздушном пространстве. И наконец, американцы получили четыре авиавоздушные базы, что имело большое значение для США и их союзников.

Следует отметить, что втягивание Пакистана в антитеррористическую кампанию, возглавляемую США, происходило постепенно. Также постепенно происходило и свертывание дипломатических отношений с правительством талибов. Пакистанское правительство в Кабуле было закрыто вскоре после событий 11 сентября 2001 г. (новая дипломатическая миссия начала свою работу в Кабуле в январе 2002 г.). В конце ноября 2001 г. прекратило свою деятельность «посольство» талибов в Пакистане. Закрывались «консульства» талибов в городах Пакистана. После падения Кабула Пакистан объявил о разрыве дипотношений с режимом «Талибан» (Пакистан сделал этот шаг последним из трех государств, признававших талибский режим).

Подобная «постепенность» втягивания Пакистана в афганские события после 11 сентября во многом определялась внутренними обстоятельствами. Принципиальное изменение политики Исламабада в отношении талибов вызвало огромное недовольство населения. Против «предательства братьев-талибов» в крупных городах Пакистана проходили массовые демонстрации протеста, носившие как антиамериканский, так и антиправительственный характер. Особенно сильными они были в районах, прилегающих к афганской территории и населенных пуштунами. Именно в этих районах Пакистана формы протеста были наиболее острыми, и тысячи жителей отсюда переходили границу, чтобы добровольно сражаться на стороне «братьев».

Активизировали свою деятельность и военизированные исламистские организации Пакистана, созданные в свое время при помощи властей и фундаменталистских партий для террористической деятельности в Афганистане и Кашмире. С осени 2001 г. они стали представлять большую опасность и для самого Исламабада. Вообще,

это время было тревожным для режима. Многие наблюдатели допускали возможность прихода к власти исламистов или замены П. Мушаррафа каким-нибудь традиционалистски настроенным генералом. Однако ничего этого не произошло. Все многочисленные экстремистские организации не могли противостоять пакистанской армии — крупной по численности, хорошо обученной и вооруженной. Что касается переворота внутри руководства вооруженных сил, то такого в Пакистане никогда не было. Не случилось этого и на сей раз. Пакистанская армия еще раз продемонстрировала приоритет профессионально-корпоративного единства, строгой дисциплины, безоговорочного подчинения своему руководителю.

Угроза со стороны религиозного экстремизма заставила пакистанские власти, пожалуй, впервые в истории страны принять меры по ограничению исламистского радикализма (определенную роль в этом сыграло давление мирового общественного мнения, США, Индии, других стран). Власти запретили некоторые наиболее экстремистские организации, провели аресты их лидеров и активистов, закрыли офисы этих организаций, взяли под контроль их финансовые источники и банковские счета. В начале 2002 г. был запрещен Объединенный совет джихада — коалиция из 16 экстремистских группировок. Имеющиеся в стране тысячи религиозных школ-медресе, которые долгие годы готовили исламистских террористов, были взяты под контроль правительства, которое приняло меры по превращению их в обычные учебные заведения. Власти провели чистку высшего комсостава вооруженных сил и разведывательных органов, а также среди ученых-ядерщиков.

Генерал П. Мушарраф заявил о стремлении уничтожить экстремизм и терроризм. Но при всем желании, если оно даже есть, сделать это нелегко. В течение многих лет в стране готовили боевиков-террористов как «солдат ислама» сражаться и с «неверными» в Афганистане и Кашмире, и с «предателями ислама» в самом Пакистане. Пойти против этой насаждаемой многими годами идеологии и разрушить созданные структуры — дело долгое и трудное. Да к тому же в страну через сложную по рельефу и плохо охраняемую границу по-прежнему продолжает проникать немалое число талибов, членов Исламского движения Узбекистана, других исламистских организаций. Северные районы Пакистана стали своеобразным резервуаром, куда стекаются недобитые талибы и аль-каидовцы.

Одним из результатов сложных процессов, происшедших в Пакистане под влиянием афганских событий, стал невиданный до сих пор рост политического ислама. Основные фундаменталистские партии, создавшие коалицию «Муттахида Маджлис — Амаль» (ММА) — «Объединенный совет действия» — превратились в важную составляющую политической жизни Пакистана, основную силу оппозиции. Так, по итогам всеобщих парламентских выборов в октябре 2002 г.,

ММА прочно вошел в тройку лидеров. Это следует расценить как большой политический успех фундаменталистов — в прошлом ничего подобного не было.

Думается, что борьба с религиозным экстремизмом предстоит длительная и упорная. Полного успеха в этой борьбе достичь будет очень трудно, тем более, что некоторые правительственные структуры не очень в этом заинтересованы: всегда полезно иметь какой-то резерв в борьбе со светской оппозицией внутри страны и достаточно внушительную силу для действий за ее пределами, особенно в Кашмире.

Участие в антитеррористической акции сопровождалось для Пакистана позитивными внешнеполитическими изменениями. До этого он находился в изоляции на мировой арене, был чуть ли не изгоем международного сообщества. После сентябрьских событий 2001 г. все изменилось. Санкции были сняты. Исламабад превратился в Мекку для лидеров многих стран, а П. Мушарраф стал желанным гостем в столицах западных государств. За короткий срок Пакистан посетили Генеральный секретарь ООН К. Аннан, британский премьер-министр Т. Блэр, канцлер ФРГ Г. Шредер, Президент Турции А.Н. Сезер, госсекретарь США К. Пауэлл, главы внешнеполитических ведомств Германии и Англии, председатель Объединенного комитета начальников штабов США, французский министр обороны, заместитель премьер-министра Канады, директор ФБР США и др. П. Мушарраф посетил США, Китай, Японию, Непал, Казахстан и многие другие страны. В феврале 2003 г. состоялся его визит в Россию. В 2002 г. Пакистан был избран непостоянным членом Совета Безопасности ООН.

Пакистан постоянно получал комплименты от высокопоставленных чинов США. Так, американский министр обороны Д. Рамсфелд заявил 30 ноября 2001 г.: «Пакистан внес значительный вклад в борьбу коалиции против терроризма»³⁶. Это и подобные заявления следует рассматривать не только как благодарность за прошлое, но и как понимание, что будущий успех антитеррористических операций во многом зависит от активного взаимодействия американских и пакистанских военных.

Неплохие отношения сложились у Исламабада и с новой афганской администрацией, которая в своей внешней политике большое внимание уделяет развитию связей с Пакистаном и Ираном. Это обусловлено пониманием роли данных стран в послевоенном развитии Афганистана. Иран и Пакистан оказывают влияние на разные, примерно равные части афганского населения, и заручиться Кабулу их поддержкой — это значит серьезно укрепить собственные позиции. С Пакистаном и Ираном связана проблема многомиллионных афганских беженцев, которая для кабульского правительства весьма сложна, трудна и болезненна. Для Афганистана важную роль играют

нынешние хорошие отношения с США и другими западными странами, от которых много ожидается в деле восстановления и развития экономики страны, внутренней стабильности, подлинного искоренения терроризма.

Пакистан развивает сотрудничество с Афганистаном как на многосторонней основе, так и путем расширения двусторонних контактов. Очень важным было его участие в Международной конференции добрососедства, которая завершилась в столице Афганистана 22 декабря 2002 г. принятием Кабульской декларации о добрососедских отношениях Афганистана и его соседей — Пакистана, Ирана, Китая, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Определенные успехи достигнуты в двусторонних торгово-экономических отношениях. Обе стороны договорились о возобновлении транзитной торговли между ними. По просьбе Кабула Исламабад согласился открыть для товаров, направляющихся в Афганистан, порт Касим на побережье Аравийского моря, а также снизить транспортные пошлины для афганских товаров. Достигнуто соглашение о сотрудничестве в восстановлении основных транспортных магистралей: Чаман—Герат, Чаман—Кандагар, Торкхам—Кабул. Думается, что при возможных в дальнейшем изменениях в правительственных структурах Афганистана курс в отношении Пакистана не будет слишком отличаться от нынешнего, поскольку он отвечает государственным интересам Афганистана.

Естественно, когда Иран и Пакистан оказались в одном антиталибском лагере, отношения между ними существенно укрепились. Активизировался обмен на различных уровнях и направлениях. В начале ноября 2001 г. Тегеран посетил П. Мушарраф. В ходе переговоров обе стороны высказались за развитие двусторонних отношений, за принятие совместных мер в Афганистане в новой ситуации. Во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке П. Мушарраф в ноябре имел встречу с президентом Ирана С.М. Хатами, оба руководителя обменялись мнением о ситуации вокруг Афганистана. Состоялись и другие взаимные визиты крупных государственных деятелей обеих стран. Кроме вопросов, связанных с ситуацией в Афганистане, стороны обсуждали проблемы развития двусторонних отношений, особенно в области торговли и бизнеса. Была достигнута договоренность о создании совместного технического комитета по строительству и эксплуатации газопровода из Ирана в Пакистан, который далее должен протянуться в Индию³⁷.

Сближению Ирана и Пакистана содействовала и заинтересованность стран Запада в совместных действиях ведущих государств — соседей Афганистана в борьбе с радикально-террористическим исламизмом. Также несомненно, что участие Пакистана в разгроме радикального суннитского течения в Афганистане вызвало одоб-

рение влиятельной шиитской общины в Иране, что содействовало улучшению отношений Исламабада и Тегерана.

Совершенно по-другому развивались пакистано-индийские отношения. Вступление обоих государств в антитеррористическую кампанию в Афганистане несколько не сблизило их позиции, но, напротив, еще больше развело. Само участие Пакистана в этой кампании вызвало у индийской стороны недовольство и раздражение, особенно сильными были негативные чувства Дели в связи с быстрым возникновением союза Вашингтона и Исламабада³⁸. Индия была недовольна тем, что международная антитеррористическая акция была ограничена борьбой с талибами и «Аль-Каидой» и не учитывала террористическую деятельность в Кашмире боевиков, подготовленных в Афганистане и Пакистане. В Дели постоянно заявляют о своем законном праве бороться «с терроризмом через границу».

В Индии надеялись, что поражение талибов будет означать прекращение вооруженных террористических вылазок и в Кашмире. «Крах религиозного фанатизма в Афганистане, — указывал индийский премьер-министр А.Б. Ваджапай, — это предвестник мира в Кашмире»³⁹. В действительности происходило обратное. Осенью 2001 г. сепаратистские экстремисты серьезно активизировались в Кашмире. Участились теракты, вылазки исламистов, нападения на индийские военные объекты. Одновременно осложнилось положение на «линии контроля», разделяющей Кашмир на индийскую и пакистанскую части. Здесь увеличились столкновения, перестрелки, артиллерийские дуэли. С обеих сторон к границе были придвинуты воинские части численностью до 1 млн. человек. В боевых порядках войск находились ракеты, способные нести ядерные боеприпасы. Между двумя странами был свернут переговорный процесс.

Военно-политическое противостояние Индии и Пакистана не переросло в военное столкновение. Большую роль в этом сыграли руководители Китая, США, России и других стран, убедившие Дели и Исламабад воздержаться от военных действий. Сдерживающую роль, по всей видимости, сыграло и наличие у противников ядерного оружия. Сам Пакистан, как уже отмечалось, пошел на определенные меры по сдерживанию террористической деятельности. Генерал П. Мушарраф заявил о стремлении уничтожить экстремизм и терроризм. Он заявил, что даже в Кашмире терроризм не может быть использован и что «ни одной организации не будет позволено заниматься терроризмом во имя Кашмира»⁴⁰. Правда, чтобы ослабить обвинения в предательстве «братьев», генерал обещал продолжать «моральную, политическую и дипломатическую поддержку борьбы кашмирцев».

Предпринятые Исламабадом меры по ограничению разгула терроризма были положительно встречены в Дели, но расценены как

недостаточные. Индия требует полного прекращения поддержки Пакистаном «трансграничного терроризма», а также выдачи лиц, виновных в совершении преступлений на индийской территории. Только после этого Индия может пойти на возобновление переговоров с Пакистаном. Нет сомнения, что подобное положение в стане победителей препятствует решению дальнейших, еще более трудных задач уничтожения в Афганистане корней терроризма, развития экономики, налаживания новой жизни.

* * *

Когда Пакистан принял решение о разрыве с талибами и присоединении к антитеррористической операции, казалось, что его позиции в регионе ослабнут. Отказ от такой реальной и значительной силы, которой являлись талибы, представлялся невосполнимой потерей. Однако последующие события показали правильность предпринятого Исламабадом шага. Пакистан, подключившись на ранней стадии к антитеррористической коалиции, извлек из этого максимум пользы. Он остался важным участником уже новых процессов в Афганистане, сохранил свои посреднические функции и связи со многими политическими деятелями, а также роль «перевалочного пункта».

Пакистан восстановил свое положение на мировой арене, избавился от суровых международных санкций, обеспечил себе благоприятные торгово-экономические условия и поступления иностранной помощи. Прежний путь с талибами был бесперспективен, он ничего не давал Пакистану и лишь доставил бы ему большие внутренние и внешние неприятности.

В заключение отметим, что основные цели «афганской политики» Пакистана, несмотря на все ее изменения за прошедший период, остались прежними. Пакистан всегда выступал за урегулирование афганского кризиса, но на определенных условиях. Прежде всего он заинтересован в установлении в Афганистане дружественного режима. Сейчас в этом плане у него неплохие перспективы. Заинтересован Пакистан и в сохранении единства афганского государства, ибо в противном случае произойдет его раскол по этническому признаку, что приведет к возникновению самостоятельной пуштунской государственности, и тем самым — к серьезной угрозе Пакистану с его значительным пуштунским населением. В то же время Исламабад заинтересован в существовании в Афганистане слабого центрального правительства, которому будет не до использования проблемы Пуштунистана и которое вообще будет в большой степени нуждаться в поддержке крупного соседнего государства. В интересах Пакистана — существование в Афганистане широкой правительственной коалиции, поскольку участие в ней соперничающих

сторон — залог слабости центрального правительства. Все эти факторы в Афганистане сейчас налицо и, по всей видимости, будут существовать и в дальнейшем.

ИНДИЯ. Внимание Индии к событиям внутри и вокруг Афганистана традиционно определялось комбинацией различных факторов глобального и регионального характера. В научной литературе, во всяком случае до самого недавнего времени, Афганистан включался в понятие «Южная Азия». До раздела Британская Индия имела общую границу с Афганистаном, «линию Дюранда», правомерность которой как границы между Пакистаном и Афганистаном оспаривается до сих пор. При нынешнем межгосударственном разграничении и фактическом разделе Кашмира Индия лишилась общей границы с Афганистаном. В любом случае Индия и Афганистан находятся в едином геополитическом пространстве и Индия рассматривает Афганистан как находящийся в сфере ее жизненных интересов.

Именно этим определяется естественная заинтересованность Дели в стабильности в сопредельном регионе, в прекращении вооруженных столкновений внутри Афганистана и внешнего вмешательства в его внутренние дела, в сохранении его территориальной целостности, в незыблемости существующих границ. Для многонациональной, поликонфессиональной Индии как федеративного государства с проявлениями сепаратизма в ряде стратегически важных регионов последние обстоятельства имеют особо важное значение.

Нельзя сбрасывать со счетов исторические корни индо-афганских отношений, дружественные политические, экономические, культурно-цивилизационные связи между народами. Не случайно именно Индия приняла у себя несколько потоков афганских беженцев, именно в Индии до сих пор находится семья казненного талибами президента Афганистана Наджибуллы.

Отсутствие общей границы, казалось бы, снижало опасность дестабилизации внутренней обстановки в Индии и угрозу ее национальной безопасности в связи с многолетним кровопролитием в Афганистане, если бы две страны не разделялись Пакистаном — государством, которое находится в состоянии длительной и времеменами острой конфронтации с Индией, непосредственно вовлеченным в противостояние противоборствующих сил в Афганистане и поддерживавшим и официально признавшим (наряду с Саудовской Аравией) режим исламских экстремистов из движения «Талибан». Индия же фактически поддерживала и поддерживает в Афганистане силы, враждебные Пакистану. Поэтому Дели вырабатывает свою афганскую политику в значительной степени сквозь призму отношений с Пакистаном и его политики в Афганистане и в регионе, в том числе с учетом состояния кашмирской проблемы.

Индийская дипломатия учитывала и возможное воздействие афганских событий на внутривнутриполитическую обстановку в Пакистане с учетом того, что она была не заинтересована в каких-либо серьезных переменах в Пакистане: его распаде, усилении внутривнутриполитической борьбы, приходе к власти военного режима и т.д., осознавая, что это может негативно сказаться на состоянии индо-пакистанских отношений, не говоря уже о возможных непредсказуемых последствиях для ситуации в самом Афганистане.

Наконец, свои действия в отношении Афганистана Индия осуществляла с учетом так называемого исламского фактора, ни на минуту не забывая, что населяющее ее «мусульманское меньшинство» насчитывает более 120 млн. человек. Поэтому приход к власти в Афганистане исламских экстремистов из движения «Талибан» по определению не мог не вызывать беспокойства Дели с учетом действия исламского фактора в самой Индии.

После дезинтеграции Советского Союза поддержание нормальных добрососедских отношений с Афганистаном стало для Индии необходимым условием развития ее отношений с новыми независимыми государствами Центральной Азии. От ситуации в Афганистане зависят возможности для Индии развивать экономическое сотрудничество с центральноазиатским миром, так как через его территорию проходят все коммуникационные связи между Южной и Центральной Азией.

Следует вспомнить также, что в момент ввода и в период пребывания советских войск в Афганистане Индия, несмотря на принципиальную позицию осуждения всякого вооруженного вмешательства одного государства во внутренние дела другого, не выступала с прямым осуждением советского вторжения в Афганистан из-за нежелания нарушать гармонию в отношениях со своим великим военно-политическим союзником — СССР. В последнее десятилетие ситуация кардинально изменилась — советские войска ушли из Афганистана, Советского Союза больше не существует, а отношения с Россией (которая, по мнению многих аналитиков, утратила былое могущество и авторитет сверхдержавы) постепенно восстанавливались на новой основе. Позиции России и Индии по афганскому вопросу традиционно близки или практически совпадали.

Еще в марте 1996 г., накануне визита в Индию тогдашнего министра иностранных дел России Е.М. Примакова, индийская газета «Хиндустан таймс» отмечала сходство позиций России и Индии, осудивших захват талибами значительной части территории Афганистана и вмешательство Пакистана, США и некоторых стран Персидского залива во внутренние дела страны, расценив эти действия как угрозу региональной безопасности и как содействующие распространению исламского фундаментализма. Стороны высту-

пили за мирное политическое урегулирование ситуации путем переговоров между враждующими группировками.

Афганская тема фигурировала и в ходе переговоров в Индии в октябре 1996 г. тогдашних министра обороны России И. Родионова и премьер-министра Индии Д. Говда, которые выступили против фундаменталистских и экстремистских сил и призвали страны региона воздерживаться от вмешательства во внутренние дела других государств.

Кроме России и Индии прямое вмешательство Пакистана в афганские дела и поддержку им движения «Талибан» осудил и Иран, который заинтересован в формировании постоянно действующего торгового пути в республике Центральной Азии через территорию Афганистана, что невозможно без установления там стабильного режима. В этот проект вовлечена и Индия, которая в случае стабилизации обстановки в регионе сможет использовать иранский порт Бендер Аббас для выхода в районы Центральной Азии.

В ходе переговоров с министром иностранных дел Ирана Али Акбар Велаяти была подтверждена общность позиций двух стран в оценке афганской ситуации. Вице-президент Индии К.Р. Нараянан во время визита в Иран в конце октября 1996 г. заявил, что Индия и Иран должны совместными усилиями способствовать установлению мира в Афганистане и предотвратить укрепление стратегических позиций внерегиональных держав в этой стране и во всем регионе.

Кроме того, по инициативе Ирана в последних числах октября 1996 г. в его столице состоялась международная Конференция друзей Афганистана на уровне министров иностранных дел с целью поисков регионального решения афганской проблемы. В ней приняли участие Россия, Иран, Индия, Китай, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Киргизия, представители ООН и ОИК. Характерно, что получивший приглашение последним Пакистан отказался от участия в Конференции на том основании, что считает такого рода форумы бесполезными, пока сами афганцы не начали вести переговоры между собой.

Выступая 4 ноября 1996 г. в Хараре на брифинге, министр иностранных дел Индии И.К. Гуджрал, в частности, отметил важность выдвинутой Ираном региональной инициативы созыва Конференции и напомнил, что некоторые страны (он имел в виду Пакистан) выступали против участия Индии в региональных действиях по урегулированию афганской ситуации, и именно Иран настоял на ее привлечении как крупнейшей региональной державы, которая не должна оставаться в стороне от этих действий⁴¹.

Одновременно Индия подвергалась давлению со стороны тех международных сил, которые поддерживали установление в Афганистане режима талибов. Так, посетивший Индию в октябре 1996 г.

министр обороны Саудовской Аравии пытался убедить Дели отказаться от сотрудничества с Тегераном в афганском вопросе, однако руководство Индии посчитало, что альянс между Саудовской Аравией, Пакистаном и США наносит вред интересам Индии в Афганистане.

Говоря о формальной стороне вопроса, следует отметить, что в момент резкого обострения ситуации в Афганистане в связи с успешным наступлением талибов МИД Индии 12 октября 1996 г. выступил с официальным заявлением, в котором выражались возмущение казнью бывшего президента Наджибуллы (семья которого оставалась на территории Индии) и глубокая озабоченность возобновлением активных военных действий, усилением исламской фундаменталистской и экстремистской идеологии и нарушением прав человека. Индийское правительство подтвердило заинтересованность в единстве, независимости и территориальной целостности Афганистана и призвало к мирным переговорам между афганскими группировками без вмешательства внешних сил. В заявлении поддерживались усилия ООН и была выражена готовность Дели участвовать во всех международных действиях, направленных на урегулирование ситуации в Афганистане.

16 октября 1996 г. постоянный представитель Индии в ООН Пракаш Шах на заседании Совета Безопасности выступил со специальным заявлением по поводу положения в Афганистане. В основных чертах он повторил положения, высказанные в заявлении, напомнил, что Индия по-прежнему официально признает правительство президента Б. Раббани. По мнению Дели, как только гражданская война в Афганистане закончится или, по крайней мере, начнет сходиться на нет, великие державы и соседние страны должны договориться о том, что Афганистан не будет впредь использоваться внешними силами в своих интересах. Индия была одним из инициаторов проведения конференции по Афганистану под эгидой ООН, состоявшейся в ноябре 1996 г. в Нью-Йорке, в которой участвовали представители 19 государств, включая США, Пакистан, Иран, государства Центральной Азии (кроме Таджикистана), Турцию, Китай, ведущие европейские державы и др. Индийский представитель К. Рагхунатх выступил за предоставление народу Афганистана возможности самому решать свою судьбу, без всякого вмешательства извне, высказался за необходимость прекращения насилия и демилитаризацию Кабула с тем, чтобы создать условия для процесса политического урегулирования. Конференция высказалась за уважение единства, целостности и суверенитета Афганистана⁴².

После 1992 г. резко усилилось проникновение на территорию Кашмира афганских моджахедов-террористов, прошедших специальную подготовку в лагерях, расположенных на приграничной Индии территории Пакистана. События в Афганистане после паде-

ния режима Наджибуллы расценивались в Индии как противоречащие интересам ее безопасности еще и потому, что ситуация была использована Пакистаном, в том числе и с целью интернационализации кашмирской проблемы. Значительная часть западного оружия, поставлявшегося афганским муджахидам, была переправлена кашмирским сепаратистам, резко активизировавшимся в конце 80-х годов⁴³.

Многие аналитики сходятся во мнении, что, несмотря на заявления о готовности принять активное участие в афганском урегулировании, на практике Индия была вынуждена играть скорее пассивную роль, что можно объяснить как стремлением Пакистана не допустить ее к процессу урегулирования, так и отсутствием реальных рычагов воздействия на ситуацию⁴⁴.

С конца лета 1999 г. индийское руководство демонстрировало готовность изменить на 180 градусов свой подход в отношении проблем Афганистана. Так, 31 августа 1999 г. министр иностранных дел Индии Джасвант Сингх в беседе с журналистами в Дели заявил о решении правительства А.Б. Ваджпай пересмотреть официальную политику страны в отношении Афганистана и перейти от видимого «безразличия» к необходимой «активности»⁴⁵. Два высокопоставленных индийских дипломата в связи с этим были направлены в Вашингтон, где 2 сентября 1999 г. вели переговоры с помощником государственного секретаря США по делам Южной Азии К.С. Индерфертом относительно мер противодействия активной подпольной террористической деятельности в странах региона после захвата талибами 90% территории Афганистана⁴⁶.

Коренные причины активизации и ужесточения политики Индии в отношении Афганистана следует искать в событиях как внутри и вокруг Афганистана, так и в ситуации в регионе и на глобальном уровне. Они кроются прежде всего в вышедших за пределы страны и региона последствиях утверждения там у власти движения «Талибан», повлекшего за собой установление жесткого исламского ортодоксального режима со всеми вытекающими последствиями, прежде всего как для самого Афганистана, так и для его общения с внешним миром. Правда, все попытки талибов добиться международного признания, в том числе и ООН, не увенчались успехом. Этому препятствовали, в первую очередь, нарушения прав человека на территориях, контролируемых талибами, в особенности в отношении женщин, положение которых возвращало их к периоду глубокого Средневековья. Негативную реакцию в мире вызывали явное нежелание талибов попытаться мирным путем урегулировать взрывоопасную ситуацию в стране, их поддержка международного терроризма и участие в контрабанде наркотиков. Талибы открыто поддерживали «главного международного террориста» — Усаму бен Ладена, который был замешан в организации многочисленных террористических

актов во многих странах мира, в том числе и взрывов в американских посольствах в Дар-эс-Саламе и Найроби. Ему было предоставлено в Афганистане политическое убежище, что вызвало резко негативную реакцию мирового сообщества. Инициатором осуждения талибов, вплоть до введения против них международных политических и экономических санкций, выступили США, которые вместе с Саудовской Аравией и Пакистаном по существу создавали, а затем содействовали укреплению позиций движения «Талибан». Изначально расчет был на то, что победа талибов окончательно ликвидирует все последствия пребывания у власти «просоветского» режима Наджибуллы и будет способствовать стабилизации положения в Афганистане, а сам их режим, по мнению представителей Госдепартамента США, «хотя и является фундаменталистским, однако не следует принципам антиамериканизма по типу иранского»⁴⁷. Следует вспомнить также, что одной из целей Запада было стремление создать противовес укреплению позиций Ирана, который в глазах США и их союзников — Саудовской Аравии и Пакистана — являлся их стратегическим и политическим противником, или соперником, в регионе. Стремление «сдерживать» Иран усиливалось по мере укрепления ирано-индийского сотрудничества в Центральной Азии. Однако последующие известные действия талибов в Афганистане привели к повороту в американской политике поддержки движения «Талибан» как единственной стабилизирующей силы в стране, а предоставление им гостеприимства бен Ладену было воспринято с осуждением и беспокойством.

В результате бен Ладен был объявлен «врагом номер один» для США, которые потребовали его депортации в США, Египет или Саудовскую Аравию для начала над ним судебного процесса, а за помощь в его поимке обещано 5 млн. долл.⁴⁸

«Главный международный террорист», со своей стороны, объявил джихад двум странам — сначала Соединенным Штатам, а затем и Индии. Заявление о священной войне против Индии было сделано в начале октября 1999 г. в Джелалабаде. В нем, в частности, говорилось: «Нашими самыми большими врагами являются США и Индия, и мы должны преподать им хороший урок». Далее в заявлении сказано, что «действия Индии в Кашмире убийственны» и бен Ладен готов «помогать кашмирским муджахидам». При этом все «джихадские» соединения боевиков, в том числе и в Пакистане, должны объединиться в борьбе против двух государств — США и Индии⁴⁹.

Таким образом, Индия оказалась одним из объектов террористической деятельности, организуемой и вдохновляемой с территории соседних государств, и именно штат Джамму и Кашмир стал объектом открытых угроз вмешательства со стороны самых известных террористов — бен Ладена и афганских муджахидов.

Ситуация, сложившаяся в различных частях мира, ставших ареной открытых незаконных вооруженных действий, таких как бывшая Югославия, Чечня, Дагестан или страны Африки, показывает, что международный терроризм действительно превратился в «угрозу номер один» безопасности и стабильности на глобальном уровне, для всего мирового сообщества, и именно этот глобальный фактор оказал непосредственное воздействие на внесение корректив во внешнеполитические приоритеты Индии: изменение позиции Индии в отношении Афганистана и движения «Талибан» понятно и оправдано.

Важнейшим фактором, определившим озабоченность Индии в связи с событиями в Афганистане, стало доказанное многочисленными свидетельствами участие проникающих из соседнего Пакистана афганских муджахидов в террористической деятельности на территории индийского штата Джамму и Кашмир.

Отдельные факты такого участия были известны еще в период войны в Афганистане в 80-х годах. Эта война привела к широкому распространению оружия по всему региону и вызвала эскалацию насилия. Муджахиды из Афганистана действовали в составе таких групп, как «Харкут аль-Ансар» и «Аль Фаран», которые позднее, в 1995 г., оказались замешаны в захвате в Кашмире пяти западных туристов. Как сообщалось, такого рода «иностранцы» воинствующие группы могли проникать в Джамму и Кашмир только через территорию Пакистана⁵⁰.

Численность боевиков афганского происхождения в Кашмире постоянно менялась. В сети Интернет имеется специальная страница «Правда о Кашмире», на которой в марте 1999 г. была представлена статья «Талибан и Кашмир»⁵¹. Ее авторы приводят точку зрения ряда аналитиков в Кашмире и Индии, утверждающих, что в результате победы талибов в Афганистане увеличился приток в Кашмир исламских боевиков с целью участия в необъявленной войне против Индии. Однако авторы статьи полагают, что вряд ли кашмирцы с традиционной совместимостью и религиозной терпимостью населяющих Джамму и Кашмир мусульман, а также буддистов и индуистов будут готовы принять талибов со всеми их исламскими экстремистскими и фундаменталистскими принципами и моралью. Для кашмирцев афганское владычество в Кашмире с 1752 по 1819 год связано с воспоминаниями о терроре и жестокости, поэтому, как отмечается в статье, привлечение некоторыми экстремистскими группировками к участию в «необъявленной войне» в Кашмире талибов расценивается как «шокирующее и безответственное». Таким образом, талибам вряд ли удастся прочно укрепиться в Кашмире, создав там свои базы.

Это не означает, однако, что афганские муджахиды не участвовали и не участвуют в вооруженной борьбе на территории штата

Джамму и Кашмир. Они находятся на территории Индии, однако их численность не так уж велика. Тот же источник приводит печальную статистику: процент афганцев из общего числа убитых в Кашмире иностранных наемников. Конечно, такого рода статистика не может прямо отражать реальное число наемников, участвовавших в военных действиях, однако некоторое представление по этим данным получить можно. Так, в 1993 г. афганцы составили 62% погибших, в 1994 — 42%, в 1995 г. их число снизилось до 14%, по-видимому, в связи с резким обострением борьбы внутри самого Афганистана. В 1996 г., уже после захвата талибами Кабула и большей части территории страны, их процент вновь поднялся до 41, а затем снова стал постепенно сокращаться: в 1997 г. — до 23% и в 1998 г. — до 19%.

Как уже отмечалось, с начала мая 1999 г. и в течение последующих трех месяцев в районе Каргил на севере индийского штата Джамму и Кашмир развернулись боевые действия между индийскими воинскими подразделениями и исламскими боевиками, которые перешли линию фактического контроля, разделяющую Индию и Пакистан, и таким образом незаконно вторглись на территорию Индии.

В составе боевиков помимо пакистанских военнослужащих и местных борцов за пересмотр существующего статуса штата Джамму и Кашмир действовали прошедшие специальную подготовку в лагерях на территории Пакистана муджахиды из других исламских государств, прежде всего из Афганистана, которые обучались не только в лагерях, но и непосредственно в боевых условиях в разных частях мира — от самого Афганистана до Югославии, Таджикистана, Дагестана, Чечни и др. Участие афганских боевиков в антииндийских военных действиях в Каргиле неоднократно подтверждалось в сообщениях мировой прессы и информационных агентств. Об этом сообщили агентство Рейтер⁵², лондонская газета «Экономик таймс»⁵³, немецкая «Ди Вельт»⁵⁴. Об этом писал в «Интернэшнл геральд трибюн» известный эксперт по Среднему Востоку С. Харрисон⁵⁵.

Р. Шур пишет в голландской газете «Хандельсблат», что после окончания активной борьбы в Афганистане «у тысяч исламских борцов оказались развязаны руки для нового джихада, священной войны против индусских правителей исламской Кашмирской долины, для чего они обучались в дюжине лагерей и медресе (школ по изучению Корана) таких фундаменталистских групп, как «Лашкар-е-тайаба» и «Хизб-уль-муджахидин», расположенных в пакистанском Азад Кашмире и Афганистане»⁵⁶.

Известный индийский эксперт по проблемам обороны и безопасности директор Института оборонных исследований и анализа Джасджит Сингх в статье «Четвертая война с Пакистаном» в числе причин, по которым Пакистан начал агрессию против Индии, называет, например, такую, как стремление установить с помощью муджахидов из движения «Талибан» коридор для военных поставок

через линию фактического контроля, перерезать и захватить дорогу от перевала Зоила до столицы Ладакха города Лех и таким образом осложнить доступ для индийской армии в район Ладакха. Кроме того, как считает Дж. Сингх, отряды муджахидов из движения «Талибан» могут использовать занятые Пакистаном позиции на высотах Драсс—Каргил—Баталик, чтобы занять Ладакх, а затем проникнуть в Кашмир с севера, в результате чего Индия с трудом сможет удержать район ледника Сиачин и сам Ладакх, а оттуда — прямой доступ в Кашмирскую долину⁵⁷. Таким образом, пакистанские стратеги стремились в полной мере использовать готовых им служить афганских наемников.

В ходе военных действий боевики широко использовали западное оружие, включая ракеты «Стингер», поставлявшиеся США для борьбы против советских войск и «просоветского» режима в Афганистане. Так, индийская газета «Индиан экспресс», ссылаясь на официальные источники, сообщила, что проникшие на территорию Кашмира боевики, включая солдат пакистанской армии и афганских муджахидов, использовали ракеты «Стингер», официально считавшиеся «пропавшими». ЦРУ предприняло попытку скупить оставшиеся после ухода советских войск «Стингеры» за 8 тыс. долл. каждый, но официальные источники сообщили, что им удалось обнаружить лишь их незначительную часть, а 120 штук объявлены «пропавшими». Именно эти ракеты использовались боевиками для противодействия индийским войскам, и именно этими ракетами были сбиты два индийских МИГа и вертолет МИ-17 индийских ВВС в ходе бомбардировок укреплений боевиков в конце мая 1999 года в районе Каргил⁵⁸.

Как представляется, именно события в Каргиле и активное участие в них на стороне Пакистана афганских муджахидов стали той последней каплей, которая переполнила чашу терпения индийских руководителей и окончательно привела их к осознанию необходимости внести коррективы в политику в отношении Афганистана. Эти события совпали с объявлением бен Ладеном джихада одновременно Индии и США. При этом Вашингтон прямо обратился к руководству талибов с требованием немедленной выдачи «террориста номер один», однако талибы не захотели предать своего «почетного гостя» для того, чтобы добиться одобрения США. По-видимому, с этим обстоятельством и были связаны начало индийско-американских консультаций по Афганистану и разработка возможных действий в отношении движения «Талибан». Таким образом, индийская и американская позиции в отношении Афганистана и движения «Талибан» объективно совпали. Следует вспомнить также, что, несмотря на давние союзнические отношения с Пакистаном, в момент индо-пакистанского конфликта в Каргиле США признали факт незаконного вторжения Пакистана на территорию Индии и поддер-

жали ее требования о немедленном выводе пакистанских воинских подразделений, боевиков и афганских муджахидов с индийской территории.

Афганистан оказался в эпицентре серьезных политических и военно-стратегических катаклизмов после страшного преступления, совершенного исламистами-камикадзе 11 сентября 2001 г. Именно на Афганистан обрушилась кара за террористические акты, совершенные в Нью-Йорке и Вашингтоне, так как именно здесь, на контролируемой талибами территории нашел убежище идеолог и организатор этих преступлений Усама бен Ладен.

В течение первой же недели после террористического акта 11 сентября, во время которого погибли как минимум 250 индийцев, Индия заявила о готовности оказать поддержку США и Великобритании в осуществлении ими карательных акций в отношении талибов, включая предоставление возможности дозаправки для самолетов антитеррористической коалиции на военных базах Индии. 29 сентября направлявшийся в Центральную Азию военно-транспортный самолет ВВС США «Геркулес C-130» совершил промежуточную трехчасовую посадку для дозаправки на базе индийских ВВС Палам близ Дели. Кроме того, индийское руководство передало Соединенным Штатам разведывательные данные о деятельности руководства «Талибан» и террористических групп, действующих на территории Афганистана, полученные из записей переговоров кашмирских боевиков с их агентами в Афганистане с использованием спутниковой связи. Наконец, Индия передала видеокассеты с записью занятий в тренировочных лагерях, расположенных на «пакистанской» части Кашмира, где в качестве мишеней для стрельбы использовались фотографии президента США Б. Клинтона. Индия была готова предоставить США и свои военные базы для постоянного базирования, однако необходимость в этом отпала в связи с активной поддержкой действий антитеррористической коалиции со стороны президента Пакистана генерала П. Мушаррафа, который таким образом — и достаточно успешно — добивался возврата тех времен, когда Пакистан выступал в качестве основной опоры американской стратегии в регионе. Это обстоятельство вызывало серьезную озабоченность Индии, которая рассчитывала на то, что активная борьба мирового сообщества с терроризмом поможет ей добиться официального осуждения Пакистана как пособника террористов в Кашмире, вынудит Исламабад принять меры для прекращения террористической деятельности на территории штата Джамму и Кашмир, где действия боевиков, поддерживаемые извне, серьезно дестабилизируют обстановку не только в штате, но и в стране в целом.

Заявив о поддержке антитеррористических действий США и их союзников, руководство Индии рассчитывало на определенные ответные действия и со стороны американских властей. Действительно,

Вашингтон пошел на снятие санкций с Индии (так же как и с Пакистана) и даже выразил осуждение террористических актов на территории Кашмира, однако ожидаемой более конкретной поддержки по кашмирской проблеме Индия не получила. Так, Дели был заинтересован в признании Кашмира зоной террористических действий, включения групп кашмирских боевиков в общий список наиболее опасных террористических группировок, блокировании банковских счетов исламистских кашмирских организаций, осуществляющих террористическую деятельность на территории Индии, и др. Для Индии было бы очень важно признание Вашингтоном причастности Пакистана к экстремистским действиям в Кашмире. Переговоры по этим проблемам проходили в столице США в конце сентября 2001 г., и индийскую сторону представлял советник по проблемам национальной безопасности Б. Мишра. Однако руководство Вашингтона не учло эти просьбы Индии, и индийские аналитики расценивали это как нежелание США предпринимать какие-либо действия против Пакистана, который, полностью поддержав «антитеррористический интернационал», вновь оказался в эпицентре американской политики и американских интересов в Южной Азии. В военных кругах Индии высказывалось мнение, что такое «узкое» понимание Соединенными Штатами «терроризма» вряд ли встретит поддержку в Дели и некоторых других странах, и в этих условиях нет смысла надеяться на то, что американцы предпримут реальные попытки нейтрализовать кашмирских боевиков, напрямую связанных с талибами.

Вырабатывая позицию по афганской проблеме, индийское руководство учитывало точку зрения и России — стратегического союзника Индии, также непосредственно заинтересованной в стабилизации обстановки внутри и вокруг Афганистана.

Традиционно Индия и Россия придерживались в целом сходных или близких позиций в оценке ситуации в Афганистане. Утверждение власти талибов расценивалось как в Москве, так и в Дели как угрожающее их стратегическим интересам в регионе. Совпали их взгляды и при обсуждении вопроса о будущем этой страны после ликвидации правления «Талибан».

В период резкого противостояния в Афганистане в связи с наступлением талибов и Россия, и Индия поддерживали северный альянс. Так, в мае 2000 г. министр обороны России Сергей Иванов заявил о возможности бомбардировок «баз террористов» на территории северного Афганистана, однако эта идея не была реализована. Известно также, что, как сообщила индийская газета «Хинду»

31 октября 2000 г., лидер Северного альянса Ахмад-шах Масуд, со своей стороны, высказался за сотрудничество России и Индии в оказании помощи Северному альянсу в его противостоянии талибам. В октябре 2000 г. одним из результатов визита в Индию Пре-

зидента В. Путина стало создание совместной индийско-российской рабочей группы по Афганистану, которая регулярно проводит консультации и разрабатывает рекомендации по урегулированию афганской проблемы. 22 ноября 2000 г. Индия и Россия совместно обратились в ООН с предложением наложить санкции на режим талибов, если не будет прекращена политика насилия в самом Афганистане и не разорваны его связи с международным терроризмом.

События 11 сентября внесли серьезные коррективы в расстановку политических и военно-стратегических сил в регионе, в первую очередь в связи с мобилизацией всей американской военной мощи при поддержке соратников по антитеррористической коалиции из многих стран Европы, Азии и Америки, против талибов. И Россия, и Индия активно сотрудничали с США и, как представляется, не только с целью уничтожения истоков и ростков терроризма, с которыми обе страны сталкиваются на своих собственных территориях, но и преследуя определенные геополитические и стратегические цели. Находившийся с официальным визитом в Индии в середине октября 2001 г. вице-премьер России И. Клебанов подтвердил, что Россия целиком и полностью разделяет взгляды Индии о необходимости формирования в Афганистане правительства, пользующегося широкой поддержкой основных слоев и групп населения страны. Наконец, афганская проблема детально обсуждалась в ходе визита в Россию премьер-министра Индии А.Б. Ваджпай в начале ноября 2001 г. Президент России В.В. Путин подчеркнул, что Индия должна непосредственно участвовать в процессе урегулирования афганской проблемы, в решении будущего Афганистана. Стороны подписали специальную Декларацию по борьбе с международным терроризмом. Обсуждение этой проблемы находилось в центре внимания сторон и во время визита Президента РФ В.В. Путина в Индию в декабре 2002 г.

Проблемы будущего политического устройства Афганистана начали обсуждаться руководителями стран — членов антитеррористической коалиции еще до того, как с режимом талибов было покончено. Так, в начале октября Россию, Индию и Пакистан посетил с краткими визитами премьер-министр Великобритании Тони Блэр. В ходе переговоров с премьер-министром Индии А.Б. Ваджпай стороны призвали к необходимости установления стабильной власти в Афганистане. А.Б. Ваджпай заявил на пресс-конференции, что Афганистан нуждается в правительстве, которое будет представлять все этнические группы и которое «не будет экспортировать антиправительственную деятельность и экстремизм». Индия и Великобритания осудили любые формы терроризма, в том числе и в регионе Южной Азии.

11 октября 2001 г. министр иностранных дел Индии Джасвант Сингх выступил на пресс-конференции, посвященной развитию

событий в Афганистане. Он напомнил, что Индия традиционно являлась близким партнером Афганистана в его стремлении к экономическому и политическому развитию, оказывала соседней стране разностороннюю помощь и всегда была готова сотрудничать с независимым, пользующимся широкой поддержкой населения, представляющим различные национально-этнические группы правительством Афганистана. Министр информировал о решении правительства Индии предоставить Афганистану гуманитарную помощь, в том числе 1 млн. т пшеницы, палатки, легкие и теплые одеяла, а также медицинскую помощь и возможности реабилитации для жертв террора и военных действий. После того, как на территории Афганистана будут установлены мир и порядок, Индия примет участие в восстановлении народного хозяйства страны, ее инфраструктуры, системы образования и здравоохранения, главным образом под эгидой существующей с 1979 г. Индийской организации по вопросам технического и экономического сотрудничества. Министр информировал также о мерах, предпринимаемых правительством, для координации действий с другими странами, включая США, Великобританию, Россию, Китай, государства Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока. Министр выразил надежду, что в будущем Афганистан никогда больше не будет культивировать на своей территории экстремизм или фундаментализм, не останется мировым центром по торговле наркотиками. «Нейтрализация» Афганистана как базы террористов, ликвидация тренировочных лагерей боевиков, ранее находившихся близ границ Дžамму и Кашмира, а затем переместившихся на территорию Афганистана, вернет эту страну в мировое сообщество и напрямую отвечает национальным интересам Индии.

Тем временем ситуация внутри и вокруг Кашмира резко обострилась, террористические действия не только не сократились, а расширились, напряженность в штате и в стране в целом сохранялась, что привело к резкому обострению отношений с Пакистаном. Террористические акты в Дели (нападение на здание парламента 13 декабря 2001 г.) и столице Кашмира Сринагаре, где при попытке захвата Законодательной ассамблеи штата погибли 38 человек, рассматривались в Дели как организованные и осуществленные боевиками из исламских антииндийских группировок, базирующихся на территории Пакистана. Эти события привели к новому витку конфронтации между Индией и Пакистаном, который рассматривал и рассматривает все происходящее в Кашмире как законную борьбу его народа за самоопределение.

Индия же столкнулась с активизацией антиправительственных выступлений исламистов на всей территории страны, резко осуждающих официальную поддержку Дели карательных действий анти-террористической коалиции против ислама.

После разгрома основных группировок талибов и установления в Афганистане режима, представляющего умеренные политические силы, Индия предполагала, что поддержка кашмирских боевиков, по крайней мере с этой стороны, может быть ограничена, что будет содействовать общей стабилизации обстановки в Кашмире и в стране в целом. Однако этим надеждам, по крайней мере пока, не суждено было оправдаться, и ситуация в Кашмире и вокруг него продолжает оставаться напряженной.

Расчеты Индии на то, что после завершения карательных акций в Афганистане роль Пакистана в американской стратегии может вновь вернуться к состоянию на середину 2001 г., то есть значительно снизиться, также не оправдались. Сомнительно, что подходы Исламабада к кашмирской проблеме, даже при дальнейшей активизации индо-американских отношений, будут пересмотрены, и Индия вряд ли сможет добиться ее решения на своих условиях.

В то же время, по мнению индийских аналитиков, Индии следовало бы, наряду с проведением консультаций с США, продолжить переговоры по афганской проблеме с другими странами Запада, Ираном и государствами Персидского залива, а также с Россией, республиками Центральной Азии, которые сами являются жертвами террористической деятельности на своей территории с участием афганских муджахидов.

В конечном итоге главная задача индийской дипломатии — укрепление регионального мира, стабильности и сотрудничества, и в долгосрочном плане — поиски путей нормализации отношений с Пакистаном. В то же время внутри страны есть определенные политические, религиозные шовинистические силы, которые в меньшей степени заинтересованы в нормализации отношений с Пакистаном как «рассадником» исламского фундаментализма и которые в связи с этим не рассматривают афганские события как наносящие ущерб национальным интересам страны. Тем не менее совершенно очевидно, что Индия в Афганистане имеет свои конкретные интересы, которые она и впредь будет по мере возможности защищать.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Viewpoint. — Lahore, 1978. — May 21. — P. 3.
- 2 The Pakistan Times. — Lahore, 1979. — May 21.
- 3 Pakistan Economic Survey. 1986–1987. Statistics. — Islamabad, 1987. — P. 142.
- 4 Cordoves D., Harrison Selig S. Out of Afghanistan. The Inside Story of the Soviet Withdrawal. — N.Y., 1995. — P. 43–44.
- 5 Military Balance. 1986–1987. — L., 1987. — P. 214.
- 6 Asian Survey. — Berkeley, 1994. — Dec. — P. 1082.

- 7 Viewpoint. — 1982. — June 24. — P. 13.
- 8 Pakistan Economic Survey. 1982–1983. Statistical Annexure. — Islamabad, 1983. — P. 185.
- 9 Muslim. — Islamabad, 1986. — Oct. 30; The Nation. — Islamabad, 1986. — Oct. 22; The New York Times. — N.Y., 1987. — March 25.
- 10 Pakistan Horizon. — Karachi, 1992. — Jan. — P. 88.
- 11 Central Asia. — Peshawar, 1995. — Wint. — P. 32.
- 12 Asian Survey. — 1995. — July. — P. 625.
- 13 Strategic Analysis. — New Delhi, 1997. — Nov. — P. 1175.
- 14 Сегодня. — М., 1996. — 15 окт.
- 15 Pakistan, Afghanistan. Country Report. 2nd quarter 1999. — L., 1999. — P. 24.
- 16 Pakistan Economic Survey. 1997–1998. Statistical Appendix. — 1998. — P. 182.
- 17 Strategic Analysis. — New Delhi, 1997. — Nov. — P. 1182.
- 18 The Nation. — 1999. — Apr. 1.
- 19 The News. — Islamabad, 1998. — Jan. 26; The News. — 1998. — May 24; Pakistan Observer. — Islamabad, 1998. — June 23; The Frontier Post. — Peshawar, 1999. — March 12.
- 20 См.: **Белокреницкий В.Я.** Исламский радикализм в Пакистане: эволюция и роль в регионе // Центральная Азия и Кавказ. — Lulea (Sweden), 2000. — С. 122–131; **Ганковский Ю.В.** Исламское движение талибов и Пакистан // Азия и Африка сегодня. — М., 1998. — № 11. — С. 4–5.
- 21 **Ганковский Ю.В.** Суннитско-шиитское противостояние в Пакистане // Азия и Африка сегодня. — 1999. — № 1. — С. 35–36.
- 22 The Nation. — 1999. — Oct. 5; The News. — 1999. — Oct. 11.
- 23 Советская Россия. — М., 1999. — 14 окт.
- 24 См.: Независимое военное обозрение. — М., 1999. — 9–15 июля. — С. 2.
- 25 Pakistan, Afghanistan. Country Report. 2nd quarter 1999. — P. 9.
- 26 Newslines. — Karachi, 2001. — Oct. — P. 27; 2001. — Nov. — P. 41.
- 27 Pakistan Observer. — 1998. — Jan. 11.
- 28 Дипкурьер. ИТАР—ТАСС. — М., 1998. — № 14. — С. 21–22.
- 29 Khaleej Times. — UAE, 2001. — June 16; The Economist. — L., 2001. — Apr. 14; Коммерсантъ. — М., 2001. — 12 апр.
- 30 Dawn. — 2001. — Aug. 28.
- 31 Ibid. — 2001. — May 4.
- 32 Newsweek. — N.Y., 2001. — Oct 1. — N 4. — P. 31.
- 33 Dawn. — 2001. — Apr. 13.
- 34 The New York Times. — N.Y., 2001. — Oct. 15; International Herald Tribune. — Frankfurt, 2001. — Nov. 2.
- 35 Dawn. — 2001. — Oct. 18.
- 36 The Nation. — Islamabad, 2001. — Dec. 1.
- 37 Ibid.
- 38 The New York Times. — 2001. — Nov. 10.
- 39 The Hindustan Times. — New Delhi, 2001. — Nov. 20.
- 40 Dawn. — 2002. — Jan. 13.
- 41 The Hindustan Times. — New Delhi, 1996. — Nov. 5.
- 42 Ibid. — 1996. — Nov. 20; Indian Express. — 1996. — Nov. 20.

- 43 SIPRI Yearbook 1999: Armaments, Disarmament and International Security. — Oxford: Oxford University Press, 1999. — P. 41–42.
- 44 The Hindustan Times. — 1997. — June 10.
- 45 Mainstream. — Vol. XXXVII. — New Delhi, 1999. — Sept. 4. — N 37. — P. 2.
- 46 Ibid. — 1999. — Sept. 11. — N 38. — P. 35.
- 47 **Stobbdan P.** The Afghan Conflict and Regional Security. International Context.
- 48 The Strategic Analysis. — 1999. — Aug.
- 49 Независимая газета. — 1999. — 6 июня.
- 50 Там же.
- 51 SIPRI Yearbook. — P. 41–42. Taliban and Kashmir. «The Truth About Kashmir», Internet.
- 52 India Says Afghans in Kashmir Intrusion. — Reuters. — 1999. — May 25 // World News, CNN Interactive, Internet.
- 53 It's Pak Private Army, says PoK Leaders // Economic Times. — L., 1999. — June 3.
- 54 The Weltam Sontag // Die Welt. — 1999. — June 13.
- 55 **Harrison Selig.** Kashmir: First Put Pressure on Pakistan to Pull Back // International Herald Tribune. — 1999. — June 16.
- 56 **Schoof R.** Allies leave Pakistan in Lurch // NRC Handelsblad. — Holland. — 1999. — June 20.
- 57 **Singh Jasjit.** Pakistan's Fourth War // Strategic Analyses. — 1999. — Aug.
- 58 Mujahiddin using «missing» Stringers in Held Kashmir // The Nation. — 1999. — June 8.

Проблемы Южной Азии и национальные интересы России

Интерес России к региональным проблемам Южной Азии — огромного региона, находящегося к югу от ее границ, — вполне понятен и объясним в силу целого ряда причин, и соображения, связанные с необходимостью обеспечения ее национальной безопасности, занимают в этом списке далеко не последнее место. Майские 1998 года события в Южноазиатском регионе ознаменовали собой начало нового, ядерного этапа развития региональной ситуации, а на глобальном уровне был нарушен существовавший десятилетия мировой порядок, где признанные пять великих держав являются обладателями ядерного оружия и постоянными членами Совета Безопасности ООН. Подтвердилась и ранее сформировавшаяся точка зрения, что именно Южная Азия, где проживают более 20% населения земного шара, может считаться сегодня наиболее взрывоопасным регионом мира.

Прежде чем детально рассмотреть причины обеспокоенности России в связи с развитием ситуации на Индостане, посмотрим, как сформулированы основные проблемы безопасности России в таких документах, как Концепция национальной безопасности¹ и Военная доктрина Российской Федерации².

Несмотря на позитивные перемены в мире, угрозы национальной безопасности РФ сохраняются в оборонной сфере, и вполне реальная угроза из них — существующие и потенциальные очаги локальных войн и вооруженных конфликтов вблизи государственной границы России и стран СНГ. Поэтому содействие урегулированию региональных и локальных конфликтов, прежде всего политико-дипломатическими, международно-правовыми, экономическими и другими средствами, в том числе и путем миротворческой деятельности, является важным направлением политики РФ по обеспечению своей национальной безопасности.

Потенциальной угрозой российским национальным интересам сохраняется возможность применения и распространения ядерного и других видов оружия массового уничтожения, технологий их про-

изводства и средств доставки, прежде всего в сопредельных с Россией странах или близких к ней регионах. И здесь важнейшая задача России — участие в договорном процессе по сокращению ядерных и обычных вооружений, контролю за распространением оружия массового уничтожения и средств его доставки.

Список реальных и потенциальных угроз национальной безопасности России можно продолжить, упомянув в первую очередь резкое усиление международного терроризма с возможным использованием ядерного и других видов оружия массового уничтожения, сохранение ранее существовавших и формирование новых группировок вооруженных сил в прилегающих к территории России регионах и др. Отмечается необходимость гарантирования для российских производителей таких внешнеэкономических связей, которые обеспечили бы реализацию интересов российских предприятий, способствовали повышению конкурентоспособности отечественной продукции, эффективности производства и экономическому росту. В этой связи серьезную угрозу национальным интересам России может создать возникновение такой ситуации, когда она будет лишена возможности осуществлять поставки зарубежным странам вооружения и военной техники, военных технологий и результатов научно-технической деятельности в военной области, оказывать техническое содействие в создании объектов военного назначения и др. Упоминание в данном случае именно этой сферы внешнеэкономической деятельности России определяется широко известным обстоятельством, что в условиях переживаемых в стране трудностей именно поставки вооружения и военной техники остаются для России одним из важных источников получения валютных средств для государственных нужд, для осуществления конверсии, развития научно-технической и экспериментальной базы оборонных отраслей промышленности, решения огромных социальных проблем.

Южная Азия в контексте российских интересов на южном направлении: историческая перспектива и современность

Как европейско-азиатская держава Россия имеет свои национальные интересы не только в Европе, но и на Ближнем Востоке, в Центральной и Южной Азии, в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В силу хотя бы чисто географических факторов, не говоря уже о многих других, между СССР/Россией и Южной Азией никогда не было и не может быть прямого военного столкновения.

Распад Советского Союза и образование новых независимых государств Центральной Азии географически, казалось бы, отделили Россию от Южноазиатского региона и его сложных проблем и конфликтов, тем не менее Россия и Южная Азия остаются в едином гео-

политическом пространстве. Более того, происшедшие перемены не избавили Россию от опасений, что при определенных обстоятельствах именно здесь может быть нанесен ущерб ее национальным интересам, в первую очередь в оборонной сфере. Вопрос в том, какой именно ущерб и при каких обстоятельствах.

Нельзя забывать, что Южная Азия сопредельна южным границам СНГ, и их таджикско-афганский участок, который, как и другие, защищается российскими пограничниками, является одной из болевых точек региона Центральной Азии. Сохранение здесь напряженности в связи с проникновением с юга террористов, контрабандистов, торговцев наркотиками сопровождается гибелью российских пограничников и солдат, и хотя и не прямо, но косвенно связано с вовлеченностью во внутриафганское противостояние одного из государств Южной Азии — Пакистана.

Окончание холодной войны не внесло кардинальных позитивных перемен в жизнь Южноазиатского региона³, который даже и до того, как Индия и Пакистан обнародовали наличие у них ядерного оружия, представлял собой огромное поле нестабильности. Острые меж- и внутригосударственные проблемы, спорные вопросы оставались нерешенными, вооруженные столкновения продолжались⁴, поскольку, как и в прошлом, они определялись не столько внешними, сколько внутренними факторами. Сердцевинной нестабильности системы межгосударственных отношений в Южной Азии по-прежнему оставалась конфронтация между Индией и Пакистаном, прежде всего из-за Кашмира. Усиливались опасения, что конфликт между ними может стать ядерным⁵.

Для Южноазиатского региона характерно этнонациональное и религиозное многообразие, причем одни и те же этноконфессиональные группы входят в состав различных государственных образований. И если та или иная этническая или конфессиональная группа в одном государстве невелика по численности, то в соседней стране она являет собой весьма внушительную силу, а иногда составляет значительное большинство населения (последователи индуизма и ислама в Индии и Пакистане, тамилы на Шри-Ланке и в Индии и т.д.). Такое соотношение этнорелигиозных сил увеличивает опасность сепаратизма и религиозного экстремизма и создает условия для негативного воздействия внутренних конфликтов на межгосударственные отношения в регионе. Острой остается обстановка на Шри-Ланке, продолжается сепаратистское движение на северо-востоке Индии, антиправительственные выступления в районе расселения племен на территории Бангладеш.

В Индии и Пакистане большого размаха и остроты достигли столкновения на религиозной основе, причем в Пакистане они довольно значительны внутри одной конфессии — ислама, между приверженцами суннизма и шиизма. Борьба в пакистанской провинции

Синд на этнической основе превратили ее в зону постоянной напряженности. В то же время на межэтнические и межконфессиональные взаимоотношения внутри стран Южной Азии крайне негативно воздействуют осложнения в отношениях между самими южноазиатскими государствами. В тесной связи с событиями в Афганистане широкого размаха достиг наркобизнес, контрабанда оружия, участие вооруженных группировок муджахидов в террористической деятельности на территории Кашмира и т.д. Принятые в Пакистане меры против терроризма, в соответствии с которыми были созданы специальные суды с правом выносить смертные приговоры, приговаривать к длительным тюремным заключениям и другим наказаниям, явно недостаточны, чтобы справиться с ним⁶. (См. гл. 9 данной книги.)

Страны Южной Азии, несмотря на довольно значительный экономический прогресс за годы независимости, сталкиваются со сложными вопросами социально-экономического характера, прежде всего проблемами обеспечения быстрорастущего населения. По доходу на душу населения южноазиатские государства находятся в группе стран с низким доходом (725 долл. и менее)⁷. Так, к середине 90-х годов доход на душу населения в Бангладеш составлял 220 долл., в Индии — 310, в Пакистане — 410 долл.⁸ По более общему показателю — «социально-экономическое положение» (доход на душу населения, показатели по образованию и здравоохранению, включая обеспечение питьевой водой, число врачей, количество потребляемых калорий и др.) — Пакистан в середине 90-х годов находился на 124-м месте, Индия — на 125-м, а Бангладеш — на 145-м из 160 взятых для данного показателя стран⁹. Неграмотность в Индии составляла 48%, в Бангладеш и Пакистане — 62% всего населения¹⁰. Голод и болезни, безработица, отсутствие нормальных жилищных условий, недостаток питьевой воды (в Пакистане процент бедных в общем населении страны в 2000–2001 гг. находился на уровне начала 60-х годов прошлого столетия, в трущобах проживала почти половина населения страны¹¹) — все это обостряет социальную напряженность и содействует росту экстремистских, сепаратистских, шовинистических и милитаристских настроений, негативно сказывается на внутренней стабильности и внешнеполитической деятельности южноазиатских государств.

Развитие экономики южноазиатских стран, в особенности Пакистана и Бангладеш и в гораздо меньшей степени — Индии, связано с иностранной помощью. Следствием этого является рост расходов на обслуживание внешнего долга, усиление зависимости от внешних источников финансирования. Так, внешний долг Пакистана составлял в 90-е годы более 40% ВВП¹². Поэтому вскоре после начала действия международных санкций, введенных вслед за осуществлением ядерных испытаний, экономика Пакистана, несмотря на жест-

кие правительственные меры противодействия, оказалась в крайне сложном положении. В то же время для менее зависимой от внешней помощи Индии введенные санкции подобных тяжелых последствий практически не имели.

Тяжелым бременем на экономику стран Южной Азии ложится гонка вооружений. Военные расходы этих стран постоянно увеличиваются и составляют существенную долю ВВП¹³. Особенно велики расходы на военные нужды у Индии и Пакистана, находящихся в отношениях острой конфронтации. Хотя в абсолютных размерах военные расходы Индии намного превосходят пакистанские¹⁴, но на душу населения Пакистан тратит на оборону существенно больше, чем Индия¹⁵. Кроме того, военные расходы Пакистана в несколько раз превосходят подобные расходы всех остальных южноазиатских стран, вместе взятых¹⁶. Процесс милитаризации оказывает пагубное воздействие на социальную сферу стран Южной Азии. Так, в Индии военные расходы на душу населения примерно равны расходам в системе образования и почти в три раза больше, чем в здравоохранении. В Пакистане, как отмечалось выше, расходы по этим двум социальным сферам в три раза меньше, чем в военной области¹⁷. Пакистан и Индия являются также экспортерами оружия¹⁸. После окончания холодной войны гонка вооружений между двумя ведущими странами Южной Азии продолжалась. Стороны тратили огромные средства на военные нужды, приобретали все новые и новые виды обычных вооружений¹⁹. Одновременно полным ходом шла разработка военных ядерных программ, создавалось ядерное оружие и средства его доставки²⁰.

Хотя обе страны подписали запретительные конвенции о химическом и биологическом оружии, однако получить детальную информацию о разработках в Индии и Пакистане этих видов вооружений достаточно сложно²¹.

Интеграционные процессы в Южной Азии не получили значительного развития. Существующая многие годы региональная организация СААРК не может похвастать большими успехами. По данным на конец 90-х годов, торговля между государствами—членами СААРК составляет менее 5% внешнеторгового оборота каждой из стран—членов региональной организации²². Пока сотрудничество затрагивает такие сферы, как коммуникации, метеорология, охрана окружающей среды, борьба с наркотиками и терроризмом и др. Одна из главных причин низкого уровня интеграции в Южной Азии — комплекс проблем политических, прежде всего конфронтационные отношения между Индией и Пакистаном. Кроме того, малые страны региона не без оснований опасаются, что интересы Индии будут превалировать в любой форме сотрудничества, а Индия, со своей стороны, боится того, что малые страны объединятся против нее между собой или с внерегиональными державами.

Россия и страны Южной Азии: геополитические особенности

Политика России в Южноазиатском регионе традиционно опиралась на дружественные отношения с Индией — крупнейшей страной региона, которая объявлена стратегическим союзником России. В течение десятилетий индийско-советские/российские отношения осуществлялись на основе общенационального консенсуса в обеих странах, торгово-экономические отношения носили взаимовыгодный характер, а взаимодействие в области обороны отвечало национальным интересам как СССР/России (в том числе и ее военнопромышленному комплексу), так и Индии, вся оборонительная и наступательная стратегия которой в значительной степени базировалась на поставках советского вооружения. В октябре 2000 г. во время встречи высших руководителей двух стран была подписана Декларация о стратегическом партнерстве между Россией и Индией. Существовало известное взаимодействие и в политической сфере, культурно-цивилизационной и т.д., на международной арене по главным кардинальным проблемам сохранялась общность или близость позиций. СССР традиционно поддерживал позиции Индии в кашмирском вопросе и проявлял деликатность и понимание, когда речь заходила о ядерных разработках Индии и ее позиции относительно Договора о нераспространении ядерного оружия и Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, которую СССР/Россия поддержать никак не могли, но и открыто не хотели критиковать Дели. Можно констатировать, что линия на дружбу с СССР в Индии была выработана и в основных чертах поддерживалась правительствами как Индийского национального конгресса, так и Объединенного фронта, Джаната партии и Бхаратия джаната парти²³.

В начале 90-х годов явный крен в сторону Запада в ущерб отношениям со странами Азии, в том числе и с традиционными союзниками, привел к тому, что отношения России с Индией оказались в состоянии застоя. Более того, в ее политических и общественных кругах возникали дискуссии о том, должна ли Россия сохранить свои «особые» отношения с Индией, или ее политика в Южной Азии должна носить более сбалансированный характер. Представители различных политических партий и групп пытались проводить свой собственный внешнеполитический курс, который подчас не подкреплялся элементарной осведомленностью о существе той или иной проблемы. Так, в Индии вызвало непонимание и напряженность сделанное А.В. Руцким в декабре 1991 г. в Исламабаде заявление, которое свидетельствовало о том, что тогдашний вице-президент России, ссылаясь на некие «международные документы», слабо представлял себе суть проблемы. Опасения индийской стороны были развезаны в конце января 1993 г., когда президент Б.Н. Ельцин, выступая

в парламенте Индии, заявил о твердой и безоговорочной поддержке позиции Индии в кашмирском вопросе. Поддержка индийской позиции по Кашмиру была подтверждена и в ходе пребывания в Индии делегации Государственной Думы в ноябре и тогдашнего премьер-министра России В.С. Черномырдина в декабре 1994 г.

Неоднократно политика России в Южной Азии обсуждалась на специальных слушаниях в Комитете по международным делам Верховного Совета РФ, а затем и Государственной Думы, в которых один из авторов принимал личное участие. В ходе слушаний, состоявшихся накануне визита в Индию президента Б.Н. Ельцина в январе 1993 г., представителем МИД, руководимого в тот период А.В. Козыревым, была поставлена под сомнение целесообразность сохранения «особых» отношений с Индией. Было высказано мнение о необходимости придерживаться принципа «равноудаленности» в отношениях с Индией и Пакистаном с учетом возможности воздействия на ситуацию в Афганистане при посредничестве Исламабада. Однако большинство участников дискуссии эту точку зрения не поддержало, и выступившие члены Комиссии и депутаты Верховного Совета, представители «Главкосмоса», внешнеэкономических организаций, военных ведомств, ученые и другие призвали сохранить традиционный характер отношений с Индией, отмечая, что эти отношения не должны препятствовать поискам путей для достижения взаимопонимания с Пакистаном.

Слушания в Комитете по иностранным делам Государственной Думы по проблемам отношений с Индией, состоявшиеся в октябре 1994 г. и феврале 1997 г., отличались гораздо большим единодушием, и идея сохранения «особых» отношений с Индией была поддержана практически всеми участниками дискуссии. Более того, именно в ходе слушаний 1994 г. была выдвинута формула «стратегического партнерства» между двумя странами, которая была включена в официальный документ Комитета по иностранным делам по итогам слушаний в феврале 1997 г. В то же время необходимость восстановления нормальных деловых отношений с Пакистаном также отмечалась большинством участников обсуждения.

Во время официального визита в Москву тогдашнего премьер-министра Индии Нарасимха Рао 30 июня 1994 г. была подписана Московская декларация о защите интересов многонациональных государств, в которой стороны заявили о необходимости «безусловного соблюдения принципов уважения территориальной целостности и государственного единства как одного из ключевых факторов жизнедеятельности многонациональных государств. Они подтверждают поддержку территориальной целостности друг друга, как это определено законом и зафиксировано в Конституции».

Подписав подобный документ, российское руководство безоговорочно подтвердило свою поддержку сохранению территориаль-

ной целостности Индии, а Дели сделало то же в отношении РФ, что крайне важно при существовании «чеченской проблемы». В то же время Индия ставит вопрос о необходимости освобождения Пакистаном оккупированной им части Кашмира, то есть фактически призывает к пересмотру установившихся границ, а это в определенной степени не совпадает с обязательствами уважать существующие границы, сформулированными в Московской декларации. Как бы то ни было, российская дипломатия в сложившихся условиях поступает разумно, призывая обе стороны вновь и вновь сесть за стол переговоров и продолжить начатое в Симле.

Кашмирская проблема остается постоянным раздражителем в обширном Центральном азиатском регионе, где в результате появления новых независимых государств в бывшей советской Средней Азии произошло изменение геополитической ситуации и кашмирская проблема приобрела новую внешнюю среду. Произошел сдвиг в позиции Китая, опасаящегося «демонстрационного эффекта» усиления исламского фундаментализма в Кашмире на мусульманские районы Синьцзяна, где периодически происходят беспорядки на религиозно-этнической почве. В момент резкого обострения ситуации вокруг Кашмира в феврале 1990 г. Пекин выступил за мирное политическое урегулирование. Еще в середине февраля 1990 г. в беседе со специальным посланником Б. Бхутто министр иностранных дел Китая выразил надежду, что Индия и Пакистан ставят «превыше всего» укрепление мира и стабильности в Южной Азии и решат свой спор мирно, путем дружеских переговоров, в соответствии с Симлскими соглашениями. Пекин предложил свои посреднические услуги в налаживании отношений между Индией и Пакистаном. Индия негативно отнеслась к этому предложению. С такого же рода инициативой выступил и президент Казахстана Н. Назарбаев. Этот вопрос обсуждался в январе 1994 г. во время визита в Казахстан министра иностранных дел Пакистана А. Али. Министр выразил озабоченность тем, что переговоры по Кашмиру между Индией и Пакистаном никак не ускоряют решение проблемы, поэтому целесообразно было бы подключение третьей стороны. По мнению министра, подключение президента Н. Назарбаева могло стать эффективным, так как он является «другом Пакистана и поддерживает тесные отношения с Индией». Индийская сторона не приняла это предложение.

Что касается России, то она могла бы рассмотреть вопрос о посреднических услугах, но только в том случае, если к ней одновременно обратятся и Индия, и Пакистан. Следует отметить, что пакистанская сторона зондировала почву о возможности посредничества Москвы, в частности во время визита в Исламабад тогдашнего министра иностранных дел РФ А.В. Козырева в апреле 1993 г., а также в ходе пребывания в Москве министра иностранных дел

Пакистана А. Али в июле 1994 г. В последнее время представители кашмирской диаспоры в странах Запада ставят вопрос о необходимости созыва «круглого стола» по Кашмиру с участием не только Индии, Пакистана и представителей различных группировок в самом Кашмире, но и России как гаранта со стороны Индии, и Китая как союзника Пакистана. Индийская сторона еще и еще раз подтверждает свое негативное отношение к участию третьих сторон.

Вопрос о нарушении прав человека в индийском штате Джамму и Кашмир постоянно поднимается Пакистаном в ОИК, на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН и в Комиссии по правам человека. Россия расценивает этот вопрос как гуманитарный, а не политический. В ходе переговоров с представителями Индии российская дипломатия призывает ее руководство уделить особое внимание этой проблеме, всячески добиваться ее урегулирования и создания такой обстановки, которая реально исключит возможность выдвижения обвинений в нарушении прав человека. По мнению России, Индии не следует закрывать доступ иностранным представителям, включая миссии ОИК и Международной комиссии юристов, а также журналистов и других в Джамму и Кашмир для личного ознакомления с положением в штате. В то же время российская сторона выступает против излишней политизации этого вопроса и не поддерживает попытки Пакистана передать его на рассмотрение международных организаций.

Следует отметить, что ослабление глобальной конфронтации после окончания холодной войны мало сказалось на традиционно сложных, а порой и довольно напряженных российско-пакистанских отношениях, хотя определенные возможности для их развития несомненно открылись в связи со сближением точек зрения великих держав по острым проблемам индо-пакистанских отношений, ослаблением прежней жесткой системы отношений южноазиатских государств с великими державами и др. В начале 90-х годов были предприняты определенные шаги по расширению связей между двумя странами, особенно в политической сфере (визиты в Пакистан тогдашнего вице-президента РФ А.В. Руцкого, обмен визитами министров иностранных дел двух стран). Была достигнута принципиальная договоренность о приезде в Россию с официальным визитом главы пакистанского правительства, подготовлены проекты договоров и соглашений о сотрудничестве и принципах взаимоотношений, о торгово-экономическом, культурном и научно-техническом сотрудничестве и др. Установились и получили некоторое развитие контакты в сфере мирного использования космических технологий, в 1992/93 финансовом году начались внешнеторговые операции между Пакистаном и Россией²⁴.

Однако политические контакты после 1994 г. носили ограниченный и нерегулярный характер, сотрудничество в сферах экономики

и торговли практически оказалось свернутым. Правда, с середины 1997 г. произошла определенная активизация российско-пакистанских политических отношений: состоялся обмен визитами ответственных лиц из внешнеполитических ведомств двух стран, в ходе которых обсуждались конкретные проблемы двустороннего сотрудничества в области строительства, финансов²⁵, подписаны консульская конвенция, соглашение о сотрудничестве в области культуры и образования. Весной 1998 г. состоялся обмен парламентскими делегациями двух стран. Стороны обсуждали предложения о развитии сотрудничества регионов России и провинций Пакистана, пакистанские парламентарии подтвердили признание России в качестве крупнейшей мировой державы и четко озвучили официальное признание Чечни в качестве неотъемлемой части Российской Федерации²⁶. Наконец, 19–22 апреля 1999 г. состоялся откладывавшийся в течение шести лет визит в Москву премьер-министра Пакистана Наваз Шарифа. Переговоры и встречи пакистанского премьер-министра с президентом Б.Н. Ельциным, тогдашним главой российского Правительства Е.М. Примаковым, другими государственно-политическими деятелями продемонстрировали отсутствие спорных двусторонних проблем. Стороны выступили за создание многополярного мира и справедливый мировой порядок, за повышение роли ООН, уважение ее принципов и международного права, за мирное урегулирование афганской проблемы. Пакистан заявил о нежелании раздувать гонку ядерных вооружений в Южной Азии, о стремлении иметь лишь минимально необходимые для обеспечения национальной безопасности ядерные силы, о намерении присоединиться к Договору о запрещении ядерных испытаний. В результате проведенных переговоров были заключены договор о торговле и экономическом сотрудничестве и соглашение между торговыми промышленными палатами обеих стран, предусматривающие значительное расширение торгово-экономических связей, участие в этом частного капитала, создание совместных предприятий.

Подготовка визита Наваз Шарифа, переговоры в Москве и их итоги вызвали огромный интерес в Пакистане. Ведущие периодические издания широко комментировали это событие, внимательно следили за различными деталями и нюансами. Подчеркивалась «исключительно теплая и сердечная атмосфера» переговоров руководителей двух стран, отмечалось, что встреча Б. Ельцина и Наваз Шарифа продолжалась 45 минут, вместо 30 запланированных, и т.д. Были высоко оценены в Пакистане и итоги этого визита. И на этом фоне весьма огорчительным было равнодушие к этому событию наших СМИ, увлеченных более «занимательными» событиями скандального характера по сравнению со «скудной» темой визита.

Пакистанские руководители настойчиво подчеркивают, что, несмотря на серьезные изменения на мировой арене, Россия остается

крупнейшей мировой державой, роль которой велика как на глобальном, так и на региональном уровнях, и что она должна продолжать играть эту роль.

Пакистанская сторона неоднократно призывала Россию сыграть роль посредника в процессе нормализации пакистано-индийских отношений, включая урегулирование кашмирского вопроса. Москвой же было разъяснено, что такое посредничество возможно лишь при условии, что обе стороны обратятся с подобной просьбой. Известно, однако, что Индия категорически возражает против любого участия внешних сил в урегулировании двусторонних отношений. Таким образом, и сегодня, когда холодная война ушла или уходит в прошлое, в южноазиатской политике России по-прежнему сохраняется свойственный СССР принцип «игры с нулевым вариантом», которому и в прошлом следовал здесь, пожалуй, лишь Советский Союз. Американцы же, помогая Пакистану устоять против Индии и играть роль плацдарма против Афганистана, всячески демонстрировали интерес и к Индии, то есть сохраняли за собой гораздо большую свободу выбора. Даже Китай демонстрирует готовность и способность к маневру в отношениях с Индией и Пакистаном, предлагая в том числе и свое посредничество в урегулировании южноазиатских конфликтов²⁷.

В целом же глобальное противостояние в Южной Азии проявлялось в формировании союзнических отношений находящихся в состоянии конфронтации двух ведущих южноазиатских держав — Индии и Пакистана — с двумя сверхдержавами. Можно констатировать, что угрозы безопасности СССР/России с южноазиатского направления даже в период холодной войны не носили прямого характера.

Более того, при сохранении и обострении напряженности в регионе, прямой непосредственной военной угрозы национальной безопасности России не было даже в моменты вооруженных конфликтов между Индией и Пакистаном, до распада СССР, когда советскую границу отделяли от Кашмира лишь 40 км Ваханского коридора.

Что касается союзнических отношений США, а также Китая с Пакистаном в военно-стратегической области, то они имели свои ограничители. Во всяком случае, поддерживая Пакистан против Индии, они стремились лишь сохранять определенный установившийся военно-стратегический баланс в регионе, давая возможность Пакистану выжить, и продемонстрировать Индии, что ее тесному сотрудничеству с СССР есть что противопоставить. При этом сами США отдавали должное авторитету и влиянию Индии среди стран «третьего мира» и демонстрировали понимание того обстоятельства, что такую страну, как Индия, невозможно, да и не имеет смысла игнорировать.

Как представляется, именно стремясь сохранить за собой свободу выбора, когда действительно нависла реальная угроза самому существованию Пакистана в 1971 г., ни США, ни Китай не бросились его спасать. При этом Москва и Вашингтон поддерживали свои версии возникновения конфликтов в Южной Азии, в первую очередь кашмирского, в соответствии с позициями своих южноазиатских союзников.

Чрезвычайно важно иметь в виду еще и то, что в Южной Азии не СССР и США «сталкивали» своих союзников, а «местные» союзники как бы «разводили» две сверхдержавы по разные стороны баррикад. При этом ни США, ни СССР, ни Китай не были заинтересованы в дальнейшем разрастании южноазиатского вооруженного конфликта (но не южноазиатского военно-политического противостояния!). Такого рода совпадение позиций США и СССР в Южной Азии имело свое продолжение: оно распространилось на такую актуальную международную проблему, как нераспространение ядерного оружия, и какими бы ни были советско-американские отношения, даже в худшие периоды холодной войны, по этой проблеме, в том числе и в ее южноазиатском варианте, СССР и США придерживались общей точки зрения.

Вмешательство внешних сил в индо-пакистанские отношения, в особенности в период холодной войны, поддержка Советским Союзом и Соединенными Штатами позиций своих стратегических союзников увеличивали пропасть между Индией и Пакистаном, утверждали каждую из сторон в своей правоте и тем самым препятствовали поискам взаимоприемлемого решения существующих спорных проблем. И даже после окончания холодной войны, когда отношения США и Пакистана и России и Индии претерпели достаточно серьезные изменения, а две великие державы прямо призвали конфликтующие стороны к двустороннему решению спорных проблем²⁸, прийти к соглашению Дели и Исламабада пока не удается.

Руководители великих держав удержали Индию и Пакистан от военных действий в 2002 г., когда обстановка на «линии контроля» в Кашмире резко обострилась и обе стороны сосредоточили в этом районе до 1 млн. солдат. При этом был прерван переговорный процесс. На первом саммите Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии в мае 2002 г. Президент РФ В.В. Путин имел отдельные встречи с А.Б. Ваджапайи и П. Мушаррафом, в ходе которых выразил озабоченность в связи со сложившейся взрывоопасной ситуацией и призвал два ядерных государства не доводить дело до войны. В таком же русле действовал и президент КНР Цзян Цзэминь. Результатом этих усилий стало некоторое ослабление напряженности между Пакистаном и Индией, и главное — отход от опасной черты вооруженного столкновения. В то же время попытки наладить диалог

между Индией и Пакистаном не увенчались успехом. В Алма-Ате предложение В.В. Путина о встрече А.Б. Ваджапайи и П. Мушаррафа не нашло поддержки со стороны индийского руководителя. В качестве условия возобновления индо-пакистанского переговорного процесса Дели выдвигает требование полного прекращения «трансграничного терроризма» со стороны Пакистана.

В.В. Путин пригласил руководителей Индии и Пакистана посетить Россию. В феврале 2003 г. состоялся визит П. Мушаррафа. В ходе состоявшихся переговоров были отмечены совпадения или близость позиций сторон по основным проблемам современности. Стороны осудили терроризм во всех его формах и проявлениях и отметили необходимость решительной борьбы с ним. В этой связи было позитивно оценено создание российско-пакистанской рабочей группы по противодействию международному терроризму и другим новым вызовам и угрозам международной безопасности, первое заседание которой состоялось в Москве в декабре 2002 г. Стороны продемонстрировали заинтересованность и достигли соглашения о развитии двустороннего сотрудничества в торгово-экономической, дипломатической и культурной областях.

В то же время нельзя забывать о том, что борьба вокруг Кашмира, хотя, казалось бы, прямо и не затрагивает интересы России, однако возбуждает страсти не только в Индии и Пакистане, но и среди исламских экстремистов в сопредельных странах, а это не может не беспокоить Россию с ее многомиллионным мусульманским населением.

Конфликтный потенциал Южной Азии и безопасность России

Поставив в самом начале вопрос о том, при каких обстоятельствах развитие ситуации в Южной Азии может нанести прямой ущерб национальным интересам и безопасности России, пришло время попытаться на него ответить. Совершенно очевидно, что серьезную обеспокоенность России может вызвать дальнейшее усиление конфронтации в отношениях между Индией и Пакистаном.

Что конкретно могло бы вызвать дальнейшее обострение и без того напряженных индо-пакистанских отношений? Прежде всего ситуация в Кашмире и вокруг него, включая проблему защиты прав человека и гарантирование народу Кашмира свободы выбора. Далее, положение так называемого «мусульманского меньшинства» в Индии. Наконец, новые тенденции в сфере обороны и отношение руководства этих стран к проблеме ядерного оружия.

Приход к руководству в Индии правительства националистической индуистской партии Бхаратия джаната парти определенно выз-

вал беспокойство так называемого мусульманского «меньшинства» страны и «мусульманского большинства» соседних государств. Идея отменить статью 370 Конституции Индии об особом статусе Кашмира, сформулированная в предвыборном манифесте БДП накануне всеобщих выборов в Индии в феврале 1998 г., могла вызвать недовольство в штате и повлечь за собой новый социальный взрыв. Пакистан, международные мусульманские организации и т.д. вновь получили бы основания для обвинений в адрес Индии в нарушении прав человека в Кашмире и в отказе предоставить народу Кашмира права самому решать вопрос о том, должен ли он оставаться в составе Индии, образовать независимое государство или войти в состав Пакистана.

Главное же, новым руководством было заявлено, что «Индия оставляет за собой право на производство ядерного оружия и возможность постановки его на вооружение индийской армии»²⁹. Эта позиция — не только отход от прежнего курса, не предусматривавшего производство и применение ядерного оружия, но и фактор, который мог усилить гонку вооружений в Южной Азии и придать ей ядерный характер, серьезно обострить и без того напряженные отношения с Пакистаном, вызвать негативную реакцию государств, подписавших Договор о нераспространении ядерного оружия и Договор о запрещении ядерных испытаний.

Тем не менее, коалиционное правительство Индии приняло важнейшее политическое решение и дало санкцию на переход страной «ядерного порога». Весьма распространено мнение, что именно шаткое положение правительства А.Б. Ваджапаи толкнуло его на осуществление ядерных испытаний с целью укрепления позиций в стране³⁰. Следует отметить также, что эйфория и ликование на улицах индийских городов довольно быстро сменились более трезвым анализом произошедшего и многие аналитики, взвешивая позитивные и негативные последствия взрывов, приходили к выводу, что с точки зрения решения внутренних социально-экономических проблем вторые скорее перевешивают первые.

Проведенные Индией и Пакистаном ядерные испытания, ознаменовавшие переход двух пороговых стран в фактические ядерные державы, существенно осложнили ситуацию в Южной Азии. Отношения между Индией и Пакистаном ухудшились, прерванными оказались и без того ограниченные контакты. Обе стороны доказывали «вынужденность» перехода к ядерному статусу, виновником чего объявлялись внешние силы: для Индии — Китай и Пакистан, для Пакистана — Индия. «Война слов» подкреплялась вооруженными столкновениями на линии контроля в Кашмире, активизацией вооруженной борьбы в самом бывшем княжестве.

Материальной базой опасных политических тенденций стало увеличение военных расходов по бюджетам двух стран³¹. После май-

ских взрывов в определенных кругах обеих стран появились заявления о необходимости и возможности иметь более мощное оружие, о целесообразности установки ядерных зарядов на имеющихся ракетах и самолетах.

Следует отметить, что переход Индией и Пакистаном «ядерного рубикона» возродил несколько ослабевший интерес великих держав и всего мирового сообщества к региону, где спорные проблемы, как казалось, могли быть решены самим участниками конфликта. Однако приобретение ими ядерного оружия придало южноазиатским проблемам столь опасный характер, что вновь оживились сторонники их решения с помощью третьих сторон. Как известно, эту идею активно поддерживает Пакистан, в то время как Индия категорически настаивает на двустороннем решении споров, на основе Симлских соглашений. Россия, со своей стороны, неоднократно подтверждала свою поддержку принципу двустороннего разрешения индийско-пакистанских противоречий на базе Симлских соглашений 1972 г.

Распространение ядерного оружия: вызов национальной безопасности России

Совершенно очевидно, что после осуществления Индией испытаний ядерного оружия Россия, будучи членом «ядерного клуба» и являясь одним из спонсоров Договора о нераспространении ядерного оружия и Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, не могла не выступить с осуждением появления новых претендентов на вступление в «ядерный клуб», и в этом ее позиция не отличалась от точки зрения остальных четырех членов «пятерки». В то же время Россия не захотела участвовать в объявленных США, Канадой и Японией санкциях против Индии, а затем и против Пакистана, считая их «контрпродуктивными».

Если говорить по существу проблемы, то проведенные Индией испытания противоречили национальным интересам России, так как являлись явным нарушением режима нераспространения ядерного оружия. Было совершенно ясно, что ядерная гонка в Южной Азии на этом не остановится, и взрывы в Пакистане через две недели после индийских подтвердили эти опасения. Цепная реакция могла продолжаться и захватить некоторые другие потенциальные ядерные страны — такие как Иран, Ирак, Израиль, Ливия, расположенные в непосредственной близости к границам СНГ, и переход ими «ядерного порога» мог создать прямую угрозу безопасности границ России и СНГ.

Многие специалисты считают, что в случае ядерного столкновения между Индией и Пакистаном некоторую опасность могут пред-

ставить возможные негативные экологические последствия: в зависимости от времени года, температуры, направления и силы ветра и других явлений радиационный фон в южных республиках СНГ и даже России может удвоиться.

Ситуация для России осложнялась и в связи с еще одним обстоятельством: позицией другого стратегического партнера России в Азии — Китая. На фоне достаточно напряженных отношений Индии с Пакистаном и определенных позитивных сдвигов в индийско-китайских отношениях министр обороны Индии Джордж Фернандес счел необходимым и возможным выступить за неделю до проведения ядерных испытаний с публичным докладом «Перспективы безопасности Индии», в котором заявил, что дело не только и не столько в Пакистане: «угрозу номер один для Индии представляет Китай» и китайско-пакистанские военные связи, заключающиеся в передаче Китаем Пакистану ракетной и ядерной технологии³².

Отношение России к этой проблеме следует рассматривать в контексте общего подхода РФ к вопросу экспорта оружия массового уничтожения и средств его доставки. Россия входит в режимы нераспространения ядерного оружия и контроля за ядерными технологиями и строго придерживается буквы и духа этих соглашений. Это отвечает интересам безопасности России. В то же время появление по периметру ее границ новых обладателей оружия массового уничтожения и средств его доставки расценивается как наносящее ущерб ее интересам. Поэтому в России были положительно встречены все шаги Китая в отношении нераспространения ядерного оружия и ракетных технологий, как, например, его согласие придерживаться основных принципов и рекомендаций режима контроля за ракетными технологиями (1994 г.), обещания в мае 1996 г. воздерживаться от поставок Пакистану материалов и технологий для производства оружия массового уничтожения и др. В интересах России было бы общее укрепление режима контроля за ракетными технологиями, придание ему международно-правового статуса и создание международной организации, которая наблюдала бы за соблюдением этого режима (наподобие МАГАТЭ в системе нераспространения ядерного оружия).

Пекин выступил с резким осуждением индийских взрывов, заявив, что объяснение Индией проведения испытаний наличием ядерной угрозы со стороны Китая является «беспочвенным». В действительности, как считают в Пекине, их проведение имеет целью утверждение доминирования Индии в Южной Азии³³. В то же время пекинское руководство настойчиво старалось опровергнуть утверждения о том, что именно Китай обеспечивает Пакистан ракетно-ядерной технологией, компонентами и материалами. В целом можно констатировать, что осуждение Китаем индийских взрывов прозвучало более жестко, чем пакистанских, и Индия была объявлена «зачин-

щиком» гонки ядерных вооружений в регионе. Пакистан же, по мнению Пекина, был «вынужден» дать адекватный ответ³⁴.

Значение так называемого «китайского фактора» в развитии региональной ситуации в Южной Азии было прямо или косвенно подтверждено действиями двух держав — США и России, которые поспешили заручиться поддержкой Пекина в осуждении акций Индии и Пакистана. Так, во время официального визита в Пекин в конце июня 1998 г. президент США Б. Клинтон неоднократно выступал с критикой ядерных испытаний, осуществленных Индией и Пакистаном. Стороны приняли совместное заявление по Южной Азии, в котором президенты двух стран осудили ядерные взрывы, произведенные Индией и Пакистаном, и договорились о совместных действиях с целью предотвращения усиления гонки ракетно-ядерных вооружений в Южной Азии. США и КНР подтвердили свои предложения об оказании содействия Индии и Пакистану в урегулировании сложных и многолетних разногласий по ряду вопросов, в том числе кашмирскому, и выразили готовность немедленно приступить к осуществлению необходимых мер³⁵.

Через месяц после визита Клинтона, 24 июля в Пекине тогдашний министр иностранных дел России Е.М. Примаков и его китайский коллега Тан Хуасянь в совместном заявлении осудили действия Индии и Пакистана, выступили против гонки ядерных вооружений в регионе и призвали обе страны безоговорочно присоединиться к договорам о нераспространении ядерного оружия и запрещении ядерных испытаний. Министры подтвердили ранее принятые решения не признавать официально Индию и Пакистан ядерными державами³⁶.

Таким образом, ядерные испытания в Южной Азии объективно содействовали американо-китайскому и российско-китайскому сближению. В новых условиях, когда Индия открыто заявила о своем намерении «сдерживать» Китай, пекинское руководство по существу выразило готовность совместно с США осуществлять контроль и «управлять» соперничеством между Индией и Пакистаном в ядерной области.

Осуществление Индией и Пакистаном ядерных испытаний привело к дальнейшему обострению их двусторонних отношений и к новому витку конфронтации из-за Кашмира. По мнению большинства обозревателей, именно кашмирская проблема в изменившейся региональной ситуации может привести к новому вооруженному конфликту, причем на этот раз, возможно, с применением ядерного оружия. Такая угроза может оказаться реальностью в случае, если Индия и Пакистан не ограничатся проведением испытаний, а приступят к практическому оснащению ядерным оружием своих вооруженных сил. Эксперты по периоду холодной войны видят целый ряд причин, по которым фактор «ядерного сдерживания», который

удержал в конечном итоге США и СССР от ядерного конфликта, вряд ли сможет действовать в условиях Южной Азии³⁷. Особое внимание обращается на элемент случайности, который может привести к трагическим последствиям³⁸.

Иная точка зрения состоит в том, что, поскольку Южная Азия уже никогда не сможет стать свободной от ядерного оружия, задача региональных лидеров — превратить ее в регион, свободный от войн и конфликтов. Индия и Пакистан должны начать конструктивный диалог, который снизит ядерную опасность для региона, и, как считает известный индийский аналитик Раджа Мохан, найти пути для «ядерного мирного сосуществования»³⁹. Опасения, что ядерный конфликт повлечет в перенаселенном регионе невиданные человеческие жертвы и материальные потери, может сделать неприемлемым применение здесь оружия массового уничтожения и создать некий паритет взаимного сдерживания и устрашения⁴⁰. Как бы то ни было, но открытая вооруженная конфронтация между Индией и Пакистаном в Каргиле летом 1999 г. к ядерному конфликту не привела.

Существует даже мнение, что ядерный гром над Южной Азией стимулировал усилия сторонников ядерного разоружения в мире и вернул эту проблему на приоритетное место в условиях, когда борьба за ликвидацию ядерных арсеналов и прекращение испытаний приобрела затяжной и вялотекущий характер. Более того, высказывается точка зрения, что в новых условиях возможно возрождение Движения неприсоединения, причем инициативу в этом должны проявить совместно Индия и Пакистан. Наконец, при условии модернизации Договора о нераспространении ядерного оружия и изменения его дискриминационного характера Индия и Пакистан могли бы его подписать⁴¹. Даже такие серьезные спорные проблемы, как кашмирская, которые не могут быть отложены, не должны стоять на пути практического осуществления разоружения в регионе и на мировой арене в целом⁴².

Следует отметить, что после заметного ухудшения индо-пакистанских отношений сразу же после ядерных испытаний началось восстановление переговорного процесса. Индия предложила Пакистану подписать пакт о неприменении первым ядерного оружия, а Пакистан выступил с идеей заключения пакта о ненападении.

Большое значение имела встреча глав правительств двух стран — А.Б. Ваджпаи и Наваз Шарифа — 20–21 февраля 1999 г. в пакистанском городе Лахоре. В ходе состоявшихся переговоров обе стороны подтвердили готовность следовать духу и букве Симлского соглашения и приложить все усилия для решения всех спорных вопросов, включая кашмирскую проблему, наметили рамки и механизмы укрепления мира и безопасности, снижения риска возникновения конфликтов. Чрезвычайно важным стало заявление А.Б. Ваджпаи о том, что «сильный и стабильный Пакистан — в интересах Индии».

Последовавшие затем события нарушили набиравший силу переговорный процесс, показав при этом, что он не носит необратимый характер.

Как уже отмечалось, начиная с мая и практически в течение всего лета 1999 г. в северной части индийского штата Джамму и Кашмир, в секторе Каргил, через который проходит стратегическая дорога Пунч—Сринагар—Лех, происходили вооруженные столкновения между индийскими воинскими подразделениями и исламскими боевиками, захватившими здесь некоторые высокогорные районы. По утверждению Дели, в конфликте участвовали не только местные инсургенты, но и муджахиды из других стран, прошедшие подготовку в Пакистане, а также пакистанские военнослужащие. Нарушение линии фактического контроля в Кашмире расценивалось в Индии как прямая агрессия со стороны Пакистана. Ожесточенные бои с применением артиллерии и авиации продолжались в течение двух с половиной месяцев. Это было крупное военное противостояние двух давних геополитических соперников, обладающих ядерным оружием.

В результате резко ухудшились двусторонние индо-пакистанские отношения. Был прерван и отброшен назад переговорный процесс. В обеих странах активизировались усилия по наращиванию оружия, как ракетно-ядерного, так и обычного. Другие страны субконтинента вынуждены были активизировать свои оборонные усилия. Вооруженный конфликт в непосредственной близости к южным границам России и СНГ, усилившаяся напряженность в этом регионе, негативное воздействие данного и других аналогичных событий 1999 г. (ситуация в бывшей Югославии, Дагестане, Чечне и др.) на общую международную обстановку породили новые трудности в глобальном процессе ракетно-ядерного разоружения. Эти события противоречат национальным интересам России и создают определенную угрозу ее безопасности. Поэтому российское руководство выступило за прекращение военных действий в Гималаях, вывод с территории Индии всех вторгшихся туда военных сил, за сохранение неприкосновенности линии контроля, за решение всех спорных вопросов между Индией и Пакистаном в двустороннем порядке за столом переговоров.

Анализ геополитической ситуации в Южной Азии, в особенности после событий 11 сентября 2001 г., показывает, что из этого региона исходят определенные вызовы национальной безопасности России. Определяются они внутренними социально-экономическими и политическими причинами, характером взаимоотношений государств, здесь расположенных.

Можно констатировать, что эти вызовы проистекают от общей неустойчивости и нестабильности в огромном регионе, находящемся в достаточной близости к границам России и СНГ, от усиления

религиозного и этнического экстремизма и сепаратизма, роста терроризма и преступности, расширения наркобизнеса⁴³. Серьезным фактором дестабилизации остается сложность, которая весьма далека от полного урегулирования. Еще одна, пока еще потенциальная, опасность — неконтролируемая миграция населения из стран Южной Азии с их массовой нищетой и болезнями, ростом населения, экологическими проблемами и др.⁴⁴

Совершенно очевидно, что лишь одним укреплением южных границ безопасность России и СНГ вряд ли может быть обеспечена, хотя и этот фактор имеет немаловажное значение. Сегодняшние реалии российской жизни не дают ей достаточно материальных возможностей содействовать позитивным социально-экономическим и политическим процессам в Южной Азии. Наиболее перспективный путь оздоровления ситуации в Южной Азии — ослабление напряженности в отношениях между южноазиатскими государствами, решение спорных проблем между ними мирными политическими методами, прекращение гонки вооружений.

Серьезным вызовом национальной безопасности России является появление в Южной Азии двух новых обладателей ядерного оружия, хотя их потенциал в количественном отношении несопоставим с возможностями ядерной «пятерки»⁴⁵.

Ядерное распространение в Южной Азии, хотя и не создает прямой военной угрозы для России, тем не менее, вызывает серьезную обеспокоенность РФ. Это связано с ослаблением мирового режима нераспространения ядерного оружия и осложнением положения в самом регионе, обострением здесь уже имеющихся противоречий.

Главной проблемой может стать угроза оснащения вооруженных сил Индии и Пакистана ракетно-ядерным оружием, и именно в этом случае на определенном этапе может возникнуть прямая военная опасность для России. При этом необратимый ущерб может быть нанесен режиму нераспространения и основным инструментам его осуществления — Договору о нераспространении ядерного оружия и Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

Для самих Индии и Пакистана гонка ядерных вооружений может иметь поистине катастрофические последствия. Огромные дополнительные расходы обостряют уже имеющиеся социально-экономические конфликты. Особенно это касается Пакистана, экономический потенциал которого не идет ни в какое сравнение с индийским; к тому же пакистанская экономика на протяжении многих последних лет находилась в кризисном состоянии. Резко возрастает и опасность ядерного столкновения, в том числе и случайного, непреднамеренного.

Россия, как и другие заинтересованные страны, могла бы активно действовать в ООН, последовательно выполнять рекомендации встреч лидеров и руководителей внешнеполитических ведомств

«пятерки» и «восьмерки», направленные на укрепление режима нераспространения, мира и стабильности в Южной Азии, участвовать в деятельности «рабочей группы» по анализу ядерных проблем Индии и Пакистана. Необходима и разработка мер по предотвращению экспорта из Индии и Пакистана материалов и технологий для производства оружия массового уничтожения и ракетных систем, а также их импорта сюда из других стран. Определенные гарантии может дать осуществление контроля МАГАТЭ над ядерными объектами Индии и Пакистана, которые являются членами этой организации. Участием стран Южной Азии в мировом режиме нераспространения могло бы способствовать их присоединение к Договору о запрещении ядерных испытаний и участие в переговорах относительно договора о запрещении производства расщепляющихся материалов, тем более что и Индия, и Пакистан после испытаний в мае 1998 г. заявили об их невозобновлении в будущем. Общим и крайне важным фоном для всех этих действий было бы выполнение договоренностей по существенному сокращению ядерного оружия у США и России, а затем и у других ядерных стран.

Наконец, позитивную роль могло бы сыграть установление равных справедливых отношений внерегиональных держав со странами Южной Азии. Односторонняя или преимущественная ориентация на одного из участников любого спора консервирует, закрепляет состояние напряженности, в то время как сотрудничество с обеими сторонами конфликта может создать условия для ослабления этой напряженности, налаживания добрососедских отношений и конструктивного диалога между участниками спора.

Как известно, Россия в Южной Азии традиционно опирается на взаимодействие с Индией, причем даже после проведения Дели ядерных взрывов в декабре 1998 г. была подписана Программа военно-технического сотрудничества до 2010 года. Осуществлялись ранее достигнутые договоренности о военно-техническом сотрудничестве на общую сумму в 8–10 млрд. долл., достигнута договоренность о поставках истребителей СУ-30МК и СУ-30МКИ⁴⁶, подписано соглашение о строительстве в Куданкуламе (штат Тамилнад) атомной электростанции с двумя реакторами из России⁴⁷. Во время визита В.В. Путина в Индию в октябре 2000 г. было подписано соглашение о создании межправительственной комиссии по военно-техническому сотрудничеству, о совместном производстве истребителей пятого поколения, приобретении Индией авианесущего крейсера «Адмирал Горшков» и танков Т-90 S и др. Выполнение Россией ранее принятых обязательств и как результат этого поступление финансовых средств жизненно необходимы для выхода из сложных финансово-экономических трудностей, которые в настоящее время представляют серьезную угрозу национальной безопасности России.

В то же время представляется возможным и целесообразным улучшение отношений с Пакистаном как второй стороной в южно-азиатском противостоянии, что может и должно происходить параллельно с дальнейшим расширением и укреплением российско-индийских отношений. Задача состоит в том, чтобы приобрести нового партнера, не осложнив при этом отношений со старым, при наличии напряженности между ними. При этом расширение связей России с Пакистаном может способствовать созданию благоприятной внешней среды для урегулирования основных спорных проблем индо-пакистанских взаимоотношений. Расширение связей с Пакистаном увеличит возможности российского влияния на ситуацию в Афганистане в целях ее скорейшего урегулирования, ослабит опасность со стороны Южной Азии в целом. Кроме того, стабилизация обстановки в Афганистане и расширение связей с Пакистаном позволило бы центральноазиатским государствам установить выгодные кратчайшие магистральные пути к побережью Индийского океана, к которым также может присоединиться и Россия.

Все отмеченные меры способствовали бы нейтрализации негативных последствий от превращения Индии и Пакистана в ядерные государства, сохранению и укреплению режима нераспространения, ослаблению вызовов России со стороны Южной Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

¹ Независимое военное обозрение. — 1999. — 26 нояб. — 3 дек. — № 46.

² Независимое военное обозрение. — 2000. — 28 апр. — 11 мая. — № 15.

³ См.: **Bajpai K. and Cohen S.** South Asia After the Cold War: International Perspectives. — Boulder, Colo.: Westview Press, 1993.

⁴ **Sollenberg M. and Wallenstein P.** Major Armed Conflicts. SIPRI Year-book 1998: Armaments, Disarmament and International Security. — Oxford: Oxford University Press, 1998. — P. 17, 27.

⁵ South Asia and the United States After the Cold War: A Study Mission. — N.Y.: The Asia Society, 1993.

⁶ The News. — Islamabad/Rawalpindi. — 1998. — May 26. — P. 1.

⁷ World Development Report 1996. — Washington, DC and New York: World Bank and Oxford University Press, 1996. — P. 181.

⁸ World Military and Social Expenditures 1996. — 16th edn. — Washington, DC: World Priorities, 1996. — P. 50.

⁹ Ibid. — P. 50.

¹⁰ World Development Report 1996. — P. 188.

¹¹ Social Development in Pakistan. Annual Review 2001. — Karachi: Oxford University Press, 2002. — P. 1, 14.

- 12 Ibid. — P. 192.
- 13 SIPRI Yearbook 1998: Armaments, Disarmament and International Security. — P. 230.
- 14 Ibid. — P. 230.
- 15 World Military and Social Expenditures. — P. 50; Зарубежное военное обозрение. — М., 2002. — № 6. — С. 16, 18.
- 16 Ibid.
- 17 Ibid.
- 18 Ibid. — P. 46.
- 19 International Institute for Strategic Studies. The Military Balance 1997/98. — Oxford: Oxford University Press, 1997. — P. 147, 148, 150, 153–156, 159–161, 266.
- 20 Служба внешней разведки РФ. Новый вызов после холодной войны: распространение оружия массового уничтожения. — М., 1993. — С. 81–84, 98–102.
- 21 **Arnett E.** (ed.). SIPRI, Military Capacity and the Risk of War: China, India, Pakistan and Iran. — Oxford: Oxford University Press, 1997. — P. 25, 37–38, 84–194, 243–245.
- 22 Asian Affairs. — L., 1998. — Aug. — P. 14.
- 23 Специальные слушания в Комиссии по международным делам Госдумы РФ, октябрь 1994 г., февраль 1997 г., в которых принимал участие один из авторов этой работы.
- 24 Government of Pakistan, Economic Survey 1996/97, Statistical Appendix. — Islamabad: Corporation of Pakistan Press, 1997. — P. 173.
- 25 Независимая газета. — 1997. — 11 июля.
- 26 Известия. — 1998. — 18 марта.
- 27 **Vohra S.** Pakistan 1994, Strategic Analyses. — Vol. 18. — New Delhi. — 1995, May. — N 2. — P. 247.
- 28 Ibid.
- 29 Why India loves the bomb? // The Economist. — 1998. — May 16. — P. 67.
- 30 Sunday Times of India. — 1998. — May 31. — P. 1.
- 31 Pakistan Observer. — 1998. — June 27. — P. 11.
- 32 Peace at N-point // Hindustan Times. — New Delhi, 1998. — May 4. — P. 1.
- 33 China says Indian Nuclear Tests aimed at dominance in South Asia // CNN World News. — Associated Press. — 1998. — May 14.
- 34 **Eckholm E.** China with restraint, condemns India's nuclear tests // New York Times. — 1998. — May 13; **Bakshi J.** Russia's post-Pokharan balancing act // Mainstream. — Vol. 36. — New Delhi, 1998. — Aug. 1. — N 32.
- 35 Sunday Times. — London, 1998. — June 21; The Observer. — 1998. — July 5.
- 36 China, Russia Stress Accord on S. Asia—Kosovo // Reuters. — 1998. — July 24.
- 37 **Eriander S.** The New Cold War in South Asia? // International Herald Tribune. — 1998. — July 13.
- 38 Ibid.
- 39 **Mohan C.R.** Challenge of Peaceful Nuclear Co-Existence // Mainstream. — Vol. 36. — New Delhi, 1998. — June 6. — N 24. — P. 9–10.

- 40 **Rabbani A.** Can We Defeat India? // Pakistan Observer. — 1998. — June 23. — P. 7; **Subrahmaniam K.** Peace At N-point // The Sunday Times of India. — 1998. — May 31. — P. 19.
- 41 Ibid.
- 42 Ibid.
- 43 Подробнее см.: **Чуфрин Г.** (ред.) Наркобизнес: новая угроза России с Востока. — ИВ АН. — 1996. — С. 31–45.
- 44 South Asia and the United States After the Cold War. — P. xii.
- 45 Sunday Times of India. — 1998. — May 31; New York Times. — 1998. — May 12.
- 46 Russia, India Push Defence Ties. — M.: Reuters. — 1998. — June 18.
- 47 India, Russia Sign Kudankulam Deal // Discover India: News Head- lines. — 1998. — June 22.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении первого периода, в 1947–1971 гг., регион Южная Азия с глобально-политической точки зрения занимал относительно малозаметное место, не относясь к числу приоритетных. Главные «болевые точки» располагались на Дальнем и Ближнем Востоке. Отсутствие значительного интереса внешних сил к Южной Азии, находившейся географически между ними, в промежуточной зоне, объяснялось, с одной стороны, экономическими факторами, отсутствием, в частности, крупных запасов энергетического сырья, а с другой — идеологически, ввиду того, что главные линии идейно-политического противостояния пролегли в стороне от него. Источником напряженности в отношениях между двумя главными государствами региона, Индией и Пакистаном, были внутрирегиональные факторы, именно они трижды приводили к острым вооруженным конфликтам, последний из которых завершился распадом Пакистана на современную страну с этим названием и Бангладеш.

В течение второго периода регионально-политической эволюции (1972–1989 гг.) обнаруживаются черты преемственности и существенные новые моменты. К первым относится продолжающееся противостояние между Индией и Пакистаном. Несмотря на произошедшее в 1971 г. сокращение наполовину населения и примерно на треть экономического потенциала, Пакистан сохранил претензии на паритет в отношениях с Индией. Можно указать на два подкрепляющих его амбиции обстоятельства — сильный военный потенциал и поддержку мусульманских государств. Дополнительными условиями можно считать тесные военные связи с Китаем и заметное место, которое он занял во внешнеполитических расчетах США.

Геополитическая конфигурация региона Южной Азии претерпела после 1971 г. существенные изменения. Она потеряла замкнутость, создававшуюся наличием двух «крыльев» Пакистана на западном и восточном флангах Индии. Нейтрализация восточнопакистанского фланга позволила Индии более уверенно строить отношения с боль-

шим соседом на северо-востоке — Китаем. В середине 70-х годов ей удалось закрепить свои позиции в Непале и усилить присутствие вдоль границ с КНР путем присоединения княжества Сикким и укрепления влияния в Королевстве Бутан. Тем самым были во многом преодолены последствия неудачной для Индии пограничной войны с Китаем осени 1962 г. и ослаблена возникшая с середины 50-х годов напряженность в отношениях с ним.

С начала 70-х и вплоть до конца 80-х годов Южноазиатский регион оказался главным образом «повернут» на запад, в сторону Аравии, Персидского залива и всего Ближнего и Среднего Востока, и на северо-запад, в направлении Афганистана. Именно в этой зоне в тот период происходила напряженная схватка между «свободным миром» (Западом) во главе с США и социалистическим содружеством (Востоком), руководимым СССР. Основным новым обстоятельством, выявившимся на протяжении второго периода, было значительное воздействие внерегиональных факторов, в первую очередь войны в Афганистане. Вместе с тем в этот период не наблюдалось широких вооруженных столкновений между странами региона, хотя и сохранялась напряженность в отношениях между Индией и Пакистаном. С середины 80-х годов возобновились пограничные стычки на линии контроля в Кашмире, в районе ледника Сиачин. Под влиянием афганского фактора и по ряду других причин значительных размеров достигла гонка вооружений в регионе. Пакистан при этом опирался на военно-экономическую помощь США, финансовую поддержку со стороны Саудовской Аравии и военно-техническое сотрудничество с Китаем. Главным военно-стратегическим партнером Индии и ее кредитором выступал Советский Союз. Помимо закупок военного снаряжения и передовых видов вооружений Дели получал от Москвы содействие в развитии своего военно-промышленного комплекса. На базе многосторонних связей во второй половине 80-х годов сложилось определенное равновесие в потенциалах вооруженных сил двух региональных антагонистов. Однако Индия имела существенные преимущества с точки зрения нанесения первого удара вследствие особенностей стратегической географии Пакистана, а именно отсутствия природных преград, способных защитить его протяженную границу с Индией от отрогов Гиндукуша до Аравийского моря, близости главных городов и промышленных центров к этой границе наряду со смещенностью в ее сторону демографического центра тяжести. К тому же Индия обеспечила себе господство на море, преследуя при этом более широкие, чем только достижение превосходства над Пакистаном, цели.

Текущий период геополитической эволюции региона, начавшийся с рубежа 80-х–90-х годов, более напоминает первый, чем второй. Основные источники противоречий вновь концентрируются в регионе. Они в основном обусловлены внутрорегиональными

проблемами, такими как Кашмир, и тесно связаны с внутривнутриполитическими процессами, в частности, использованием споров с соседями во внутривнутриполитической борьбе.

Внутренние политические проблемы в свою очередь связаны с экономическими и социальными. Быстрый рост экономики в Индии оставляет по большей части в стороне расширяющийся и огромный по накопленной массе демографический груз. Результаты экономической модернизации, проникая в глубь общества, имеют свойство активизировать его политически «спящие» слои, что нередко сопровождается нарушением социально-политического баланса. В Индии в 90-х годах такая дестабилизация уже дала о себе знать и послужила, как представляется, подоплекой выявившейся слабости центральной власти, частой смены правительств и череды досрочных парламентских выборов. Внутреннее брожение привело также к усилению традиционализма в идеологической сфере, питающего как умеренный культурно-религиозный национализм, так и коммуналистский шовинизм.

Еще более неблагоприятным представляется соотношение между экономическим и демографическим ростом в Пакистане. Давление населения на землю здесь в недалекой перспективе рискует привести к катастрофическим последствиям. Замедление темпов развития экономики Пакистана, обнаружившееся в 90-х годах, способствовало радикализации политической жизни, усугублению конфликтов и противоречий между этнолингвистическими и религиозными группами. Осознаваемая элитой необходимость сплочения нации может в перспективе вызвать новый подъем непримиримых происламистских настроений, а столкновение индуистского и исламского национализмов способно полностью расшатать хрупкий баланс сил в регионе.

Надо отметить, что военно-стратегическое равновесие в регионе в конце XX — начале XXI века оказалось основательно подорванным. Эмбарго, которое в 1990 г. США ввели на поставки в Пакистан передового вооружения обычного типа, прежде всего самолетов F-16, способствовало его отставанию от Индии в темпах модернизации вооруженных сил. По всей видимости, с помощью КНР, а возможно, и благодаря тайным контактам с властями КНДР Исламабаду удалось продвинуться на пути создания ракет среднего и меньшего радиуса действия. Опираясь, очевидно, в основном на собственные разработки и ресурсы, он сумел произвести некоторое количество ядерных боезарядов. Все это позволило ему уравнивать шансы с Индией в ракетно-ядерной области. Однако его отставание в сфере обычных вооружений — прежде всего высокоэффективных, технологически сложных — ныне представляется существенно большим, чем в предшествующие десятилетия. Особенно велико оно в воздухе, где Индия, судя по всему, добилась явного превосходства. Менее

значимо в случае конфликта, но не менее велико преимущество индийских ВМС перед пакистанскими.

Эти тревожные тенденции ослабляет только сохраняющаяся позитивная экономическая динамика. В начале 2000-х годов Пакистан стал выходить из полосы затяжного кризиса и особенно важной стала задача укрепления базы регионального сотрудничества и взаимодействия. Можно утверждать, что благодаря реализации планов создания Ассоциации сотрудничества стран Южной Азии регион сложился как определенное, хотя и весьма еще слабо скрепленное сообщество. Ведущую роль в нем играет Индия, безусловно доминирующая по всем основным показателям.

Добившись полвека назад политической независимости, руководство этой страны предприняло усилия для ее превращения в одного из мировых лидеров. Исходя из реальных представлений о возможностях своего государства на начальном этапе, индийские руководители на первых порах сделали ставку на моральный авторитет страны среди освободившихся от колониальной и полуколониальной зависимости, экономически менее развитых наций Азии, Африки и Латинской Америки. Следуя этому курсу, Индии удалось в 60–80-е годы XX века занять место лидера во влиятельном Движении неприсоединения и в Группе 77, состоящей из развивающихся стран—членов ООН. С начала 60-х годов Индия встала на путь усиления военно-промышленного и научно-технического потенциала. Ее превращение в крупную региональную державу сочеталось с успешным экономическим ростом. К 70-м годам ей удалось в основном решить исключительно острую продовольственную проблему, к 80-м — создать базу тяжелой индустрии и энергетики, а с начала 90-х годов — расширить связи с западным, экономически развитым сообществом. Некоторые потери, связанные с потускнением «идеального» образа Индии как крупнейшей демократической и миролюбивой азиатской страны, компенсировались приобретением реального веса в военно-экономической области, повышением привлекательности для транснационального капитала и расширением емкости внутреннего рынка для экспортных товаров. В итоге главные геополитические устремления Индии с 80-х годов оказались связанными не столько с узким регионом Южной Азии, сколько с более широким ареалом, включающим страны Азии и Африки, Индийского и Тихого океанов, а с 90-х годов — также и всего евразийского пространства. Выход за рамки былого региона колониальных времен сочетался с политикой «сдерживания», проводимой в отношении Пакистана, и поддержания внутренней стабильности в других государствах Южноазиатского региона, в первую очередь в Шри-Ланке.

Особое значение сохраняли для Индии отношения с Китаем, который выступает ее главным соперником в борьбе за лидерство в азиатско-африканском мире и конкурентом на рынке мировых ка-

питательных и кредитных ресурсов. Между Индией и Китаем имеются в то же время точки соприкосновения и зоны совпадающих интересов. Они касаются в основном подходов к чувствительным для них вопросам национальной безопасности. Обе страны озабочены усилением тенденций к формированию Западом однополюсной структуры международного порядка, а также политической радикализацией, которая охватила некоторые ареалы распространения ислама.

Пакистан, вторая опора региональной системы, сталкивался со значительно бо́льшим количеством проблем и вызовов. Первоначальный план лидеров, выступавших за создание в Индостане территориальных образований, где мусульмане не оказались бы в меньшинстве, претворен в жизнь не был. За этой первой неудачей последовали раздел государства в 1971 г. и угроза распада оставшейся части страны на несколько этнорегиональных образований. С середины 70-х годов Пакистан оказывается в тесной геополитической связке с Афганистаном, где развернулась широкомасштабная вооруженная борьба. Территориальная и этническая (через пуштунов и белуджей) связанность Пакистана с северо-западным соседом от- крывала перед его правящими военно-бюрократическими кругами перспективы в продвижении своих интересов в глубь континентальной Евразии и являлась в то же время геополитическим вызовом, угрозой его целостности. Дело в том, что в 80-е и 90-е годы Пакистан и Афганистан оказались, как сиамские близнецы, соединены пуштунским фактором, и этим во многом объясняется поддержка, которую Исламабад оказывал афганскому, по преимуществу пуштунскому, движению «Талибан». Разгром последнего в конце 2001 г. придал этнополитической ситуации в Афганистане новые параметры. В Пакистане положение со временем тоже может измениться вследствие роста пуштунского национализма в сочетании с исламским радикализмом. Состоявшиеся в октябре 2002 г. парламентские выборы в Пакистане уже продемонстрировали популярность такого соединения — на них в пуштунских районах победили представители исламских партий.

Пакистан, впрочем, на всем протяжении своего существования подвергался серьезному внешнему давлению, и его политика по отношению к соседям вынужденно носила активный, оборонительно-наступательный характер. Самостоятельные действия на глобальном уровне имели для него меньшее значение, чем для Индии, определялись во многом «вторичными» мотивами поиска контригры против последней. Отсюда ставка на партнерство с мусульманскими странами, которая принесла определенный успех в 70–80-х годах. Идеологический вектор, впрочем, играл также определенную самостоятельную роль. Его отсутствие в отношениях с Китаем компенсируется совпадением геополитических интересов обоих государств, «окружающих» Индию по северному полукольцу.

Региональное сотрудничество в рамках СААРК имеет некоторые, хотя в целом ограниченные, перспективы. Экономическое сотрудничество затруднено более или менее однотипным характером национальных хозяйств всех семи стран региона, малой степенью их взаимодополняемо. Экономически самая развитая Индия достигла наибольших успехов в области «большой науки» и тяжелой промышленности. И та, и другая сферы в значительной степени оторваны от насущных народно-хозяйственных потребностей остальных стран региона. Почти все государства—члены СААРК характеризуются все еще весьма высоким уровнем тарифной защиты рынков, что препятствует увеличению взаимной торговли. Отсутствуют, даже в Индии, массы избыточного (финансового) капитала и значительные секторы прибыльного его приложения. Шаги для преодоления трудностей в экономическом взаимодействии делаются и будут, очевидно, предприниматься в дальнейшем, однако перспективы создания прочного, значимого для стран региона экономического союза малы. Более существенна роль регионального сотрудничества в раз- решении проблем, возникающих в экономической области и связанных с принадлежностью к одному географическому ареалу. Это прежде всего проблема использования имеющихся запасов пресной воды. Несмотря на ограниченность реальных перспектив тесной экономической интеграции, усиление торгово-экономического взаимодействия в регионе вполне возможно, особенно в его восточной и южной частях, и СААРК должна сыграть в этом плане определенную роль. Важнейшая функция Ассоциации в то же время состояла и состоит в том, чтобы служить «местом встреч», инструментом дипломатии, способствующим улучшению отношений между государствами региона.

Южная Азия имеет для России немаловажное значение. Как член мирового сообщества она заинтересована в региональной стабильности, устранении угрозы ядерного конфликта. Традиционно тесными являются ее связи с главной страной региона Индией. Укрепление дружественных взаимовыгодных контактов с ней остается одним из главных приоритетов политики Москвы в Азии. Существенной задачей является и развитие связей с другими государствами региона, в первую очередь Пакистаном. Соседство последнего с Афганистаном, а через него с Центральной Азией, придает пакистанскому направлению внешней политики России особую значимость. Ввиду сложного характера взаимоотношений между Индией и Пакистаном на современном этапе и в обозримой перспективе Москве, очевидно, целесообразно уделить главное внимание параллельному развитию двусторонних отношений с обеими странами, не упуская при этом возможности содействовать (при согласии сторон) урегулированию существующих между ними спорных проблем.

SUMMARY

The book «South Asia in the World Politics» by Vyacheslav Ya. Belokrenitsky, Vladimir N. Moscalenko and Tatyana L. Shaumian is dedicated to the study of various issues pertaining to foreign and home policy, history and general trends in development of India, Pakistan and other countries of the region which was formerly a part of the British colonial empire in Asia.

Several concepts, such as geopolitical evolution and regional foreign policy, are central for the authors of the book. In chapter 1 they propose to look at the geopolitical development in the South Asian subcontinent as divided into three major periods. War between India and Pakistan in 1971 and the subsequent bifurcation of the latter with the formation of Bangladesh constitutes the watershed between the first and the second period. The end of the cold war and the withdrawal of the Soviet troops from Afghanistan in 1989 have determined the end of the second and beginning of the third current stage. The first period is further subdivided into two by the Sino-Indian military conflict of 1962, while the crucial event for the second period is the Soviet involvement in Afghanistan in 1979. Thus it follows that the interplay of regional and global factors have had a determining impact on the dynamics of the South Asian geopolitics. In the chapter, the authors discuss the ways in which the foreign policies of the major actors, that is India and Pakistan, have reflected and shaped the regional political situation, including the relations with such states on its fringes as China, Iran and Burma (Myanmar).

The Indian foreign policy primarily during the cold war period and mainly in its regional aspect is scrutinized in Chapter 2. The authors discuss the influence of Mahatma Gandhi and Jawaharlal Nehru ideas and world outlook upon the philosophy and contents of the Indian foreign policy line. They accentuate a change from a largely «idealistic» policy in the 40–50s to a more «realistic» one in the later periods. According to them, the growing military-industrial might of India can to a considerable extent explain the reasons of the shift. The emergence of India

as the predominant regional power is seen as lying in the roots of its policy towards Pakistan and smaller neighboring countries, that is Sri Lanka, Nepal, Bhutan and the Maldives, in the 70–80s. The logic of the complicated Indian-Chinese relations can be partly deduced to the aforementioned trend.

Chapter 3 contains a detailed analysis of Pakistan's foreign regional policy between 1947 and 1989. The authors single out the deep rooted sense of insecurity stemming largely from the «breakaway» origin of the state as the chief denominator of Pakistani regional politics. The specific place of Pakistan in the global geopolitics and the role it played in the American strategy of the containment of communism are discussed in the chapter. The authors have used extensively the results of the research work carried over in the USSR in the corresponding periods as well as the recently published memoirs by former Soviet ambassador in Washington Anatoly Dobrynin and former chief of the KGB intelligence Leonid Shebarshin. The authors view the Pakistani regional policy as basically defensive between 1947 and 1979. In the aftermath of the Soviet invasion in Afghanistan the Pakistan's policy has acquired a more assertive and ambitious character due to the liberal assistance provided by the US, the Saudi Arabia and China.

Chapter 4 deals with the perspectives and limitations of the regional cooperation in South Asia. The authors detail the steps in the creation of the South Asian Association for Regional Cooperation (SAARC) and the principal achievements of this organization. They draw attention to the objective limits to regional goodwill and economic interaction. Apart of political differences, the lack of economic compatibility stands in the way of meaningful cooperation.

The notion of conflict and conflict potential is another conceptual approach widely used by the authors. In this context, they interpret the dispute over Kashmir between India and Pakistan and the two states contention in the race for nuclear arms acquisition. Chapter 5 addresses the problem of the birth of the never ending Kashmir conflict. It seeks to take into account the recent debate in the historical literature pertaining to the legality of accession of the Indian princely state of Jammu and Kashmir to India. The authors conclude that although the legal side of the accession can be questioned it does not help in solving the existing burning problem. The chapter deals with the first period of the Kashmir crisis that ended with the signing of Simla Agreement in 1972. The Soviet posture had been of importance since 1954, and the Soviet veto power had several times blocked adoption of the anti-Indian resolutions in the UN Security Council.

Chapter 6 analyses the situation in and around Kashmir at the second stage of the conflict since the «popular uprising» in the Indian state of Jammu and Kashmir in 1989. Apparently divorced from the influence of the global confrontation, the Kashmir dispute in its later phase seems

to be thoroughly effected by the «fallout» of the Soviet and American involvement in Afghanistan as the interference of the outside forces had stimulated the Islamic radicalism and terrorism overflowing the borders between Afghanistan and Kashmir. The failure of the Indian democratic institutions in Jammu and Kashmir and covert Pakistani across the border interference serve as other salient factors contributing to the tragedy in Kashmir.

Chapter 7 deals in detail with the problem of nuclearisation of South Asia. The authors analyze the stages India and Pakistan had passed in their efforts to acquire nuclear weaponry. In the 40–60s, both countries had developed some basic facilities in the atomic energy production and experimental physical science. The Chinese nuclear tests in 1964 and the subsequent years had set in motion the «chain reaction» of the nuclear race in the region. In 1974, India tested her first device. Though she denied plans to ‘go nuclear’, Pakistan had stepped in and by the end of the 80s vowed to achieve decisive progress. India in turn had intensified her program and conducted a series of nuclear underground explosions in May 1998. Pakistan followed suit later same month, and both had become the de-facto nuclear powers. Assessing the present stage, the authors try not to overestimate the dangers of the acquisition of nuclear arms by India and Pakistan believing it would serve as an effective deterrent in case of a possible stand-out. At the same time they share concerns that the ‘nuclear breakthrough’ may imperil the fate of the international non-proliferation regime and in course of time might pave way to grave regional and global repercussions.

The content of Chapter 8 enlarges the scope of the book by incorporating issues of political and economic development of all the South Asian states viewed in the context of globalization. The authors single out two trends in their endeavors to come to terms with the phenomenon of fast growing international interdependence. One tendency is to further liberalize the economic and social policies while the other is to stick to a more self-sustained model of evolution buttressed by the popular demand for a distinct cultural identity.

In Chapter 9 the authors discuss the Afghan policies of Pakistan and India concentrating upon the eventful decade between 1989 and 1999. While recapitulating the history of Pak-Afghan relations they emphasize the importance of Afghanistan for Pakistani foreign as well as home policy drawing attention to the close ties between the Pushtuns living on both sides of the border. The authors point to several stages in the recent Pakistan’s involvement in the Afghan affairs marked by the shift from the support of Hekmatyar’s Hezb-e Islami to that of the Taliban. They argue that in spite of all the efforts Islamabad has failed to achieve the goals of its Afghan policy and has come to confront the backlash implications detrimental to the national politics. India’s interest in Afghanistan is largely dictated by the logic of her rivalry with Pakistan.

She has consistently argued for such a settlement in Afghanistan that relies upon the consent of all the striving forces and diminishes the thrust of the Islamic extremism.

Chapter 10 brings together the analysis of topical South Asian problems in the context of the Russian national interests. The authors evaluate the effect of the nuclearization of the region for the security of Russia and come to the conclusion that it should not be in any way exaggerated. But indirectly it can present a danger by violating the regime of non-proliferation and bringing nuclear arms closer to the Russian borders. The interests of Russia seen in broader terms would be ill served if the turmoil conditions persist in the region including places like Kashmir. Russia would like to see India succeeding in delivering normalcy and stability to its explosive 'northern' state and shares her hopes for finding the way out of the impasse by means of bilateral talks with Pakistan. The authors emphasize that Moscow is genuinely worried by the humanitarian and social problems effecting the largely poor countries of the region and consider the aims of eradication of terrorism, extremism and drugs trafficking there as neatly corresponding to her own security agenda.

In the conclusion to the book the authors sum up the main results and findings of the study. They go through the stages of the geopolitical evolution of the region and speculate about the probable course of development in future. The authors presume that the relations between India and Pakistan would remain generally tense. Kashmir will continue to be a bone of contention poisoning the atmosphere in India and in the region. Under the pressure of the world community, the nuclear regional antagonists may take a pause in their drive for more atomic arms and will sign CTBT. It is hard to foresee any breakthrough in enhancing the South Asian regional cooperation. South Asia, barring Pakistan, is likely to get increasingly drawn into the orbit of the ASEAN and Asian-Pacific countries.

БИБЛИОГРАФИЯ

Книги и пособия

Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии. — Изд. 2-е. — М.: Наука, 1979.

Банерджи Б.Р. Индийский океан: зона напряженности. — М.: Прогресс, 1985.

Баранов С.С. Восточная Бенгалия. Особенности экономического развития 1947–1971. — М.: Наука, 1976.

Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. Пакистан. — М.: Мысль, 1981.

Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в современном политическом мире. Взгляд из Москвы. — Нью-Йорк: Эдвин Меллен, 2001.

Бельский А.Г., Фурман Д.Е. Сикхи и индусы. Религия, политика и терроризм. — М.: Наука, 1992.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. — М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002.

Ваджнай А.Б. Индия на пути в будущее. Сборник речей и выступлений (март 1998—сентябрь 2001 г.). — М.: Институт востоковедения РАН, 2001.

Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Под ред. А.Д. Воскресенского. — М.: Росспэн, 2002.

Ганди И. Внешняя политика Индии. Избранные речи и выступления 1980–1982. — М.: Прогресс, 1982.

Ганди И. Мир, сотрудничество, неприсоединение. Избранные статьи, речи и выступления о внешней политике Индии и советско-индийских отношениях, 1982–1984. — М.: Прогресс, 1985.

Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р. История Пакистана. — М.: Восточная литература, 1961.

Ганковский Ю.В. Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. — М.: Наука, 1967.

Ганковский Ю.В. Народы Пакистана (основные этапы этнической истории). — М.: Наука, 1964.

Год планеты 1994. — М.: Республика, 1994.

Горошко Г.Б. Борьба в Индии по вопросам внешней политики. 1957–1964. — М.: Наука, 1966.

Горошко Г.Б. История национально-освободительного движения Индии. Внешнеполитические воззрения и позиция по международным вопросам. — М.: МГИМО, 1991.

Гуревич Н.М. Внешняя торговля Афганистана в новейшее время. — М.: Наука, 1981.

Датт В.П. Внешняя политика Индии. — М.: Прогресс, 1988. Демократия в Индии / Под ред. Ф.Н. Юрлова. — М.: Институт востоковедения РАН, 2002.

Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. — М.: Арктогея, 1997.

Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. — М.: Арктогея, 2000.

Жмуйда И.В. Внешнеэкономические связи Пакистана. — М.: Наука, 1981.

Жмуйда И.В. Пакистан. Внутренние и внешние факторы экономического развития (70–80-е годы). — М.: Наука, 1988.

Журавлева Е.С., Кочетов В.П. Внешняя политика Индии. — МГИМО, 1991.

Индия 1980 Ежегодник / Под ред. П.В. Куцобина. — М.: Наука, 1982.

Индия 1983 Ежегодник / Под ред. П.В. Куцобина. — М.: Наука, 1985.

Индия 1985–1986 Ежегодник / Под ред. П.В. Куцобина. — М.: Наука, 1987.

Индия 1987 Ежегодник / Под ред. П.В. Куцобина. — М.: Наука, 1988.

Индия: достижения и проблемы / Под ред. А.А. Куценкова, Ф.Н. Юрлова. — М.: Институт востоковедения РАН, 2002.

Индия. Страна и ее регионы / Под ред. Е.Ю. Ваниной. Эдиториал УРСС, 2000.

Интеграционные процессы в Азии в конце XX столетия / Под ред. Г.И. Чуфрина. — М.: Институт востоковедения РАН, 1995.

Ислам. Краткий справочник. — М.: Мысль 1983.

Ислам в современной политике Востока. — М.: Наука, 1986.

Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. — М.: Наука, 1982.

«Исламский фактор» в международных отношениях в Азии. — М.: Наука, 1987.

Каид-и-азам Мухаммед Али Джинна / Под ред. Ю.В. Ганковского. — М.: Институт востоковедения РАН, 1997.

Кауль Т.Н. Индия и Азия. — М.: Прогресс 1989.

Каушик Д. Индийский океан. Проблемы безопасности. — М., 1976.

Киссинджер Г. Дипломатия. — М.: Ладомир, 1997.

Китай в мировой политике / Под ред. А.Д. Воскресенского. — М.: Росспэн, 2001.

Колыхалова Г.П. Индия и Англия. — М.: Наука, 1966.

Лужецкая Н.Л. Очерки истории Восточного Гиндукуша во второй половине XIX века. — М.: Наука, 1986.

Лунев С.И. Дипломатия в Южной Азии. — М.: Наука, 1993.

Лунев С.И. Индия и США. Межгосударственные отношения. — М.: Наука, 1987.

Махмамов М. Афгано-пакистанские отношения 1947–1977 гг. — М.: Рук. депон. в ИНИОН, 1987.

Межгосударственные региональные организации в Азии в международных отношениях. — М.: Наука, 1991.

Москаленко В.Н. Внешняя политика Пакистана (формирование и основные этапы эволюции). — М.: Наука, 1984.

Москаленко В.Н. Проблемы современного Пакистана. — М.: Наука, 1970.

Мукумджанова Р.М. Пакистан и империалистические державы. 70-е — начало 80-х годов. — М.: Наука, 1984.

Мукумджанова Р.М. Пакистан, Южная Азия и политика США. — М.: Наука, 1974.

Мукумджанова Р.М. Политика США в Пакистане. 1947–1960. — М.: Социально-экономическая литература, 1961.

Наркобизнес: новая угроза России с Востока / Под ред. Г.И. Чуфрина. — М.: Институт востоковедения РАН, 1996.

Народная Республика Бангладеш. Справочник / Под ред. Ю.В. Ганковского. — М.: Наука, 1974.

Насенко Ю.П. Дж.Неру и внешняя политика Индии. — М.: Наука, 1975.

Неру Дж. Внешняя политика Индии. Избранные речи и выступления, 1946–1964. — М.: Прогресс, 1965.

Нихамин В.П. Очерки внешней политики Индии. 1947–1957. — М.: Восточная литература, 1959.

Новый вызов после холодной войны: распространение оружия массового уничтожения. — М.: Служба внешней разведки РФ, 1993.

Очерки международных отношений в Южной, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке (1945–1955). — М.: Наука, 1975.

Пакистан. История и экономика / Под ред. Ю.В. Ганковского. — М.: Наука, 1980.

Пакистан. Справочник / Под ред. Ю.В. Ганковского. — М.: Наука, 1991.

Плешаков К. Геоидеологическая парадигма (взаимодействие геополитики и идеологии на примере отношений между СССР, США КНР в континентальной Восточной Азии 1940–1991 гг.). — М.: 1994.

Плешов О.В. Ислам и демократия. Опыт Пакистана. — М.: Институт востоковедения РАН, 1997.

Плешов О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. — М.: Институт востоковедения РАН, 2003.

Поздняков Э.А. Геополитика. — М.: Наука, 1995.

Политика США на Ближнем и Среднем Востоке. — М.: Восточная литература, 1960.

Политическая история государств Азии и Северной Африки. XX век. — Т. 1. — М.: Магистр, 1996.

Политическая культура стран Азии и Северной Африки / Под ред. Л.М. Ефимовой. — М.: МГИМО, 1996.

Празаускас А.А. Сикким: 22-й штат Индии. — М.: Наука, 1980.

Разоружение и безопасность 1997–1998. Россия и международная система контроля над вооружениями: развитие или распад. — М.: ИМЭМО, 1997.

Региональные конфликты в Азии и Северной Африке. — М.: Институт востоковедения РАН, 1997.

Россия и Индия в современном мире: вопросы сотрудничества и взаимодействия в свете их национально-государственных интересов. — М.: Институт востоковедения РАН, 1995.

Россия и Индия на пороге третьего тысячелетия / Под ред. А.А. Куценкова, Ф.Н. Юрлова. — М.: Институт востоковедения РАН, 1998.

Смит Д., Корбин М., Хеллман К. Новые вооруженные силы: стратегия безопасности XXI в. — М.: Гендальф, 2002.

Советская внешняя политика в годы холодной войны (1945–1985). Новое прочтение. — М.: Международные отношения, 1995.

Современная Азия. Справочник. — М.: Наука, 1977.

Современные международные отношения / Под ред. А.В. Торкунова. — М.: Росспэн, 2001.

Спольников В.Н. Афганистан. Исламская оппозиция: истоки и цели. — М.: Наука, 1990.

СССР и Индия / Под ред. Г.Г. Котовского, А.Н. Хейфеца, П.М. Шаститко. — М.: Наука, 1987.

СССР и Пакистан / Под ред. И.В. Халевинского. — М.: Наука, 1984.

Степанов Л. Конфликт в Индостане и соглашение в Ташкенте. — М., 1966.

Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии / Под ред. И.С. Казакевича. — М.: Наука, 1970.

Страны и народы Востока. — Вып. XXII. — М.: Наука, 1972.

Страны мира. Справочник 1999. — М.: Республика, 1999.

Темирханов Л. Восточные пуштуны. Основные проблемы новой истории. — М.: Наука, 1987.

Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968. — М.: Наука, 1999.

Цыганков П.А. Теория международных отношений. — М.: Гардарики, 2002.

Чуфрин Г.И., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Ядерный фактор как источник новых конфликтных ситуаций и угроз национальной безопасности России на южном направлении. — М.: Институт востоковедения РАН, 1994.

Шаумян Т.Л. Кто и почему воюет в Кашмире? — М.: Центр стратегических и политических исследований, 1999.

Шебаршин Л.В. Рука Москвы. Записки начальника советской разведки. — М.: Терра, 1996.

Шерковина Р.И. Политические партии и политическая борьба в Пакистане. — М.: Наука, 1983.

Широков Г.К., Лунев С.И. Россия, Китай и Индия в современных глобальных процессах. — М.: Московский общественный научный фонд, 1998.

Энциклопедия Пакистана / Под ред. Ю.В. Ганковского. — М.: Фонд-пресс, 1998.

Южная Азия: конфликты и геополитика / Под ред. В.Я. Белокреницкого. — М.: Институт востоковедения РАН, 1999.

Юрлов Ф.Н. Россия и Индия в меняющемся мире. — М.: Институт востоковедения РАН, 1998.

- Ahmed A.S.* Discovering Islam. Making Sense of Muslim History and Society. — Lahore: Vanguard Books, 1988.
- Ahmed A.S.* Jinnah, Palistan and Islamic Identity. The Search for Saladin. — L., N.Y.: Routledge, 1997.
- Ali Ch.M.* The Emergence of Pakistan. — N.Y., 1967.
- America-Pakistan Relations.* Documents / Ed. by K. Arif. — Vol. 1. — Lahore: Vanguard Books, 1984.
- Amin T.* Mass Resistance in Kashmir. — Islamabad: Institute of Policy Studies, 1995.
- Arif K.M.* Working with Zia. — Karachi, 1995.
- Asian Development Outlook* 1996 and 1997. — Wash.: The World Bank, 1997.
- Ayub Khan M.* Friends not Masters. A Political Autobiography. — L., 1967.
- Barnds W.J.* India, Pakistan, and The Great Powers. — N.Y., 1972.
- Bhutto B.* Daughter of the East. An Autobiography. — L., 1990.
- Bhutto Z.A.* Foreign Policy. A Compendium of Speeches made in the National Assembly of Pakistan 1962–64. — Lahore: Classic,s.a.
- Bhutto Z.A.* The Myth of Independence. Reprint. — Lahore: Classic, s.a.
- Bhutto Z.A.* Reshaping Foreign Policy. Reprint. — Lahore: Classic, s.a.
- Blinkenberg L.* India—Pakistan. The History of Unsolved Conflict. — Vol. 1 & 2. — Denmark: Odense University Press, 1998.
- Brass P.R.* The Politics of India since Independence. 2-nd ed. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Brecher M.* India's Foreign Policy. — N.Y., 1957.
- Brecher M.* Nehru. A Political Biography. — Boston: Beacon Press, 1959.
- Brown J.M.* Modern India. The Origins of an Asian Democracy. 2-nd ed. — Oxford: Oxford University Press, 1994.
- Burke S.M.* Mainsprings of Indian and Pakistani Foreign Policies. — Minneapolis: University of Minnisota Press, 1974.
- Busan B., Rizvi G.* South Asian Insecurity and the Great Powers. — L.: Macmillan; N.Y.: St. Martin's, 1986.
- The Cambridge Encyclopedia of India, Pakistan, Bangladesh, Sri Lanka, Nepal, Bhutan and the Maldives* / Ed. F. Robinson. — Cambridge: Cambridg University Press, 1989.
- Caroe O.* The Pathans 550 B.C.-A.D. 1957. — Karachi: Oxford University Press. Reprint, 1976.
- Chadda M.* Ethnicity, Security, and Separatism in India. — N.Y., 1997.
- Cheema P.I.* Pakistan's Defence Policy 1947–1958. — L.: Macmillan, 1990.
- China, South Asia Relations 1947–1980.* — Vol. 2. — Delhi: Radiant Publ., 1981.
- Chishti F.A.* Betrayals of Another Kind. Islam, Democracy, and the Army in Pakistan. — L., 1989.
- Chopra V.D.* Genesis of Indo-Pakistan Conflict on Kashmir. — New Delhi: Patriot, 1990.
- Choudhury G.W.* The Last Days of the United Pakistan. — Bloomington, 1974.
- Choudhury G.W.* Pakistan's Relations with India, 1942–1966. — L., 1969.
- Cirincione J.* Deadly Arsenal. Tracking Weapons of Mass Destruction. — Wash.: Carnegie, 2002.
- Cohen S.B.* Geography and Politics in a Divided World. — N.Y., 1963.
- Cohen S.P.* The Indian Army. — Berkeley: University of California Press, 1971.
- Cohen S.P.* The Pakistan Army. — Berkeley: University of California Press, 1984.
- Cohen S.P., Park R.L.* India: Emerging Power? — N.Y.: National Strategy Information Center, 1978.

- Cordoves D., Harrison S.S.* Out of Afghanistan. The Inside Story of the Soviet Withdrawal. — N.Y., 1995.
- Democratic Peace. The Foreign Policy Implications / Ed. M.L.Sondhi. — New Delhi: Har-Anand, 2000.
- Dilemmas of National Security and Cooperation in India and Pakistan / Ed. H. Malik. — L.: Macmillan, 1993.
- Dixit J.N.* India-Pakistan. War & Peace. — New Delhi: Books Today, 2002.
- Dynamics of Regional Politics: Four Systems on the Indian Ocean Rim / Ed. W.H. Wriggins. — N.Y.: Columbia University Press, 1992.
- Feldman H.* From Crisis to Crisis. Pakistan 1962–1969. — Karachi: Oxford University Press, 1972.
- Fukuyama F.* The End of History or the Last Man. — L.: Penguin, 1992.
- Haksar P.N.* India's Foreign Policy and its Problems. — New Delhi: Patriot, 1989.
- Harrison S.S.* In Afghanistan's Shadow: Baluch Nationalism and Soviet Temptations. — N.Y., 1981.
- Harrison S.S.* India. The Most Dangerous Decades. — Princeton: Princeton University Press, 1960.
- Harrison S.S.* US Policy in South Asia. — N.Y.: Columbia University Press, 1988.
- Hodson H.V.* The Great Divide. Britain-India-Pakistan. — Karachi: Oxford University Press, 1985.
- Hoffman S.A.* India and the China Crisis. — Berkeley: University of California Press, 1990.
- Ganguly S.* Conflict Unending. India-Pakistan Tensions since 1947. — N.Y.: Columbia, 2001.
- Ganguly S.* The Origins of War in South Asia: Indo-Pak Conflicts since 1947. — Boulder: Westview, 1990.
- Gordon S.* India's Rise to Power: In the 20th Century and Beyond. — L.: Macmillan; N.Y.: St.Martin's Press, 1995.
- Gupta H.R.* The India-Pakistan War 1965. — Vol. 1. — Delhi, 1967; vol. 2. — Delhi, 1968.
- India Briefing 1993. — Boulder: Westview, 1993.
- India Economic Survey 1997–1998. — New Delhi: Government of India, 1998.
- Indian Foreign Policy. The Nehru Years. — N.D., 1976.
- Ispahani M.Z.* Roads and Rivals. The Politics of Access in the Borderlands of Asia. — L., 1989.
- Jackson R.* South Asian Crisis. India—Pakistan—Bangladesh. — L.: International Institute for Strategic Studies, 1975.
- Jaffrelot Ch.* The Hindu Nationalist Movement and Indian Politics, 1925 to the 1990s. — L.: Hurst, 1996.
- Jain R.K.* Soviet-South Asian Relations. 1947–1978. — N.J., 1979.
- Jha P.S.* Kashmir 1947. Rival Versions of History. — Delhi: Oxford University Press, 1996.
- Kemp J., Harkavy R.F.* Strategic Geography and the Changing Middle East. — Wash.: Carnegie, 1997.
- Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers. — N.Y.: Random House, 1987.
- Kodikara S.* South Asian Strategic Issues. — N.D., 1990.
- Kulkarni V.B.* Pakistan: Its Origins and the Relations with India. — Dhaka, 1988.

- Kulke H., Rothmund D.* A History of India. Third Edition. — L., N.Y.: Routledge, 1998.
- Lal Sh.* Politics in South Asia. Vol. 1–4. — New Delhi: Election Archives, 1989.
- Lamb A.* Asian Frontiers. Studies in a Continuing Problem. — L., 1968.
- Lamb A.* Birth of A Tragedy. Kashmir 1947. — Hertingfordbury: Roxford Books, 1994.
- Lamb A.* Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. — Hertingfordbury, Roxford Books, 1991.
- Lattimore O.* Pivot of Asia: Sinkiang and the Asian Frontiers of China. — Boston, 1950.
- Limaye S.P.* US-Indian Relations. The Pursuit of Accommodation. — Boulder: Westview, 1993.
- Longer V.* The Defence and Foreign Policies of India. — New Delhi: Sterling, 1988.
- Low D.* Britain and Indian Nationalism. The Imprint of Ambiguity. 1929–1942. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Malik H.* Soviet-Pakistan Relations and Post-Soviet Dynamics, 1947–1992. — L.: Macmillan, 1994.
- Malik I.* US-South Asian Relations, 1940–1947. — Oxford: St. Anthony's College, 1991.
- Mansingh S.* India's Search for Power: Indira Gandhi's Foreign Policy.— New Delhi: Beverly Hills, Sage, 1984.
- Mascarenhas A.* The Rape of Bangladesh. — Delhi, 1971.
- Maxwell N.* India's China War. — Harmondsworth: Penguin, 1972.
- McMahon R.J.* The Cold War on the Periphery. The United States, India and Pakistan. — N.Y., 1994.
- The Military Balance 1986–1987. — L.: International Institute for Strategic Studies, 1987.
- The Military Balance 1997–1998. — L.: International Institute for Strategic Studies, 1997.
- The Military Balance 1998–1999. — L.: International Institute for Strategic Studies, 1998.
- Military Capacity and the Risk of War. China, India, Pakistan and Iran / Ed. E. Arnett. — SIPRI: Oxford University Press, 1997.
- Moore P.J.* Escape from Empire. The Attlee Government and the Indian Problem. — Oxford: Clarendon Press, 1983.
- Muni S.D., Muni A.* Regional Cooperation in South Asia. — New Delhi: National, 1984.
- Nanda K.C.* Kashmir and Indo-Pak Relations. — New Delhi: Langer's Books, 2001.
- Nayar K.* Distant Neighbours. A Tale of the Subcontinent. — Delhi: Vikas, 1972.
- Nuclear Weapons and Arms Control in South Asia After the Test Ban / Ed. E. Arnett. — SIPRI Research Report. — Oxford University Press, 1998. — N 14. Overcoming Human Poverty. United Nations Development Programme. Poverty Report 2000. — UNDP, 2000.
- The Oxford History of India. Fourth Edition. Originally written by V.E. Smith / Ed. by P. Spear. — Delhi: Oxford University Press, 1988. Pak-Afghan Discord. A Historical Perspective. (Documents 1955–1979) / Ed. M. Ali. — Karachi: Karachi University Press, 1990.

- Pakistan. Afghanistan. Country Profile. 1996–1997. — L.: The Economist Intelligence Unit, 1997.
- Pakistan Economic Survey 1982–1983. — Islamabad: Government of Pakistan, 1983.
- Pakistan Economic Survey 1986–1987. — Islamabad: Government of Pakistan, 1987.
- Pakistan Economic Survey 1996–1997. — Islamabad: Government of Pakistan, 1997.
- Pakistan Economic Survey 1997–1998. — Islamabad: Government of Pakistan, 1998.
- Pakistan—India Kashmir Dispute. A Chronology of Important Events (1947–1990). — Lahore: Pakistan Study Center, 1994.
- Palmer N.D.* The United States and India. The Dimensions of Influence. — N.Y.: Praeger, 1984.
- Panikkar K.M.* Geographical Factors in Indian History. — Bobmay, 1955.
- Panikkar K.M.* India and the Indian Ocean. — L.: Allen and Unwin, 1945.
- Perkovich G.* India's Nuclear Bomb. The Impact on Global Proliferation. — Berkeley: University of California Press, 1999.
- Prakhar G.M.* Indo-Pakistan Relations (from Tashkent to Simla). — New Delhi, 1987.
- Quaid-i-Azam Mahomad Ali Jinnah Speeches as Governor-General of Pakistan. — Karachi, s.a.
- Rashdi M.A.* Indo-Pak Relations. — Karachi, 1988.
- Rudolph L.I., Rudolph S.H.* In Pursuit of Lakshmi. The Political Economy of the Indian State. — Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- Sandhu B.* Unresolved Conflict China and India. — New Delhi: Radiant Publ., 1988.
- Sayyed K.B.* Politics in Pakistan. The Nature and Direction of Change. — N.Y.: Praeger, 1980.
- Sen Gupta B.* The Fulcrum of Asia. Relations Among China, India, Pakistan, and the USSR. — N.Y.: 1970.
- Seventeen September Days. — Lahore, 1967.
- Sherwani L.A.* India, China and Pakistan. — Karachi, 1967.
- Singh B.* Murder of Democracy in Jammu and Kashmir. — New Delhi: Har-Anand, 2002.
- Singh S.* India's Wars Since Independence. General Trends. — Vol. 3. — Delhi: Vikas, 1982.
- The Sino-Indian Border Question: A Historical Review. — Calcutta, 1971.
- SIPRI Yearbook 1997. — Stockholm: Oxford University Press, 1997.
- SIPRI Yearbook 1999. Armaments, Disarmament and International Security. — Stockholm: Oxford, Oxford University Press, 1999.
- Sisson R., Rose L.* War and Secession: Pakistan, India, and the Creation of Bangladesh. — Berkeley: University of California Press, 1990.
- Smith C.* India's Ad Hoc Arcenal. Direction or Drift in Defence Policy? — SIPRI: Oxford University Press, 1994.
- South Asia and the United States After the Cold War. A Study Mission. — N.Y.: The Asia Society, 1993.
- South Asia After the Cold War. International Perspectives / Ed. R.P. Bajpai, S.P. Cohen. — Boulder: Westview Press, 1993.
- Spain J.W.* The Pathan Borderland. — The Hague, 1963.

- Spector L.S., McDonough M.G., Medeiros E.S.* Tracking Nuclear Proliferation. — N.Y.: Carnegie Endowment for International Peace, 1995.
- Talbot I.* Pakistan: A Modern History. — N.Y.: St. Martin's, 1998.
- The Transfer of Power. Ed. S.S. Hasan. — Karachi: Pakistan Institute of International Relations, 1966.
- Tellis A.J.* India's Emerging Nuclear Posture: Between Recessed Deterrent and Ready Arsenal. — Santa Monica: Rand Corporation, 2001.
- Vernon N.* The New International Politics of South Asia. — Manchester: Manchester University Press, 1997.
- Verzberger. China's Southwestern Strategy. Encirclement and Counterencirclement. — N.Y.: Praeger, 1985.
- Wilcox W.A.* India, Pakistan and the Rise of China. — N.Y.: Walker and Co., 1964.
- Wilcox W.A.* Pakistan. The Consolidation of a Nation. — N.Y., 1963.
- Wirsing R.G.* India, Pakistan, and the Kashmir Dispute. On Regional Conflict and its Resolution. — L.: Macmillan, 1994.
- Wolpert S.* Jinnah of Pakistan. — N.Y.: Oxford University Press, 1984.
- Wolpert S.* A New History of India. Sixth Edition. — N.Y.: Oxford University Press, 2000.
- Wolpert S.* Zulfikar Ali Bhutto of Pakistan. His Life and Times. — N.Y.: Oxford University Press, 1993.
- World Development Indicators 1998. — Wash.: The World Bank, 1998.
- World Development Indicators 2001. — Wash.: The World Bank, 2001.
- World Development Report 1996. — Wash.: The World Bank, 1996.
- World Development Report 1999/2000. — Wash.: The World Bank; N.Y.: Oxford Univ. Press, 2000.
- World Development Report 2002. — N.Y.: Oxford University Press, 2002.
- World Economic and Social Survey 1995. — N.Y.: United Nations Organization, 1995.
- World Military and Social Expenditure 1996. — Wash.: The World Bank, 1996.
- 50 Years of India-Pak Relations / Ed. V. Grover, R. Arora. Vol. 1–3. — New Delhi: Deep & Deep Publications, 1998.
- Yousuf M., Adkin M.* The Bear Trap. Afghanistan's Untold Story. — Lahore and London, Jang Publishers, 1992.
- Yosuf M., Adkin M.* Afghanistan. The Bear Trap. The Defeat of a Superpower. — Barnsley: Leo Cooper, 2001.

Периодика

- Азия и Африка сегодня. — М.
- Бюллетень МАГАТЭ. Вена.
- Восток/Oriens. Афро-азиатские общества: история и современность. — М.
- Восток и современность. Научно-информационный бюллетень Института востоковедения АН СССР. — М.
- Дипкурьер. ИТАР—ТАСС. — М.
- Глобус. Дайджест иностранной информации ИТАР—ТАСС. — М.
- Зарубежное военное обозрение. — М.
- Известия. — М.
- Индия. Перспективы. — Дели.
- Компас. Вестник иностранной информации ИТАР—ТАСС. — М.

Красная звезда. — М.
Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. — М.
Международная жизнь. — М.
Мировая экономика и международные отношения. — М.
Независимая газета. — М.
Независимое военное обозрение. — М.
Правда. — М.
Пульс планеты. Ежедневный бюллетень информации ИТАР—ТАСС. — М.
Российская газета. — М.
Сегодня. — М.
Советская Россия. — М.
Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. — М.
Ученые записки Института востоковедения АН СССР. — М.—Л.
Финансовые известия. — М.

Asian Affairs. — New Delhi.
Asian Survey. — Berkeley.
Central Asia. — Peshawar.
Current Biography. — N.Y.
Dawn. — Karachi.
Economic Times. — L.
The Economist. — L.
Far Eastern Economic Review. — Hongkong.
Foreign Affairs. — N.Y.
The Frontier Post. — Peshawar.
Herald. — Karachi.
Hindustan Times. — New Delhi
International Herald Tribune. — Boston.
The Journal of South Asian and Middle Eastern Studies. — Villanova.
Mainstream. — New Delhi.
Middle East Report. — N.Y.
The Moscow Times. — Moscow.
The Muslim. — Islamabad.
The Nation. — Islamabad—Lahore.
The News. — Islamabad—Rawalpindi.
Newsweek. — N.Y.
The New York Times. — N.Y.
Observer. — L.
Pakistan Horizon. — Karachi.
Pakistan Times. — Lahore.
Pakistan Observer. — Islamabad.
The Telegraph. — Calcutta.
Times of India. — New Delhi.
Strategic Analysis. — New Delhi.
Sunday Times. — L.
The Sunday Times of India. — New Delhi.
Viewpoint. — Lahore.

